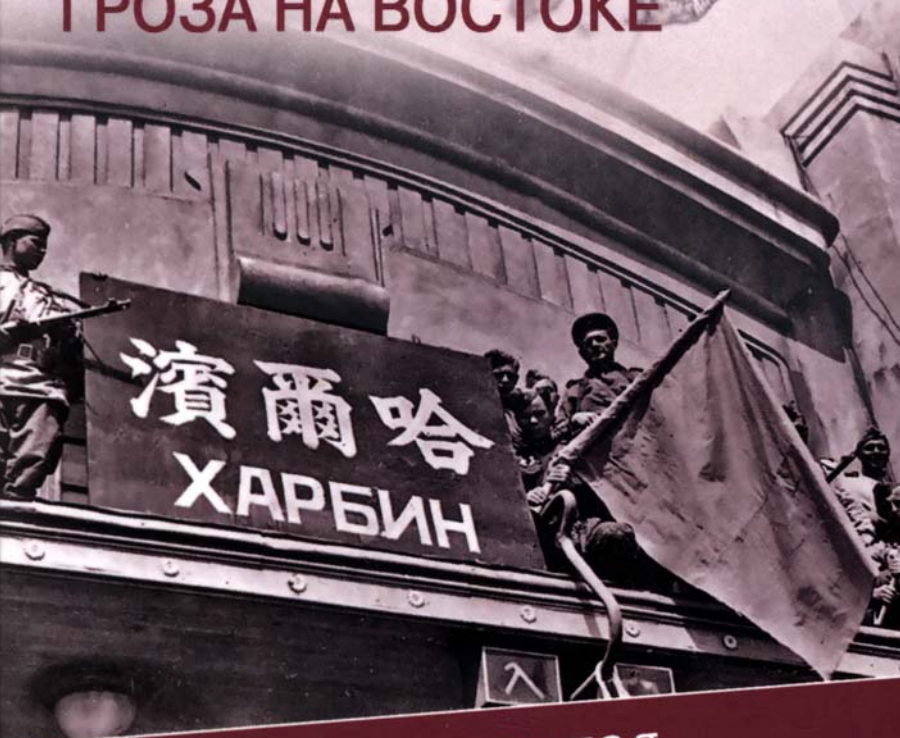

актуальная история

ПАРТИТУРА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ГРОЗА НА ВОСТОКЕ

Наталия Нарочницкая
представляет...

**ФОНД
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ**

ПАРТИТУРА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ГРОЗА НА ВОСТОКЕ

**Москва
«Вече»
2010**

УДК 630.161.1(09)
ББК 63.3-6+66.4(0)
К76

Издание подготовлено Фондом исторической перспективы во взаимодействии с Комиссией при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. ФИП и издательство «Вече» выражают благодарность Российскому государственному архиву социально-политической истории и Музею современной истории за помощь при подготовке книги

Редакционный совет серии «Актуальная история»:

Артизов Андрей Николаевич — д.и.н., руководитель Федерального архивного агентства;

Мясников Владимир Степанович — академик РАН;

Нарочницкая Наталия Алексеевна — д.и.н., президент Фонда исторической перспективы;

Решетников Леонид Петрович — директор РИСИ, генерал-лейтенант;

Ржешевский Олег Александрович — д.и.н., президент Ассоциации историков Второй мировой войны;

Сирош Игорь Иванович — заместитель председателя Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России;

Тихвинский Сергей Леонидович — академик РАН;

Торкунов Анатолий Васильевич — академик РАН, ректор МГИМО МИД РФ;

Фалин Валентин Михайлович — д.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол.

Редакционная коллегия:

Е.А. Бондарева, А.А. Кошкин, В.В. Романов, Е.Н. Рудая

К76 Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке / Авт.-сост. А.А. Кошкин. — М. : Вече, 2010. — 464 с. : ил. — (Актуальная история).

ISBN 978-5-9533-5125-6

По установившимся в исторической науке представлениям Вторая мировая война началась в Европе с нападения 1 сентября 1939 года гитлеровской Германии на Польшу. Однако этому событию предшествовали масштабные военные столкновения в других частях мира, которые необоснованно рассматриваются как второстепенные. Осмыслению европейских событий 30—40-х годов XX века была посвящена книга «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?». Настоящее издание освещает военные действия, цели и задачи, территориальные итоги Второй мировой войны на Тихоокеанском театре. Читатель получает возможность сопоставить точки зрения на эти события и их отражение в современной политике историков разных стран, вовлеченных в мировой конфликт: России, Японии, Китая, Монголии, США.

УДК 630.161.1(09)

ББК 63.3-6+66.4(0)

ISBN 978-5-9533-5125-6

© Фонд исторической перспективы, 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

По установившимся в исторической науке и в общественном сознании представлениям Вторая мировая война началась в Европе с нападения 1 сентября 1939 г. гитлеровской Германии на Польшу, после чего Великобритания первой из будущих держав-победительниц объявила войну фашистскому рейху. Однако этому событию предшествовали масштабные военные столкновения в других частях мира, которые необоснованно рассматриваются евроцентрической историографией как периферийные, а потому второстепенные.

К 1 сентября 1939 г. подлинно мировая война уже шла полным ходом в Азии. Китай, борясь с середины 30-х годов с японской агрессией, уже потерял двадцать миллионов жизней. В Азии и в Европе страны «оси» — Германия, Италия и Япония — в течение нескольких лет предъявляли ультиматумы, вводили войска и перекраивали границы. Гитлер с попустительства западных демократий захватил Австрию и Чехословакию, Италия оккупировала Албанию и вела войну в Северной Африке, где погибли 200 тысяч абиссинцев.

Поскольку окончанием Второй мировой войны считается капитуляция Японии, война в Азии признается частью Второй мировой войны, однако вопрос о ее начале нуждается в более обоснованном определении. Традиционная периодизация Второй мировой войны нуждается в переосмыслении. По масштабу передела мира и военных действий, по масштабу жертв агрессии Вторая мировая война началась именно в Азии задолго до нападения Германии на Польшу, задолго до вступления в мировую войну западных держав.

Условия и обстоятельства вступления в войну США и общие пружины вовлечения западных государств в войну не могут быть вскрыты без более полного анализа военно-политической ситуации, складывавшейся в 30-е годы в Восточной Азии, где уже с 1937 г.

шла кровопролитная японо-китайская война, где Япония, имевшая «доктрину Монро» для Тихоокеанского бассейна, стремилась подчинить себе всю Восточную Азию, подобно тому как Гитлер мечтал покорить Европу.

Осмыслению европейских событий 30—40-х годов XX века была посвящена книга «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?», подготовленная Фондом исторической перспективы и выпущенная свет в 2009 г. издательством «Вече».

Настоящая книга, которую мы и выносим на суд читателей, освещает военные действия, цели и задачи в войне, территориальные итоги Второй мировой войны на Тихоокеанском театре. Читатель получает возможность сопоставить точки зрения на эти события и их отражение в современной политике представителей историографии разных стран, вовлеченных в мировой конфликт: России, Японии, Китая, Монголии, США.

Освободительная вооруженная борьба китайского и других азиатских народов против японской агрессии и война США и Великобритании с милитаристской Японией на Тихом океане являлись важными составными частями глобального конфликта, в значительной степени определявшими ход и исход всей Второй мировой войны. Решающий вклад в разгром японской военной машины был внесен частями Красной Армии, что признается всеми участниками конфликта.

Составители настоящего сборника предприняли попытку выявления роли и места Азиатско-Тихоокеанского театра военных действий в мировой войне, вклада участников борьбы на этом фронте в достижение победы над силами гитлеровской коалиции. Выработка объективных оценок причин, хода и исхода войны едва ли возможна без учета мнений представителей всех сторон вооруженного противоборства. Поэтому составители сборника предоставили возможность без какого-либо редакционного вмешательства изложить свои позиции не только ведущим отечественным специалистам по данной проблематике, но и зарубежным ученым из Китайской Народной Республики, Японии, Соединенных Штатов Америки. Это тем более важно, поскольку и по сей день продолжается острая полемика по проблемам ответственности за развязывание войны, количества жертв, политических и территориальных итогов послевоенного урегулирования.

Приветствуя объективные, основанные на фактах и документах исследования иностранных авторов, составители сборника в то же время исходили из задачи противостоять тем зарубежным пропагандистам, которые задалась целью «переписать» историю войны, «опровергнуть» доказательства и выводы Нюрнбергского процесса и Токийского трибунала, обелить виновников войны, исказить цели и намерения правительств стран Антигитлеровской коалиции, в частности Советского Союза.

Следуя традиции серии «Актуальная история», это издание также содержит в качестве приложений к исследовательским статьям подборку документов, посвященных истории и предыстории военного конфликта в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Некоторые документы были предоставлены специально для данного труда Российским государственным архивом социально-политической истории и публикуются впервые. Составители этого сборника, работая в тесном взаимодействии с Комиссией по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, считают лучшим средством в этой борьбе неопровержимую логику документов.

Хотелось бы выразить надежду, что издаваемый в год 65-летия разгрома германского фашизма и японского милитаризма совместный труд российских и зарубежных историков найдет своего читателя и поможет разобраться как в сложных проблемах прошлого, так и в вопросах современной мировой политики, поставленных историей.

Н.А. Нарочницкая

НЕЙТРАЛИТЕТ ПО-ЯПОНСКИ

Как известно, японское правительство ставит в центр японо-российских отношений свои претензии на южную часть Курильских островов, незаконно якобы оккупированных и удерживаемых сначала Советским Союзом, а теперь его правопреемником — Российской Федерацией. Официальный Токио пытается доказать неправомерность объявления в августе 1945 г. Советским Союзом войны Японии, а значит, и ее итогов. Под эту версию изобретена концепция, согласно которой, милитаристская Япония в годы войны якобы честно выполняла условия заключенного в апреле 1941 г. японо-советского Пакта о нейтралитете, а СССР вероломно его нарушил. Утверждается, что целью участия Советского Союза в войне против Японии было отторжение ее «северных территорий», под которыми одни подразумевают острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, другие — весь Курильский архипелаг до Камчатки, а третьи — все Курилы и Южный Сахалин. При этом тогдашний руководитель СССР Иосиф Сталин обвиняется в «захватнической политике», а его действия характеризуются как поведение «вора на пожаре». Это обвинение активно используется вкупе с тезисом об отсутствии военной необходимости во вступлении СССР в войну. В изданной посольством Японии в Москве для распространения среди граждан России брошюре «Северные территории Японии» утверждается: «В течение почти всего периода Второй мировой войны (сентябрь 1939 г. — август 1945 г.) Япония и Советский Союз не находились в состоянии войны. Ибо в апреле 1941 г. между обеими странами был заключен Пакт о нейтралитете сроком на 5 лет. Однако 9 августа 1945 года, три дня спустя после атомной бомбардировки Хиросимы и в тот же день атомной бомбардировки Нага-

саки, Советский Союз в нарушение Пакта о нейтралитете вступил в войну против Японии, поражение которой уже не вызывало никаких сомнений... Оккупация Северных территорий была военной оккупацией, совершенной бескровно после прекращения военных действий, и, следовательно, подлежала прекращению в результате территориального урегулирования по мирному договору».

В свете подобной позиции японское правительство считает себя вправе требовать пересмотра территориальных итогов войны и не соглашается без такого пересмотра заключить с Россией мирный договор. Так как вопрос о правомерности вступления СССР в войну против Японии подчас подвергается сомнению и в работах некоторых российских авторов, представляется необходимым обратить внимание читателей на конкретные факты и обстоятельства, побудившие правительство СССР принять активное участие в разгроме милитаристской Японии.

Японские планы войны

До середины 30-х годов прошлого столетия главная военная опасность для Советского Союза исходила от Японии, которая быстрыми темпами превращалась в милитаристское государство. После провала вооруженной интервенции и окончания Гражданской войны в России агрессивные замыслы в отношении северного соседа сохранялись. При этом чисто империалистические цели обосновывались идеологически. Считая, что «в будущем Советская Россия во весь голос заявит о себе», японские правящие круги ставили задачу «принять меры против разлагающего красного влияния Советского Союза» [1].

В 1923 г. был разработан новый план войны против СССР, которым предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступить на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский» [2].

После установления в 1925 г. между Советским Союзом и Японией дипломатических отношений советское правительство обратилось к японскому правительству с предложением о подписании между обоими государствами договора о ненападении. Однако

японское руководство это предложение отвергло. Особенно противились договору о ненападении с СССР военные круги. Генеральный штаб и военное министерство Японии выступали за то, чтобы новую войну против СССР начать как можно раньше, до того, как он усилит свою мощь. По мобилизационному плану 1926 г., против СССР должно было быть использовано 18 дивизий. При этом считалось, что ослабленная революцией Россия «не сможет выставить против Японии и десяти дивизий» [3].

Однако проявлявшие осторожность политики и военные, учитывая опыт Первой мировой войны, понимали, что участие в крупномасштабной войне не ограничивается лишь действиями армии и флота, а требует напряжения всех сил государства. Они заявляли, что «Япония не выдержит войны с Россией без китайского сырья» [4]. Учитывалось также, что к началу 30-х годов в Японии еще не закончился процесс реорганизации и переоснащения вооруженных сил. Поэтому на первый план выдвинулся вынашиваемый годами замысел провести «легкую и быструю» войну в Маньчжурии, отторгнуть эту богатую сырьевыми ресурсами и имевшую важное стратегическое значение часть территории Китая.

В июле 1931 г. в японской прессе было опубликовано выступление генерала Койсо на заседании Кабинета министров, в котором говорилось, что «выполнение пятилетки (пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. — А.К.) создает серьезную угрозу Японии... Ввиду этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения» [5]. Перед этим посол Японии в Москве Хирота рекомендовал начальнику Генерального штаба японской армии проводить «решительную политику против Советской России и быть готовыми в любую минуту начать войну с целью захвата Восточной Сибири» [6]. 29 марта 1931 г. военный атташе японского посольства в Москве подполковник Касахара писал в Генеральный штаб, что «Япония должна продвинуться по крайней мере до озера Байкал, рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной империи и создать там военные поселения на долгие годы» [7].

Составленный в конце 20-х годов Генеральным штабом армии план войны против СССР «Оцу» предусматривал нанесение ударов по советскому Дальнему Востоку с моря и с территории Кореи. После его тщательного изучения в Токио пришли к выводу, что до

нападения на СССР необходимо укрепиться в Маньчжурии, чтобы использовать ее территорию и ресурсы для развертывания наступательных операций на советский Дальний Восток с нескольких направлений. Японские стратеги считали, что для успеха военных действий против СССР необходимо в самом начале войны перерезать в районе Байкала Транссибирскую железнодорожную магистраль. Осуществить это можно было только с территории Маньчжурии. Направленный в марте 1931 г. в Северо-Восточный Китай и Корею полковник Судзуки докладывал в Генштаб о трудностях ведения военных действий против СССР в случае высадки главных сил армии на побережье восточнее Владивостока [8]. Не могли не учитывать японские стратеги и то, что выступление против СССР лишь своими силами, без активной поддержки других государств было весьма рискованным.

18 сентября 1931 г., после завершения необходимых приготовлений, японские вооруженные силы спровоцировали так называемый маньчжурский инцидент, и через три месяца военных действий вся северовосточная часть Китая была оккупирована японской армией. Захват Маньчжурии был чрезвычайно крупной по своим последствиям акцией в плане расширения колониальной империи Японии. Он оказал важное влияние и на последующее развитие японо-советских отношений, поскольку Советский Союз оказался в прямом пограничном соприкосновении с Японией.

Японские военные историки признают, что «после оккупации Маньчжурии появилась возможность повторения сибирской экспедиции» [9]. Среди командования армии укреплялось мнение о том, что в результате захвата Маньчжурии Япония может обрушиться на Советский Союз в любой момент. Считалось, что это должно произойти в ближайшем будущем. В качестве обоснования этого приводилась оценка военно-стратегического положения СССР. В докладе военного атташе Японии в Советском Союзе Касахара, датированном 1932 г., в частности, указывалось: «Развертывая программу вооружений, мы должны ставить в центр внимания Советский Союз. Японо-советская война в будущем неизбежна... С точки зрения обороноспособности СССР для нас было бы выгодным эту войну начать как можно скорее...» Далее военный атташе подчеркивал: «Мы должны быть готовы к тому, чтобы радикальным образом разрешить проблему наших взаимоотношений с Советским

Союзом. Учитывая то, что в данный момент военные силы Японии и СССР находятся в непосредственной близости, и то, что СССР, ощущая страх, увеличивает свои вооружения на Дальнем Востоке, нужно быть в полной боевой готовности...»[10]

Выход японских вооруженных сил к границам СССР потребовал составления нового плана войны против Советского Союза. Он был разработан еще до завершения захвата Маньчжурии. Генеральный штаб армии уже в конце сентября 1931 г. принял документ «Основные положения оперативного плана войны против России». Планом предусматривались «выдвижение японских войск к востоку от Большого Хингана и быстрый разгром главных сил Красной Армии». Вслед за этим надлежало разгромить войска противника на всех направлениях. Имелся в виду весь район Северной Маньчжурии и Приморья [11].

В конце августа 1932 г. Генеральным штабом был разработан план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после оккупации всей Маньчжурии стратегическое положение. При составлении этого плана командование японской сухопутной армией исходило из того, что Япония уже достигла необходимого стратегического превосходства над советской группировкой войск на Дальнем Востоке. При этом особо выделялись следующие факторы: а) в войне против СССР примут участие не только японские, но и маньчжурские войска; б) сражения в приграничных районах советско-маньчжурской границы японские войска будут вести по внутренним операционным линиям, а советские — по внешним; в) разгром советских частей будет осуществляться поодиночке в начальный период войны; г) советские базы ВВС подлежат быстрой ликвидации, что устранил серьезную опасность с этой стороны; д) в кратчайший срок будет перерезана Дальневосточная железнодорожная магистраль, которая находится в непосредственной близости от Маньчжурии; е) по сравнению с прежним периодом ныне возможно составить конкретные планы операций и проводить детальную подготовку к их осуществлению [12].

Планом на 1933 г. было определено, что против четырех-пяти дивизий, которые, по расчетам японского Генштаба, мог выставить Советский Союз в Приморье, японская армия будет иметь три дивизии в Маньчжурии и две в Корее. Кроме того, одна дивизия должна была высадиться с моря в районе Владивостока. Намечалось уже

в начальный период войны нанести по советским войскам в Приморье «сокрушительный удар». Считалось, что «к тому времени, когда Советский Союз перебросит из глубины страны две дополнительные дивизии, сражение в Приморье будет завершено, советские ВВС разгромлены и развезены, Владивосток захвачен» [13].

В ходе боевых действий намечалось наращивание войск. Для действий на северном, амурском, направлении выделялось три дивизии, а на западном, хинганском, — четыре. Кроме того, предусматривалось иметь десять дивизий резерва ставки. Силами специально выделенной дивизии планировалось осуществить захват Северного Сахалина и Камчатки. Две дивизии получали задачу обеспечивать с юга тыл группировки. После разгрома противостоящих сил противника оккупации подлежала обширная часть советской территории к востоку от озера Байкал [14].

В конце 1932 г. этот план был одобрен императором Японии Хирохито. Содержание его свидетельствовало о том, что военный успех в Маньчжурии опьяняюще подействовал на японские военные круги и они не желали трезво оценивать военные возможности СССР. Чтобы ускорить начало реализации плана, японская армия сознательно нагнетала напряженность на советско-маньчжурской границе. Продолжались провокации на принадлежавшей СССР Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), организовывались частые «пограничные инциденты», на советскую территорию засылались шпионско-диверсионные группы.

В обстановке обострения советско-японских отношений руководство СССР заявило на партийном съезде: «Отказ Японии от подписания Пакта о ненападении... лишний раз подчеркивает, что в области наших отношений не все обстоит благополучно... Одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это не касается» [15].

Вопрос о войне Японии против Советского Союза детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. совещании руководящего состава японских сухопутных сил. На нем шли острые дебаты об определении первоначального объекта нападения и о сроках реализации планов расширения экспансии на континенте.

Сторонников форсирования подготовки к агрессии против СССР возглавлял военный министр Араки. Он и его последователи поставили перед собой цель — осуществить нападение в 1936 г., когда для этого, по их мнению, «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха». Эта группировка настаивала на том, чтобы «наиболее опасным противником определить Советский Союз» и готовиться к войне прежде всего против него [16].

Оппозицию составляли приверженцы последовательной и всесторонней подготовки экономики и вооруженных сил, считавшие, что спешить с реализацией планов войны против СССР не следует, а надо заняться укреплением позиций Японии в Китае. Представители этой группировки, возглавляемой генералами Нагата и Тодзио, заявляли, что для вооруженной борьбы против СССР «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны». Соглашаясь с определением Советского Союза главным врагом Японии, Тодзио в то же время предупреждал о рискованности преждевременного выступления. Поддерживая эту точку зрения, начальник 2-го управления Генштаба Нагата указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай как громадный рабочий батальон и значительно повысить производственные мощности Японии и Маньчжурии» [17]. Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было весьма трудно, предлагалось пойти даже на переговоры с СССР о Пакте о ненападении, пока Япония будет последовательно накапливать силы. Главный смысл предложений сторонников последовательной подготовки к войне с СССР состоял в том, чтобы в предстоящие годы создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай [18].

В целом же как сторонники «немедленного разгрома СССР», так и приверженцы более осторожного курса объявляли «решение северной проблемы» насущной задачей империи. Они заявляли, что «по сравнению с этой великой целью китайский вопрос является второстепенным» [19]. Большинство участников совещания проголосовали за резолюцию, предусматривавшую обращение к императору с рекомендацией сосредоточить основные усилия империи на подготовке к войне против СССР, который определялся в документе как «противник номер один» [20]. Генерал Исихара, обращаясь к

руководству Генерального штаба армии и военного министерства, заявил: «Наиболее опасным противником остается традиционный враг — Россия... Однако сейчас страна должна сконцентрировать свои усилия на увеличении экономической мощи, доведя ее до уровня, позволяющего состязаться с производственной мощью Советского Союза» [21].

На планы осуществления антисоветского «крестового похода» в середине 30-х годов стало оказывать влияние обострение японо-американских отношений. Многолетняя политика западных держав, направленная на сдерживание экспансии Японии в южном направлении и поощрение ее к войне против Советского Союза, не могла сгладить существовавшие противоречия западного мира с Японией, которые в борьбе за господство в Китае все обострялись. В 30-е годы эти противоречия достигли такой степени, когда та и другая стороны стали сознавать, что борьба за овладение богатствами Восточной Азии и Тихоокеанского региона не может разрешиться мирным путем.

В 1936 г. правящие круги Японии приняли решение о подготовке к войне на двух направлениях: северном — против СССР и южном — против США, Великобритании, Франции и Голландии. Продолжение агрессивной политики в Китае рассматривалось как составная часть экспансии на юг. Это нашло отражение в принятых в июне 1936 г. двух документах японского правительства: «Курс на оборону империи» и «Программа использования вооруженных сил». В них было решено «считать главными потенциальными противниками США и Советский Союз, а следующими по важности — Китай и Великобританию» [22]. Исходя из этого, ставилась задача резко увеличить мощь армии и флота. Предусматривалось иметь в сухопутных силах 50 дивизий и 142 авиаэскадрильи, в ВМФ — 12 линкоров, 12 авианосцев, 28 крейсеров, 96 эсминцев, 70 подводных лодок, 65 авиаотрядов морской авиации [23]. Это была программа небывалого наращивания мощи вооруженных сил. К 1936 г. японская армия имела лишь 17 дивизий, а флот — 9 линкоров и 4 авианосца.

Курс на наращивание вооружений был закреплен в принятом 7 августа 1936 г. правительственным документе «Основные принципы национальной политики», в котором провозглашалось «превращение империи номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии». Одновременно была принята программа покорения

Северного Китая, которая предусматривала создание в данном районе «антикоммунистической, проманьчжурской зоны». В отношении Советского Союза ставилась задача «осуществить военные приготовления в армии, которые заключаются в увеличении расположенных в Маньчжоу-Го и Корею контингентов войск настолько, чтобы они могли противостоять вооруженным силам, которые Советский Союз может использовать на Дальнем Востоке, и, в частности, были бы способны в случае военных действий нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке вооруженным силам СССР».

К этому времени Генеральный штаб армии разработал «План войны против СССР на 1936 год», который в августе 1935 г. был утвержден императором. План носил ярко выраженный наступательный характер: с самого начала войны силами морской авиации разгромить советские ВВС на Дальнем Востоке и в результате мощных ударов лишить Красную Армию боеспособности [24].

В обстановке, когда по вине Японии опасность возникновения японо-советской войны стала постоянным фактором, Советский Союз был вынужден укреплять свою обороноспособность. Увеличивалась численность войск, на Дальнем Востоке появились танковые и авиационные части и подразделения, усиливался Тихоокеанский флот, шло строительство укрепленных районов. Эти меры имели оборонительный характер и не превышали необходимого для защиты дальневосточных границ СССР уровня.

Утверждения японского командования сухопутных сил о «решающем превосходстве советской Дальневосточной армии» не соответствовали действительности. Это убедительно доказывает в своем исследовании видный японский военный историк Фудзивара Акира, который писал: «В действительности угрозе подвергался Советский Союз... Сравнение сухопутных сил Японии, расположенных на континенте, то есть в Маньчжурии и Корею, с сухопутной армией Советского Союза на Дальнем Востоке является несостоятельным. Такое сравнение армий двух стран должно проводиться с учетом всей численности войск, которые стороны могут использовать в случае войны. Для СССР весьма серьезной проблемой была большая протяженность железнодорожной магистрали из Европы в Сибирь, которая к тому же имела лишь одну колею. Это весьма затрудняло сосредоточение войск в районе предполагаемого сражения. С другой стороны, окруженная морями

Япония могла концентрировать войска, используя морские пути. Это обеспечивало ей решающее преимущество. Кроме того, основная часть капиталовложений Японии в Маньчжурии шла на строительство выводящих к советской границе стратегических железных дорог, что обеспечивало быстрое развертывание войск. В Японии существовал план сосредоточения в районе границы миллионной группировки в течение трех-четырёх месяцев с начала войны. Учитывая это, Советский Союз был вынужден увеличить численность сил сдерживания на Дальнем Востоке еще в мирный период.

Важно и то, что в те годы советский военный флот на Дальнем Востоке не представлял угрозы для Японии. Было ясно, что с самого начала войны Японское море будет полностью контролироваться японским флотом. Для японской армии было несложно напасть на военную базу Владивостока и осуществить высадку войск в любом пункте Приморского края... Способность наносить удары по советским авиабазам в Приморье с японских авианосцев создавала большое преимущество для Японии.

Поскольку оккупация Маньчжурии проводилась, исходя из стратегии войны против СССР, необходимость увеличения войск возникала не для Японии, а, наоборот, для Советского Союза», — приходит к выводу японский историк [25].

Укрепляя обороноспособность своих дальневосточных рубежей, советское правительство и командование стремились добиться такого соотношения сил, которое не позволяло бы японскому военнополитическому руководству рассчитывать на успех в войне с СССР. Это признают объективно мыслящие японские историки, которые указывают: «В связи с активизацией провокаций Японии началось укрепление советских войск в Сибири и на Дальнем Востоке, и в середине 30-х годов было достигнуто примерное равновесие сил... Но, стремясь не допустить укрепления мощи Советского Союза в этом регионе, командование японской армии пыталось добиться превосходства своих войск перед Красной Армией» [26].

После оккупации Маньчжурии, с января по август 1932 г., численность размещенной у советских границ японской Квантунской армии увеличилась более чем вдвое, а количество находившихся на ее вооружении орудий, танков, бронемашин и самолетов возросло в 3 раза. В течение последующих лет численность этой армии была доведена до 300 тыс. солдат и офицеров (1939 г.) [27].

Событием, обозначившим начало качественно нового этапа в развитии антисоветской политики Японии, явилось заключение 25 ноября 1936 г. японо-германского Антикоминтерновского пакта. Как указывалось Токийским трибуналом, этот Пакт был «своим острием направлен против Союза Советских Социалистических Республик». Незадолго до заключения Пакта в секретном документе японского правительства от 7 августа 1936 г. было записано: «В отношении Советского Союза интересы Германии и Японии в основном совпадают... Наше сотрудничество необходимо направить на обеспечение обороны страны и осуществление мероприятий по борьбе с красными» [28]. 25 ноября 1936 г. министр иностранных дел Японии Арита на заседании Тайного совета, который одобрил заключение Антикоминтерновского пакта, прямо заявил: «Отныне Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией» [29].

Воинствующий антисоветизм японского руководства, подкреплявшийся конкретными шагами по подготовке к агрессии, убеждал правительство СССР в неизбежности вооруженного столкновения с Японией. Постоянная опасность начала войны вынуждала затрачивать большие средства на укрепление обороноспособности в дальневосточных районах СССР, отвлекала ресурсы от нужд мирного строительства государства, повышения благосостояния народа.

Халхин-Гол — политический аспект

Ночью 7 июля 1937 г. севернее моста Лугоуцяо, близ Пекина, возникла перестрелка между китайскими солдатами и японскими военнослужащими из состава так называемой гарнизонной армии в Китае. Японское военно-политическое руководство использовало эти события для реализации детально разработанных планов отторжения в пользу Японии сначала Северного Китая.

В Токио считали, что с военной точки зрения Китай не сможет оказать серьезного сопротивления Японии и быстро станет ее добычей. Поэтому для операций по оккупации китайской территории выделялась лишь часть вооруженных сил империи. При этом войска в Маньчжурии и Корею сохранялись на случай войны против СССР.

Среди великих держав только Советский Союз оказал Китаю действенную дипломатическую и иную поддержку, заключив с ним

21 августа 1937 г. договор о ненападении. Значение этого договора не ограничивалось лишь обязательствами сторон не совершать агрессивных действий друг против друга. Это было, по сути дела, соглашение о взаимопомощи в борьбе с японскими захватчиками. Подписанный в самый тяжелый для Китая момент договор нанес серьезный удар агрессивной политике Японии, рассчитывавшей на международную изоляцию Китая [30].

29 декабря 1937 г. глава правительства Китая Чан Кайши поставит перед правительством СССР вопрос о направлении в Китай советских военных специалистов, вооружения, автотранспорта, артиллерии и других технических средств. В первой половине 1938 г. СССР предоставил Китаю льготные кредиты на сумму 100 млн долларов. В Китай были направлены 297 самолетов, 82 танка, 425 пушек и гаубиц, 1825 пулеметов, 400 автомашин, большое количество боеприпасов. С октября 1937 г. по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение [31]. Общая сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долларов.

Крупномасштабная советская помощь борющемуся китайскому народу реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов. Поэтому прекращение помощи СССР Китаю было объявлено в качестве одной из важнейших внешнеполитических задач Токио.

Стремление изолировать СССР от Китая, сорвать его помощь этой стране толкало японские военные круги на сознательное обострение японо-советских отношений. В 1938 г. число японских провокаций на советско-маньчжурской границе резко возросло. Если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военнослужащими, то в 1938 г. их было зарегистрировано почти вдвое больше — 124 [32]. Информировав посла СССР в Японии о серьезности складывавшейся обстановки, заместитель наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомонаков писал 25 июня 1938 г.: «...Линия японской военщины в Маньчжурии, рассчитанная на провокацию пограничных конфликтов, продолжает проводиться непрерывно и все с большей наглостью» [33].

В марте 1938 г. штабом Квантунской армии в центр был направлен документ «Политика обороны государства», в котором в слу-

чае войны с СССР предлагалось силами Квантунской и Корейской армий нанести основной удар по советскому Приморью с целью его захвата и отсечения советских войск Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа. Затем последовательными ударами осуществить наступление на амурском и забайкальском направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику [34].

На первом этапе войны планировалось использовать 18 дивизий, усилив Квантунскую армию еще шестью, переброшенными из метрополии. По плану, на Японских островах в период военных действий против СССР оставалась лишь одна дивизия. Для подготовки к осуществлению плана командование Квантунской армии потребовало от центра быстрого сосредоточения у советской границы большого количества боеприпасов и военных материалов.

Однако к концу 30-х годов Советский Союз значительно усилил свою обороноспособность на Дальнем Востоке, что создавало препятствия для реализации разработанных Генштабом и штабом Квантунской армии планов войны против СССР. Центральное руководство Японии не могло не учитывать изменившееся соотношение сил на Дальнем Востоке. Менее авантюристично настроенные японские политики понимали, что Япония еще не готова к серьезной войне с таким сильным противником, как Советский Союз. Соглашаясь на поддержание напряженности на советско-маньчжурской границе, они тем не менее опасались преждевременного начала войны и намеревались приступить к решению «северной проблемы», лишь будучи уверены в поддержке других государств. При этом особые надежды возлагались на объединенное выступление против СССР Германии и Японии.

Весной 1938 г. японские войска продолжали развивать наступление в Центральном Китае. Этому пытались воспротивиться западные державы, расценившие японскую экспансию как намерение вытеснить их не только из Китая, но и в целом из Восточной Азии. 17 марта 1938 г. Государственный секретарь США Хелл выступил с большой речью «Наша внешняя политика», в которой заявил, что США «не намерены отказываться от своих прав и интересов в Китае». Опасаясь обострения отношений с США, Токио решил принять меры, демонстрирующие стремление Японии направить свои военные усилия против СССР.

Летом 1938 г. японское военно-политическое руководство предприняло попытку расширить до масштабов крупного вооруженного конфликта один из пограничных инцидентов в районе озера Хасан в Приморье. Цели конфликта не ограничивались демонстрацией японских намерений перед западными державами. Составители японской «Истории войны на Тихом океане» отмечают: «Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю качественно усилилась... Это раздражало Японию... В Генштабе армии формировалась мысль о прощупывании советской военной мощи, основной смысл которого заключался в выяснении готовности СССР к войне с Японией... Было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию Корейской армии, которая непосредственно подчинялась императорской ставке. Замысел состоял в нанесении сильного удара, с тем чтобы предотвратить выступление СССР против Японии» [35].

Можно считать, что одной из основных целей хасанской провокации было «устрашить» советское руководство мощью японской армии, вынудить его пересмотреть свою политику в отношении Китая, не допустить вовлечения СССР в японо-китайскую войну.

Выбор времени диктовался обстановкой на японо-китайском фронте. Готовясь к проведению операции по захвату Ухани, японцы хотели убедиться, что Советский Союз не будет препятствовать расширению войны в Китае вооруженным путем. Бывший начальник оперативного отдела императорской ставки полковник Инада говорил по поводу хасанских событий: «Даже если будет разгромлена целая дивизия, необходимо выяснить готовность Советов выступить войной против Японии» [36].

15 июля 1938 г. японский посол в СССР Сигэмицу по указанию Токио заявил о «нарушении» советскими военными служащими границы и в категорической форме предъявил советскому правительству требование правительства Японии о «передаче» части территории СССР близ озера Хасан. В ответ советское правительство предъявило Хунчунское соглашение, подписанное Китаем в 1886 году. В приложенной к соглашению карте прохождения русско-китайской границы четко обозначено, что высота Заозерная, на которую Япония выдвинула претензии, лежит на русской территории. Однако японская сторона игнорировала этот документ.

29 июля японские войска, пользуясь численным перевесом, вторглись на советскую территорию. Советские пограничные подразделения были вынуждены отойти к востоку от озера Хасан. Когда императору Японии было доложено об этих действиях японской армии, он «выразил удовлетворение», но выступил против дальнейших наступательных действий.

10 августа по требованию Москвы советские войска нанесли неожиданный и мощный удар. Японцы были выбиты с захваченной территории. Опасаясь полного разгрома, начальник штаба 19-й дивизии спешно направил начальнику штаба Корейской армии телеграмму, в которой просил «немедленно начать дипломатические переговоры», заявляя, что японская армия уже «продемонстрировала свою мощь... и, пока есть выбор, нужно остановиться». В пользу такого решения было и то, что, следуя приказу из Москвы, части Особой Дальневосточной армии не стали развивать наступление в глубь Маньчжурии, демонстрируя стремление избежать расширения конфликта.

В Москве было известно, что японская провокация в районе озера Хасан преследовала в первую очередь цель «устрашить СССР» и что японцы в данный момент к большой войне с Советским Союзом не готовы. 3 августа 1938 г. резидент советской разведки в Японии Рихард Зорге передал в Москву: «...Японский Генштаб заинтересован в войне с СССР не сейчас, а позднее. Активные действия на границе предприняты японцами, чтобы показать Советскому Союзу, что Япония все еще способна проявить свою мощь» [37].

Поэтому, когда через посольство в Москве японское правительство запросило прекращения боевых действий, соглашаясь на восстановление нарушенной границы, советское правительство сочло целесообразным ответить положительно.

Потерпев поражение, японцы тем не менее частично добились своих целей: продемонстрировали западным державам намерение продолжать конфронтацию с СССР и убедились в стремлении Москвы избегать непосредственного вовлечения в японо-китайскую войну. Однако заставить советское правительство отказаться от поддержки Китая не удалось — помощь борющемуся с захватчиками китайскому народу продолжалась.

После поражения японской армии в советском Приморье японский Генеральный штаб с осени 1938 г. разрабатывал план «Опе-

рация № 8», предусматривавший нанесение удара по СССР через Монгольскую Народную Республику (МНР) в направлении озера Байкал, «где противник не ждал наступления». Считалось, что нанесение удара с западного направления необходимо предпринять до того, как Советский Союз укрепит здесь свою боеспособность.

Планируя очередную военную вылазку против Советского Союза, командование японской армии преследовало цель проверить действенность нового варианта плана и испытать обороноспособность советских войск на западном направлении, а также готовность советского правительства выполнить свои обязательства по заключенному 12 марта 1936 г. договору о взаимопомощи с МНР. Тогда советское правительство заявило, что в случае нападения Японии на МНР Советский Союз поможет Монголии защитить ее независимость.

Японские генералы стремились восстановить авторитет императорской армии, подорванный неспособностью быстро завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. В японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» признается: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпении — как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР» [38].

Однако подлинные причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо сложнее, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан.

Как уже отмечалось, главная цель по-прежнему состояла в том, чтобы, во-первых, угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или по крайней мере значительно ее ослабить. В этом случае, по японским расчетам, Чан Кайши должен был прийти к выводу, что его ставка на помощь со стороны Советского Союза неосновательна и лучше пойти на мирное улаживание японо-китайского конфликта — разумеется, на японских условиях.

Во-вторых. Предстоящее столкновение с СССР в Монголии рассматривалось японским руководством как важный козырь в дипломатической игре с Западом. В «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом Халхин-Гольских событий была сделана следующая запись: «Есть уверенность в последова-

тельном разгроме советских войск... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией» [39].

Речь шла о переговорах по заключению между Японией и Великобританией так называемого соглашения Арита—Крейги, которое вошло в историю как дальневосточный вариант мюнхенского сговора. По существу, капитулировав перед Японией, английское правительство пошло на признание японских захватов в Китае. В значительной степени такое решение Великобритании было ускорено событиями на Халхин-Голе. Рассчитывая на расширение Халхин-Гольского конфликта до масштабов войны, правительство Великобритании обязалось не создавать Японии проблем в тылу, в Китае.

В-третьих. Японское правительство стремилось использовать военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США от применения к Японии экономических санкций. 10 июля японский посол в Вашингтоне США Хориноути убеждал госсекретаря США Хелла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. И хотя 26 июля 1939 г. правительство США все же объявило о денонсации торгового договора с Японией, практическое осуществление этого решения было отложено на шесть месяцев. Существует достаточно оснований полагать, что не последнюю роль здесь сыграл тот факт, что именно в эти дни шли ожесточенные бои между японскими и советскими войсками на Халхин-Голе.

В-четвертых. Резкое обострение советско-японских отношений, прямое вооруженное столкновение с СССР отвечали целям, которые она преследовала на проходивших в 1939 г. в Берлине переговорах об основах военно-политического союза с Германией и Италией (Тройственный пакт). Токио упорно добивался военного союза, направленного главным образом против СССР, стремясь воздержаться от принятия обязательств по совместному с Германией и Италией участию в войне с Великобританией и Францией, на чем настаивали европейские фашистские режимы.

В своих донесениях из Токио Зорге весной 1939 г. следующим образом оценивал ситуацию: «Сведения о военном Антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократически-

ми странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам» [40].

Токио было известно, что германское руководство стремилось подчинить своей политике Японию как более слабого союзника. Это усиливало позиции японских сторонников вооруженной конфронтации с СССР, которые заявляли, что серьезная военная акция против Советского Союза докажет силу и боевые способности японских вооруженных сил не только германскому союзнику, но и руководителям США и Великобритании [41].

Принимая весной 1939 г. решение об организации крупной военной провокации в МНР, японское военно-политическое руководство считало, что международная обстановка позволяла рассчитывать на успех даже в случае перерастания конфликта в войну. Представители высшего военного командования Японии признавали после войны: «В Европе в этот период возрастала мощь Германии, она аннексировала Австрию, оккупировала Чехословакию. Обстановка в Европе давала основания считать, что в обозримом будущем Германия может приступить к решению своих проблем с СССР. С другой стороны, на Дальнем Востоке японские войска, захватив Ханькоу и Кантон, завершили операционную фазу в китайском инциденте. После этого Япония, не прекращая военных действий, намеревалась использовать и политические методы разрешения конфликта. Японский Генеральный штаб надеялся встретить будущее, готовя решающую войну против Советского Союза. В этом случае предусматривалось быстро перебросить в Маньчжурию большую часть японской армии, не создавая затруднений для разрешения китайского инцидента» [42].

В мае 1939 г. командование 23-й японской дивизии предприняло попытку отбросить монгольские войска от границы в районе реки Халхин-Гол (в японской исторической литературе этот район именуется Номонхан). Для советского правительства сложилась тревожная обстановка, требовавшая незамедлительных ответственных решений по защите союзной МНР. В Кремле было решено, не допуская перерастания халхин-гольских событий в войну, преподать японцам чувствительный урок.

Последовавшие события хорошо известны. После кровопролитных боев в июне—июле, перейдя в наступление, в августе совет-

ские части под командованием генерала Г.К. Жукова нанесли сокрушительный удар японским войскам.

Военное поражение Японии сопровождалось поражением политическим. Поступившее в дни мощного контрнаступления советско-монгольских войск сообщение о подписании советско-германского Пакта о ненападении привело японское руководство в сильное замешательство. Неожиданный политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломство и нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта. При всех морально-политических издержках советско-германского соглашения оно объективно ослабило Антикоминтерновский пакт, посеяло в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии. Есть все основания считать, что возникшая в «оси Токио—Берлин» трещина впоследствии привела к тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза. Планы войны против СССР японские правительство и командование отныне соизмеряли исключительно с собственными интересами.

Дипломатический маневр Токио

Попытки военно-политического руководства Японии развязать в 30-е годы войну с целью ликвидации Советского Союза и захвата его восточных территорий окончились провалом. Было очевидно, что Японии не под силу военное противоборство с СССР. В интересах Японии было перейти от конфронтации с Советским Союзом к установлению длительных мирных отношений, к чему неизменно проявляло политическую волю советское правительство. Однако этого не произошло. Как показали последующие события, японские правящие круги, сохранив агрессивные планы в отношении СССР, рассчитывали осуществить их в ходе мировой войны.

Перспективы развития начавшейся 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу Второй мировой войны были неясны. 13 сентября новым кабинетом министров Японии во главе с генералом в отставке Абэ был опубликован документ «Основы политики государства», в котором указывалось: «Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать

в соответствии со сложной международной обстановкой... Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства» [43].

Хотя подписание советско-германского Пакта о ненападении явилось серьезным ударом по японским планам совместного с Германией выступления против СССР, в Токио не оставляли надежды на то, что война в Европе вскоре может быть превращена в антисоветский поход империалистических государств. Готовясь к такому развитию событий, в Японии считали необходимым «максимально ограничить военные действия в Китае, сократить число находящихся там войск, мобилизовать бюджетные и материальные ресурсы и расширить подготовку к войне против Советского Союза» [44].

В декабре 1939 г. был принят «Пересмотренный план наращивания мощи сухопутных войск». Для высвобождения необходимых для войны против СССР сил планировалось резко сократить число японских войск в Китае (с 850 тыс. до 500 тыс.) [45]. Одновременно военное министерство и Генеральный штаб приняли решение довести число пехотных дивизий до 65, авиаэскадрилий до 160, значительно увеличить количество бронетанковых частей. На китайском фронте должны были действовать 20 дивизий, остальные надлежало разместить в Маньчжурии для будущих операций против Советского Союза [46].

Военное поражение Франции в мае—июне 1940 г. и разгром английской армии под Дюнкерком усилили стремление японского руководства не упустить благоприятный момент для захвата азиатских колоний западных держав. Пришедший к власти в июле 1940 г. кабинет Коноэ 27 июля принял «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении», в которой формулировались основные внешнеполитические задачи Японии. Важнейшими из них объявлялись «установление нового порядка в Великой Восточной Азии» и создание «сферы совместного процветания Великой Восточной Азии», то есть построение японской колониальной империи в Азии. Для достижения поставленной цели предусматривалось «применение в удобный момент военной силы».

Внешняя политика нового кабинета была определена 19 июля на совещании в личной резиденции Коноэ, на котором присутствовали военный министр Тодзио, военно-морской министр Ёсида и министр иностранных дел Мацуока. Было решено: 1) укрепить союз государств Японии—Германии—Италии; 2) заключить с СССР со-

глашение о ненападении, с тем чтобы провести такую подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение; 3) осуществить активные меры по включению колоний Великобритании, Франции, Голландии и Португалии в сферу «нового порядка» в Восточной Азии; 4) иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания «нового порядка» в Восточной Азии [47].

Летом 1940 г. японское правительство и командование вооруженных сил разработали два возможных варианта вступления Японии в войну: «южный» — против США и западноевропейских государств и «северный» — против СССР. При этом ставилась задача, избегая войны на два фронта, обеспечить последовательное разрешение «южной» и «северной» проблем.

27 сентября 1940 г. в Токио между представителями Германии и Японии был подписан Пакт о политическом и военно-экономическом союзе сроком на 10 лет. 30 сентября к пакту присоединилась фашистская Италия. После этого соглашение получило название — Тройственный пакт. Накануне подписания пакта, 26 сентября Мацуока от имени правительства с удовлетворением констатировал: «Япония поддержит Германию в случае ее войны с Советским Союзом, а Германия поможет нам в случае столкновения Японии с Советским Союзом» [48]. Те же цели преследовала и Германия. Германский посол в Японии Отт телеграфировал 4 октября 1940 г. в Берлин: «Внутренняя цель пакта трех держав заключается в том, чтобы через уничтожение мирового владычества Великобритании вызвать новое распределение сил в Европе и на Дальнем Востоке. Средством достижения этой цели могут служить отпор Америке и вывод из строя Советского Союза» [49].

Иными словами, Тройственный пакт был заключен в целях расширения Второй мировой войны, объединения сил наиболее агрессивных в то время государств в борьбе за завоевание мирового господства. Он был направлен как против Советского Союза, так и против Соединенных Штатов, правда, с существенной разницей. В отношении США предусматривалось давление, чтобы предотвратить их вступление в мировую войну, а в отношении СССР — практическое объединение политических, экономических и военных усилий для предстоящего нападения, подготовка к которому уже активно велась.

23 февраля 1941 г. германский министр иностранных дел Риббентроп дал понять японскому послу в Берлине Осиме, что Германия готовится к войне против СССР, и выразил пожелание ускорить вступление в войну Японии «для достижения своих целей на Дальнем Востоке» [50]. Получая такие сведения, правительство и командование Японии поставило перед своей дипломатией задачу подробно выяснить дальнейшие планы и намерения Германии. С этой целью в Европу был направлен министр иностранных дел Мацуока.

27 марта в беседе с Мацуокой Риббентроп заявил: «На востоке Германия держит войска, которые в любое время готовы выступить против России, и если Россия займет позицию, враждебную Германии, то фюрер разобьет Россию. В Германии уверены, что война с Россией закончится полной победой Германии и окончательным разгромом русских армий и сокрушением государственного строя. Фюрер убежден, что в случае нападения на СССР через несколько месяцев с ним как с великой державой будет покончено» [51].

Хотя опьяненный легкими победами на Западе Гитлер сначала не настаивал на участии японских вооруженных сил в войне против Советского Союза, а стремился направить их против США и Великобритании, в ходе такой войны могло создаться положение, когда германское руководство потребовало бы от своего союзника выполнения обязательств по Тройственному пакту. В таком случае выступление Японии против СССР должно было состояться не тогда, когда японское правительство сочтет момент наиболее благоприятным, а тогда, когда это будет необходимо Германии. Это не устраивало Японию, не желавшую играть подчиненную роль в германской войне против СССР, выполняя вспомогательные задачи. С другой стороны, японские правящие круги не могло не волновать то обстоятельство, что в случае быстрого разгрома Германией Советского Союза Япония не будет допущена к дележу «русского пирога» или же получит лишь небольшие куски. Поэтому, стремясь обеспечить империи максимально возможную свободу действий и создать предпосылки для внезапности нападения на СССР, Токио считал целесообразным в создавшейся обстановке активизировать переговоры о заключении с Советским Союзом Пакта о ненападении или нейтралитете.

Пакт с Советским Союзом был необходим Японии лишь на период до принятия окончательного решения о нападении на СССР, которое планировалось осуществить в ходе германо-советской войны. Последующие отношения с Советским Союзом предусматривалось строить не на основе этого пакта, а исходя из положений Тройственного пакта. В инструкциях, полученных Мацуокой из Токио по поводу условий подписания пакта с Советским Союзом, подчеркивалось, что «Тройственный пакт не должен быть ослаблен» [52].

13 апреля 1941 г. в Кремле был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией [53]. В тексте пакта указывалось, что «в случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Срок действия пакта определялся в пять лет.

Заключая пакт с Японией, советское правительство стремилось обезопасить свои восточные границы, использовать все возможности для разрешения существовавших противоречий мирным, дипломатическим путем. По-иному оценивали пакт японские руководители. Сообщив Риббентропу о намерении заключить пакт с СССР, Мацуока заявил собеседнику, что, если начнется германо-советская война, японо-советский пакт «сразу же потеряет силу». Вернувшись из Москвы в Токио, он разъяснял германскому послу: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеют заставить Японию оставаться нейтральной при возникновении конфликта между Россией и Германией. В этом случае Япония будет вынуждена в силу необходимости напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой Пакт о нейтралитете» [54].

Представители командования сухопутных сил Японии полностью разделяли такой подход. Командующий Квантунской армией генерал Умэдзу заявил, что «отношение Японии к Пакту о нейтралитете должно измениться, как только изменятся отношения, существующие между Германией и Россией». Еще более определенно высказался на этот счет военный министр Тодзио, занявший через несколько месяцев пост премьер-министра Японии. Он прямо сказал в апреле 1941 г.: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР. Необходимо постоянно оказывать давление на Советский Союз. Сейчас положе-

ние таково, что государства не останавливаются перед нарушением соглашений» [55].

Заключая Пакт о нейтралитете с СССР, японские правящие круги меньше всего стремились «оставаться в стороне от германо-советской войны», как это пытаются утверждать некоторые японские авторы. Не преследовали они и цели «обезопасить» северное направление, ибо никакой угрозы со стороны Советского Союза не исходило. Об истинных намерениях Японии свидетельствуют документы. В «Секретном дневнике войны» японского Генерального штаба 14 апреля 1941 г. была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов» [56].

16 апреля 1941 г. посол Осима направил в Токио шифровку, в которой со всей определенностью сообщалось: «В этом году Германия начнет войну против СССР». Аналогичные сообщения поступали от японских военных атташе в других европейских странах. 28 апреля, подтвердив «неизбежность скорого германского нападения», Осима, игнорируя Пакт о нейтралитете, настоятельно рекомендовал центру: «После начала германо-советской войны, двигаясь на юг, оказывать тем самым косвенную помощь Германии. Затем, воспользовавшись внутренними беспорядками в Советском Союзе, применить вооруженные силы и в согласовании с Германией завершить решение вопроса о СССР» [57].

В течение мая в Генеральном штабе проходили совещания руководящего состава, на которых вырабатывалась политика в отношении Советского Союза. В это время Мацуока убеждал императора Хирохито в необходимости после начала германо-советской войны «денонсировать Пакт о нейтралитете с Советским Союзом и оккупировать Сибирь вплоть до Иркутска» [58]. При этом он, по сути дела, предлагал действовать по методу Германии. Ведь еще 27 марта 1941 г. Гитлер в беседе с Мацуокой цинично заявил, что «Германия заключила несколько договоров с Россией, однако гораздо более важным является тот факт, что Германия имеет в своем распоряжении от 160 до 200 дивизий против СССР» [59].

28 мая в ответ на запрос Мацуоки Риббентроп сообщил: «Сейчас война между Германией и СССР неизбежна. Я верю, что если

она начнется, то может закончиться в течение двух-трех месяцев. Армия уже закончила развертывание». Об этом же информировал Токио посол Осима в телеграмме от 6 июня, в которой выражалась уверенность в том, что «Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава». В депешах японского посла указывалось, что Гитлер дал понять о своем желании видеть Японию участником войны против Советского Союза [60].

После получения этих сообщений правительство и императорская ставка, не считаясь с недавно подписанным Пактом о нейтралитете, приступили к «глубокой разработке» политики империи, в основу которой было положено обсуждение вопроса об участии в войне против СССР.

День X — 29 августа 1941 года

Уже 22 июня 1941 г., в день начала агрессии Германии против Советского Союза, Мацуока обратился к императору с предложением напасть на СССР. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от выступления на юге, министр ответил, что «сначала надо напасть на Россию» и Япония должна совместно с Германией сокрушить Советский Союз. Для этого предлагалось отсрочить выступление на юге. «Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытащишь тигренка. Нужно решиться», — убеждал Мацуока [61]. Он настаивал на том, чтобы как можно скорее принять решение об участии в войне против СССР и сообщить об этом германскому руководству.

Еще до нападения Германии на СССР, 10 июня, руководство военного министерства разработало документ «Курс мероприятий по разрешению нынешних проблем». В нем предусматривалось: 1) воспользовавшись удобным моментом, применить вооруженные силы как на юге, так и на севере; 2) следуя духу Тройственного пакта, в любом случае решать вопрос об использовании вооруженных сил самостоятельно; 3) сохранять нынешнее положение на континентальном фронте (в Китае). [62]. Было решено, что если в ходе германо-советской войны обстановка будет выгодной для Японии, против Советского Союза будут применены вооруженные силы.

2 июля 1941 г. на императорском совещании был утвержден документ «Программа национальной политики империи». Програм-

ма предусматривала продолжение войны в Китае и одновременное завершение подготовки к войне как против США и Великобритании, так и против Советского Союза. Политика в отношении СССР была сформулирована следующим образом: «Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом Тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ» [63].

Решением императорского совещания вооруженное нападение на СССР сделалось одной из основных военных и политических целей империи. Утвердив этот документ, японское руководство, по сути дела, разорвало подписанный лишь два с половиной месяца назад советско-японский Пакт о нейтралитете. Он здесь даже не упоминался. Председатель Тайного совета при императоре Японии Хара заявил на совещании 2 июля: «Я полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Я желаю, чтобы мы напали на Советский Союз... Кто-то может сказать, что в связи с Пактом о нейтралитете Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз... Если же мы нападём на него, никто не сочтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен» [64].

Императорское совещание состоялось на следующий день после обращения японского правительства к советскому, где лицемерно заявлялось об «искреннем желании поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом», о «надежде на скорое окончание

германо-советской войны, заинтересованности в том, чтобы война не охватила дальневосточные районы».

Уже в июле японский МИД согласовал с руководством сухопутной армией требования, которые планировалось предъявить Советскому Союзу в связи с тяжелым положением на советско-германском фронте. Они были сформулированы в одобренном 4 августа 1941 г. на заседании правительства и императорской ставки документе «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». В этом документе предписывалось заставить советскую сторону прекратить помощь Китаю, передать или продать Японии Северный Сахалин, Камчатку, советские территории к востоку от Амура, добиться вывода советских войск со всей территории Дальнего Востока. По существу, правящие круги Японии требовали капитуляции Советского Союза еще до японского нападения.

Руководствуясь решением императорского совещания от 2 июля 1941 г., Генеральный штаб и военное министерство Японии разработали комплекс широких мероприятий по подготовке к наступлению на Дальнем Востоке и в Сибири. В японских секретных документах он получил шифрованное наименование «Кантогун токубэцу энсю» («Особые маневры Квантунской армии») — сокращенно «Кантокуэн». 11 июля императорская ставка направила в Квантунскую армию и японские армии в Северном Китае директиву № 506, в которой подтверждалось, что целью «маневров» является усиление готовности к выступлению против Советского Союза [65].

В рамках плана «Кантокуэн» японским Генеральным штабом был разработан и график завершения подготовки и ведения войны против СССР, утвержденный ставкой:

Принятие решения по мобилизации — 28 июня.

Издание директивы о мобилизации — 5 июля.

Начало переброски и концентрации войск — 20 июля.

Принятие решения о начале войны — 10 августа.

Начало военных действий — 29 августа.

Переброска четырех дивизий из Японии — 5 сентября.

Завершение операций — середина октября [66].

Как следует из этого графика, план «Кантокуэн» в какой-то мере был аналогичен немецкому плану «Барбаросса» и также предпо-

лагал «молниеносную войну» против Советского Союза. В соответствии с графиком 5 июля была издана директива Верховного командования о проведении первой очереди мобилизации — Квантунская армия увеличивалась на две дивизии (51-я и 57-я). 7 июля император санкционировал секретную мобилизацию 500 тыс. человек, а также судов общим водоизмещением 800 тыс. т для перевозки военных грузов в Маньчжурию [67].

В Маньчжурию прибывали многочисленные приданные части и подразделения. По плану мобилизации первой и второй очередей в три сформированных фронта (Восточный, Северный и Западный) направлялись 629 частей и подразделений, общее число которых соответствовало численности 20 дивизий [68]. В результате Квантунская армия была увеличена вдвое и насчитывала 700 тыс. человек. После проведения второй очереди мобилизации по приказу № 102 от 16 июля 1941 г. на территории Маньчжурии и Кореи были сосредоточены 850 тыс. солдат и офицеров японской армии [69]. Для участия в войне против СССР директивой ставки № 519 от 24 июля была сформирована так называемая Квантунская армия обороны, выполнявшая роль резерва. В боевую готовность были приведены части 7-й дивизии на Хоккайдо, смешанной бригады на Южном Сахалине, а также воинские формирования на Курильских островах. По плану «Кантокуэн» в войне против СССР должны были участвовать и войска армий Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии. Не были забыты и находившиеся в Маньчжурии формирования белогвардейцев.

Летом 1941 г. Квантунская армия развернула против СССР боевые порядки шести армий и отдельной группы войск, не считая резерва. В соответствии с планом «Кантокуэн» для ведения боевых действий было сформировано три фронта: Восточный (четыре армии и резерв), Северный (две армии и резерв) и Западный (две армии).

Важным условием осуществления плана «Кантокуэн» японское командование считало значительное ослабление советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири. В июне 1941 г. военный министр Тодзио заявил, что Япония выступит тогда, когда «можно будет воевать, не встречая большого сопротивления со стороны русской армии». В Японии рассчитывали, что в критический для Советского Союза момент войны против Германии советское руководство

будет вынуждено перебросить большую часть дислоцированных на востоке войск на запад. В этом случае задача японской армии должна была состоять в осуществлении операций против оставшихся регулярных войск и партизан и оккупации советских территорий. В этом состояла суть теории «спелой хурмы», то есть ожидания наиболее благоприятного момента для удара.

Однако масштабы переброски советских войск с Дальнего Востока в европейскую часть СССР летом 1941 г. далеко не соответствовали ожиданиям японского командования. Это не позволяло рассчитывать на успех наступления силами выделенных для войны против СССР 24 дивизий. В 1941 г. в японской армии была 51 дивизия, из которых 27 вели боевые действия в Китае. При этом в центре допускалась переброска шести дивизий с китайского фронта. Однако этому решительно воспротивилось командование экспедиционной армии в Китае. Ее командующий, генерал Хата, заявил, что такое сокращение войск на японо-китайском фронте весьма рискованно и неизбежно приведет к затягиванию войны.

Советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири, несмотря на частичную переброску на запад, оставались грозной силой, способной дать решительный отпор агрессии. В Токио понимали, что одно дело — нанести удар в спину терпящему поражение противнику и совсем другое — вступить в сражение с подготовленной к современной войне регулярной армией такого мощного государства, как Советский Союз. В ожидании «благоприятного момента» японское руководство вынуждено было откладывать принятие решения о начале войны. 9 августа был принят документ Верховного командования сухопутных сил «Программа операций императорской армии», в которой предусматривалось:

1. Иметь в Маньчжурии и Корее 16 дивизий, быть в готовности выступить против СССР.

2. Продолжать проведение операций в Китае.

3. Завершить к концу ноября подготовку к войне на юге [70].

Через месяц, 6 сентября, это решение было официально утверждено на императорском совещании. Начальник Генерального штаба Сугияма отдал следующее распоряжение: «Отменяется лишь выступление (против СССР) в нынешнем году. Ранней весной следующего года после завершения наступления на юге возможно нанесение удара на севере. Для этого по-прежнему нужно продолжать

подготовку. Не следует болтать об отмене плана. Надо держать это в секрете. Об этом должны знать лишь немногие в министерствах армии и флота» [71].

Принятое на императорском совещании решение не означало отказа от плана «Кантокуэн». Предусматривалось, что «в случае выгодного для нашей империи развития германо-советской войны... северный вопрос будет решен вооруженным путем в ходе или даже до использования силы на юге» [72].

Переноса срок нападения на Советский Союз, японское правительство по согласованию с гитлеровским руководством продолжало угрозой войны сковывать советские войска на маньчжурско-советской границе. В готовности к отражению японского нападения, которое могло начаться в любой момент, из 5493 тыс. человек общего состава вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке и у южных границ находились 1568 тыс., или свыше 28 %. Из 4495 танков, имевшихся на вооружении Красной Армии в то время, на Дальнем Востоке и у южных границ находился 2541 танк, из 5274 самолетов там оставалось более половины — 2951 самолет [73].

«Я имею удовольствие заявить, — писал в Берлин германский посол в Токио Отт, — что Япония готовится ко всякого рода случайностям в отношении СССР для того, чтобы объединить свои силы с Германией... Я думаю, что вряд ли есть необходимость добавлять, что японское правительство всегда имеет в виду расширение военных приготовлений наряду с другими мероприятиями, для осуществления этой цели, а также для того, чтобы связать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в войне с Германией...» [74].

Задача сковывания советских войск на Дальнем Востоке выполнялась Японией на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. В телеграмме японского Министерства иностранных дел от 30 ноября 1941 г. послу Осима предписывалось заверить гитлеровское руководство в том, что, «двигаясь на юг, Япония вовсе не имеет в виду ослабление давления на Советский Союз» [75].

Гитлеровское руководство высоко оценивало помощь Японии в войне против СССР. Риббентроп в телеграмме японскому правительству от 15 мая 1942 г., подчеркивая эффективность японской политики сковывания советских войск, отмечал, что «Россия должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского

столкновения» [76]. Заверяя советское правительство в стремлении «поддерживать спокойствие в японо-советских отношениях», японское правительство в действительности сознательно нагнетало напряженность на дальневосточных рубежах СССР. В общей сложности части и соединения Квантунской армии во время Великой Отечественной войны 779 раз нарушали сухопутную границу, а самолеты военно-воздушных сил Японии 433 раза вторгались в воздушное пространство Советского Союза. Советская территория подвергалась обстрелу, топились и незаконно задерживались советские торговые суда, совершались другие враждебные акты.

Политика сковывания советских войск являлась формой косвенного, но весьма эффективного участия Японии в борьбе против Советского Союза. В результате по вине Японии затягивалась Великая Отечественная война, увеличивались жертвы советского народа.

Участь Японии решила в Крыму

Отложив нападение на Советский Союз, руководители милитаристской Японии 7 декабря (8 декабря по токийскому времени) 1941 г. нанесли внезапный удар по основным военным базам США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Выбор «южного варианта» был продиктован в первую очередь стремлением обеспечить экономическую базу империи для продолжения Второй мировой войны. Объективно японо-американская война стратегически была выгодна Советскому Союзу, ибо она расплывала силы вероятного противника. Однако это не означало, что Москва была заинтересована в вовлечении США в войну на Тихом океане и чуть ли не провоцировала такое столкновение, как утверждают некоторые. Для Сталина гораздо выгоднее было бы вступление США в войну в Европе, что неизбежно связало бы силы Германии в противоборстве с СССР.

Об интересах в первую очередь своей страны заботился и президент США Рузвельт. Несмотря на крайне тяжелое положение на советско-германском фронте, он обратился к Сталину с просьбой помочь в войне с Японией уже на следующий день после японского нападения на Пёрл-Харбор. Однако в условиях ожесточенной борьбы с гитлеровской армией в европейской части Советского Союза было невозможно открыть «второй фронт» на Дальнем Востоке. Тогда Сталин ответил: «... В настоящий момент, когда мы ведем

тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта... Мы думаем, что главным нашим врагом является все же Германия. Ослабление сопротивления СССР германской агрессии привело бы к усилению держав «оси» в ущерб СССР и всем нашим союзникам» [77]. Получив это послание Сталина, Рузвельт 11 декабря во время встречи с советским послом заявил, что он об этом решении сожалеет, но на месте Советского Союза поступил бы так же.

На протяжении всей войны американское руководство и лично президент США всячески пытались вовлечь Москву в войну на Дальнем Востоке. Они просили предоставить американским ВВС базы на территории СССР для бомбардировки Японии. В этом случае крупнейшие японские города и военные порты можно было быстро уничтожить с воздуха и тем самым вынудить японское правительство прекратить войну.

Сталин не отказывался обсуждать вопрос о помощи союзникам в войне с Японией, негласно увязывая этот вопрос со сроками открытия второго фронта против Германии. Он говорил посетившему Москву в декабре 1941 г. министру иностранных дел Великобритании Идену: «Нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражения на фронте. Тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР» [78]. Сталин обещал возобновить переговоры с Англией о дальневосточной ситуации весной 1942 года.

О возможности участия в войне против Японии на стороне союзников Сталин впервые официально заявил на проходившей в ноябре—декабре 1943 г. Тегеранской конференции. Он, в частности, сказал: «...Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить по крайней мере в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом против Японии» [79].

Окончательно вопрос о вступлении Советского Союза в войну с Японией был решен на Ялтинской (Крымской) конференции лидеров «большой тройки» — США, СССР и Великобритании (4—12 февраля 1945 г.). Хотя на конференцию были вынесены та-

кие важные вопросы, как завершение войны против Германии, послевоенное устройство Европы, территориальные вопросы, учреждение Организации Объединенных Наций, большое значение США придавали и обсуждению вопроса об объединении усилий для скорейшего разгрома милитаристской Японии. Государственный секретарь США Стеттиниус признавал, что на Ялтинской конференции делегация США желала прежде всего вступления Советского Союза в войну против Японии.

Армии США долго не удавалось захватить острова, с которых можно было организовать регулярные массированные бомбардировки японской метрополии. Как отмечалось выше, кардинально и быстро решить эту проблему могло использование территории СССР для базирования бомбардировочной авиации США. Участие СССР в войне становилось для США и Великобритании не просто желательным, а в высшей степени необходимым. Американское командование не могло не учитывать возможность переброски на Японские острова войск из Маньчжурии и Китая для отражения высадки союзного десанта. Особую тревогу вызывала размещенная в Маньчжурии Квантунская армия, которую разведка США оценивала как «крупную и опасную силу». В 1944 г. командующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Макартур заявил в беседе с военно-морским министром США, что нужно по крайней мере 60 советских дивизий, чтобы разбить Японию. Он считал, что американские войска «не должны высаживаться на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет военные действия в Маньчжурии» [80].

Располагавшей крупными сухопутными силами в Китае японской армии к началу 1945 г. удалось добиться здесь заметного успеха. В США и Великобритании готовились к упорным продолжительным сражениям на театрах Тихоокеанской войны. Так, в решениях англо-американской конференции в Квебеке, состоявшейся 11—16 сентября 1944 г., одержать победу над Японией планировалось не раньше чем через 1,5 года после завершения войны в Европе. Эти расчеты сохранялись и накануне Ялтинской конференции. На совещании начальников штабов США и Великобритании 30 января — 2 февраля 1945 г. на острове Мальта вновь была подтверждена дата окончания войны с Японией — «через 18 месяцев после поражения Германии». Другими словами, в случае поражения Гер-

мании в мае 1945 г. войну с Японией предполагалось завершить не раньше конца 1946 г. Учитывая же, что война с Германией могла затянуться до конца 1945 г., этот срок мог быть отнесен и до середины 1947 г. Следует отметить, что и это был оптимистический прогноз: еще в 1943 г. на Вашингтонской конференции глав США и Великобритании речь шла об окончательном разгроме Японии лишь в 1948 году.

Срок поражения Японии могло приблизить создание в США атомной бомбы. Незадолго до Ялтинской конференции Рузвельту было доложено, что первая атомная бомба будет готова примерно к 1 августа, а вторая — к концу 1945 года. Однако, несмотря на большое значение, которое в США придавалось созданию «нового оружия», в Вашингтоне все же исходили из того, что одна или несколько атомных бомб не смогут сыграть решающую роль в разгроме Японии. Их эффект еще не был известен, и рассчитывать приходилось на советские войска, способные разгромить Квантунскую армию и сковать японские соединения в Китае, тем самым лишив японское командование возможности использовать их для обороны метрополии.

28 сентября 1944 г. Рузвельт одобрил стратегический план, по которому СССР предлагалось «прервать транспортную связь между японской метрополией и азиатским континентом; разгромить японские войска в Маньчжурии и уничтожить их авиационные части и соединения; обеспечить господство в воздухе над Южным Сахалином и Хоккайдо» [81]. В подготовленной для президента и американской делегации на Ялтинской конференции «Памятке» подчеркивалось: «Мы отчаянно нуждаемся в помощи Советского Союза в войне с Японией по завершении войны в Европе» [82].

Выполнение возложенных на СССР задач по разгрому японских войск в Маньчжурии, Корее и других районах требовало от Советского Союза больших усилий, новых человеческих жертв и материальных потерь, которые и без того были огромны. Сознывая это, лидеры США и Великобритании с пониманием относились к тем политическим условиям вступления в войну, которые выдвигало советское правительство.

В ходе подготовки к Ялтинской конференции Рузвельт через посла США в Москве А. Гарримана запросил Сталина о политических условиях вступления СССР в войну против Японии. 14 декабря 1944 г. ответ на этот запрос был дан. Из стенограммы беседы

Сталина с американским послом: «...Сталин говорит, что он готов изложить Гарриману пожелания Советского Союза. Советский Союз хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова. Кроме того, в Тегеране президент по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом президент говорил о Порт-Артуре и Дайрене, которыми пользовалась раньше Россия на условиях аренды. Советский Союз хотел бы восстановить пользование на условиях аренды этими портами, а также ведущей к ним через Мукден, Чанчунь, Харбин железной дорогой и Китайско-Восточной железной дорогой, которая сокращает Советскому Союзу пути сообщения с Владивостоком. При этом Китай должен полностью сохранить свой суверенитет на территориях, по которым проходят эти дороги. Далее Советское правительство желает, чтобы было полностью сохранено статус-кво Внешней Монголии (МНР. — *А.К.*)» [83].

Выдвинутые Сталиным предложения рассматривались специалистами из Госдепартамента. Не желая признавать права России и СССР на Южный Сахалин и Курильские острова, чиновники внешнеполитического ведомства США разработали для президента предложения о передаче после войны Южного Сахалина и Курил под международную опеку. Однако Рузвельт не проявил интереса к этой идее. Он отмахнулся, заметив, чтобы к нему «не приставали с пустяками». Известно заявление американского президента о том, что ему «представляется резонным предложение со стороны советского союзника». «Русские, — заявил Рузвельт, — хотят вернуть то, что у них было отторгнуто» [84].

Направляясь в Ялту, Сталин еще не знал, как отреагирует Рузвельт на выдвинутые советской стороной условия вступления СССР в войну с Японией. Можно сказать, от того, какую позицию займут союзники по дальневосточным проблемам, во многом зависел политический климат на заседаниях конференции. Это понимал и Рузвельт. Стремясь не раздражать советского лидера «мелкими вопросами», а сосредоточиться в первую очередь на координации действий в войне против Японии, он счел целесообразным еще до начала обсуждения дальневосточных проблем письменно сообщить Сталину о согласии с политическими условиями и поже-

ланиями СССР. Как рассказывал тогдашний посол СССР в США А.А. Громыко, уже утром следующего дня после открытия конференции Сталин через посыльного получил «весьма срочный пакет от президента». Вот как описывает этот эпизод Громыко:

«...Когда я вошел в его кабинет, Сталин там был один. Поздоровавшись, я спросил:

— Как вы себя чувствуете после довольно напряженного начала конференции?

Сталин ответил:

— Вполне нормально.

Но я заметил, что его занимают совсем другие заботы, а не тема о личном самочувствии.

Сталин протянул мне какую-то бумагу и сказал:

— Вот письмо от Рузвельта. Я только что его получил.

А затем, чуть помедлив, добавил:

— Я хотел бы, чтобы вы перевели мне это письмо устно. Хочу до заседания хотя бы на слух знать его содержание.

Я с ходу сделал перевод. Сталин, по мере того как я говорил, просил повторить содержание той или иной фразы. Письмо посвящалось Курильским островам и Сахалину. Рузвельт сообщал о признании правительством США прав Советского Союза на находящуюся под японской оккупацией половину острова Сахалин и Курильские острова.

Этим письмом Сталин остался весьма доволен. Он расхаживал по кабинету и повторял вслух:

— Хорошо, очень хорошо!

Я заметил:

— Занятой теперь позицией США как бы реабилитируют себя в наших глазах за то, что они сочувствовали Японии в 1905 году. Тогда в Портсмуте после Русско-японской войны велись мирные переговоры между японской делегацией и делегацией России, которую возглавлял глава правительства граф Витте. В то время США, по существу, помогали Японии оторвать от России ее территории.

По всему было видно, что Сталин мнение о попытке США «реабилитировать себя» полностью разделяет.

Он несколько секунд помолчал, обдумывая содержание письма. Потом начал высказывать свои мысли вслух. Он заявил:

— Это хорошо, что Рузвельт пришел к такому выводу.

Сталин закончил эту тему разговора словами:

— Америка заняла хорошую позицию. Это важно и с точки зрения будущих отношений с Соединенными Штатами» [85].

Тактика Рузвельта на конференции полностью оправдалась. Видя конструктивную позицию американского президента практически по всем рассматривавшимся вопросам, Сталин был готов отвечать взаимностью. Тем более что по вопросу о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке решение уже было принято. По сути дела, оставалось лишь определить конкретные сроки объявления Советским Союзом войны Японии.

Военные настоятельно просили Рузвельта добиться скорейшего вступления СССР в войну. Накануне отъезда президента в Ялту высшие чины американских вооруженных сил представили ему документ, в котором, в частности, говорилось: «...Мы желаем вступления России как можно скорее в меру ее способности вести наступательные операции и готовы оказать максимально возможную поддержку, не нанося ущерба нашим основным операциям против Японии...» [86] В другом документе указывалось, что «основная задача американского правительства состоит в том, чтобы добиться скорейшего вступления СССР в войну с Японией для недопущения передислокации Квантунской армии в метрополию в момент вторжения» [87].

Сталин с пониманием отнесся к этим опасениям. Если в Тегеране он дал принципиальное согласие вступить в войну против Японии «через шесть месяцев после завершения войны в Европе», то в Ялте, несмотря на большие сложности переброски советских войск на восток, этот срок был сокращен вдвое.

Все основные вопросы, связанные со вступлением СССР в войну с Японией, были согласованы во время встречи Сталина с Рузвельтом 8 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце. Эта беседа носила весьма откровенный характер и во многом определила будущие события. Весьма существенным было заявление Рузвельта о том, что он не хочет проводить десантные операции в Японии и пойдет на такой шаг только в случае крайней необходимости. Тем самым прямо давалось понять, что проведение крупномасштабных наземных операций против японских войск, в первую очередь в Маньчжурии,

будет возложено на СССР. Свое нежелание сражаться с японцами президент открыто объяснял стремлением обойтись без больших потерь. Услышав твердое обещание Сталина вступить в войну, Рузвельт полностью согласился с заявленными советскими условиями и даже обещал помочь в их реализации.

Обсудив с Рузвельтом вопросы о возможности предоставления территории советского Дальнего Востока для организации авиационных баз ВВС США, Сталин спросил, как обстоит дело с политическими условиями, на которых СССР готов вступить в войну против Японии. Из стенограммы беседы: «Рузвельт отвечает, что южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу. Что касается теплого порта, то в Тегеране он, Рузвельт, предлагал, чтобы Советский Союз получил порт Дайрен, расположенный на конце Южно-Маньчжурской железной дороги. Но он, Рузвельт, пока еще не беседовал по этому поводу с Чан Кайши...

Сталин спрашивает, что думает президент о сохранении статус-кво Внешней Монголии.

Рузвельт отвечает, что он еще не говорил по этому поводу с Чан Кайши, но думает, что статус-кво Внешней Монголии должно быть сохранено.

Сталин говорит, что если будут приняты советские условия, то советский народ поймет, почему СССР вступает в войну против Японии. Поэтому важно иметь документ, подписанный президентом, Черчиллем и им, Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии» [88].

Рузвельт, а затем и Черчилль согласились составить и подписать соответствующий документ. 11 февраля в Ливадийском дворце главами стран-участниц конференции было подписано Ялтинское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока. В соглашении, в частности, предусматривалось:

«Руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1. Сохранения status quo (статус-кво) Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Возвращения принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающей к ней островов,

б) интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР,

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги...

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов».

В заявление была включена фраза о том, что «главы правительств трех великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией». В работах японских исследователей нередко предпринимаются попытки объяснить «уступчивость» Рузвельта в Ялте его слабым здоровьем. При этом не учитывается тот факт, что достигнутые на конференции соглашения, в том числе по Дальнему Востоку, были поддержаны и одобрены ведущими американскими политическими деятелями и высшим командованием вооруженных сил США (госсекретарь Стеттиниус, генерал Маршалл и другие). Более того, перед началом Ялтинской конференции соображения Рузвельта были одобрены на заседании начальников штабов США и Великобритании, состоявшемся в январе 1945 г. на Мальте. Наконец, если бы Рузвельт действительно в силу своей физической слабости пошел на ущемляющие интересы Запада уступки, этому мог воспротивиться Черчилль. Но английский премьер был согласен с президентом. В своих воспоминаниях он писал: «...В ходе конфиденциальной беседы со Сталиным я спросил его, чего русские хотят на Дальнем Востоке. Он ответил, что они хотят получить военно-морскую базу, такую, например, как Порт-Артур... Я ответил, что мы будем приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане и высказываемся за то, чтобы потери, понесенные Россией во время Русско-японской войны, были восполнены» [89].

Документ о вступлении СССР в войну полностью отвечал интересам разгрома Японии без риска кровопролитных сражений. В действительности, получив гарантии столь необходимого им участия СССР в войне, в большем выигрыше считали себя именно

американцы и англичане. Участие мощных сухопутных сил СССР в войне на Востоке позволило одержать победу над Японией в кратчайшие сроки и с минимальными потерями. Поэтому утверждения о том, что в Ялте Рузвельт якобы пошел на «неоправданные уступки» Сталину, «купил» его участие в войне, представляются неубедительными и далекими от понимания реально складывавшейся к весне 1945 г. военно-стратегической обстановки в мире.

Война и геополитика

Следует отметить, что если бы Сталин при определении политики в отношении Японии стремился лишь к возвращению ранее принадлежавших России дальневосточных земель, этого можно было добиться и без вступления в войну. Японское правительство было готово на серьезные уступки, включая территориальные, в обмен на сохранение Советским Союзом нейтралитета и согласие выступить посредником в переговорах о перемирии с США и Великобританией. Перечень таких уступок был разработан японским МИДом еще в сентябре 1944 г.

Предполагаемые уступки сводились к следующему:

1. Разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару.
2. Заключение между Японией, Маньчжоу-Го и Советским Союзом соглашения о торговле.
3. Расширение советского влияния в Китае и других районах «сферы сопроцветания».
4. Демилитаризация советско-маньчжурской границы.
5. Использование Советским Союзом Северо-Маньчжурской железной дороги.
6. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.
7. Отказ Японии от договора о рыболовстве.
8. Уступка Южного Сахалина.
9. Уступка Курильских островов.
10. Отмена Антикоминтерновского пакта.
11. Отмена Тройственного пакта» [90].

Согласие на те или иные уступки предусматривалось в зависимости от хода японо-советских переговоров. Так, отказ от южного Сахалина и Курильских островов допускался в крайнем случае, а именно «при резком ухудшении японо-советских отношений» и

возникновении опасности вступления Советского Союза в войну против Японии.

Со своей стороны, готовясь к войне с Японией, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. 5 апреля 1945 г. правительству Японии было официально объявлено о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. В заявлении советского правительства указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США — с другой. Текст заявления гласил: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным...

В соответствии со статьей 3 упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское правительство настоящим заявляет... о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года».

Денонсировав Пакт о нейтралитете, советское правительство за четыре месяца до вступления в войну фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне против Японии. А ведь, памятуя о том, как обычно начинала войны Япония, этого можно было и не делать.

Из сообщений посла и разведки в Кремле знали о готовности японского правительства откупиться за сохранение нейтралитета от Советского Союза территориальными уступками. Однако советское руководство понимало, что согласие с предложениями Токио вернуть территории без войны могло быть расценено союзниками как нарушение Ялтинских соглашений. Сталин же считал, что союзнический долг должен быть неукоснительно выполнен, а Япония, капитулировав, в полной мере должна понести наказание за развязанную кровопролитную войну.

Немаловажное значение имело и то, что Сталин не мог допустить, чтобы Советский Союз был отстранен от послевоенного политического процесса в Восточной Азии, и в первую очередь в Китае. Он не мог не знать или по крайней мере догадываться, что

американцы были намерены после войны занять господствующее положение в этом обширном регионе мира, вытеснив оттуда все другие государства, в том числе своих союзников в годы войны — Великобританию, Францию и, уж конечно, СССР. Так, во время Карирской конференции 23 ноября 1943 г. Рузвельт в беседе с глазу на глаз с Чан Кайши предложил китайскому лидеру заключить после войны американо-китайский военный союз, предусматривавший размещение по всей территории Китая, в том числе у советских границ, военных баз США. Чан Кайши с энтузиазмом приветствовал это предложение. При этом Порт-Артур и ряд других стратегически важных районов отдавались под прямое американское управление. Корейский полуостров предусматривалось оккупировать и удерживать совместно американскими и китайскими войсками. Оба лидера договаривались о том, что Франция лишится своих колоний в Юго-Восточной Азии. Рузвельт обещал сотрудничать с правительством Чан Кайши и в устранении английского влияния в Китае (Гонконг, Шанхай, Кантон). Малайя, Бирма, Индия также должны были стать зонами преобладающего влияния США. Со своей стороны, Чан Кайши ставил вопрос о помощи США во включении в состав Китая Монгольской Народной Республики. Рузвельт соглашался вести переговоры по этому поводу с СССР [91].

Односторонний ввод американских войск на территорию Китая был чреват поражением коммунистических сил этой страны и установлением непосредственно у границ СССР недружественного проамериканского режима. Хотя Сталин избегал открытой демонстрации поддержки Компартии Китая в борьбе за власть в стране, в действительности ставка делалась в первую очередь и главным образом на Мао Цзедуна. Поэтому вступление в войну на Дальнем Востоке преследовало не только задачу скорейшего разгрома японских вооруженных сил, но и одновременно было направлено на создание благоприятных для СССР военно-стратегических и геополитических позиций в восточноазиатском регионе.

Разъясняя причины участия Советского Союза в разгроме милитаристской Японии, Сталин в опубликованном 2 сентября 1945 г. «Обращении к советскому народу» напомнил и о вероломном нападении Японии на Россию в 1904 г., и об интервенции 1918—1922 гг., и о Хасане и Халхин-Голе, и о Южном Сахалине и Курильских островах. Говоря о ликвидации в результате победы очагов

войны, Сталин заявил: «Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира».

Примечания

1. Дайтоа сэно кокан сэн си. Т. 8. Дайхоньэй рикугун бу (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил императорской ставки). Часть 1. Токио, 1967. С. 290.
2. Там же. С. 258—259.
3. Там же. С. 302.
4. Там же. С. 248—249.
5. История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 1. М., 1973. С. 89.
6. ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 90.
7. История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 1. С. 90.
8. ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 195, л. 178.
9. Дайхоньэй рикугун бу. Часть 1. С. 319
10. ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 91—92.
11. Дайхоньэй рикугун бу. Часть 1. С. 319.
12. Там же. С. 339.
13. Там же. С. 340.
14. Там же.
15. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 14.
16. Сёвано рэкиси (История периода Сёва). Т. 4. Токио, 1982. С. 194.
17. Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. N.Y., 1971. P. 552.
18. Сёвано рэкиси. Т. 4. С. 194.
19. СССР—Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925—1975). М., 1978. С. 25.
20. Сёвано рэкиси. Т. 4. С. 194.
21. Toland J. The Rising Sun. N.Y., 1971. P. 39—40.
22. Сёвано рэкиси. Т. 4. С. 330.
23. Там же.
24. История войны на Тихом океане. Т. 2. Японо-китайская война. (Пер. с яп.). М., 1957. С. 67, 324.
25. Фудзивара Акира. Тайхэйё сэно си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 7—10.

26. Нитиро-ниссо канкэй. 200 нэн си (Японо-русские и японо-советские отношения: 200-летняя история). Токио, 1983. С. 146.
27. Тайхэйё сэнсоз но мити (Путь к войне на Тихом океане). Т. 4. Токио, 1963. С. 97.
28. Нихонно тайсо имбо (Тайные замыслы Японии против Советского Союза). Токио, 1948. С. 153.
29. ГАРФ, ф. 7876, оп. 1, д. 482, л. 141.
30. См. подробнее: Новейшая история Китая 1917—1970 гг. М., 1972. С. 176.
31. История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 316.
32. ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 172—173.
33. Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1999. С. 342.
34. Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы). Т. 9. Токио, 1976. С. 727—729.
35. Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т. 3. Токио, 1972. С. 108—111.
36. Фудзивара Акира. Указ. соч. С. 74.
37. Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 147.
38. Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 8. С. 585.
39. Сёвано рэкиси. Т. 5. Токио, 1985. С. 200.
40. Русский архив. Т. 18. С. 156.
41. Цудзи Масанобу. Номонхан дзихэнно боппацу (Начало номонханских событий). Чанчунь, 1941. С. 63.
42. War in Asia and the Pacific 1937—1949. A fifteen volume collection. Vol. 10. Japan and the Soviet Union. New York—London, 1980. P. 105—106.
43. Тайхэйё сэнсо си. Т. 3. С. 283.
44. Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 20 Дайхонгэй рикугун бу. Часть 2. С. 4.
45. Нихон рэкиси (История Японии). Т. 21. Токио, 1977. С. 8.
46. Там же.
47. Тайхэйё сэнсо си. Т. 3. С. 316.
48. ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 18.
49. Цит. по: СССР и Япония. М., 1978. С. 192.
50. ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 460/17, л. 3.
51. СССР и Япония. С. 197—198.
52. Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 20. С. 239.

53. Подробно о заключении советско-японского Пакта о нейтралитете см. : А.А. Кошкин. Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1989; А.А. Кошкин. Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиной в век. М., 2004.
54. Нихонно тайсо имбо. С. 169.
55. Тайхэйё сэнсо си. Т. 4. С. 66.
56. Тайхэйё сэнсоз но мити. Т. 5. Токио, 1963. С. 300.
57. Дайхонъэй рикугун бу. Часть 2. С. 248.
58. Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. N.Y., 1971. P. 755.
59. Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М., Л., 1950. С. 254—255.
60. Там же.
61. Тайхэйё сэнсо си. Т. 4. С. 84.
62. Кантогун (Квантунская армия). Часть 2. Токио, 1974. С. 8.
63. Тайхэйё сэнсоз но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 467.
64. Там же. С. 464—466.
65. Кантогун. Часть 2. С. 21.
66. Дайхонъэй рикугун бу. Часть 2. С. 322; Кантогун. Часть 2. С. 22—23.
67. Рикугун гундзю доин (Мобилизация вооружения и военного снаряжения для сухопутных сил). Токио, 1970. С. 460.
68. Кантогун. Часть 2. С. 23—24.
69. Дайхонъэй рикугун бу. Часть 2. С. 329.
70. Кантогун. Часть 2. С. 66.
71. Танака сакусэн бутёно сёгэн: Тайсэн тоцунюно синсо (Свидетельство начальника оперативного управления Генштаба Танака Синъити: Правда о вступлении в мировую войну). Токио, 1971. С. 176.
72. Тайхэйё сэнсоз но мити. Сирёхэн. С. 520.
73. История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 272.
74. ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 31.
75. Там же, л. 280.
76. Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 256.
77. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 144.
78. Из личного архива И.В. Сталина. Цит. по: Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии 1941—1942. М., 1997. С. 58—59.
79. Советский Союз на международных конференциях периода Вели-

кой Отечественной войны. Т. II: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978. С. 95.

80. The Entry of the Soviet Union into the War against Japan: Military Plans, 1941—1945. Wash., 1955. P. 51.

81. Нихон дзёрику сакусэн. Бэйкоку кимицу бунсё (Операции по высадке на территорию Японии. Секретные документы США). Токио, 1985. С. 94—95.

82. Яковлев Н. Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1969. С. 487.

83. Советско-американские отношения... Т. 2. С. 270—273.

84. Leahy W. I was there: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. London, 1950. P. 373.

85. Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 189—191.

86. Herbert Feis. Churchill—Roosevelt—Stalin. The War they Waged and the Peace they Sought. New Jersey, 1970. P. 503.

87. United States Relations with China. Reference to the Period 1944—1949. Wash., 1949. P. 8.

88. Крымская конференция... С. 129—131.

89. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1991. С. 536—537.

90. Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзёякуно кэнкю (Исследование японо-советского Пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 219—220.

91. Юхаси Сигэто. Сэндзи ниссо косё сёси. 1941—1945 (Краткая история японо-советских переговоров: 1941—1945). Токио, 1974. С. 142—143.

С.Л. ТИХВИНСКИЙ

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЙ ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ 1941 Г.: ОТ ПРЕДЫСТОРИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДО ПОСЛЕДСТВИЙ ДЕНОНСАЦИИ

Два очага агрессивных сил, ответственных за возникновение Второй мировой войны — национал-социалистическая Германия и фашистская Италия в Европе и Африке и милитаристская Япония в Азии, — в середине 30-х годов серьезно угрожали безопасности СССР. В 1936 г. между тремя агрессорами был заключен так называемый Антикоминтерновский пакт, направленный против Советского Союза.

В этих условиях главная задача советской внешней политики заключалась в предотвращении войны, в недопущении совместного выступления против СССР и с запада, и с востока. Японская военщина, готовясь к захвату советского Дальнего Востока и Сибири, свой первый удар нанесла 18 сентября 1931 г. против Китая, захватив его северо-восточную территорию — Маньчжурию и превратив ее в плацдарм для дальнейшей агрессии. К этому времени уже в течение пяти лет советская дипломатия добивалась заключения с Японией Пакта о ненападении, но ее неоднократные усилия не приводили к положительному результату. И только через десять лет позиция Японии изменилась. Для этого потребовались сокрушительное поражение частей японской Квантунской армии под Халхин-Голом и заключение СССР с Германией Пакта о нейтралитете 23 августа 1939 г. Только в апреле 1941 г. советско-японский Пакт о нейтралитете был подписан.

Предыстория заключения пакта следующая:

Открывшиеся 14 мая 1924 г. в Пекине официальные переговоры об установлении советско-японских дипломатических отношений завершились 20 января 1925 г. подписанием Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, получившей название Пекинской конвенции. Переговорам предшествовала длительная военная интервенция Японии на советском Дальнем Востоке, закончившаяся лишь в 1922 г. Признание Советской республики Японией последовало в конце так называемой полосы признания СССР рядом капиталистических государств — Германией, Францией, Англией, Италией, Данией, Норвегией, Мексикой и другими странами. Заключение советско-японской конвенции завершило важный этап борьбы советской дипломатии за нормализацию отношений с главными капиталистическими странами (исключение составили США, дипломатические отношения с которыми были установлены лишь в 1933 г.).

Советско-японская конвенция 1925 г. имела большое значение для стабилизации обстановки на Дальнем Востоке. Советское правительство, подписывая Пекинскую конвенцию, было вынуждено признать остающимся в силе несправедливый Портсмутский договор от 5 сентября 1905 г., в частности его территориальную статью, оставлявшую за Японией Южный Сахалин. Однако вынужденный характер этого шага был продемонстрирован уже при подписании Пекинской конвенции. Тогда была оглашена специальная декларация советского правительства о том, что признание Портсмутского договора с его несправедливыми, аннексионистскими условиями носит временный характер и что он будет отменен. Советское правительство исходило из того, что договор содержал и ряд обязательств, сдерживавших агрессивные устремления японских милитаристов. В частности, запрещались содержание японских войск на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), строительство военных укреплений и любых военных сооружений на острове Сахалин и прилегающих к нему островах, военные меры противодействия свободному плаванию в проливах Лаперуза и Татарском. Договор признавал китайский суверенитет над Маньчжурией и обязывал стороны воздерживаться от «принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать безопасности русской или корейской территории»; обе стороны

обязывались эксплуатировать «принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических» [1].

В августе 1926 г. по поручению правительства временный поверенный в делах СССР в Японии обратился к заместителю министра иностранных дел Японии Дэбути с предложением заключить Пакт о ненападении между СССР и Японией, аналогичный советско-германскому пакту, подписанному в апреле 1926 г. в Берлине. 30 сентября 1926 г. Дэбути ответил, что Япония сейчас не может пойти на заключение такого договора, ибо стороны-де не исчерпали еще тех обязательств, которые они взяли на себя по Пекинской конвенции, и что подписание нового договора может быть понято общественным мнением Японии как стремление СССР заменить конвенцию новым соглашением [2].

Вопрос о заключении с Японией договора о ненападении был снова поднят полномочным представителем СССР в Японии В.С. Довгалеvским в беседе с премьер-министром Японии Танакой Гиити 24 мая 1927 г. [3]. 16 июня Танака ответил Довгалеvскому, что ввиду напряженности международного положения он считает заключение политического пакта несвоевременным и полагает возможным вернуться к этому вопросу по мере укрепления экономических связей между СССР и Японией [4]. При встрече с Танакой 1 июля 1927 г. Довгалеvский выразил сожаление по этому поводу, ибо, по мнению советской стороны, такой пакт способствовал бы смягчению напряженности международного положения и оздоровил общую обстановку на Дальнем Востоке [5].

8 марта 1928 г. полномочный представитель СССР в Японии А.А. Трояновский в беседе с премьер-министром Танакой вновь задал вопрос о том, не пришла ли пора поговорить о заключении Пакта о ненападении между двумя странами. Танака ответил, что «для этого не пришло еще время» [6].

Советская дипломатия в те годы придавала большое значение заключению договоров о ненападении с соседними государствами для обеспечения безопасности страны. Признаков угрозы с востока было достаточно: усиление в правящих кругах Японии анти-советских настроений и разработка японской военщиной планов нападения на Советский Союз; хищнический рыболовный промысел японцев в советских территориальных водах, провокации

на Китайско-Восточной железной дороге после захвата в сентябре 1931 г. Японией северо-восточных провинций Китая. В конце 1931 г. правительство СССР вновь обратилось к Японии с предложением заключить Пакт о ненападении. Аналогичные предложения были сделаны в течение 1931 г. Польше, Латвии, Финляндии, Эстонии и Румынии.

31 декабря 1931 г. состоялась встреча народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова с находившимся в Москве проездом из Парижа в Токио, только что назначенным японским коллегой Ёсидзавой (в 1925 г. он подписал от имени Японии Пекинскую конвенцию). Литвинов подчеркнул, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики» [7]. Советский нарком выразил согласие с высказанным Ёсидзавой мнением о возможности и желательности улучшения отношений и сказал, что этого можно было бы достичь каким-нибудь новым актом, например, заключением Пакта о ненападении или нейтралитете, наподобие тех, которые Советский Союз уже имеет с Германией, Литвой, Турцией, Персией и Афганистаном и недавно парафировал с Францией. Заключение соответствующего договора обсуждается с Польшей, на очереди переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией. Когда они будут завершены, подчеркнул Литвинов, Советский Союз будет иметь Пакты о ненападении со всеми соседями, кроме Японии, и предложил японскому правительству вступить в переговоры о заключении Пакта о нейтралитете. Ёсидзава обещал передать своему правительству это предложение [8]. Присутствовавший на этой беседе заместитель наркома Л.М. Карахан напомнил Ёсидзава, что на эту тему уже велись разговоры советскими представителями в Токио.

Японское правительство почти год не отвечало на советское предложение, сделанное Литвиновым, несмотря на неоднократные напоминания советской стороны [9], отделяваясь уклончивыми ответами, вроде того, что вопрос-де еще не изучен японским правительством. Лишь 13 декабря 1932 г. министр иностранных дел Японии Утида вручил полпреду Трояновскому строго конфиденциальную ноту, отклонявшую советское предложение о заключении Пакта о ненападении под тем предлогом, что обе стороны являются участницами Пакта Бриана—Келлога, а это якобы делает излишним заключение между ними двустороннего пакта [10].

В ответной ноте советского правительства указывалось, что советское предложение «не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и поэтому остается в силе и в дальнейшем» [11]. Как известно, наряду с двусторонними договорами о ненападении Советский Союз после прихода Гитлера к власти в Германии проявил дипломатическую инициативу в деле создания системы коллективной безопасности против угрозы войны, исходившей от фашистской Германии. С этой целью СССР вступил в Лигу Наций, заключил с Францией, Чехословакией и другими странами ряд договоров и соглашений, направленных на предотвращение возникновения мировой войны. Он решительно осудил агрессию фашистской Италии против Абиссинии, активно помогал республиканской Испании бороться с германо-итальянскими интервентами. Беспрепятственно осуществленный Германией при молчаливом попустительстве западных держав «аншлюс» Австрии и Мюнхенский сговор с Гитлером правящих кругов Англии и Франции наглядно показали стремление последних избежать войны с Германией и направить острие германской агрессии на восток, против Советского Союза.

На Дальнем Востоке СССР неоднократно помогал в укреплении обороноспособности МНР, подвергавшейся угрозе со стороны японо-маньчжоугоской военщины; СССР был единственной страной, оказавшей всестороннюю помощь Китаю, ставшему жертвой прямой японской агрессии 7 июля 1937 г.

В эти годы Англия, Франция и в известной степени США проводили на Дальнем Востоке такую же, как и в Европе, политику попустительства агрессору. Советская дипломатия выступала в те годы с инициативой создания системы коллективной безопасности на Дальнем Востоке. Советское правительство еще в конце 1933 г. выдвинуло идею о заключении Пакта о ненападении между СССР, США, Китаем и Японией [12]. К этому времени наконец были установлены дипломатические отношения между СССР и США, и советская дипломатия через американского посла в Москве У. Буллита попыталась выяснить отношение президента США Ф. Рузвельта к советскому предложению. 12 марта 1934 г. У. Буллит сообщил генеральному секретарю НКВД СССР В.С. Довгалевскому, что президент США склоняется к мысли о многостороннем пакте о ненападении с участием — США, СССР, Японии, Китая,

Англии, Франции и Голландии. Однако дальнейшие переговоры о создании Тихоокеанского Пакта с целью совместного отпора агрессивным действиям Японии не увенчались успехом из-за отрицательной позиции, занятой западными державами. На доводы наркома иностранных дел М.М. Литвинова о том, что «пакт между нами будет иметь значение известной солидарности, в особенности если в пакт будет включен пункт о консультациях в случае угрозы одному из участников пакта» [13], 29 июня 1937 г. Ф. Рузвельт дал следующий ответ послу СССР в США А.А. Трояновскому: «Пактам веры нет. Главная гарантия. это сильный флот. Посмотрим, как выдержат японцы морское соревнование» [14]. В это время японское правительство, вынашивая планы военного нападения на Советский Союз, заключило 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновский пакт с Германией. Его сопровождало секретное соглашение, где в качестве главного противника обеих стран был назван Советский Союз. Стороны обязывались «не заключать с СССР никаких политических договоров, противоречащих духу данного соглашения» [15]. Как писал ведущий американский специалист по внешней политике СССР 30-х годов Самуэль Н. Харпер в своем конфиденциальном докладе в госдепартамент США от 26 июня 1939 г., «советские руководители имели основание трактовать этот пакт как декларацию враждебных действий против Советского Союза со стороны двух его агрессивных соседей, а также как прикрытие общего совместного подхода агрессоров» [16].

Правящие круги Японии в 30-е годы продолжали осуществлять резко враждебный Советскому Союзу курс. Неоднократно происходили антисоветские провокации японской военщины в Маньчжурии, на КВЖД и на советско-маньчжурской границе, а также на границе Маньчжурии с МНР. Они приняли масштабы крупных военных действий, начавшихся вторжением японских войск 29 июля 1938 г. на советскую территорию близ границы с Кореей и Китаем, у озера Хасан, и особо масштабных военных операций под Халхин-Голом в МНР летом 1939 г. [17] Лишь сокрушительный отпор, оказанный японской армии советскими и монгольскими войсками у Халхин-Гола, а также заключение советско-германского Пакта о ненападении повлияли на изменение очередности осуществления агрессивных планов Японии. Японские милитаристы отдали предпочтение южно-му, тихоокеанскому, направлению: они посчитали, что в случае вой-

ны Германии с Советским Союзом Япония сможет добиться своих целей на советском Дальнем Востоке и в Сибири без особого труда.

Заключение советско-германского договора о ненападении отрицательно сказалось на отношениях между Берлином и Токио. Япония была вынуждена пересмотреть свою военную доктрину, а планы агрессивных действий против СССР отодвинуть на неопределенное время [18]. Приняв окончательное решение начать агрессию на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии против США и Англии, правящие круги Японии предусмотрительно решили обеспечить себе прочный тыл на севере от потенциальной угрозы со стороны Советского Союза. Поэтому с целью обеспечения нейтралитета СССР на период начала военных действий против США, Англии и других западных держав на Тихом океане японское правительство летом 1940 г. предприняло зондаж в Москве относительно возможности заключения Пакта о нейтралитете.

2 июля 1940 г. в беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым японский посол в Москве С. Того заявил о желании Японии поддерживать с Советским Союзом мирные, дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность. По словам посла, отношения между Японией и СССР будут стабилизированы, когда будет соблюдаться принцип: если одна из сторон подвергнется нападению третьей державы, то другая сторона не будет помогать нападающей стороне. В развитие этого тезиса Токио внес на рассмотрение советского руководства следующий проект советско-японского соглашения о нейтралитете, состоявший из трех статей:

«Статья первая. 1. Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 г. в Пекине.

2. Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья вторая. Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.

Статья третья. Настоящее соглашение заключается на пять лет».

По мнению японского правительства, указал посол, такое соглашение между обеими странами в данный момент целесообразно и может удовлетворить обе стороны; проект составлен японской стороной как копия Пакта о нейтралитете, заключенного в 1926 г. между СССР и Германией.

Посол высказал пожелание как можно скорее договориться относительно заключения соглашения о нейтралитете [19].

При посещении советского наркома 5 августа 1940 г. японский посол, напомнив о сделанном им 2 июля предложении, заявил, что в Японии произошла смена правительства. Новый кабинет, возглавляемый Коноэ, желает скорейшего заключения соглашения о нейтралитете и поручил ему узнать ответ советского правительства по данному вопросу. Посол просил ускорить изучение переданного им проекта соглашения и дать ответ [20].

14 августа 1940 г. Молотов пригласил Того и заявил, что, поскольку дело касается весьма серьезных вопросов, ответ советского правительства на предложение японского правительства относительно заключения договора о нейтралитете дается в письменном виде. Переданный послу документ, в частности, гласил: «Настоящим Советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией, если при этом будут учтены интересы не только Японии, но также и СССР, как это было заявлено 2 июля с.г. народным комиссаром иностранных дел В.М. Молотовым японскому послу г-ну Того.

Советское правительство понимает настоящее предложение японского правительства в том смысле, что предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути дела, это будет договор о ненападении и о не вступлении во враждебные коалиции.

Вместе с тем советское правительство считает необходимым заявить, что интересы СССР и Японии, в том числе интересы соглашения о нейтралитете, прежде всего требуют того, чтобы урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами».

Далее в советском ответе разбирались конкретные положения японского проекта соглашения. Последний основывался на Пекинской конвенции 1925 г., которая оставляла в силе Портсмутский договор, уже нарушенный в одностороннем порядке Японией, когда она оккупировала Маньчжурию. Пекинская конвенция устарела и в ряде других своих частей. Так, параграф 6 конвенции предусматривал предоставление японским подданным концессий. Время показало нежизнеспособность угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине. Их предполагалось ликвидировать на условиях справедливой компенсации за сделанные концессионерами вложения. Советское правительство было готово гарантировать ежегодную поставку Японии 100 тыс. т нефти из Сахалина, что было равно ее среднегодовой добыче на концессии за последние два года.

Одновременно Советское правительство выражало готовность принять предложение японского правительства, изложенное во 2-й и 3-й статьях японского проекта соглашения о нейтралитете.

Советское правительство также отметило, что предлагаемый договор предоставляет Японии максимум выгод, улучшает ее позиции на севере для того, чтобы она могла развить активные действия на юге. СССР, как страна не воюющая, получает лишь незначительную выгоду. Заключая с Японией договор о нейтралитете, СССР рискует ухудшить в известной степени свои отношения с Китаем и с рядом государств, имеющих серьезные интересы в бассейне Тихого океана и южных морей, что может нанести Советскому Союзу существенный ущерб, и не только экономический. Поэтому до заключения с Японией договора о нейтралитете советское правительство хотело бы получить разъяснения, какие меры могут свести к минимуму тот ущерб интересам СССР, который может быть ему нанесен [21].

Японское правительство долго не отвечало на предложение советской стороны от 14 августа. 30 августа посол Того сообщил о своем отзыве из Москвы и по поручению японского правительства запросил агреман на нового японского посла, генерал-лейтенанта в отставке И. Татекаву [22].

30 октября 1940 г. вновь прибывший японский посол Татекава в беседе с Молотовым заявил, что японское правительство во главе с Коноэ, сформированное в июле, желает заключить с СССР Пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому Пакту о ненапа-

дении от 23 августа 1939 г., в связи с чем переговоры о заключении соглашения о нейтралитете прекращаются, а все спорные вопросы, имеющиеся между странами, подлежат разрешению после заключения Пакта о ненападении.

На вопрос Молотова, в чем различие между двумя предложениями японского правительства, Татекава пояснил, что Пакт о нейтралитете был найден недостаточным, ибо в нем неясно был выражен вопрос о ненападении. После того как Японией был заключен «тройственный пакт» с Германией и Италией, правительство признало целесообразным заключить Пакт о ненападении с СССР. После этого японское правительство готово приступить к переговорам относительно пересмотра Пекинской конвенции и к обсуждению других вопросов. Врученный Татекавой на встрече 30 октября 1940 г. японский проект Пакта о ненападении содержал следующие положения:

«Статья I. Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами.

Статья II. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти державы.

Статья III. Правительства обеих договаривающихся сторон будут поддерживать в будущем тесный контакт друг с другом для обмена информацией или для консультаций по вопросам, затрагивающим общие интересы обоих правительств.

Статья IV. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V. В случае возникновения между договаривающимися сторонами споров и конфликтов по вопросам того или иного рода таковые споры и конфликты будут разрешаться исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссии по урегулированию конфликтов.

Статья VI. Настоящий Пакт вступает в силу со дня его подписания и сохраняет силу в течение десяти лет. Если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует его за год до истечения срока,

настоящий Пакт будет считаться автоматически продленным в своем действии на следующие пять лет» [23].

18 ноября 1940 г. советское правительство ответило, что у общественного мнения СССР вопрос о заключении нового Пакта о ненападении, на этот раз с Японией, естественно, будет связываться с вопросом о возвращении утерянных ранее территорий — Южного Сахалина и Курильских островов. Если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно вернуться к обсуждению Пакта о нейтралитете. При этом не пришлось бы касаться территориальных вопросов и нужно было бы лишь договориться о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. В соответствии с этим Молотов передал японскому послу проект Пакта о нейтралитете и проект протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Проект Пакта о нейтралитете состоял из следующих трех статей:

«Статья I. Обе договаривающиеся стороны заявляют, что будут поддерживать мирные и дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность.

Статья II. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья III. Настоящий Пакт о нейтралитете вступает в силу немедленно со дня его подписания и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет».

Проект протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине предусматривал одновременно с подписанием Пакта о нейтралитете между Союзом ССР и Японией ликвидацию в месячный срок японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине и аннулирование соответствующих концессионных договоров, заключенных между СССР и Японией 14 декабря 1925 г. в Москве. Советское правительство подтверждало свое согласие выдать собственникам концессионных предприятий справедливую компенсацию за сделанные ими вложения и гарантировать японскому правительству ежегодную поставку 100 тыс. т сахалинской нефти в течение пяти лет на обычных коммерческих условиях [24].

21 ноября 1940 г. Татекава сообщил Молотову, что японское правительство считает советский проект Пакта о нейтралитете, переданный послу 18 ноября, заслуживающим изучения, но проект протокола о ликвидации концессий — абсолютно неприемлемым.

Посол передал предложение японского правительства Советскому Союзу продать Японии Северный Сахалин, с тем чтобы покончить со спором по данному вопросу. В ответ Молотов напомнил послу свое выступление 29 марта 1940 г. на VI сессии Верховного Совета СССР, где было публично высмеяно аналогичное предложение, сделанное одним из членов японского парламента, и заявил, что если Япония не считает нужным дать положительный ответ на предложение советского правительства, то соглашение не состоится [25].

Твердая позиция была занята правительством СССР также по вопросу о заключении с Японией рыболовной конвенции. Принимая 13 декабря 1940 г. Татекаву, Молотов заявил, что если Япония думает оставить без изменений на веки вечные Портсмутский договор, на который в Советском Союзе смотрят так же, как и в Западной Европе на Версальский договор, то это является грубой ошибкой. Япония нарушила этот договор. Кроме того, поскольку этот договор был заключен после поражения России, он должен подлежать исправлению, в частности, и в рыболовном вопросе. Советская сторона не может согласиться с тем, чтобы японское рыболовство в советских водах велось за счет государственных интересов СССР [26].

Столкнувшись с твердой позицией СССР, японское правительство развернуло очередную антисоветскую кампанию в печати [27]. Был создан Совет по развитию Курильских островов, в руководство которым вошли военные и политические деятели, известные своей резко враждебной Советскому Союзу позицией [28].

Готовясь к развязыванию агрессивных действий в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане, правящие круги Японии были крайне заинтересованы в обеспечении безопасности на своем северном фланге, в нейтралитете Советского Союза, чья военная мощь на Дальнем Востоке была наглядно продемонстрирована на Халхин-Голе. 24 марта 1941 г. во время краткой остановки в Москве следовавший проездом из Токио в Берлин министр иностранных дел Японии Мацуока [29] был по его просьбе принят Молотовым и Сталиным. Мацуока заверил их в своем стремлении улучшить японо-советские отношения и

вновь предложил заключить с Японией Пакт о ненападении. В ответ ему было высказано пожелание заключить Пакт о нейтралитете. На обратном пути из Берлина Мацуока 7 апреля 1941 г. вновь посетил Молотова и напомнил, что еще в 1932 г., проезжая через Москву в Женеву, он имел несколько бесед с руководителями Наркоминдела. Тогда, вспоминая Мацуока, советская сторона предлагала заключить Пакт о ненападении, однако Токио не дал на это предложение согласия, считая, что общественное мнение к этому не готово. В нынешней обстановке заключение японо-советского Пакта о ненападении было бы, по мнению Мацуоки, «мастерским ударом». При этом он повторил аргументацию, ранее приводившуюся японской стороной, о том, что нельзя ставить вопрос ни о денонсации Портсмутского договора и Пекинской конвенции, ни о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Он вновь напомнил о готовности Японии купить северную часть Сахалина.

В ходе беседы Мацуока заверил, что Япония может напасть на Советский Союз исключительно в том случае, если СССР и США станут рассматривать Японию в качестве своего общего врага и будут сотрудничать между собой. Он, Мацуока, однако, не хочет, чтобы Япония вместе с Германией напала на СССР. Япония будет лояльна к своей союзнице Германии, но из этого вовсе не вытекает, что Япония будет ссориться с СССР. Мацуока стремился создать у советских руководителей впечатление, что поражение японских войск у Халхин-Гола и неудачи в ходе затяжной войны в Китае, длившейся уже около четырех лет, отнюдь не ослабили военную мощь Японии. Он заявил, что «у советской стороны не должно быть заблуждений относительно истощения Японии».

Предлагая советскому правительству изучить предложение японской стороны о заключении договора о ненападении, Мацуока заявил, что он мог бы задержать свой отъезд из Москвы в Японию на несколько дней.

Отвечая Мацуоке, Молотов подчеркнул, что за восемь лет, прошедших со времени первого визита Мацуоки в Советский Союз, обстановка в мире сильно изменилась. Тогда рука, протянутая Советским Союзом с предложением о заключении Пакта о ненападении, повисла в воздухе. В теперешней европейской и международной обстановке в отношениях Японии и СССР появилось много новых моментов. СССР подходит к вопросу о заключении Пакта о

ненападении с Японией серьезно, исходя из тех же установок, из которых он исходил при заключении договора с Германией. Нельзя, сказал Молотов, оставить без изменений то, что было установлено во взаимоотношениях между двумя странами после поражения России в 1905 г. Портсмутский договор — плохая база для улучшения отношений, тем более что Япония нарушила этот договор в отношении Маньчжурии, да и не только Маньчжурии. Предложение же о продаже Северного Сахалина можно рассматривать лишь как шутку. Что касается замечания о соглашении между СССР и США и о возможности нападения на Японию СССР и США в союзе между собой, то у Советского Союза нет намерения заключать соглашение с США для нападения на Японию, но, конечно, СССР будет продолжать свои переговоры с США и развивать отношения с Америкой в соответствии со своими интересами.

Если японское правительство хочет сделать крупный политический шаг в отношениях с СССР — а советское правительство, в свою очередь, желает этого, — то в данный момент обе стороны могли бы договориться о заключении Пакта о нейтралитете. При этом пришлось бы договориться только о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине с компенсацией за вложения, сделанные японскими концессионерами, и с обязательством Советского Союза о поставке Японии определенного количества нефти в течение ряда лет [30].

На следующей встрече с Молотовым 9 апреля 1941 г. Мацуока, согласившись на заключение Пакта о нейтралитете, тем не менее решительно возражал против ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. В то же время по ходу беседы он предложил подписать секретный протокол о сферах влияния, где указать, что сферой влияния Японии являются Внутренняя Монголия и Северный Китай, а сферой влияния СССР — Монгольская Народная Республика и Синьцзян. Молотов игнорировал это провокационное предложение и заявил о необходимости сосредоточиться на одном вопросе — Пакте о нейтралитете и протоколе о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине [31].

11 апреля 1941 г. Молотов вручил Мацуоке советские проекты Пакта о нейтралитете и протокола о ликвидации концессий. 12 апреля состоялась встреча японского министра со Сталиным, после которой Мацуока пошел на уступку в вопросе о ликвидации японских

концессий на Северном Сахалине. В тот же день состоялась встреча советских и японских представителей для уточнения проекта Пакта и порядка его подписания. 13 апреля 1941 г. состоялось подписание Пакта о нейтралитете и писем, затрагивающих вопросы торговли, рыболовства и ликвидации концессий на Северном Сахалине. При подписании с советской стороны присутствовали: Сталин, Молотов, Вышинский, Лозовский, Соболев, Козырев, Павлов, Царапкин, Забродин. С японской: Мацуока, Татекава, Ниси, Миякава, Сакамото, Сайто, Касэ, Фудзии, Ямагучи, Нагаи и Ямаока.

В не подлежащем публикации письме, адресованном 13 апреля 1941 г. Молотову, Мацуока писал: «Ссылаясь на Пакт о нейтралитете, подписанный сегодня, имею честь заявить, что я ожидаю и надеюсь, что торговое соглашение и рыболовная конвенция будут заключены очень скоро и при ближайшей возможности мы, Ваше превосходительство и я, в духе примирения и взаимных уступок постараемся разрешить в течение нескольких месяцев вопрос, касающийся ликвидации концессий на Северном Сахалине, приобретенных по договорам, подписанным в Москве 14 декабря 1925 г., с целью ликвидировать любые вопросы, которые не способствуют поддержанию сердечных отношений между обеими странами [32].

В этом же духе я также желал бы обратить внимание на то, что было бы хорошо для обеих наших стран, а также Маньчжоу-Го и Внешней Монголии найти в ближайшее время путь создания объединенных и (или) смешанных комиссий стран, заинтересованных в урегулировании пограничных вопросов и рассмотрении пограничных споров и инцидентов». Нарком иностранных дел СССР в ответном письме сообщал, что он принимает к сведению вышеизложенное и согласен с ним [33]. Текст обоих обменных писем был составлен на английском языке. 14 апреля 1941 г. в газете «Правда» было опубликовано следующее сообщение о заключении Пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией: «В результате переговоров, происходивших в течение последних дней в Москве между Председателем Совнаркома и Народным Комиссаром Иностранных Дел тов. В.М. Молотовым и министром иностранных дел Японии г-ном Иосукэ Мацуока, 13 апреля подписан Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, а также Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го».

В переговорах принимали участие тов. Сталин, а со стороны Японии — японский посол в Москве г-н Татекава. Ниже приводится текст пакта и декларации:

«Пакт о нейтралитете между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и его Величество Император Японии, руководимые желанием укрепить мирные и дружественные отношения между обеими странами, решили заключить Пакт о нейтралитете и для этой цели назначили своими уполномоченными:

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик: Вячеслава Михайловича Молотова, Председателя Совета Народных комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик;

Его Величество Император Японии: Иосуке Мацуока, Министра Иностранных дел, Жюсанми, Кавалера Ордена Священного Сокровища первой степени, и Иосицугу Татекава, Чрезвычайного и полномочного Посла в Союзе Советских Социалистических Республик, генерал-лейтенанта, Жюсанми, Кавалера Ордена Восходящего Солнца первой степени и ордена Золотого Коршуна четвертой степени, которые, по предъявлении друг другу своих соответственных полномочий, признанных составленными в надлежащей и законной форме, договорились о нижеследующем:

Статья первая

Обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны.

Статья вторая

В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.

Статья третья

Настоящий Пакт вступает в силу со дня ратификации обеими договаривающимися сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует

Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья четвертая

Пакт подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в 1 окно, также в возможно короткий срок.

В удостоверение чего поименованные выше Уполномоченные подписали настоящий Пакт в двух экземплярах, составленных на русском и японском языках, и приложили к нему свои печати.

Составлено в Москве 13 апреля 1941 года, что соответствует 15 дню четвертого месяца 16-го года Сиова.

В. Молотов, Иосуке Мацуока, Иосицугу Татекава».

26 апреля 1941 г. газета «Известия» опубликовала сообщение ТАСС о ратификации 25 апреля 1941 г. пакта императором Японии и Президиумом Верховного Совета СССР и о вступлении документа в силу с того же числа.

Предыстория его заключения показывает, что последовательная миролюбивая политика Советского государства в отношении Японии долгие годы не встречала положительного отклика у ее правящих кругов, среди которых со второй половины 20-х годов почти безраздельно преобладали милитаристски настроенные силы. В ходе переговоров Советский Союз выдвигал требования об аннулировании Портсмутского договора и ряда положений Пекинской конвенции, в том числе касающихся возвращения СССР Южного Сахалина и Курильских островов. Решения Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Великобритании, принятые в феврале 1945 г. по вопросам Дальнего Востока, предусматривали восстановление прав России, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г. Возвращение Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов, передача ему Курильских островов и признание независимости МНР не были чем-то новым и неожиданным для японской стороны, принявшей условия безоговорочной капитуляции после поражения в ходе Второй мировой войны.

Подписание Пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. и Декларации о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики

и Маньчжоу-Го на какое-то время нормализовало обстановку на границах. Однако в годы Второй мировой войны Япония неоднократно нарушала зафиксированные условия и договоренности. Япония держала в Маньчжурии крупные, численностью до 1 млн человек, вооруженные силы Квантунской армии, строила мощные укрепления на границе с СССР и МНР, проводила на границе крупномасштабные маневры и учения, устраивала частые инциденты и провокации. Японские военно-морские и военно-воздушные силы задерживали и топили советские торговые суда, доставлявшие в дальневосточные порты столь необходимые грузы. Японские дипломаты, журналисты и коммерсанты в Советском Союзе занимались шпионской деятельностью; информация переправлялась в фашистскую Германию. С учетом всего этого Советский Союз был вынужден держать на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири крупные контингенты своих вооруженных сил, отвлекая их тем самым от советско-германского фронта. В связи с постоянным нарушением японской стороной Пакта о нейтралитете, выполняя Крымское соглашение с США и Великобританией по проблемам Дальнего Востока [34], 5 апреля 1945 г. советское правительство объявило о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете. В этот день японскому послу в Москве Н. Сато было заявлено: «Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен... до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки, с другой. С того времени обстановка изменилась в корне, Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным. В соответствии со статьей 3-й упомянутого пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия пакта, Советское правительство настоящим заявляет о своем желании денонсировать пакт от 13 апреля 1941 г.» [35]

История заключения советско-японского Пакта о нейтралитете 1941 г. свидетельствует о сложности политического диалога с на-

шим дальневосточным соседом, о традиционно сильном влиянии на его позиции консервативного национализма. Возобновление и расширение в последние годы политического диалога между странами, развитие отношений на основе принципов взаимной выгоды и равноправия не только отвечают общим интересам, но вносят ощутимый вклад в мир и стабильность в Азии и во всем мире.

В недавно опубликованной Фондом исторической перспективы книге «Ялта-45. Начертание нового мира» Н.А. Нарочницкая отметила, что западные державы еще в начале 30-х годов прошлого столетия признавали особые интересы гитлеровской Германии в Европе и «особое положение Японии на Дальнем Востоке». В 1933 г. японская делегация ассамблеи Лиги Наций официально заявила, что Япония несет ответственность за сохранение мира и порядка на Дальнем Востоке [36].

До нападения фашистской Германии на Польшу в 1939 г. западные державы осуществляли политику умиротворения агрессора в Европе (позорное Мюнхенское соглашение 1938 г. о расчленении Чехословакии) и на Дальнем Востоке (соглашение Арита—Крейги 1939 г.) [37] о признании Великобританией «особых нужд» японской военщины в Китае, где Япония с июля 1937 г. вела крупномасштабную войну против Китая.

Подвергшись нападению Японии в декабре 1941 г., США и Великобритания вели затяжную войну против японского флота и войск и были крайне заинтересованы во вступлении Советского Союза в войну против Японии.

Накануне Ялтинской конференции Объединенный комитет начальников штабов США и Англии на своих совещаниях 30 января — 2 февраля 1945 г. на Мальте определили дату возможного окончания войны с Японией. По его подсчетам, это могло произойти только через 18 месяцев после поражения Германии. В связи с этим Англия и особенно США придавали большое значение вступлению СССР в войну против Японии. На Ялтинской конференции они приняли условия Советского Союза и поддержали его законные требования о возвращении Южного Сахалина и Курильских островов.

Верный своим союзническим обязательствам, Советский Союз объявил войну Японии и стремительным разгромом японской Квантунской армии принудил ее к капитуляции. Историческая по-

беда Советского Союза на Дальнем Востоке стала поворотным пунктом в истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Она содействовала успеху национально-освободительной борьбы на азиатском континенте и привела в итоге к успешному завершению многолетней борьбы народов Китая и других стран Азии против японского империализма. В результате разгрома Советской Армией японских войск на северо-востоке Китая возник основной плацдарм для успешного завоевания китайским народом окончательной победы в его многолетней освободительной борьбе против совместного фронта империализма и китайской феодально-компрадорской реакции.

Примечания

1. Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. М., 1952. С. 338, 340, 341.
2. Документы внешней политики СССР. (Далее: ДВП СССР). Т. 9. М.: Политиздат, 1965. С. 735—736.
3. Там же. Т. 10. М.: Политиздат, 1965. С. 626.
4. Там же. С. 627.
5. Там же. С. 628.
6. Там же. Т. И. М.: Политиздат, 1966. С. 144
7. Там же. Т. 14. М.: Политиздат, 1968. С. 746
8. Там же. С. 747.
9. Эти напоминания были сделаны: в беседе полпреда с премьер-министром Японии Инукаи 12 января 1932 г.; в сообщении ТАСС от 14 февраля; в беседах полпреда с Ёсидзавой 29 февраля, с заместителем министра иностранных дел Нагаи 7 марта, с министром иностранных дел Утидой 15 сентября, с военным министром Араки 19 октября; в беседе народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова с временным поверенным в делах посольства Японии в Москве Амо 3 ноября. См.: ДВП СССР. Т. 15. М.: Политиздат, 1969. С. 21, 31, 112, 149, 173, 535, 582, 596.
10. Там же. С. 683.
11. Там же. Т. 16. М.: Политиздат, 1970. С. 17.
12. СССР и Япония. М., 1987. С. 133.
13. ДВП СССР. Т. 17. М.: Политиздат, 1971. С. 179.
14. Там же. С. 194.
15. СССР и Япония. С. 140.

16. Коммунист. 1989. № 11. С. 105. В этом же своем докладе в госдепартамент Самуэль Н. Харпер писал: «Подчеркивая свое стремление к миру, московские руководители продемонстрировали в ряде случаев, и особенно в отношении Японии, что они не боятся войны; они также умножили усилия в деле укрепления обороны в связи с ростом международной напряженности. В то же время Советское правительство постоянно выступало сторонником коллективных мер безопасности, выражая готовность участвовать в любой эффективной программе коллективной безопасности... СССР... также подписал... пакты о ненападении... со всеми сопредельными ему государствами за исключением Японии, которая отклонила предложение Советского Союза о заключении такого пакта» (Там же. С. 105—106. Текст доклада Харпера был недавно обнаружен советским исследователем д-ром ист. наук В.Л. Мальковым в архиве Роберта Келли, бывшего руководителя Русского отдела госдепартамента США, хранящемся в библиотеке Джорджтаунского университета в США).

17. Кошкин А.А. Как готовился Халхин-Гол // Новая и новейшая история, 1989. № 4. С. 55. В данной статье подробно рассматривается история подготовки милитаристскими кругами японских планов нападения на Советский Союз и военных провокаций у озера Хасан и под Халхин-Голом.

18. Правда. 1989. 18 июля.

19. Архив внешней политики РФ. (Далее: АВПР). 1940. Ф. 06. Оп. 2. Д. 14. 2(29). Л. 95—106.

20. Там же. Д. 15. Л. 3—5.

21. Там же. Л. 63—79.

22. Там же. Л. 122—128.

23. Там же. Пор. 17. П. 3. Л. 78—88.

24. Там же. Пор. 18. П. 3. Л. 44—54.

25. Там же. Л. 58—64.

26. Там же. Пор. 19. Д. 3. Л. 33—42.

27. СССР и Япония. С. 194—195.

28. Там же. С. 196.

29. Иосуге Мацуока был известен как ярый антисоветчик, до революции работал в Петрограде вторым секретарем японского посольства, долгое время служил в Маньчжурии на Южной маньчжурской железной дороге — в 1930 г. занимал пост заместителя председателя правления ЮМЖД, а затем стал председателем правления ЮМЖД. Не скрывал стремления к захвату Японией контроля на КВЖД и над всей Маньчжурией. В 1929 г. в беседе с послом А.А. Трояновским поставил вопрос о допущении сво-

бодной торгово-предпринимательской деятельности японцев в Советском Приморье, что встретило решительный отпор с советской стороны (ДВП СССР. Т. 11. С. 706). 4 ноября 1932 г. проездом через Москву в Женеву встречался с наркомом иностранных дел М.М. Литвиновым (См.: ДВП СССР. Т. 15. С. 800). 13 декабря 1932 г. нарком М.М. Литвинов телеграфировал в НКВД СССР из Женевы, что 12 декабря по настойчивой просьбе Мацуоки он принял последнего. Мацуока поздравил Литвинова в связи с восстановлением дипломатических отношений между СССР и Китаем, состоявшимся в этот день, и выразил свое удовлетворение в связи с этим актом, что Советский Союз должен быть, по словам Мацуоки, благодарен Японии, которая-де так напугала Китай, что ему не оставалось ничего другого, как только вернуться к Советскому Союзу. Выполнив эту задачу, Япония теперь стремится примирить Советский Союз с Америкой... Как писал в своей телеграмме в НКВД М.М. Литвинов, «Мацуока говорил все это, не краснея. Я спросил его, думают ли они так же запугивать Америку и не этим ли целям служит его антисоветское выступление в Лиге Наций. Я атаковал его как за эти выступления, так и за интервью Ларсену. Он нагло все отрицал, уверяя меня, что ни о чем больше не думает, как о сближении с нами и о реализации пакта о ненападении» (ДВП СССР. Т. 15. С. 682—683. В редакционном примечании к тексту данной телеграммы М.М. Литвинова на с. 813 того же тома сообщается, что, выступая 8 декабря 1932 г. на 14-м пленарном заседании чрезвычайной сессии Ассамблеи Лиги Наций, посвященной японо-китайскому конфликту, Мацуока допустил враждебные в отношении СССР выпады, пытался грубо извратить политику СССР в отношении Китая, запугивая членов Лиги Наций угрозой «распространения коммунизма», призывал их поддержать политику Японии, направленную на «сдерживание коммунизма». В интервью, которое Мацуока дал в Женеве корреспонденту «Дортмунтер генерал-анцейгер» Ларсену, содержались клеветнические выпады против внешней политики Советского Союза и утверждение о том, что «главной целью японских военных действий в Маньчжурии является создание линии безопасности против Советской России»). Вступая в апреле 1941 г. в переговоры в Москве и зная о планах руководителей фашистской Германии напасть на Советский Союз, Мацуока был заранее готов отказаться от любых договоренностей с Москвой, когда это станет невыгодным для Японии. После начала агрессии Германии против Советского Союза Мацуока был одним из самых активных членов японского кабинета, требовавших немедленного объявления войны Советскому Союзу. См.: СССР и Япония. С. 205—207.

30. АВПР. Ф. 06. Оп. 3. Пор. 383. 1941. Д. 28. Л. 6—20.

31. Там же. Ф. 06. 1941. Оп. 3. П. 38. Д. 383. Л. 11—13.

32. Фактически концессионные договоры и соглашения с Японией были аннулированы лишь 30 марта 1944 г. подписанием в Москве соответствующего протокола. См.: СССР и Япония. С. 228—229

33. АВПР. Ф. 06. Оп. 3. П. 38. Д. 387. Л. 4—6.

34. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1979. Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.): Сборник документов. С. 273.

35. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 3. С. 166.

36. «Ялта-45. Начертание нового мира». М.: Вече, 2010 / Отв.ред. Н.А. Нарочницкая.

37. Соглашение между министром иностранных дел Японии Аритой и британским послом в Токио Р. Крейги о признании Великобританией «особых нужд» Японии в Китае, где Япония с 1937 г. вела крупномасштабную войну против Китая.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ТРАГЕДИЯ ОТ ПРОЛОГА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ДО ЭПИЛОГА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Нет большей трагедии в истории человечества, чем Вторая мировая война. Поэтому и обозначаем драматургическими терминами ее ход от начала на дальневосточном театре мировой политики и до окончания на той же арене: пролог, трагедия во многих действиях и эпилог.

Прежде чем приступить к анализу дипломатических и военных аспектов Второй мировой войны на дальневосточном и тихоокеанском фронтах сражений, необходимо сказать несколько слов о специфике изучения в настоящее время нашей национальной истории, истории XX века в целом и истории Второй мировой войны в частности. Например, начальная стадия, ход и итоги Второй мировой войны вот уже более полувека являются дискуссионными в мировой научной литературе и публицистике [1].

Причем существует и немало версий этих событий, фальсифицирующих их результаты и истинное значение. В последние десятилетия в Украине и Грузии, в прибалтийских республиках со школьных лет подрастающему поколению внушаются фальсифицированные сюжеты участия народов этих стран во Второй мировой войне. И прилавки наших книжных магазинов, в том числе и в вузах, в канун 65-летия Великой Победы, к сожалению, продолжали пополняться произведениями авторов, давно уже разоблаченных как фальсификаторы, от А.Т. Фоменко с его «новой хронологией» до такого «открывателя тайн», как В.Б. Резун, прикрывающегося псевдонимом — Суворов. Это прямые наследники «Иванов Непом-

нящих», о которых М.Е. Салтыков-Щедрин писал, что их отличают «ненависть к принципам», «убеждениям», «вероломство и подвохи». Такой «мелкодушный» литератор «даже щеголяет отсутствием убеждений, называя последние абракадаброю и во всеуслышанье объявляя, что ни завтра, ни послезавтра он не намерен стесняться никакими “узами”». О нетерпимости нашего общества к этому явлению свидетельствует создание Президентом РФ специальной Комиссии по борьбе с фальсификациями истории.

Фальсификация истории — это отнюдь не «личное дело» всех этих «Поприщиных», «Иванов, не помнящих родства» и их издателей. Это целенаправленная деятельность, разрушающая историческую память народа и его национальное самосознание. Это один из методов манипулирования общественным сознанием для разрушения традиционных национальных ценностей и ориентиров и подмены их ложными ценностями и ориентирами. Результатом должны стать распад общества и превращение его в легкоуправляемую толпу.

На мой взгляд, борьба с фальсификациями истории должна носить не столько дискуссионный, сколько постоянный и системный характер. Она неразрывно связана с воспитанием у населения нашей страны гражданственности. Школы и вузы должны готовить каждого учащегося к тому, чтобы он мог достойно, с полным знанием исторических фактов и документов дать отпор любым попыткам исказить историю своей Родины. В школьные и вузовские учебники истории следует включить специальные разделы, показывающие наиболее распространенные примеры фальсификации, объясняющие их конкретные цели, предостерегающие, что это — «идеологический СПИД», и дающие методы борьбы с ним.

В мхатовской устной традиции сохранилась байка о том, что, готовя молодых актеров для их работы в театре, Константин Сергеевич Станиславский говорил: «Если в тот момент, когда Отелло душит Дездемону, на сцене появится кошка, публика будет следить за поведением кошки, а не за действиями персонажей трагедии» [2]. То же самое происходит и в исторических писаниях, искажающих истинное положение вещей, где фальсификатор чаще всего исполняет роль «кошки», отвлекающей читателя от сути событий. Публика должна быть чуткой и сразу понять, что ей подбрасывают по определению «дохлую кошку».

Воспитание гражданской ответственности за судьбы своей страны — это путь к созданию такой нравственной обстановки в обществе, которая делала бы подавляющее число его членов нетерпимыми к любым нарушениям нравственных устоев, к любым преступлениям против законов этого общества. Национальная история подобна Байкалу — она резервуар живой воды, к которому припадали и припадают все поколения граждан нашей страны. И так же, как «священный Байкал», она нуждается в защите и охране. В защите в соответствии с законом и в охране усилиями всего общества.

Фальсификация истории должна рассматриваться как одно из тяжких преступлений. Еще древние римляне говорили: «*Praetéríta mutare nemo potest*» — «Никто не может изменить прошлое».

Пора принять закон о школьных учебниках, которые, на мой взгляд, должны отражать не только стандарты Министерства образования и науки, но и самые высокие академические требования в подходах к отечественной и всеобщей истории. Именно учебники, служащие историческому просвещению нации, призваны воспитывать чувство исторической ответственности. С точки зрения национальных интересов историческое просвещение — это комплекс системных мероприятий в области образования, необходимых для сохранения идентичности и выживания нации на любом историческом отрезке ее существования.

Российский опыт и постановка целей в области исторического просвещения очень точно, на мой взгляд, отражены в тексте соответствующей статьи словаря В.И. Даля: «Просветить, просвещать — даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истокам и добру». Именно так и понимали свой долг перед народами России отечественные просветители от Феофана Прокоповича и М.В. Ломоносова до А.С. Пушкина, И.Е. Забелина, С.М. Соловьева, Л.Н. Толстого, В.О. Ключевского, Н.И. Кареева, Е.В. Тарле, С.Д. Сказкина, А.Л. Нарочницкого.

Нравственный аспект исторического просвещения в России заключался в первую очередь в обращении к «истокам и добру», означал бережное отношение к деяниям предыдущих поколений, воспитание чувства исторической преемственности на примерах славных подвигов представителей светской власти и духовных пастырей. Ключом, открывавшим нравственную оценку событий прошлого, были слова святого Александра Невского: «Не в силе Бог, а

в правде». Этот подход стал свойственен и русской исторической науке. Вспомним начальные строки Н.М. Карамзина в его «Истории государства Российского»: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижали откровений и правил; завет предков потомкам; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего».

Для решения ключевых проблем исторического просвещения и патриотического воспитания нам необходимо воссоздать Русское историческое общество, подобное всемирно известному Русскому географическому обществу. Оно могло бы начать издание «Русской исторической библиотеки», созывать всероссийские съезды и конференции историков. Именно такое общество, опирающееся на государственную поддержку, могло бы планомерно укреплять историческое сознание всех граждан России как ее единого народа.

В каждом поколении каждый гражданин должен иметь возможность прийти и поклониться памятникам в честь защитников Сталинграда и Ленинграда, Москвы и Курской дуги, других городов-героев. Каждый должен знать, отправляясь в ту или иную зарубежную страну, есть ли там захоронения его соотечественников, имена которых почитаются. Знать и посетить их могилы. «Любовь к отеческим гробам» никто не отменил. Замечательную работу ведут поисковые отряды, обустроивающие захоронения воинов, павших во время Великой Отечественной войны. Но важна и другая сторона: в учебные программы в качестве внеклассной работы следует включить посещения мест и памятников национальной славы. Они должны дополнить известные исторические маршруты по Золотому кольцу и другим историческим местам нашей страны.

Сегодняшняя связь исторической науки и исторического просвещения заключается в том, что отношение к науке должно быть изменено коренным образом. В первую очередь необходимо восстановить уважение к науке. Всем поколениям общества, вовлеченным в образовательный процесс (и даже не вовлеченным), необходимо через средства массовой информации постоянно давать сведения о новейших достижениях и открытиях мировой и отечественной исторической науки. Это в первую очередь интересно узнать любому грамотному человеку. Только так история как наука может оказаться в центре внимания общества, завоевать его доверие и восстановить уважение к себе.

Пролог

Что касается начала Второй мировой войны, то существует две главные версии: европейская и китайская. Если для большинства европейцев кажется неоспоримым факт начала Второй мировой войны в результате вторжения нацистской Германии в Польшу в сентябре 1939 г., то китайская историография давно уже утверждает, что пора отойти от европоцентризма (который, по существу, подобен негритюду) в оценке этого события и признать, что начало этой войны падает на 7 июля 1937 г. и связано с открытой агрессией Японии против Китая [3]. Напомним, что территория Китая составляет 9,6 млн кв. км, то есть приблизительно равна территории Европы. К тому времени, когда началась война в Европе, большая часть Китая, где находились его крупнейшие города и экономические центры — Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Нанкин, Ухань, Гуанчжоу, была оккупирована японцами. В руки захватчиков попала практически вся железнодорожная сеть страны, было блокировано ее морское побережье. Столицей Китая в годы войны стал Чунцин.

Следует учитывать, что Китай потерял в войне сопротивления Японии 35 млн человек. Европейская общественность недостаточно осведомлена о чудовищных преступлениях японских военных. Так, 13 декабря 1937 г. японские войска захватили тогдашнюю столицу Китая — Нанкин и учинили массовое истребление мирных жителей и ограбление города. Жертвами этого преступления стали более 300 тыс. человек [4]. Это и другие преступления были осуждены Международным военным трибуналом для Дальнего Востока на Токийском процессе (1946—1948 гг.).

Но наконец и в нашей историографии стали появляться объективные подходы к этой проблеме. Нельзя не согласиться с Н.А. Нарочницкой в том, что «давно назрела обстоятельная и свободная от идеологических клише оценка событий, происходивших в мире накануне войны, ставшей для нас Великой Отечественной. Историческая правда заключается в том, что к моменту нападения Гитлера на Польшу 1 сентября 1939 года, что и считается, не вполне обоснованно, датой начала Второй мировой, мировая война уже шла полным ходом и в Азии, и в Европе, и в Африке, где страны «оси» — Германия, Италия и Япония — уже в течение нескольких лет ультиматумами и вводом войск передельывали мир и границы,

которые стали зыбкими, как никогда в истории» [5]. В цитируемом коллективном труде дана развернутая картина военных и дипломатических ходов, которая полностью подтверждает необходимость и обоснованность пересмотра устаревшей европоцентристской точки зрения.

Предыстория Второй мировой войны раскрывается и новыми документами. Они приводятся в изданной Институтом российской истории АН книге «К 70-летию начала Второй мировой войны...» [6]. Хотя авторы, как это видно из самого названия их труда, придерживаются традиционной европейской даты начала Второй мировой, но само содержание показывает, что события 1939 г. являлись логическим продолжением череды предыдущих сражений на военных и дипломатических фронтах.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе потенциальный очаг Второй мировой войны появился, когда милитаристская Япония вторжением в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию) в ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. развернула агрессию в Китае. В результате захвата трех северо-восточных провинций Китая страна-агрессор на большом протяжении вышла к дальневосточным сухопутным границам СССР и дружественной Советскому Союзу Монголии. Она также выдвинула свою армию к рубежам Внутреннего Китая. Создав в 1932 г. марионеточное государство Маньчжоу-Го, превратив его в военно-стратегический плацдарм на континенте, Япония попыталась прощупать прочность советских и монгольских границ у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол.

7 июля 1937 г. Япония, спровоцировав вооруженный инцидент у населенного пункта Лугоуцяо, в 10 км от Пекина, начала «большую» войну в Китае, в Юго-Восточной Азии, на Тихом океане. Целью этой захватнической войны было порабощение китайского народа, других народов региона, использование материальных и людских ресурсов Китая и других стран для дальнейших территориальных захватов в Азии и, главное, для войны против СССР, США и Великобритании. Эти планы в имперских документах значились как «политика построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии» [7]. Фактически эта война и послужила прологом Второй мировой войны.

Существенной поддержкой этому курсу Японии явилась политика захватов, осуществлявшаяся Германией и Италией. 25 октя-

бря 1936 г. эти державы оформили военно-политический блок «Ось Берлин—Рим». Германия поддержала захват Италией Эфиопии; оба государства, признав правительство Франко, перешли к совместным действиям против республиканской Испании. Битва с фашизмом началась на испанской земле. Советский Союз оказывал республиканскому правительству Испании значительную военную и морально-политическую поддержку. Советские добровольцы мужественно сражались в рядах интернациональных бригад, с большим риском советские пароходы везли в Испанию оружие и продовольствие, они же эвакуировали в СССР детей, потерявших родителей в ходе войны.

Одновременно страны «оси» приступили к разделу экономических сфер влияния на Балканах и в придунайских государствах. Развитием блока фашистских агрессоров явилось подписание 25 ноября 1936 г. Германией и Японией Антикоминтерновского пакта, к которому спустя около года присоединилась и Италия. Так сложился пакт «Ось Берлин — Рим — Токио», — направленный своим острием против СССР.

Отношения СССР с Китаем впервые за всю их историю развивались в тесной взаимосвязи с международными отношениями на Дальнем Востоке и в мире в целом, носили не только двусторонний характер, но и стали элементом многосторонней дипломатии в международных организациях, в дипломатической переписке, на конференциях лидеров ведущих держав. Существенный отпечаток на них наложили общий кризис международных отношений, предшествовавший Второй мировой войне, и та экстремальная ситуация, в которую попали обе страны в связи с развернувшейся против них агрессией. В этих условиях для каждого из правительств национальные интересы выживания становятся императивными. Тем не менее это не означает, что лидеры двух государств не понимали, что судьбы их стран зависят не только от силы сопротивления агрессорам их собственных народов, но и от тесного взаимодействия друг с другом и с коалицией антифашистских государств в целом.

Поскольку расширение японской экспансии становилось все более реальным, Советский Союз видел угрозу своей безопасности со стороны японского агрессора. Стратегические интересы СССР и Китая в обуздании японского милитаризма совпадали,

поэтому Советский Союз решил оказать Китаю — жертве агрессии — эффективную помощь. В первую очередь необходимо было своевременно пресечь агрессивные планы японских правящих кругов. Советское правительство сразу же после оккупации Японией Северо-Восточного Китая призвало Лигу Наций принять против агрессора эффективные санкции, вплоть до военных акций, выражая готовность участвовать в них своими вооруженными силами. «Мы готовы сотрудничать с Англией, как и с другими странами, в деле обеспечения мира на Дальнем Востоке», — отмечалось в письме наркома М.М. Литвинова в Политбюро накануне визита в Москву А. Идена в марте 1934 г. [8]

Однако западные державы не поддержали этих предложений СССР. США и Великобритания, игравшие главную роль в Китае, предпочли идти по пути сепаратных соглашений с Японией за счет Китая. В частности, пришедший к власти в мае 1937 г. Н. Чемберлен «уверовал в необходимость уступок Германии, Италии и Японии. Он боялся Германии, Японии и Италии, которые угрожали владениям Британской империи. Избрав тактику уступок агрессорам, премьер-министр, в частности, стремился направить экспансию Германии в Восточную Европу, а Японию удовлетворить за счет Китая» [9]. Кроме того, в Лондоне и Вашингтоне рассчитывали, что, удовлетворив свои территориальные аппетиты в Маньчжурии и в Северном Китае, Япония направит агрессию в сторону Советского Союза.

Оказавшись перед лицом японской агрессии, китайская дипломатия в разных направлениях отчаянно искала выход из смертельной опасности. Чан Кайши предпринимал попытки найти общий язык с Японией, рассчитывая умиротворить ее отдельными территориальными уступками. Одновременно китайский лидер пытался опереться на поддержку со стороны США, Великобритании и других западных держав. Он надеялся, что ради защиты своих капиталов и других интересов в Китае эти государства выступят на стороне Китая и заставят японского агрессора отступить, как это было после Японо-китайской войны 1894—1895 гг. Однако, как упоминалось выше, Великобритания, Франция и США предпочли путь сепаратных сделок. Более того, США и Англия выступали в роли фактических пособников японского милитаризма, и Китай оказался брошенным на произвол японских захватчиков. В ноябре

1938 г. Чемберлен выступил в палате общин с заявлением, которое совершенно ясно продемонстрировало, что правящие круги Великобритании вообще стремились совместно с Японией установить свое господство в Китае [10].

Явная неудача китайской дипломатии в поисках заступников на Западе заставила Чан Кайши искать поддержку у Советского Союза. Этому способствовали общенациональный патриотический подъем, борьба Коммунистической партии Китая за создание единого фронта. Чан Кайши решил предложить советскому правительству заключить военно-оборонительный союз. Но правительство Советского Союза отклонило это предложение, так как в условиях все более возраставшей угрозы нападения на СССР со стороны фашистской Германии Москва опасалась спровоцировать Японию и оказаться в состоянии войны на два фронта.

Вместо двустороннего советско-китайского военно-оборонительного союза советское правительство активно поддержало идею коллективной безопасности, выдвинутую австралийским правительством, предложившим всем государствам, заинтересованным в сохранении мира на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, заключить Тихоокеанский региональный пакт. Этот вопрос обсуждался 11 марта 1937 г. народным комиссаром иностранных дел СССР М.М. Литвиновым с китайским послом в Москве Цзян Тинфу. При этом М.М. Литвинов подчеркивал, что «только такой пакт может окончательно прекратить агрессию Японии и обеспечить мир на Дальнем Востоке. Япония не могла бы и не смела бы противопоставлять себя коалиции остальных тихоокеанских государств и рано или поздно сама присоединилась бы к ней» [11]. Дальнейшие переговоры с правительством Китайской Республики было поручено вести полпреду СССР в Китае Д.В. Богомолу.

В мае—июне 1937 г. советская дипломатия стремилась продвинуть идею Тихоокеанского пакта в Лондоне и Вашингтоне. Но США, по заявлению президента Ф. Рузвельта, сделанному в беседе с полпредом А.А. Трояновским, считали, что пакт «без Японии не имеет смысла», а главной гарантией мира является «сильный флот, наш, американский, английский и, может быть, советский». США уповали на то, что Япония не выдержит гонки вооружений. Продолжая свою мысль, Ф. Рузвельт заметил: «Вам трудно, вам нуж-

но охранять много морей. На последней неделе выяснилось, что японцы не хотят ограничиться 14-дюймовыми пушками. Мы будем строить 16-дюймовые, англичане тоже. Посмотрим, как выдержат японцы морское соревнование» [12]. К этому можно добавить лишь то, что госсекретарь США К. Хэлл был сторонником политики умиротворения Японии теми же методами, которые в ноябре 1938 г. были реализованы Англией и Францией в отношении Германии в Мюнхене.

Переговоры Д.В. Богомолова в Пекине были трудными [13]. Китайская сторона, видя резко отрицательное отношение к идее Тихоокеанского пакта со стороны США, Великобритании и других держав и не желая конфликтовать с ними, настаивала на заключении двустороннего советско-китайского договора. В итоге советское правительство согласилось заключить с Китаем договор. Но не Пакт о военном союзе или о взаимной помощи, как предлагал Чан Кайши, а Договор о ненападении между СССР и КР. Он был подписан уже после вторжения Японии во Внутренний Китай — 21 августа 1937 г. сроком на 5 лет с продлением каждый раз на 2 года, если ни одна из сторон не заявит о своем желании отказаться от его пролонгации [14].

В статье 1 договора стороны осудили «обращение к войне для разрешения международных споров», отказались от войны «как орудия национальной политики в их отношениях друг с другом» и обязались «воздерживаться от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами». СССР и Китай взаимно обязались не оказывать ни прямой, ни косвенной поддержки державе или державам, совершившим нападение на одну из сторон, и в течение всего конфликта воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы неблагоприятно отразиться на стороне, подвергшейся нападению.

Одновременно в развитие статьи 2-й договора, уполномоченные СССР и КР обменялись устной, строго конфиденциальной декларацией, согласно которой СССР обязался не заключать какого-либо договора с Японией до того времени, пока нормальные отношения КР и Японии не будут формально восстановлены. Китайская Республика взяла на себя обязательство в течение действия договора не подписывать с третьей державой Договора о совместных действиях против коммунизма, который был бы практически направлен против СССР [15].

Было оговорено, что договор не может быть истолкован таким образом, чтобы нарушить или изменить права или обязательства сторон, вытекающие из прежних договоров и соглашений, участниками которых были СССР и Китай.

Как видно из формулировок договора, они были составлены таким образом, что не возлагали на СССР прямого обязательства помогать Китаю в войне против Японии, но и не лишали его такого права, не давая при этом Японии формального повода для агрессивных действий против СССР. Главное значение договора состояло в том, что, во-первых, в нем косвенно осуждалась японская агрессия против Китая и, во-вторых, договором была заложена международно-правовая основа для дружественных советско-китайских отношений. Опираясь на этот договор, СССР сделал максимум того, что он в состоянии был сделать для китайского народа в период его освободительной войны против японской агрессии [16]. В ходе переговоров о подписании договора стороны условились начать в Москве переговоры относительно соглашения о военных поставках СССР Китаю. Причем эти вопросы начали решаться в Москве буквально на следующий день после подписания договора [17].

Сама дата подписания советско-китайского договора свидетельствует о том, что правительство Чан Кайши долго колебалось и пошло на этот шаг лишь после событий у Лугоуцяо. Указанные колебания объяснялись тем, что Чан Кайши не терял надежды договориться с японцами и разрешить конфликт путем уступок. Одновременно он все еще рассчитывал получить поддержку со стороны США и Великобритании. Наконец, китайский лидер стремился добиться от СССР согласия на заключение все-таки военного пакта, который означал бы прямое участие СССР в китайско-японской войне. Кстати, на эти стремления, помимо заинтересованности обрести союзника, влияли и действия Японии. Например, 7 июля 1937 г. японские войска не только начали наступление на Китай, но именно в этот день устроили ряд вооруженных провокаций на советской дальневосточной границе [18].

Поэтому и после заключения Договора о ненападении Чан Кайши не прекращал попыток втянуть СССР в китайско-японскую войну. Он продолжал поднимать вопрос относительно военного союза двух держав или о подписании специального акта о взаимопомощи. Китайская сторона предлагала также заключить секрет-

ное соглашение о советско-китайском сотрудничестве на уровне генеральных штабов вооруженных сил двух стран. Наконец, глава Китайской Республики выдвинул идею установить сотрудничество с СССР по вопросам координации стратегических и тактических планов ведения антияпонской войны с участием в этом деле советского посла в Китае. Китайские политические и военные деятели мотивировали свои предложения тем, что рано или поздно Япония все равно нападет на Советский Союз. Поэтому они предлагали СССР опередить Японию и первым предпринять против нее военные действия.

О том, каким было состояние умов в Нанкине, можно судить по двум обращениям Чан Кайши к И.В. Сталину. 25 ноября 1937 г. китайский лидер направил в Москву письмо с выражением благодарности за поддержку в войне сопротивления. На следующий день, 26 ноября он послал И.В. Сталину телеграмму с просьбой направить советские войска в Китай «для спасения опасного положения в Восточной Азии» [19].

Осенью и зимой 1937 г. советско-китайские отношения активно развиваются по двум направлениям. Первым из них были организация поставок в Китай советской военной техники и отправка туда специалистов, которые могли бы ее использовать и подготовить соответствующий китайский персонал. Вторым — политическая поддержка Китая на международной арене, в первую очередь в Лиге Наций, куда китайское правительство обратилось с требованием рассмотреть вопрос о японской агрессии. Оба эти направления были тесно взаимосвязаны: они заключали в себе меры по недопущению капитуляции Китая, чего добивались Япония и Германия [20].

Но если на первом направлении дела развивались успешно (вопросы оказания военной помощи Китаю решались в Москве конкретно и оперативно) [21], то на втором советская дипломатия встречала упорное сопротивление США, Великобритании и Франции. Эти державы больше японской агрессии опасались усиления позиций СССР в Китае, боялись «повредить» свои отношения с Японией и поэтому блокировали и советские, и китайские предложения, утопив вопрос о японской агрессии в подкомитетах Лиги Наций. Затем он был передан на рассмотрение проходившей в Брюсселе конференции держав — участниц Вашингтонского до-

говора 1922 г., где он и был похоронен в ни к чему не обязывавших резолюциях [22].

В ходе антияпонской войны Чан Кайши, широко практиковавший личную дипломатию, неоднократно направлял в Москву своих специальных представителей из числа наиболее доверенных лиц. Это были: его сын Цзян Цзинго и сын Сунь Ятсена Сунь Фо [23]. Такую же роль играли видные гоминьдановские военные деятели — маршал Ян Цзэ и генерал Хэ Яоцзу, а также известный политический деятель левого крыла Гоминьдана Шао Лицзы. Они прибывали в Москву с личными посланиями, адресованными И.В. Сталину, В.М. Молотову и К.Е. Ворошилову, с целью убедить их в необходимости вступления СССР в антияпонскую войну.

При этом Китай формально не объявлял войны Японии. Вплоть до нападения фашистской Германии на СССР советское правительство в своих ответах на эти обращения китайской стороны подчеркивало, что СССР может вступить в войну с Японией только при одном из следующих трех обстоятельств. В случае, если Япония нападет на СССР; в случае совместного вступления в войну с Японией одновременно трех держав: США, Великобритании и СССР; в случае, если Лига Наций примет решение, рекомендуемое тихоокеанским державам предпринять военные акции против Японии.

В сложной международной обстановке Советский Союз не мог открыто оказывать военную помощь государствам, подвергшимся агрессии. Считалось, что в военных операциях за рубежом участвуют добровольцы. По существу, так оно и было, принцип добровольности был обязательным условием для командирования советских граждан в районы боевых действий. Но, с другой стороны, следует учитывать, что высокий дух интернационализма в Красной Армии создавал условия, когда желающих включиться в борьбу против международных сил, грозивших войной и нашей стране, было во много раз больше, чем могло послать правительство. Для соблюдения режима секретности советская помощь Испании в документах называлась «операция Икс», Китаю — «операция Игрек».

СССР предоставил Китаю льготные кредиты и в счет их направил в Китай оружие и различную боевую технику для вооружения 20 дивизий. Военные грузы до советско-китайской границы доставлялись по железной дороге, а далее перевозились автотранспортом по специально проложенной через Синьцзян шоссейной

дороге. Только за период с октября 1937 г. до середины февраля 1939 г. под перевозку грузов для Китая было занято более 5640 товарных вагонов, а на автомобильном тракте через Синьцзян — более 5260 советских грузовых автомашин. Доставку грузов в Китай по указанному тракту осуществляли свыше 4 тысяч советских специалистов — автомехаников, шоферов и других автодорожников.

Советские специалисты занимались в Синьцзяне сборкой доставляемой туда боевой техники, в том числе самолетов-истребителей, которые перевозились в разобранном виде по железной дороге до города Алма-Ата, а оттуда автотранспортом до китайских городов Урумчи и Хами. Всего с сентября 1937 г. по июнь 1941 г. СССР направил в Китай 1235 самолетов, 1600 орудий различных калибров, свыше 14 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок, около 180 млн патронов, 31,6 тыс. авиабомб, около 2 млн снарядов. Парк китайских ВВС практически целиком состоял из советских самолетов [24].

К началу 1939 г. в Китай были направлены 5000 лучших советских военных специалистов, включая летчиков-добровольцев. Для планирования военных операций была командирована в распоряжение Китайского верховного командования специальная группа высших военных советников (к концу года она насчитывала 75 человек). Среди них были такие прославленные советские полководцы, как В.И. Чуйков, П.С. Рыбалко, П.Ч. Батицкий, А.И. Черепанов и другие. За мужество и отвагу в сражениях с японцами в Китае многие советники, летчики и другие воины-добровольцы были награждены советскими и китайскими орденами, а одиннадцати из них присвоено звание Героя Советского Союза. Многие советские воины погибли в Китае в боях с японскими захватчиками, среди них — свыше 200 летчиков [25].

В это же время Чан Кайши неоднократно обращался к руководству СССР с просьбой направить в Китай в качестве главного военного советника маршала В.К. Блюхера, подчеркивая, что отправка В.К. Блюхера «была бы равносильна посылке на помощь Китаю 100 тыс. войск Красной Армии» [26].

Центральными событиями в отношениях СССР с Китаем в 1938 г. были: визит в Москву председателя Законодательного юаня Китайской Республики Сунь Фо и назначенного послом в СССР маршала Ян Цзэ, их встречи с высшим советским руководством. В результате состоялось подписание двух соглашений о предостав-

лении Советским Союзом Китаю кредита на 50 млн ам. долларов по каждому из них для закупок техники и оборудования. Примечательно, что подписание второго соглашения состоялось 1 июля, а уже через три недели — 22 июля — японская военщина начала вооруженные провокации у оз. Хасан. Не исключено, что так Токио выразило свое отношение к советской помощи Китаю.

В ходе беседы с Сунь Фо И.В. Сталин в ответ на переданную ему просьбу Чан Кайши о расширении помощи заверил: «Мы можем вам всем, чем можем». При этом И.В. Сталин сформулировал два условия, которые, по его мнению, могут обеспечить победу Китая в войне сопротивления: создание собственной военной промышленности и единство страны. «Единый Китай непобедим», — подчеркнул он [27].

Идея создания военных заводов в Китае конкретизировалась в готовность Советского Союза расширить помощь Китаю путем строительства таких предприятий, как авиасборочный и нефтеперерабатывающий заводы, на территории китайской провинции Синьцзян. Вопрос об этом обсуждался с посетившим Москву в начале сентября 1938 г. дубанем Синьцзяна Шэн Шицаем [28] и не встретил возражений. Шэн Шицай, получивший военное образование в Японии, прекрасно понимал, что в результате Китай смог бы получить собственную военную авиацию, превосходящую по техническому уровню японскую, а также обеспечить китайскую армию бензином и другими стратегическими материалами. В итоге отпала бы необходимость ввозить авиатехнику и горюче-смазочные материалы для нее из СССР.

В августе 1938 г. Чан Кайши выступил с инициативой подписать секретный политический договор между Китайской Республикой и Советским Союзом. Этот международно-правовой акт по содержанию являлся бы пактом о взаимопомощи, но без обязательства со стороны СССР вступить в войну с Японией [29]. Однако в Москве посчитали, что «такой договор все же не вызывается обстановкой и принесет отрицательные результаты». Он мог бы ослабить силы освободительной войны, дав «козырь в руки трех агрессивных держав для проведения агрессии» [30].

Тем не менее одна из главных задач советской дипломатии была решена — Китай не капитулировал. 1 ноября 1938 г. Чан Кайши призвал китайский народ продолжить войну сопротивления до победного конца.

Как отмечают исследователи, активная помощь Советского Союза китайскому народу вызвала обострение японо-советских отношений. Вынашивая замыслы широкомасштабного нападения на СССР, Токио с целью «пробы сил» предпринимал ряд прямых военных акций против СССР, а затем и МНР (в 1938 г. у оз. Хасан, в 1939 г. — в районе р. Халхин-Гол). Эти тяжелые бои были косвенной помощью китайскому народу, сдерживавшему натиск японских войск. Маршал Фэн Юйсян 1 августа 1940 г. заявил от имени китайского руководства послу А.С. Панюшкину: «Ударами под Хасаном и Халхин-Голом Советский Союз крепко помог китайскому народу» [31].

Действительно, 1939 год прошел под знаком вооруженных провокаций Японии на границах Монголии, которые вылились в широкомасштабный военный конфликт в районе р. Халхин-Гол [32]. Хронологически этот конфликт (первое сообщение ТАСС о нем датируется 6 июля) достаточно близко последовал за подписанием в Москве 13 июня Договора между правительствами СССР и КР о реализации кредита на 150 млн ам. долларов и Торгового договора между СССР и КР от 16 июня. Вероятно, и это совпадение, как и связь между подписанием кредитных соглашений 1938 г. и провокациями у оз. Хасан, не случайно.

В дни боев в районе р. Халхин-Гол «британское правительство пошло на дальнейшие уступки милитаристской Японии в Китае, заключив 24 июля “соглашение Арита — Крейги” [33] о признании законной японской власти на оккупированной территории Китая. В условиях, когда Япония вела военные действия против СССР и Монголии в районе реки Халхин-Гол, упомянутое соглашение укрепляло политические и военные позиции Японии» [34].

Подписание советско-германского Пакта о ненападении было оценено в Китае как сильный ход советской дипломатии. «Заключение этого договора ставит СССР в центр всей мировой политики», — заявил Чан Кайши 25 августа 1939 г. советскому полпреду А.С. Панюшкину. Китайского лидеру было задано два вопроса: «Какое влияние окажет договор на положение на Дальнем Востоке?» и «Возможно ли японо-английское соглашение?» Отвечая на первый из них, Чан Кайши отметил, что «соглашение является большим ударом по Японии и Польше. В результате соглашения Япония оказывается совершенно изолированной». Что касается

поставленного советской стороной вопроса: «Не может ли Англия пойти на какую-либо сделку с Японией и принести в жертву интересы Китая?» — Чан Кайши ответил, что «Китай не Чехословакия, поэтому, о чем бы ни договорились Япония и Англия, принести в жертву интересы Китая они не смогут, так как Китай ведет свою собственную политику» [35].

В этом плане интересно отметить, что во время визита В.М. Молотова в Берлин в середине ноября 1940 г., где ему предстояло обсудить вопросы взаимодействия СССР с Германией, Италией и Японией, И.В. Сталин дал наркому иностранных дел среди других директив и директиву по Китаю. В ней говорилось: «Относительно Китая в секретном протоколе, в качестве одного из пунктов этого протокола, сказать о необходимости добиваться почетного мира для Китая (Чан Кайши), в чем СССР, м[ожет]. б[ыть], с участием Г[ермании]. и И[талии]., готов взять на себя посредничество, причем мы не возражаем, чтобы Индонезия была признана сферой влияния Японии (Маньчжоу-Го остается за Я[понией])» [36].

В январе 1940 г. центральное китайское правительство обратилось с просьбой ускорить строительство авиационного сборочного завода в Урумчи. Дело в том, что еще Сунь Фо, посетивший Москву в 1939 г., обратился с просьбой построить в Синьцзяне авиазавод производительностью 300 самолетов в год. Однако китайские власти затягивали подписание соглашения по этому вопросу [37]. Вместе с тем в ходе визита в СССР специального представителя Чан Кайши генерала Хэ Яоцзу китайская сторона ставила вопрос о расширении советской военной помощи Китаю.

Масштабы советской помощи Китаю беспокоили Японию, и 2 июля японский посол в СССР С. Того, встретившись с В.М. Молотовым, внес предложение подписать договор о нейтралитете между двумя странами. При этом японская сторона увязывала свое предложение с тем, чтобы «советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству» [38]. В.М. Молотов отвел японские претензии на вмешательство в советско-китайские отношения.

Переговоры относительно Пакта о нейтралитете были продолжены новым японским послом в Москве Татэкавой. После неудачного в ноябре 1940 г. визита В.М. Молотова в Берлин советское руководство рассматривало такой пакт как возможность обеспе-

читать дипломатическими методами неприкосновенность дальневосточных границ СССР. В начале апреля столицу Советского Союза посетил министр иностранных дел Японии И. Мацуока, который и подписал 13 апреля 1941 г. с И.В. Сталиным Пакт о нейтралитете.

Такой поворот событий был крайне нервозно воспринят в Китае, так как означал провал попыток Чан Кайши втянуть СССР в войну с Японией. В ответ на протест полпреда СССР А.С. Панюшкина по поводу критических высказываний в адрес И.В. Сталина в газете «Дагунбао» Чан Кайши заявил, что «наш народ и армия действительно были потрясены сообщениями о заключении пакта. Вы знаете, что наш народ, армия слишком верят Советскому Союзу, который неизменно помогал нам. Вы должны понять, что подобный шаг СССР не мог не произвести очень сильного впечатления на всех, на интеллигенцию в том числе. Неожиданность этого акта действительно оказала сильнейшее психологическое воздействие на Китай. Но я должен заверить Вас, что несмотря ни на что, вера нашего народа в Сталина остается непоколебимой, и это место в передовой “Дагунбао” не может повлиять на наше настроение и чувства к Сталину» [39].

Трагедия, унесшая свыше 60 миллионов жизней

22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз, а 7 декабря Япония вторглась в тихоокеанские владения США, Великобритании и Франции. 9 декабря 1941 г. национальное правительство Китая объявило войну Японии, а 10 декабря — Германии и Италии [40]. Война распространилась на весь Азиатско-Тихоокеанский регион и в геополитическом плане превратилась в действительно мировую. С этого момента державы Запада начали оказывать поддержку Китаю. Изменилась и стратегия западных держав в Китае.

На Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании И.В. Сталин в беседе с главами прибывших в Москву делегаций на вопрос А. Гарримана: «Мы посылаем военную миссию в Китай. Имеете ли вы что-нибудь сказать по этому поводу?» — ответил следующим образом: «Было бы неплохо, но Китай перестал воевать». Гарриман тотчас же переспросил: «Продолжаете ли вы снабжать Китай?» И.В. Сталин дал разъяснение: «Нет, ввиду наших собственных

нужд мы прекратили снабжение, но еще 4 месяца тому назад мы послали туда артиллерию и авиацию» [41]. Советское правительство, учитывая необходимость сосредоточить все силы страны на борьбе против фашистской Германии, уведомило американское руководство о своем решении соблюдать Пакт о нейтралитете с Японией.

Чан Кайши продолжал добиваться вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Он предлагал создать единый антияпонский фронт, включив в него США, Великобританию, СССР и Китай [42]. В своем ответе на это предложение 12 декабря 1941 г. И.В. Сталин подчеркнул, что «антияпонский фронт на Тихом океане, а равно и антияпонская борьба в Китае являются частью общего фронта против стран “оси”» [43]. «Победа СССР на антигерманском фронте будет означать победу Англии, США, Китая против государств “оси”...» — отметил И.В. Сталин, предложив Чан Кайши не настаивать на немедленном объявлении Советским Союзом войны Японии [44].

Стремясь максимально использовать людской потенциал Китая в борьбе против Японии, а по окончании войны превратить Китай в опору для защиты американских интересов в этом районе мира, правительство США начало подыгрывать китайскому национализму. Американская дипломатия выдвинула тезис о том, что Китай является одной из великих держав, что он должен играть роль великой державы.

Британская дипломатия далеко не сразу согласилась с этим тезисом, утверждая, что Китай еще не готов быть «эффективной великой державой в ближайшем будущем», что он не способен оказывать «стабилизирующее влияние в Азии» [45]. Более того, английские правящие круги высказывали опасение, что за «агрессивной националистической Японией может последовать в равной степени агрессивный китайский национализм» [46].

Сражаясь с фашистскими полчищами на фронтах Отечественной войны, Советский Союз вносил решающий вклад во вторую мировую войну и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китайские историки отмечают, что советско-германский фронт был главным как на европейском театре военных действий, так и в масштабе всей Второй мировой войны, что именно Советские Вооруженные Силы сковали и уничтожили основную часть немецких войск, главной силы держав «оси». «Под Сталинградом был совершен коренной перелом не

только в Отечественной войне Советского Союза, но и во Второй мировой войне в целом», — отмечают историки КНР [47].

Чунцинская дипломатия стремилась максимально использовать сложившуюся ситуацию и организовать оборону Гонконга, Сингапура, Бирмы и Китая силами союзников, придать китайскому театру военных действий первостепенное значение в стратегическом плане тихоокеанской войны.

В разгар войны Чунцин, руководствуясь своими соображениями, начал поддерживать требования Вашингтона [48] о том, чтобы СССР разрешил военно-воздушным силам США использовать военные базы на советском Дальнем Востоке для бомбардировок Японии. Национальное правительство пропагандировало эти идеи через свои средства массовой информации. Советское правительство рассматривало такие выступления как эгоистичные и не делало соответствующие дипломатические представления китайскому правительству.

Действительно, после нападения фашистской Германии на Советский Союз немедленное вступление СССР в войну против Японии было абсолютно исключено. Советское руководство, избегая прямого военного вмешательства в японо-китайскую войну, продолжало делать все, что было в его силах и возможностях, для оказания помощи китайскому народу в его справедливой войне сопротивления.

В японских правящих кругах — на секретных заседаниях Координационного комитета японского правительства и императорской ставки, а также на императорских совещаниях — после нападения Германии на Советский Союз шло активное обсуждение дальнейшей политики в отношении СССР. Высшее военно-политическое руководство Японии считало себя связанным Тройственным пактом держав «оси» в большей степени, чем Пактом о нейтралитете от 13 апреля 1941 с СССР. Министр иностранных дел И. Мацуока, подписавший Пакт в Москве, на заседании Координационного комитета 25 июня 1941 г. прямо заявил: «Вообще-то я пошел на заключение Пакта о нейтралитете, считая, что Германия и Советская Россия не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы, вероятно, занял в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать Пакт о нейтралитете» [49].

Советско-японский Пакт о нейтралитете в ст. 2-й фиксировал, что если одна из сторон «окажется объектом действий со сторо-

ны одной или нескольких третьих держав», то на другую сторону возлагается обязательство «соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». А ст. 1-я пакта обязывала стороны «поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность» друг друга. Но в Токио рассматривали эти обязательства лишь как дипломатическое прикрытие истинных планов империи. Поэтому Мацуока без обиняков призывал коллег по кабинету к тому, чтобы воспользоваться германо-советской войной и выступить против СССР для участия в дележе советской территории. «Если Германия возьмет верх и завладеет Советским Союзом, — продолжал он свое выступление на заседании вышеупомянутого Комитета, — мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Нам придется либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос о том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Германию, по всей вероятности, интересуется, что собирается делать Япония. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника из Сибири будут переброшены на Запад? Разве не должны мы прибегнуть по крайней мере к демонстративным действиям?» [50]

На 34-м заседании Координационного комитета 27 июня Мацуока следующим образом аргументировал свою позицию фактического разрыва Пакта о нейтралитете с СССР: «Если мы решим, что война закончится быстро, надо нанести сначала удар на севере. Если же мы начнем обсуждать советскую проблему после того, как немцы расправятся с Советами, дипломатическим путем мы ничего не добьемся. Если мы быстро нападём на Советы, Соединенные Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят СССР. Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией. Мы должны нанести удар, пока ситуация в советско-германской войне еще не определилась» [51].

На императорском совещании 2 июля 1941 г. за нападение на Советский Союз активно выступали принц Коноэ и начальник Генерального штаба армии Сугияма. Но, пожалуй, наиболее откровенно сформулировал свои требования председатель Тайного сове-

та Хара. «Я полагаю, — утверждал он, — все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент. Наша империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатами, пока мы будем заняты войной с Советским Союзом. Наш народ желает сразиться с ним. Я прошу вас, действуя в соответствии с духом Тройственного Пакта, оказать всяческое содействие Германии..

Кто-то может сказать, что в связи с Пактом о нейтралитете для Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз. Но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападём на Советский Союз, никто не сочтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен» [52].

Таким образом, нейтрализация более чем реальной японской угрозы была в этот момент одной из важнейших задач советской дипломатии [53]. Но следует подчеркнуть, что в Москве не было страха по поводу возможного нападения Японии. Когда посетивший Москву А. Иден 20 декабря 1941 г. в ходе его 4-й беседы с И.В. Сталиным поднял вопрос о Дальнем Востоке, попросив у СССР помощи в борьбе с Японией, И. Сталин ответил, что «если СССР объявил бы войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую, серьезную войну на суше, на море и в воздухе. Это ведь не то что декларация войны, которую Японии могла бы объявить Бельгия или Греция. Стало быть, советское правительство должно тщательно учитывать свои возможности и силы. В настоящий момент СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуется еще не меньше четырех месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах».

И, продолжая свои рассуждения, советский руководитель выдвинул парадоксальную идею, заявив, что он «полагает, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы более популярна и создала бы монолитное единство в рядах советского народа. Лучшей иллюстрацией тому является война СССР против гитлеровской агрессии». Сталин полагал, что «нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражения на фронте. Тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР» [54].

Эта оценка оказалась совершенно точной. Летом 1942 г. Квантунская группировка войск была значительно усилена. В разгар наступления германских армий на Сталинград японский штаб сухопутных войск подготовил «операцию № 51» — нанесение удара по Советскому Союзу силами авиации, 23 пехотных и трех танковых дивизий. По настоянию Берлина и в период подготовки битвы на Курской дуге летом 1943 г. в Токио обсуждался план нападения на Советский Союз [55].

Другими факторами, повлиявшими на советско-китайские отношения в рассматриваемый период, были деятельность Коммунистической партии Китая и дальневосточная политика США. Оба этих фактора оказывали на советско-китайские отношения и положительное, и отрицательное воздействие [56].

Первостепенную роль играло существование в Китае такой крупной оппозиционной партии, как КПК, располагавшей своими вооруженными силами, базой в освобожденных районах, развитой сетью организаций в гоминьдановских и оккупированных японцами частях страны. Это было полезно для развития связей СССР с Китаем, так как служило, во-первых, противодействием тем силам в Гоминьдане, которые выступали против советско-китайского сотрудничества и были склонны к сговору с японцами; во-вторых, служило противодействием слишком большому влиянию США в Китае. Москва ориентировала китайских коммунистов на сотрудничество с Гоминьданом для борьбы с японской агрессией.

Влияние на советско-китайские отношения американского фактора было достаточно противоречивым. С одной стороны, США были заинтересованы в объединении национально-патриотических

сил Китая для борьбы против японского агрессора, который был в то время не только врагом Китая, но после вероломного нападения на главную американскую военно-морскую базу на Тихом океане в Пёрл-Харборе стал и врагом США. Вашингтон был заинтересован и в том, чтобы СССР помогал Китаю выстоять под ударами японцев и не пойти на капитуляцию. Поэтому правительство США и в особенности президент Ф. Рузвельт ориентировали гоминьдановское руководство и лично Чан Кайши на установление отношений добрососедского сотрудничества с СССР.

В Вашингтоне считали, что в немалой мере это будет содействовать Гоминьдану в разрешении «коммунистической проблемы» политическими средствами. Поощряя Чан Кайши к добрососедским отношениям с СССР, США стремились вовлечь Москву в посреднические миротворческие действия, которые предпринимала американская дипломатия с целью урегулирования отношений между Гоминьданом и КПК. Это урегулирование было необходимо Вашингтону для того, чтобы не допустить новой Гражданской войны в Китае и как можно больше сил Китая сосредоточить для борьбы против Японии.

Однако усиливавшееся влияние США в Китае, близкие экономические, политические и личные связи американского истеблишмента с правящими кругами гоминьдановского Китая вызывали у советской дипломатии большую обеспокоенность. Москва опасалась, что экономически слабый Китай может попасть под полный контроль США.

Хотя между Москвой и Чунцином время от времени возникали разногласия и трения, но в целом на протяжении всего периода японо-китайской войны отношения СССР с Китаем носили конструктивный характер.

Что касается советско-китайских отношений как элемента мировой политики, то такое их качество, помимо того, что речь шла о двух крупнейших державах, членах антифашистской коалиции, проистекало от постоянного обсуждения лидерами держав проблем послевоенного устройства мира.

Начало этих обсуждений, касавшихся Дальнего Востока, было положено еще во время визита А. Идена в Москву в декабре 1941 г. Затем оно было продолжено в ходе визита В.М. Молотова в Великобританию и США в мае—июне 1942 г. Участие Чан Кайши в Каир-

ской конференции (1943 г.) предопределило ряд положений принятой там декларации, касавшихся возвращения Китаю территорий, захваченных Японией.

Исключительно активно вела себя китайская делегация на Каирской конференции, где дипломатия Чан Кайши по целому ряду вопросов «переиграла» британскую. В ходе переговоров с США Чан Кайши в первую очередь стремился, используя американо-английские противоречия, закрепить за Китаем роль ведущей дальневосточной державы. Он даже пытался склонить Рузвельта к обсуждению вопроса о «возможности и желательности» присоединения к Китаю Монгольской Народной Республики. «Американский президент, — отмечают современные исследователи, — вопреки премьер-министру (У. Черчиллю. — *В.М.*) одобрил позицию лидера Гоминьдана в вопросе о возвращении Китаю Гонконга. Все же в итоге были подчеркнуты общие интересы борьбы с Японией. В Каирской декларации, опубликованной 1 декабря 1943 г., США, Великобритания и Китай объявили своей целью “покарать агрессию” Японии, лишить Японию всех островов на Тихом океане, захваченных и оккупированных ею с начала Первой мировой войны, возвратить Китаю Маньчжурию, острова Формозу (Тайвань) и Пескадорские (Пэнху)» [57].

Чан Кайши стремился «получить от союзников как можно больше оружия и других видов материальной помощи для активизации борьбы не с японцами, а с крепнувшими коммунистическими силами в Китае» [58].

Что касается военной стратегии, то Чан Кайши изложил ее в меморандуме, представленном на обсуждение глав государств. Согласно расчетам Чан Кайши, операции союзников должны были развиваться в такой последовательности: «Ноябрь 1944 — май 1945 г. — освобождение Кантона и Гонконга; май—ноябрь 1945 г. — бомбардировки Тайваня и Филиппин; ноябрь 1945 г. — наступление на Шанхай. Вторжение же на территорию собственно Японии считалось вероятным только после 1947 г.» [59].

В целом же итоги конференции оценивались и в Вашингтоне, и в Чунцине как успех Китая [60]. США продолжали привязывать к себе своего нового союзника. Американская печать отмечала, что, опираясь на американскую мощь, гоминьдановский Китай будет «играть роль гегемона на Востоке» [61].

Таким образом, гоминьдановская дипломатия весьма эффективно добивалась осуществления внешнеполитических целей чанкайшистского режима. Вряд ли можно согласиться с гоминьдановским историком Цянь Иши, который утверждал, что слабое государство не может иметь дипломатии — его удел лишь поражения на международной арене, что дипломатической истории Китая не существует, а есть лишь история порабощения его империалистами [62].

На Тегеранской конференции (1943 г.) Советский Союз в связи с просьбами американской и британской делегаций заявил о своей готовности вступить в войну на Дальнем Востоке после окончания военных действий на Западном фронте. Советская делегация исходила из того, что будет невозможно обеспечить прочный послевоенный мир, не доведя до конца разгрома японского милитаризма.

Советско-китайские отношения на завершающем этапе войны принимают комплексный характер. Важнейшее значение для них имели, во-первых, Крымская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании и заключенное на этой конференции Ялтинское соглашение по вопросам Дальнего Востока и, во-вторых, советско-китайские переговоры и заключенные в результате их 14 августа 1945 г. Советско-китайский договор о дружбе и союзе, а также соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, о Порт-Артуре, Дальнем и по некоторым другим вопросам.

Ялтинское «Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока» предусматривало вступление Советского Союза в войну против Японии. Оно было выработано и заключено руководителями СССР, США и Великобритании без особых трудностей. Требования, выдвинутые Сталиным на этих переговорах в качестве условий вступления СССР в войну против Японии, не встретили возражений со стороны Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Напротив, некоторые условия в пользу СССР были предложены по их инициативе. В соглашении, в частности, подчеркивалось, что после победы над Японией Советскому Союзу будет возвращен Южный Сахалин с прилегающими к нему островами, а также переданы Курильские острова. Кстати, Ф.-Д. Рузвельт еще 5 октября 1943 г. высказал суждение, что «Курилы должны быть на самом деле переданы России» [63].

Советский Союз, не дожидаясь окончания войны в Европе, полным ходом вел подготовку к выполнению взятых в Тегеране и Ялте обязательств о вступлении СССР в антияпонскую войну. После капитуляции фашистской Германии советское командование сразу же приступило к переброске советских войск с германского фронта на Дальний Восток.

Для И.В. Сталина нанести поражение Японии в этой войне было справедливым актом возмездия, за тот ущерб, который был причинен политическому престижу России в 1905 г. Советский руководитель стремился очистить историческую память народа своей страны, сметя то пятно позора, которое оставила на ней война 1904—1905 гг. Он хорошо помнил этот позор, ему было тогда 26 лет. И обязательным компонентом этого реванша национального достоинства было возвращение территориальных потерь. Позже, когда Япония была разгромлена и повержена, он скажет: «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции. Это значит, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии» [64].

Довольно сложный характер носили советско-китайские переговоры, проходившие с 30 июня по 13 августа и закончившиеся подписанием 14 августа целого пакета советско-китайских документов. Китайская сторона стремилась ревизовать касавшиеся Китая пункты Ялтинского соглашения, которые, согласно решениям Крымской конференции, должны были лечь в основу советско-китайских договоренностей и подлежали безусловному выполнению китайской стороной. Категоричнее всего китайская сторона выступала против признания независимости Внешней Монголии, то есть Монгольской Народной Республики. Китайская дипломатия выражала также несогласие с предусмотренным Ялтинскими соглашениями преимущественным положением СССР в Порт-Артуре, в Дальнем и на железных дорогах Маньчжурии — КВЖД и ЮМЖД.

В ходе бесед И.В. Сталина и В.М. Молотова с главой китайской делегации Сун Цзывэннем выяснилось, что китайское правитель-

ство не хотело, чтобы управляющим дорогами был не китайский, а советский гражданин; возражало против того, чтобы Советскому Союзу принадлежал полный контроль над военно-морской базой Порт-Артур и портом Дальний, жестко выступало против того, чтобы Советскому Союзу принадлежало право собственности на построенные Россией железные дороги и обслуживающие их промышленные предприятия и другие объекты. Китайское правительство считало, что из-за давности времени, прошедшего после заключения в 1896—1898 годах русско-китайских соглашений, на основе которых строились эти дороги и другие объекты в Маньчжурии, эти права Россией, а следовательно, и Советским Союзом утрачены и должны автоматически перейти к Китаю. Советская сторона, естественно, не могла согласиться с этими построениями китайских представителей.

Между советской и китайской делегациями имели место расхождения и по ряду других вопросов. Вместе с тем советское правительство по целому ряду пожеланий китайской стороны пошло ей навстречу, и в результате был найден компромисс, удовлетворивший обе стороны и нашедший отражение в Советско-китайском договоре о дружбе и сотрудничестве и в других соглашениях, подписанных 14 августа 1945 года.

Говоря об имевших место расхождениях позиций сторон, обнаружившихся в ходе переговоров, следует отметить, что эти расхождения коснулись и такого весьма важного и принципиального вопроса, как отношение СССР и Китая к послевоенной Японии. При рассмотрении китайского проекта Советско-китайского договора о дружбе и сотрудничестве советская делегация обратила внимание на то, что все основные его пункты были обращены против Японии. На встрече с китайской делегацией, состоявшейся 12 августа, В.М. Молотов высказался против такой «антияпонской направленности» договора, считая такого рода направленность неправильной. В состоявшейся дискуссии по этому вопросу В.М. Молотов сослался на заключенные Советским Союзом договоры с другими странами, в частности с Францией, Чехословакией, Венгрией, и указал, что в них не содержится упоминаний о Германии и других странах, воевавших на стороне блока держав «оси». Сун Цзывэнь выразил свое несогласие с мнением В.М. Молотова, мотивируя свою позицию тем, что Германия уже капитулировала, а Япония все еще продолжает войну и

что Китай более всех других стран пострадал от японской агрессии. В.М. Молотов на это ответил, что договор с Китаем, как и упомянутые им договоры, заключаются не на период войны, а на длительный послевоенный период и, таким образом, они обращены в будущее.

Однако в связи с непримиримой позицией по этому вопросу, занятой китайской делегацией, советская сторона пошла на уступки. В результате если не в полной, то в значительной мере антияпонская направленность в советско-китайском договоре, заключенном 14 августа 1945 г., сохранилась.

В договоре стороны брали обязательства оказывать взаимную помощь в еще не законченной войне с Японией, не вступать с ней в отдельные переговоры и не заключать с ней перемирия или мирного договора. Кроме этого СССР и Китай по окончании войны должны были обеспечить совместные меры, чтобы предотвратить повторение агрессии Японией и оказать друг другу помощь в случае нападения Японии на одну из сторон. В период, когда проходили советско-китайские переговоры, подготовка военной операции на Дальнем Востоке была завершена.

8 августа, т.е. на следующий день после начала второго раунда советско-китайских переговоров, советское правительство объявило войну Японии, а 9 августа советские войска в составе трех фронтов, общей численностью свыше одного миллиона человек, перешли в наступление на японские позиции в Северо-Восточном Китае, в Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах.

Официальные круги и широкая общественность всех стран антигитлеровской и антияпонской коалиции с энтузиазмом встретили вступление СССР в войну против Японии. В своем послании Сталину 9 августа Чан Кайши, в частности, отмечал: «Объявление Советским Союзом с сегодняшнего дня войны против Японии вызвало у всего китайского народа чувство глубокого воодушевления. В самом начале оборонительной войны Китая Советский Союз первым оказал нам величайшую моральную и материальную помощь, за которую наш народ преисполнен признательности» [65].

Орган ЦК КПК газета «Цзефан жибао» в передовой 10 августа писала, что эта акция советского правительства «служит еще одним подтверждением последовательности политики СССР, его решимости до конца уничтожить фашистских агрессоров и помочь угнетенным народам. Вступление СССР в войну оказало решающее

воздействие на всю военную обстановку на Дальнем Востоке. Настал час... для полного изгнания японских захватчиков и завоевания свободы и независимости» [66].

В Вашингтоне после заявления президента Трумэна относительно вступления СССР в войну против Японии госсекретарь Бирнс, появившийся на пресс-конференции, выразил надежду, что «японский народ теперь поймет, что всякое дальнейшее сопротивление бесполезно». Бирнс выразил удовлетворение по поводу решения Советского Союза и отметил, что державы, которые «сотрудничали в разгроме своего врага в Европе, будут теперь сотрудничать на Дальнем Востоке и принесут мир всему миру» [67].

А премьер-министр Великобритании К. Эттли, в частности, подчеркнул: «Все мы в Великобритании высоко ценили героическую кампанию России против нацистской Германии. Объявление сегодня войны Советским Союзом против Японии является демонстрацией солидарности между союзными державами. Великобритания приветствует это великое решение Советской России» [68].

Выступая через несколько дней в палате общин, У. Черчилль отметил, что когда британский премьер и президент США рассматривали планы операции против Японии, представленные им Объединенным комитетом начальников штабов, никто не мог сказать, сколько будет потеряно жизней британских и американских солдат в этих операциях, каковы будут материальные потери. Еще меньше «мы знали, как долго Япония будет продолжать оказывать сопротивление на огромном количестве территорий, которые она захватила, и в особенности на территории собственно Японии». Далее Черчилль заявил, что было бы ошибкой полагать, что объявление Советским Союзом войны Японии было ускорено применением атомных бомб [69].

Любопытно, что эту мысль У. Черчилля углубил и развил в своем выступлении «Обстановка после победы и наш курс» Мао Цзэдун, который писал: «Советский Союз вступил в войну. Красная Армия пришла на помощь китайскому народу в изгнании агрессора. Это небывалое в истории Китая событие. Его влияние трудно переоценить. Пропагандистские органы США и Чан Кайши пытаются двумя атомными бомбами свести на нет влияние Красной Армии. Однако его не сведешь на нет — это не так легко сделать. Может ли атомная бомба решить исход войны? Нет, не может. Атомные

бомбы не смогли заставить Японию капитулировать. Если атомная бомба могла бы решить исход войны, то зачем было просить Советский Союз вступить в войну? Почему Япония не капитулировала, когда на нее были сброшены две атомные бомбы, и почему она пошла на капитуляцию сразу же после вступления Советского Союза в войну? Вступление Советского Союза в войну предопределило капитуляцию Японии» [70].

Самые ожесточенные бои с японцами происходили в Маньчжурии, где советским войскам пришлось преодолевать мощную, глубоко эшелонированную долговременную систему обороны и где им противостояла самая крупная по численности и наиболее технически оснащенная группировка японских вооруженных сил, основу которой составляла миллионная Квантунская армия. В течение нескольких дней Красная Армия во взаимодействии с войсками МНР сумела прорвать японскую оборону и продвинуться в глубь территории Маньчжурии. Тем временем войска союзников атаковали позиции японцев на Тихоокеанском фронте. 14 августа, в день подписания Советско-китайского договора, Япония заявила, что она принимает Потсдамскую декларацию (26 июля 1945 г.) США, Китая и Великобритании о безоговорочной капитуляции. Однако приказ японским вооруженным силам о прекращении огня отдан не был, и они продолжали вести боевые действия, оказывая наиболее упорное сопротивление на северо-востоке Китая.

В оперативной сводке командования Красной Армии сообщалось: «В течение 15 августа советские войска продолжали наступление, встречая по-прежнему сопротивление японцев.

Войска 1-го Дальневосточного фронта, преодолевая сопротивление противника в трудных условиях горно-лесной местности, продолжали наступление и заняли несколько населенных пунктов к северо-востоку от города Муданьцзян.

Войска 2-го Дальневосточного фронта, продолжая наступление по обоим берегам реки Сунгари, во взаимодействии с Амурской речной флотилией с боем овладели городами Каоличжэнь, Лянцзянкоу, Синьчжунчжэнь и Баоцин.

Войска Забайкальского фронта с боем заняли города Хуадэ, Канбао, Чжанбэй и Долонор. Одновременно войска фронта продолжали наступление к востоку от горного хребта Большой Хинган и продвинулись вперед на 20—30 километров.

Наша авиация нанесла удары по войскам противника на поле боя и железнодорожным узлам Маньчжурии. Совинформбюро» [71].

17 августа главнокомандующий Квантунской армией генерал О. Ямада обратился к Маршалу Советского Союза А.М. Василевскому с предложением начать переговоры о прекращении военных действий. Одновременно Ямада уведомил советское командование, что он отдал приказ Квантунской армии о немедленном прекращении боевых действий и сдаче оружия. Однако и после этого на отдельных участках фронтов Маньчжурии бои не прекращались, японцы продолжали оказывать сопротивление, в плен сдавались преимущественно части армии Маньчжоу-Го. Более того, на ряде участков фронта японские войска предприняли контрнаступление. В связи с этим главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке 17 августа передал главнокомандующему Квантунской армией требование к 12 часам 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен.

Утром 18 августа генерал Ямада в ответе по радио маршалу А.М. Василевскому выразил готовность выполнить все условия капитуляции. В тот же день советские радиостанции перехватили радиограмму из Чанчуня, в которой говорилось:

«1. Квантунская армия, выполнив до конца свой долг, вынуждена капитулировать. 2. Всем войскам немедленно прекратить военные действия и оставаться в тех районах, где они находятся теперь. 3. Войскам, находящимся в соприкосновении с советскими войсками, сдавать оружие по указанию советского командования. 4. Какие бы то ни было разрушения строго запрещаются. Командующий Квантунской армией» [72].

Так развивались события на советско-японском фронте после заключения 14 августа 1945 г. Советско-китайского договора о дружбе и союзе и других соглашений. Стороны условились, что публикация этих документов состоится после ратификации их соответствующими законодательными органами СССР и Китая. Верховный Совет СССР ратифицировал эти документы 24 августа. К этому времени состоялась их ратификация в Законодательном юане Китайской Республики. По договоренности сторон указанные документы были одновременно опубликованы в СССР и в Китае 28 августа 1945 г.

Отношения между СССР и Китайской Республикой достигли своей кульминации. Договор 14 августа 1945 г. явился апофеозом их сотрудничества в антияпонской войне и прологом к взаимодействию в будущем. Заключение Советско-китайского договора и других соглашений встретило одобрительную реакцию во всем мире. В телеграмме на имя Сталина от 15 августа Чан Кайши писал: «Обескровленный и разбитый японский агрессор безоговорочно капитулировал. От имени народа и армии Китая имею честь послать Вам, а также народу и армии СССР самые горячие приветствия». Чан Кайши особо подчеркнул: «Решительное участие Советского Союза в войне является одной из главных причин, ускоривших разгром жестокого врага» [73].

Другие комментарии последовали после опубликования 27 августа советско-китайского договора и соглашений в советской и зарубежной печати.

В передовой статье «Правды» от 27 августа, озаглавленной «Великий этап в развитии советско-китайских отношений», в частности, указывалось: «СССР и Китай были в одном лагере во время великой освободительной войны против блока агрессоров на Западе и на Востоке. Маньчжурия служила плацдармом для наступления Японии на Китай и СССР». Анализируя отдельные положения договора, «Правда» не обошла вниманием вопрос, который для правительства Чан Кайши был, пожалуй, главным, — вопрос об отношении Москвы к КПК. «Правда» прокомментировала его, придерживаясь гибко составленных формулировок текста договора. В специальной ноте, отмечалось в «Правде», содержится обязательство советского правительства «оказывать Китаю моральную поддержку и помощь военным снаряжением и другими материальными ресурсами, причем эта поддержка и помощь будут полностью идти Национальному правительству как Центральному правительству Китая».

Касаясь другого, острого для советско-китайских отношений вопроса — о событиях в Синьцзяне, «Правда» подчеркивала, что советское правительство «не имеет намерения вмешиваться во внутренние дела Китая» [74].

В Китае по случаю публикации договора и соглашений от 14 августа министр иностранных дел Ван Шицзе провел специальную пресс-конференцию для китайских и иностранных журналистов. Оценивая ход советско-китайских переговоров и подписанные до-

кументы, Ван Шицзе выразил глубокое удовлетворение итогами московских переговоров. Он признал, что в процессе переговоров выявились некоторые разногласия, однако дискуссии в целом носили конструктивный характер. Министр подчеркнул, что во всех случаях обе стороны всегда стремились понять мнения и позиции друг друга по рассматриваемым конкретным вопросам [75].

Чан Кайши в своем заявлении 18 сентября высоко оценил советско-китайский договор и роль СССР в освобождении Китая. Он отметил, что Советская Россия «как на словах, так и на деле продемонстрировала свое уважение стремлениям китайского народа» и что «благодаря военной помощи нашего союзника, Советской России, Каирская и Потсдамская декларации были реализованы, наши северо-восточные провинции освобождены, а наши соотечественники возвращены в объятия Родины» [76].

В работе «О коалиционном правительстве» Мао Цзэдун подчеркивал, что «после того как в 1937 г. началась война сопротивления японским захватчикам, Советский Союз... первым пришел на помощь Китаю в его борьбе против агрессора. Китайский народ выражает свою благодарность советскому правительству и советскому народу за всю эту помощь. Мы считаем, что без участия Советского Союза окончательное и полное разрешение тихоокеанских проблем невозможно» [77].

Договор 1945 г. обеспечивал возвращение СССР прав в Маньчжурии, которыми обладала Россия по союзному договору 1896 г. и по другим соглашениям с Китаем. Эти права были утрачены в результате поражения России в Русско-японской войне 1904—1905 гг. Советскому Союзу возвращалось право на использование военно-морской базы Порт-Артур и порта Дальний. Оба эти незамерзающие порта открывали беспрепятственный выход военным и торговым судам СССР на просторы не только Тихого, но и Мирового океана. Советский Союз получал право на совместное с Китаем использование на паритетных началах маньчжурских железных дорог — КВЖД и ЮМЖД, построенных в свое время на русские деньги. Эти дороги обеспечивали кратчайший путь, связывающий Москву с дальневосточными рубежами СССР. Вместе с железными дорогами в совместную с Китаем собственность переходили десятки крупных промышленных предприятий и многие другие объекты, также построенные Россией и обеспечивавшие деятельность указанных дорог.

Кроме того, китайское правительство выражало согласие на использование на паритетных началах всего мощного военно-промышленного и другого хозяйственного комплекса в трех северо-восточных провинциях Китая, который обслуживал в свое время японскую Квантунскую армию. Все это, вместе взятое, в огромной мере укрепляло не только экономические, но и политические и военно-оборонительные стратегические позиции СССР на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В экономическом отношении северо-восток Китая (Дунбэй) обладал мощным по тем временам промышленным потенциалом, а также располагал огромными человеческими ресурсами. Советско-китайское сотрудничество в Дунбэе могло послужить базой и огромным стимулом для развития районов советского Дальнего Востока и Сибири.

Что касается интересов китайской стороны, то, во-первых, договор означал согласие СССР вступить в войну против Японии. Чан Кайши и другие государственные деятели хорошо понимали, что без помощи со стороны СССР китайско-японская война может затянуться на неопределенно длительный срок.

Во-вторых, договор гарантировал возвращение бывшей территории и Маньчжоу-Го под суверенитет Китая после их освобождения от японских оккупантов. Это рассеивало укоренившиеся в правящих кругах Гоминьдана опасения, что после поражения Японии Дунбэй не будет возвращен Китаю. Такие планы вынашивались в руководящих кругах США и Великобритании. Об этом, в частности, рассказал в беседе с послом СССР в Китае А.С. Панюшкиным 2 декабря 1941 г. известный американский Китаевед Оуэн Латгимор, бывший тогда политическим советником Чан Кайши [78].

В-третьих, в ходе переговоров СССР взял на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела Китая в части, касающейся провинции Синьцзян, что рассеивало складывавшиеся на протяжении ряда лет в правящих кругах Гоминьдана опасения по поводу планов СССР в отношении Синьцзяна. Это позволяло также Центральному китайскому правительству положить конец антикитайским выступлениям местного населения на межнациональной почве, решить эту весьма сложную проблему, используя политические средства и силовые методы.

Четвертым и, пожалуй, главным выгодным фактором, который ценило в советско-китайском договоре правительство Чан Кайши,

было обязательство СССР во всех вопросах советско-китайских отношений иметь дело только с Центральным правительством Китайской Республики как с единственно законным правительством Китая. Правительство Чан Кайши рассматривало это как отказ Москвы от оказания помощи КПК в ее борьбе за свержение гоминьдановского режима.

Нашли ли какую-либо выгоду для себя в Советско-китайском договоре от 14 августа 1945 г. правящие круги США и других западных держав? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Во-первых, главный интерес Запада заключался в том, чтобы реализовать согласие СССР вступить в антияпонскую войну, сократить таким путем сроки этой войны, а главное — сократить потери среди англо-американских солдат и офицеров. По признанию Г. Трумэна, вступление СССР в войну против Японии помогло спасти 500 тысяч американских жизней, а по другим оценкам, потери США могли составить один миллион человек. В англо-американских военных кругах считали, что Япония может продолжать сопротивление даже после потери островов собственно Японии. Японское правительство сможет перебазироваться в Дунбэй и Северный Китай, и тогда США и Великобритания не смогут использовать свою главную силу — военно-морской флот — и не смогут применить атомные бомбы, так как это означало бы сбрасывать эти бомбы на китайское население [79].

Во-вторых, и это было для западных держав не менее важным — Советско-китайский договор давал основание надеяться, что СССР не будет помогать китайской Компартии в борьбе за свержение в Китае гоминьдановского режима, который был для них не только идеологическим союзником, но и гарантом сохранения и укрепления в Китае их экономических позиций.

Еще в ходе выработки Советско-китайского договора мощное наступление Советской Армии в Маньчжурии решило исход войны с Японией. 11 августа Чан Кайши потребовал от японских войск капитулировать только перед правительственными войсками. Эти части на американских самолетах и кораблях перебрасывались из западных и юго-западных районов страны в Шанхай, Нанкин, Пекин, Тяньцзинь, Ухань, Гуанчжоу и другие крупные города.

В тот же день и Чжу Дэ отдал приказ всем войскам 8-й и 4-й Новой армии, дислоцированным в Северном и Центральном Китае,

о переходе в наступление. Повсеместно начались столкновения вооруженных сил КПК с гоминьдановскими войсками. Но Советский Союз четко придерживался линии, зафиксированной в договоре от 14 августа: он выполнял свои союзнические обязательства о невмешательстве во внутренние дела Китая и стремлении к предотвращению гражданской войны.

Эпилог

Итак, Вторая мировая война и началась, и закончилась на Дальнем Востоке. Главную тяжесть в ней вынес советский народ. Советский Союз вышел победителем и вернул многие территориальные потери, понесенные Россией в течение XX века. К сожалению, его бывшие союзники по антигитлеровской и антияпонской коалициям очень быстро обернулись для него противниками в развязавшейся холодной войне. Дело в том, что «на Восточную и Юго-Восточную Азию распространилось то же советско-американское противостояние, которое наметилось в Европе после разгрома гитлеровской Германии. Правда, возможности США были здесь в тот момент более предпочтительными. Что же касается Японии, то она не играла больше никакой активной роли ни в мировых, ни даже в региональных делах» [80].

Мотивы действий американской администрации, пришедшей к власти после кончины Ф.-Д. Рузвельта, раскрыл новый президент, Г. Трумэн. «...Мы должны поддерживать свой полный контроль над Японией и Тихим океаном, — писал глава Белого дома госсекретарю Дж. Ф. Бирнсу. — Мы должны восстановить Китай и создать там сильное Центральное правительство, мы должны сделать то же самое в Корее» [81].

В свою очередь, правящие круги Японии, опасавшиеся усиления коммунистического движения в стране [82] и учитывавшие противоречия между США и СССР [83], сделали ставку на сближение с Вашингтоном. Немедленно вслед за подписанием Акта о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. прошло заседание Тайного совета Японии, в ходе которого бывший министр иностранных дел Иосида утверждал, что «в Восточной Азии создается обстановка, которая породит противоречия между Советским Союзом и Соединенными Штатами, в результате чего они будут сдерживать друг друга».

В результате Тайный совет принял решение, гласившее: «Во всяком случае, мы должны придерживаться такого курса, который позволил бы нам заручиться доброжелательным отношением со стороны Соединенных Штатов» [84].

США, придерживаясь своей стратегии, нацеленной на безраздельное господство на Дальнем Востоке и в Тихом океане, 21 августа 1945 г. «предложили учредить в срочном порядке в Вашингтоне союзническую Дальневосточную консультативную комиссию по Японии (ДВКК) в составе представителей США, СССР, Англии, Китая, Австралии, Канады, Франции, Нидерландов, Новой Зеландии и Филиппин» [85].

Но в этой комиссии голоса участников могли звучать только как международный аккомпанемент солированию Вашингтона: 10 ее членов обладали лишь консультативными функциями и по вопросам оккупационной политики могли предлагать не более чем рекомендации Верховному командующему союзными войсками в Японии американскому генералу Дугласу Макартуру. Таким образом, США стремились обеспечить себе право бесконтрольной оккупации страны. 7 сентября советское правительство, в принципе, согласилось с «указанным предложением об учреждении Консультативной комиссии» [86].

В сентябре 1945 г. в Лондоне состоялась конференция министров иностранных дел «большой тройки», на которой обсуждались конкретные пути реализации решений, принятых в Потсдаме главами победивших держав. На лондонскую встречу по настоянию западных дипломатов были приглашены представители Франции и Китая, принявшие участие и в обсуждении вопросов оккупационного режима и послевоенного устройства Японии. В.М. Молотов допустил ряд просчетов (например, согласился на участие французов и китайцев, которые сомкнулись с США и Великобританией и блокировали советские инициативы). Еще до начала конференции В.М. Молотов, беседуя с Дж.Ф. Бирнсом, внес от имени советского правительства предложение заключить между США и СССР договор, направленный «против возможного возобновления агрессии со стороны Японии» [87].

В ходе Лондонской конференции советская сторона уточнила свою позицию по отношению к ДВКК и отклонила приглашение участвовать в ее работе. Советская делегация 24 сентября вручила

Совету министров иностранных дел меморандум, в котором предложила в первую очередь создать в Токио контрольный орган, в который вошли бы США, СССР, Великобритания и Китай. Замысел заключался в том, чтобы именно эти державы проводили согласованную политику в Японии и, будучи союзниками, несли бы совместную ответственность [88].

Советская дипломатия не отвергала целесообразности наряду с контрольным органом в Токио иметь также Дальневосточную комиссию в Вашингтоне, но указывала на «необходимость наделить последнюю функциями директивного органа, решения которого по принципиальным вопросам принимались бы при наличии единогласия четырех великих держав» [89].

В ответ на советский меморандум китайская делегация 25 сентября вручила В.М. Молотову, Дж. Бирнсу, Э. Бевино, Ж. Бидо меморандум, озаглавленный «Япония: союзный контрольный механизм». Китайская сторона отметила, что «вопросы, относящиеся к контролю над Японией в период военной оккупации... требуют тщательного рассмотрения» на Конференции министров иностранных дел. При этом она особо подчеркнула свое согласие с советской делегацией по вопросу о том, «что основные союзные державы должны предпринять такие политические, экономические, финансовые и другие мероприятия в Японии, которые приведут к полному уничтожению японского милитаризма и созданию таких условий, которые устранят всякую возможность новой агрессии со стороны Японии» [90].

На встрече В.М. Молотова с Дж.Ф. Бирнсом и британским министром иностранных дел Э. Бевином 26 сентября Дж. Ф. Бирнс заявил, что «вопрос о контрольном механизме для Японии связан с целым рядом серьезных соображений и Бирнс не в состоянии решить этот вопрос в Лондоне, не консультируясь с военными советниками и другими специалистами. Этот вопрос можно было бы обсудить дипломатическим путем» [91].

По причине расхождений советской и американской позиций [92] Лондонская конференция закончилась безрезультатно. 6 октября 1945 г. госсекретарь Дж. Бирнс в выступлении по радио попытался оправдать перед мировой общественностью срыв первой после Потсдама встречи министров иностранных дел союзных государств. Он заявил, что «первая сессия Совета министров иностранных дел закончилась безрезультатно. Но это не лишило и не должно лишить

нас возможности предпринять вторую и лучшую попытку продолжать дело создания мира...

Когда общие вопросы, стоявшие на повестке дня, были исчерпаны, соглашение по процедурным вопросам не было достигнуто, что, по мнению советской делегации, сделало невозможным обсуждение вопросов о договорах до тех пор, пока решение от 11/IX [93] не будет отменено. Поскольку я считал, что берлинское соглашение предусматривало расширение круга участников перед окончательным заключением мирного договора, я стремился добиться компромисса в этом направлении. Берлинское соглашение в разделе IV статьи о создании Совета министров иностранных дел ясно предусматривало, что Совет может применять эту процедуру к отдельным проблемам, подлежащим обсуждению, но что в некоторых случаях он может сам обсудить вопрос об участии других заинтересованных государств...

Поэтому я не совсем охотно предложил попросить наших французских и китайских коллег согласиться с позицией советской делегации, в соответствии с которой подготовительная и исследовательская работа Совета по мирному урегулированию будет ограничена лишь странами, подписавшими данные условия капитуляции, при условии, что в то же самое время будет принято соглашение о созыве подлинно представительной мирной конференции до конца этого года. Чтобы обеспечить созыв такой конференции, мы предполагали, что Франция и Китай в интересах мира могут пойти даже на эту жертву...

Советская делегация также подтвердила свою позицию в том отношении, что она не будет обсуждать договор в присутствии членов Совета, которых она уже считала не полномочными. В результате этого Китай был бы исключен из обсуждения всех договоров, а Франция — из обсуждения всех договоров, за исключением одного, причем не было никакой гарантии в том, что они будут участвовать в мирной конференции.

Стало очевидно, что достичь соглашения невозможно и дальнейшее совещание бесполезно.

Китайский министр иностранных дел, который председательствовал, когда заседание Совета было прервано, и по настоянию которого сессия Совета была продолжена с воскресенья до вторника, заявил, что в таких обстоятельствах он не может просить Совет

продолжать свою работу. Фактически министр иностранных дел Советского Союза не отклонил нашего предложения о мирной конференции. Он признал, что оно, в принципе, правильно» [94].

Началась подготовка к намеченному на декабрь 1945 г. совещанию в Москве министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства. По дипломатическим каналам стороны договорились о предварительном согласовании позиций СССР и США и о составе участников Московской конференции.

С американской стороны все полномочия получил посол У.-А. Гарриман, который очень активно подошел к своей миссии [95]. Он попросил, чтобы его принял И.В. Сталин, так как он хотел бы вручить ему послание от Г. Трумэна. В.М. Молотов сообщил американскому послу, что И.В. Сталин «выехал на отдых приблизительно на полтора месяца» и «сейчас не занимается делами, так как он находится в отпуске и довольно далеко от Москвы» [96]. Но тем не менее в тот же день, 15 октября народный комиссар иностранных дел проинформировал посла США, что он направил И.В. Сталину телеграмму с сообщением, что Г. Трумэн направил ему послание, касающееся сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне [97]. И.В. Сталин ответил, что «он с удовольствием примет Гарримана в Сочи, где он проводит свой отпуск, и что он готов выслушать комментарии Гарримана к посланию Трумэна» [98].

21 октября В.М. Молотов направил У.-А. Гарриману письмо, в котором проинформировал его, что, «предлагая учредить Контрольный орган Четырех Союзных Держав по Японии, где имеется правительство», советская сторона «полагает, что Союзная Контрольная Комиссия по Японии должна действовать на основаниях, аналогичных тем, на которых действует Союзная Контрольная Комиссия, например, по Румынии. Союзная Контрольная Комиссия по Японии действовала бы под руководством представителя Соединенных Штатов Америки, причем члены этой комиссии пользовались такими же правами и полномочиями, как члены указанной выше Союзной Контрольной Комиссии» [99].

Первая встреча И.В. Сталина с У.-А. Гарриманом в Сочи состоялась 24 октября и продолжалась 2 часа 45 минут. Прочитав послание Г. Трумэна, Сталин отметил, что оно не имеет даты (Гарриман ответил, что получил его 14 октября) и в нем «не ставится вопрос о

Японии» [100]. Гарриман пояснил, «что японский вопрос все еще обсуждается Государственным департаментом, Военным департаментом и генералом Макартуром». Г. Трумэн надеется, что «30 октября, когда в Вашингтоне состоится первое заседание Консультативной комиссии по Японии, он сможет представить конкретные предложения». Далее Гарриман объявил, что он «неофициально может проинформировать И.В. Сталина о том, в каком направлении работает мысль советников Президента по японскому вопросу», и еще раз подчеркнул, что все сказанное им «должно считаться неофициальным» [101]. И.В. Сталин дал свое согласие.

Во-первых, Гарриман обвинил Великобританию в срыве всех заранее согласованных сроков созыва Консультативной комиссии по Японии. Во-вторых, он отметил, что после капитуляции Японии, разоружения японской армии и принятия контроля над Японией американцами «имеется в виду пригласить Советский Союз, Китай и Англию послать некоторое количество своих войск для участия во второй фазе контроля над Японией». По мнению Гарримана, «общая идея заключается в том, что оккупационные войска других держав будут осуществлять общую политику, согласованную с генералом Макартуром». По мнению американской стороны, «командующие оккупационными войсками других держав должны действовать совместно с генералом Макартуром в качестве “Военного совета”, располагающего исчерпывающей информацией, обсуждающего все вопросы и договаривающегося по всем вопросам, но при условии, что если по какому-нибудь вопросу не будет достигнуто соглашения, то последнее слово остается за генералом Макартуром» [102]. Предполагалось, что Консультативная комиссия по Японии в дальнейшем будет переведена в Токио и начнет заниматься политическими и экономическими вопросами.

В Вашингтоне некоторые эксперты полагали, что можно соединить функции Консультативной комиссии и Военного совета, создав единый Политический совет. При этом они считали, что «ввиду сложности обстановки в случае разногласия между Союзниками окончательное слово должно оставаться за генералом Макартуром» [103]. По вопросу о контроле над Японией И.В. Сталин высказал несколько замечаний:

«По его, тов. Сталина, мнению, “Контрольная Комиссия” является более подходящим термином, чем “Контрольный Совет”, так

как Союзники имеют Контрольный Совет только в Германии, где нет правительства. В Японии существует правительство, и поэтому Контрольная Комиссия более подойдет там, нежели Контрольный Совет. Здесь можно провести аналогию с Венгрией или Румынией, где существуют Контрольные Комиссии, где нет других войск Союзников, кроме советских, и где решающее слово принадлежит председателю Контрольной Комиссии, хотя в меньшей степени, чем это было изложено Гарриманом в отношении прав Макартура в Японии. Само собой разумеется, что постоянным председателем в Контрольной Комиссии в Японии должен быть представитель США, в данном случае генерал Макартур, и что ему должно принадлежать решающее слово. Если же на главных островах Японии иметь, кроме американских войск, войска других союзников, как это имеет место в Германии, то это могло бы привести к тому, что был бы поставлен вопрос о том, чтобы ограничить права генерала Макартура, чего не хотят США. Поэтому, чтобы сохранить преобладающую роль генерала Макартура как постоянного председателя, может быть, не стоило бы вводить в Японию войска союзников — русских, англичан и китайцев. В этом была бы логическая последовательность» [104].

На следующий день, 25 октября состоялась вторая встреча У.-А. Гарримана с И.В. Сталиным, на которой также обсуждались вопросы, касающиеся Японии. На сей раз она началась в 7 часов вечера и длилась 1 час 50 минут. У.-А. Гарриман сразу же поставил вопрос, пошлет ли Советский Союз своего представителя в Вашингтон для участия в заседании Консультативной комиссии. И.В. Сталин ответил: «Советскому Правительству очень трудно послать своего представителя, ибо Советскому Правительству трудно фигурировать в качестве бесплатного приложения, в качестве государства, разделяющего ответственность за политику по отношению к Японии, но не имеющего на нее влияния» [105].

Гарриман попытался сослаться на то, что советское правительство 7 сентября приняло американское предложение и дало свое согласие на создание ДВКК. Но И.В. Сталин разъяснил ему, что с тех пор в обстановке произошли изменения. А на утверждение Гарримана, что ДВКК должна рассматривать механизм осуществления условий капитуляции Японии, советский лидер ответил, что «такой вопрос, как создание контрольного механизма, должен быть решен между правительствами. Ни Консультативная Комиссия и ни-

кто другой не могут при нынешних условиях решить этот вопрос». И далее И.В. Сталин вновь остановился на том, почему вопрос о контрольном механизме должен решаться на правительственном уровне. «Различие в обстановке тогда (7 сентября. — *Авт.*) и теперь заключается в том, — подчеркнул он, — что теперь Япония побеждена и Союзники опоздали с созданием контрольного механизма, поэтому было бы удобнее и можно было бы быстрее решить вопрос о контрольном механизме для Японии между Правительствами» [106].

Затем до сведения американского представителя И.В. Сталиным были доведены многочисленные факты таких односторонних действий генерала Макартура, как формирование одного, а затем другого японского правительства, закрытие японских банков, оставление на свободе японских военных преступников. «Разве так обращаются с союзником? — спросил И.В. Сталин. Если такое положение дел будет продолжаться, то Советский Союз совсем уйдет из Японии, так как Советское Правительство не желает отвечать за действия, о которых оно узнает из печати. Общественное мнение ведь считает, что генерал Макартур представляет Советский Союз. На самом деле это не так, и будет честнее уйти, сказав, что Советское Правительство не отвечает за политику в Японии, чем сидеть там в качестве ненужной мебели» [107].

Резкая позиция И.В. Сталина, проявившаяся особенно во время второй встречи с У.А. Гарриманом, не осталась незамеченной в Вашингтоне. Оттуда американскому послу срочно сообщили, что «Президент, Бирнс и Военное Министерство работают над предложениями Генералиссимуса Сталина по японскому вопросу» [108].

США все же решили до начала совещания в Москве ввести в действие ДВКК без участия Советского Союза. И, получив согласие государств, включенных в состав этого органа, 6 ноября объявили о начале работы Дальневосточной консультативной комиссии в Вашингтоне. «Но скоро стало ясно, что консультативный характер функций этого органа превращал его в бесправный придаток госдепа США, все другие участники комиссии были лишены возможности как-то влиять на проведение оккупационной политики в Японии, что, естественно, вызывало их недовольство» [109].

Наконец, на Московском совещании в декабре 1945 г. была выработана договоренность об участии союзных держав в проведении оккупационной политики в Японии. 24 декабря 1945 г. в письме

И.В. Сталину Чан Кайши по этому поводу отметил: «Господин Генералиссимус, с большой радостью я узнал о том, что по возвращении Вашем из отпуска Ваше здоровье еще более окрепло. Я глубоко верю, что происходящая в Москве под Вашим ближайшим руководством Конференция трех министров иностранных дел должна, несомненно, принести важные и ценные результаты и оправдать, таким образом, надежды всех Объединенных Наций» [110].

США были вынуждены распустить созданную ими Дальневосточную консультативную комиссию и дать согласие на создание двух новых органов: Дальневосточной комиссии (ДВК) в Вашингтоне и Союзного совета для Японии (ССЯ) в Токио. В Дальневосточную комиссию вошли представители СССР, США, Великобритании, Китая, Франции, Голландии, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Филиппин. В ноябре 1949 г. к ее работе подключились представители Бирмы и Пакистана. Основной функцией ДВК являлось «формулировать политическую линию и общие основания, в соответствии с которыми может осуществляться выполнение Японией ее обязательств по условиям капитуляции» [111].

Союзный совет для Японии был образован из представителей США (председатель), СССР, Китая и Великобритании. В его функции входил контроль распоряжений главнокомандующего американскими оккупационными войсками. В случае разногласий урегулированием спорных проблем должна была заниматься ДВК в Вашингтоне. Д. Макартур был изначально против ССЯ. Он откровенно третировал его и постоянно нарушал принятые договоренности. Д. Макартур принял на себя командование американскими вооруженными силами во время войны в Корее. Но из-за неудач американских войск в 1951 г. он был смещен президентом Г. Трумэном со всех постов.

Одним из нагляднейших документов, характеризовавших истинное отношение Вашингтона к нашей стране, была оговорка сената США при ратификации Сан-Францисского мирного договора с Японией, подписанного 8 сентября 1951 г. Напомню ее содержание: «Предусматривается, что условия Договора не будут означать признание за СССР каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 г., которые наносили ущерб правам и правооснованиям Японии на эти территории, равно как не будут признаваться какие бы то ни было

положения в пользу СССР в отношении Японии, содержащиеся в Ялтинском соглашении». Как известно, 7 декабря 1941 г. японский флот и авиация, стартовавшие с баз на Курильских островах, нанесли американцам сокрушительное поражение в Пёрл-Харборе.

Под предлогом вступления в силу Сан-Францисского мирного договора США 28 апреля 1952 г. в одностороннем порядке приняли решение о прекращении работы ССЯ [112].

На протяжении XX столетия Япония была наиболее агрессивным государством региона, развязавшим три крупные войны против соседних государств, включая нашу страну. Международно-правовые акты, принятые союзными державами после разгрома японского милитаризма, были направлены на то, чтобы сделать невозможным его возрождение.

Милитаризм, как объясняет этот термин современная историческая наука, есть система политических, экономических и идеологических средств, используемых правящими кругами той или иной страны с целью наращивания военной мощи государства. Сегодня вновь мир заговорил о возрождении японского милитаризма.

Японские руководители в послевоенные годы всегда подчеркивали, что они следуют «в фарватере внешней политики США». Впервые возможность действий вооруженных сил Японии за пределами страны была допущена в американо-японском меморандуме о военном сотрудничестве двух стран при «чрезвычайных обстоятельствах», подписанном в декабре 1986 г. Япония обязывалась обеспечить боевое охранение морского и воздушного пространств в западной части Тихого океана, в акватории до 1000 миль от японского побережья. В следующем году Япония присоединилась к программе СОИ. В ходе визита Дж. Буша (старшего) в 1992 г. стороны договорились о «глобальном партнерстве». Таким образом, Япония с помощью американской дипломатии «вползала» в те решения и действия, с помощью которых японское руководство, возглавлявшееся премьером Коидзуми, поддержало США в их иракской войне, направив в Ирак силы «национальной обороны».

Правительство Японии, как и вашингтонские политики, в наши дни перешагнуло через внутренние (Конституция Японии) и международные правовые акты. Наблюдается все более расширяющееся игнорирование Японией «неудобных» международных

обязательств, в том числе и по Уставу ООН и Сан-Францисскому договору 1951 г. Это происходит под воздействием такой американской внешней политики, которую знаменитый сенатор Фулбрайт охарактеризовал как «самонадеянность силы». Я бы добавил к этому, что мир не должен забывать об уроках истории. В канун 65-летия Победы на многих конференциях, посвященных этой дате, вспоминали, как нацистская Германия избавлялась от не устраивавшего ее Версальского договора и игнорировала Лигу Наций.

Что происходит с японским обществом, которое, восстанавливая Японию после Второй мировой войны, исключало войну из политики и практики своей страны? [113] «В постмодернистской культуре, — отмечают японские эксперты, — не ТВ выступает зеркалом общества, а наоборот, общество — зеркало ТВ». В результате возникает прототип «телевизионного человека», то есть своеобразной личности, почти полностью сформированной телеобразами и Интернетом. Это в первую очередь касается внешнеполитического мышления, поскольку большинство японцев не пользуются другими источниками получения информации о международных событиях» [114].

В то же время, когда в Токио было принято решение о посылке воинского контингента в Ирак, в 2004 г. премьер Коидзуми совершил вояж на военном корабле у южных Курил. А уже в конце 2004 г. был одобрен и новый среднесрочный (на 5 лет, до 2009 г.) план в области оборонных мероприятий. В нем КНР и КНДР были обозначены как потенциальные противники Японии. Как подчеркивалось в этом документе, Китай, который оказывает серьезное влияние на региональную безопасность, усиливает свою ракетно-ядерную мощь, модернизирует военный флот и военно-воздушные силы, становится все более активным на море. Северная Корея, в свою очередь, обвинялась в развитии, развертывании и наращивании оружия массового уничтожения и баллистических ракет.

План обеспечивал наращивание сил самообороны по сравнению с предыдущим уровнем. Так, в целом состав сил самообороны увеличивался со 160 тыс. до 166 тыс., причем регулярная армия возрастала со 145 тыс. до 156 тыс., количество танков возрастало с 900 до 930, а эсминцев с 50 до 52. Для реализации этого плана 15 декабря 2006 г. Управление национальной обороны было превращено в полноценное министерство.

Нельзя не согласиться с выводом отечественных специалистов о том, что «в условиях укрепления военно-политического союза Японии и США, повышения возможностей японских вооруженных сил и изменения их роли и задач очевидно изменение существующего силового баланса в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Российской Федерации, непосредственно граничащей с Японией, необходимо принимать во внимание эти серьезные изменения и с их учетом при необходимости осуществить корректировку как своей политики в отношении Токио, так и военно-политической стратегии на Дальнем Востоке в целом» [115].

Примечания

1. Широкое обсуждение международными научными кругами различных аспектов Второй мировой войны было организовано в Москве Институтом всеобщей истории РАН в канун 60-летия Победы. См.: Война, Народ, Победа. Материалы Международной научной конференции. Москва, 15—16 марта 2005 года. М., 2008. Интересная конференция в наши дни проведена Российским государственным гуманитарным университетом. См.: СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне. Политический дискурс, историографические дискуссии, проблемы преподавания. Материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Москва. 21—22 апреля 2010.

2. У Константина Сергеевича был кот, о котором великий актер сказал, что однажды попытался подражать его кошачьей грации, но у него ничего не получилось. Станиславский К.С. Работа актера над собой // Собрание сочинений в 9 томах. Т. 2. М., 1989. С. 146. Несколько ближе к мхатовскому фольклорному сюжету находится случай с Ф.И. Шаляпиным, когда при исполнении русским гением знаменитой арии Ивана Сусанина в Большом театре на сцену вышла кошка. Вот как описывает это С.В. Рахманинов: «Начав играть эту метель, я за своим дирижерским пультом вдруг увидел в глубине сцены что-то движущееся, ближе и ближе. Наконец разглядел — кошка! Самая обыкновенная кошка, которая, не торопясь, легкой рысцой, взяла курс на суфлера и на меня, сидевшего в том же направлении. Чувствовала она себя очень покойно. Сцена была пуста, Шаляпин сидел в стороне, и она его не видела, и метель ее мало тревожила. Я боялся этого непредвиденного в либретто явления главным образом из-за Шаляпина и

того впечатления, которое произведёт на него это досадное явление. Боялся также и за публику, которая не удержится от смеха. Но публика удержалась из-за одного уважения к Шаляпину, конечно... а кошка всё так же спокойно направлялась к суфлёру, где и произошла перемена её действий. Суфлёр, по-видимому, замахнулся на неё, кошка перепугалась, подняла хвост и карьером пронеслась в левую кулису как раз мимо Шаляпина. Здесь публика не выдержала, и послышался легкий смех. Но всё обошлось благополучно, и даже Шаляпин мне в антракте сказал самым миролюбивым образом: “До какой реальности мы доходим в наших постановках — лес и настоящие дикие звери!”» (С. Рахманинов. Литературное наследие. «Советский композитор», Москва, 1978. С. 60).

3. Луань Цзинхэ. Война сопротивления Японии – важный фронт антифашистской мировой войны. Доклад на международной конференции, посвященной 65-летию Победы во Второй мировой войне. Москва 8 апреля 2010 г.

4. Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898—1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996. С. 320.

5. Нарочницкая Н.А., Фалин В.М. и др. Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 5.

6. К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. Отв. ред. Сахаров А.Н., Сирош И.И. М., 2009.

7. Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк / Научн. рук. Л.В. Поздеева. Отв. ред. Е.Н. Кульков. М.: Наука. 2002. С. 30. (Далее: Мировые войны XX века. Кн. 3.); Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы / Отв. ред. М.Ю. Мягков. Сост. Ю.А. Никифоров. М.: Наука. 2002. С. 33—37. (Далее: Мировые войны XX века. Кн. 4).

8. Цит. по: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917—2002 гг. М., 2002. С. 189. (Далее: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2.)

9. Севастьянов Г.Н. Европейский кризис и позиция США. 1938—1939. М., 1992. С. 13. Правда, эту позицию Чемберлена не разделял У. Черчилль, который 28 мая 1938 г. говорил советскому послу И.М. Майскому: «Нам нужна, до разреза нужна сильная Россия как противовес Германии и Японии». (Там же. С. 12).

10. Каткова З.Д. Внешняя политика гомиьндановского правительства в период антияпонской войны (1937—1945). М., 1978. С. 172.

11. Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы. Советско-китайские отношения. Т. IV. 1937—1945. Кн. 1: 1937—1944 гг. М., 2000. Док. № 5.С. 42—43. (Далее: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1)
12. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 56—57. Док. № 14.
13. Подробнее см.: Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937—1952. М., 1999. С. 248—250. (Далее: Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая).
14. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 88—89. Док. № 53.
15. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 355. Л. 42; см. также прим. 1 к док. № 53.
16. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 88—89. Док. № 53.
17. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 90, 91, 93, 94. Док. № 55, 57, 60, 61.
18. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 58—59. Док. № 16-17.
19. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 159—160, 163. Док. № 124 и 127.
20. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 166. Док. № 129.
21. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 105—108, 115—116, 128, 136—138, 151—157, 178. Док. № 76, 85, 100, 111, 121, 137.
22. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 98—99, 103, 108—109, 110, 112—115, 117, 119—121, 131—132, 133—134, 142—143, 148, 149—150, 157—158. Док. № 67, 73, 77, 78, 81, 84, 87, 90, 91, 92, 103, 104, 107, 112, 116, 118, 122.
23. См.: Соколов В.В. Две встречи Сунь Фо с И.В. Сталиным в 1938—1939 гг. // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 18. (Далее: НиНИ...).
24. История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 2. М, 1974. С. 72; Рахманин О.Б. К истории отношений РСФСР, СССР, РФ с Китаем. 1917—1997 (обзор основных событий, оценки экспертов). М., 1999. С. 9. (Далее: Рахманин О.Б. К истории отношений).
25. Подробно о советской помощи Китаю в годы китайско-японской войны см.: Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне. М., 1964; На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925—1945. Изд. 2-е, дополненное. М., 1977; Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны. 1941—1945. М., 1999; Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая.
26. Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 251.
27. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 198—200. Док. № 158.
28. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 307—311. Док. № 255.
29. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 291—297, 300—305, 306—307. Док. № 247, 251, 252, 254.
30. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 313—319. Док. № 259.

31. Рахманин О.Б. К истории отношений... С. 9.
32. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 443—444, 471—472, 473—475, 476—477, 492, 495—496, 505—508, 51. Док. № 337, 361, 363, 364, 366, 376, 380, 389, 392.
33. Текст соглашения см.: Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 72. Док. № 50.
34. Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. С. 250—251.
35. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 485—488. Док. № 373.
36. Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 177. Док. № 137.
37. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 562—563. Док. № 428.
38. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 598—604. Док. № 452.
39. РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 645—647. Док. № 477.
40. Декларацию об объявлении войны см.: Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 322. Док. № 245.
41. Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 360. Док. № 267.
42. Там же. С. 671—672. Док. № 497.
43. Там же. С. 673. Док. № 498.
44. Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 235.
45. Woodward L. British Foreign Policy in the World War. L., 1962. P. 420.
46. Ibidem.
47. Хуан Юйчжан и др. Диэрци шицзе дачжань 1939-1945. (Вторая мировая война 1939—1945). Пекин, 1984. С. 298, 529.
48. В декабре 1941 г. У. Черчилль в памятной записке начальникам британских штабов подчеркивал: «Всех привлекает проблема создания авиабаз в Китае или в России, с которых можно было бы совершать налеты на японские города. Весьма желательно поэтому, чтобы Россия вступила в войну против Японии. Это позволит ее авиации и авиации союзников бомбардировать основные японские города с близкого расстояния». РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 673. Док. № 499.
49. Кошкин А.А. Японская дилемма: удар на Север или на Юг? Японские документы 1941 года // Война и политика. 1939—1941. М., 1999. С. 431. Его же. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 114—149.
50. Кошкин А.А. Японская дилемма.: С. 432.
51. Там же. С. 434.
52. Там же. С. 440. См. также: Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 305—307. Док. № 231.

53. О действиях советской дипломатии по нейтрализации японской угрозы см.: Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны 1939—1941. М., 1997. С. 93—98.
54. Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941—1942. М., 1997. С. 58.
55. Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 192—193.
56. См. по данному вопросу : Тихвинский СМ. Путь Китая к объединению и независимости. 1898-1949. По материалам биографии Чжоу Эпьяля. М., 1996. Гл. 24—30; Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае... Гл. 3—6.
57. Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 302—303.
58. Там же. С. 195.
59. Там же.
60. Каткова З. Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства. С. 183—196.
61. Там же. С. 197.
62. Цянь Иши. Чжунго вайцзяо ши (История китайской дипломатии). Ханькоу, 1938. С. 12—15.
63. Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 455. Док. № 322.
64. Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 590. Док. № 419.
65. Правда. 10 августа. 1945.
66. Цзефан жибао. 1945. 10 августа.
67. Правда. 10 августа. 1945.
68. Там же.
69. Там же. 19 августа. 1945.
70. Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. IV. Пекин, 1969. С. 20—21.
71. Правда. 16 августа. 1945.
72. См.: Институт военной истории МО РФ. Документы и материалы. Ипв. № 61. Л. 668. Подробнее см.: История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. II. М., 1980. С. 238—273.
73. Правда. 19 августа 1945.
74. Правда. 27 августа 1945.
75. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 6. П. 47. Д. 67.
76. Collected War Time Messages of Generalissimo Chiang Kaishek. Vol. XI. New York, 1946. P. 867.
77. Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. III. Пекин, 1969. С. 332.
78. АП РФ. Ф. 0100. Оп. 29. Д. П. Л. 20—22: Запись беседы посла СССР в Китае А.С. Панюшкина с О. Латтимором 2 декабря 1941 года.

79. Truman H. The Memoirs 1945—1953. Years of Decisions. Vol. I. N.Y., 1965. P. 265; Кузнец Ю. От Пёрл-Харбора до Потсдама. М., 1970. С. 312.

80. История Японии 1868—1998. Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 2. М., 1999. С. 483. О подготовке США к послевоенному управлению Японией подробнее см.: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. 1. 1945—1957 годы. М., 1978. С. 32—33.

81. Truman H.S. The Memoirs. Vol. 1. P. 551—552. Цит. по: История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М., 1980. С. 410.

82. Бывший премьер-министр принц Коноэ в докладе императору, поданном еще в феврале 1945 г., писал: «Наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за этим поражением» (История войны на Тихом океане. Т. 4. Приложение. М., 1957. С. 252).

83. Попытки японского правительства расколоть коалицию союзных держав для того, чтобы избежать безоговорочной капитуляции, а также действия советской и американской дипломатии по проблемам завершения войны с Японией и ее послевоенного устройства детально рассмотрены в статье академика Г.Н. Севостьянова «Япония 1945 г. в оценках советских дипломатов. Новые архивные материалы» // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 32—53.

84. Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. 1. 1945—1957 годы. М., 1978. С. 93.

85. Россия XX век. Документы. Советско-американские отношения 1945—1948 / Сост. Алдошин В.В., Иванов Ю.В., Семенов В.М., научн. ред. акад. Г.Н. Севостьянов. М., 2004. С. 82 (далее — Советско-американские отношения 1945—1948). В таком издании, как «История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М., 1980, эта дата указана как 22 августа (С. 410). В свою очередь «Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. 1. 1945—1957 годы». М., 1978. датируют создание ДВКК октябрем 1945 г. С. 95.

86. Советско-американские отношения 1945—1948. С. 8

87. Там же. С. 37.

88. Там же. С. 53.

89. История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 410.

90. Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Советско-китайские отношения. Т. 4. 1937—1945. Кн. 2. 1945 г. М., 2000. С. 247 – 248.

91. Советско-американские отношения 1945—1948. С. 44.
92. Там же. С. 49—50.
93. Решение об участии в конференции представителей Китая и Франции.
94. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 97. Л. 11—12 (далее РГАСПИ).
95. Советско-американские отношения 1945—1948. С.56.
96. Там же. С. 57—58.
97. Там же. С. 58.
98. Там же. С. 59.
99. Там же. С. 67—68.
100. Там же. С. 68.
101. Там же.
102. Там же. С.68—69.
103. Там же. С. 70.
104. Там же.
105. Там же. С. 78.
106. Там же. С. 78—79, 83.
107. Там же. С. 80.
108. Там же. С. 86.
109. История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 411.
110. Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Советско-китайские отношения. Т. 4. 1937—1945. Кн. 2. 1945 г. М., 2000. С. 321.
111. См. подробнее: СССР и Япония. М., 1987. С. 248.
112. Антонова Н.С., Мясников В.С. «Надо добиваться единогласия четырех держав, подписавших документ о капитуляции Японии...». Борьба советской дипломатии за создание контрольного механизма для оккупационного режима в Японии (октябрь—ноябрь 1945 г.) // Раздвигающая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 2008. С. 375.
113. Мещеряков А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2009.
114. Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности. М., 2010. С. 224
115. Латышев А.И. Участие «сил самообороны» Японии в военной миссии многонациональных сил в Ираке в 2003—2006 гг. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2010. С. 23.

ЛУАНЬ ЦЗИНХЭ, СЮЙ ЧЖИМИНЬ

ВАЖНЫЙ ФРОНТ ВСЕМИРНОЙ АНТИФАШИСТСКОЙ ВОЙНЫ — ВОЙНА КИТАЙСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Введение

Вторая мировая война, которую народы мира вели против фашизма, завершилась 65 лет назад, однако вопрос о дате ее начала до сих пор вызывает споры в международных научных кругах. В соответствии с одной из общепризнанных точек зрения Вторая мировая война, длившаяся шесть лет, началась 1 сентября 1939 г. с нападения Германии на Польшу. Между тем существует и иной взгляд на точку отсчета этой войны, в которой в разное время участвовали более 60 государств и регионов и которая нарушила жизнь свыше 2 миллиардов людей по всему миру. Общее количество мобилизованных с обеих сторон составило более 100 миллионов человек, число погибших — более 50 миллионов. Непосредственные расходы на ведение войны составили 1,352 триллиона долларов США, финансовые убытки достигли 4 триллионов долларов [1]. Мы приводим эти цифры, чтобы еще раз обозначить масштаб тех огромных бедствий, которые принесла человечеству в XX веке Вторая мировая война.

Не подлежит сомнению тот факт, что образование Западного фронта означало не только расширение масштабов боевых действий, оно также сыграло решающую роль в ходе войны. Однако не менее важный вклад в победу во Второй мировой войне был внесен на Восточном фронте, где шла восьмилетняя война китайского на-

рода против японских захватчиков. Это сопротивление стало важной составной частью мировой войны.

Углубленное изучение истории войны китайского народа против японских захватчиков и осмысление ее значения помогут создать более полную картину Второй мировой войны.

Именно этому посвящена предлагаемая статья, в которой утверждается, что подлинной датой начала Второй мировой войны следует считать не 1 сентября 1939 г., а 7 июля 1937 г. — день, когда Япония развязала полномасштабную войну против Китая.

Если принять эту точку зрения и не стремиться искусственно разделять Западный и Восточный фронты, появляется тем больше оснований называть антифашистскую войну, закончившуюся 65 лет назад, Великой мировой.

1. Прелюдия войны сопротивления Японии

Великие географические открытия, появление новых маршрутов мореплавания и кораблей с тяжелой артиллерией позволили западным державам начать активные территориальные завоевания по всему миру. Многие государства Америки, Африки, Океании и Азии постепенно становились колониями или полуколониями западных государств. В Восточной Азии Китай и Япония также столкнулись с беспрецедентными атаками западных держав, стремившихся к мировому господству. Китай не смог избежать трагедии превращения в полуколониальное-полуфеодалное общество. Япония же с помощью реформ Мэйдзи постепенно освобождалась от притязаний западных великих держав. Вставшая на путь капитализма, Япония спешила получить свою долю пирога в разделенном мире. Она стала обращать свои агрессивные экспансионистские взоры на Китай, Корею и других своих близких соседей. В результате Китайско-японской войны (1894—1895 гг.) и Русско-японской войны Япония сразу превратилась в региональную империалистическую державу.

По мере того как Япония набирала силу, росли и ее экспансионистские амбиции. Японский посланник в Китае Хиоки встретился 15 апреля 1915 г. с президентом Китайской Республики Юань Шикаем и выдвинул документ под названием «Двадцать одно требование», направленный на установление безраздельного господства

в Китае. Этот шаг был решительно осужден различными слоями китайской и международной общественности. В первой половине 1919 г. Япония на Парижской мирной конференции, созванной после окончания Первой мировой войны, вступила в сговор с Великобританией и Францией. Не считаясь со статусом Китая как страны-победителя, они замыслили передать Японии все права и интересы Германии в китайской провинции Шаньдун. Китай, переживавший в тот момент подъем национально-демократического движения, не поставил своей подписи под документом конференции. Поэтому эти замыслы потеряли юридическое основание. На Вашингтонской конференции 1922 г. планы Японии установить господство над Китаем вновь потерпели неудачу. В связи с этим военный совет при императоре Хирохито выразил неудовлетворение работой правительства, особенно курсом кабинета на «международную координацию» во внешних делах, решительно потребовал форсировать проведение безрассудной политики по установлению господства над Китаем. С 27 июня по 7 июля 1927 г. в Токио премьер-министр Гиити Танака провел совещание с участием министров армии, флота, иностранных дел, финансов и командующего Квантунской армией. После совещания премьер-министр Танака обобщил его материалы, представив доклад императору Хирохито. В документе, который современники назвали «Меморандумом Танаки», говорилось: «Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай». Хотя в научных кругах идут споры по поводу подлинности «Меморандума Танаки», факты последующей японской агрессии в Китае действительно, в основном, согласуются с планами меморандума [2].

В 1929 г. разразился мировой экономический кризис. Чтобы преодолеть его последствия, власти Великобритании, Франции, США, Германии, Италии и Японии предприняли различные контрмеры. Эту политику можно охарактеризовать китайской пословицей «Во время переправы через море восемь небожителей показывают каждый свои чудеса и волшебство». Так, Великобритания организовала «зону фунта стерлингов», США начали проведение нового политического курса Рузвельта, в Германии к власти пришли фашисты. «Закопошились» фашисты и в японском военном ведомстве. Военные деятели, особенно представляющие Квантунскую

армию, рассматривали Северо-Восточный Китай, располагающий богатыми ресурсами и рынками и, кроме того, играющий важную роль в стратегии отношений с СССР, идеальным объектом, на который можно переложить бремя трудностей экономического кризиса и внутренних противоречий в Японии. Пользуясь в качестве предлога проблемой получения прав на строительство пяти железных дорог в Монголии и Маньчжурии, а также инцидентом в деревне Ваньбаошань, они требовали одним разом разрешить «спорные вопросы между Китаем и Японией» и «проблему Маньчжурии и Монголии», намеренно создавали напряженную обстановку для развязывания японо-китайской войны.

Агрессивные замыслы привели к тому, что японская Квантунская армия 18 сентября 1931 г. совершила действия, потрясшие Китай и весь мир. Тщательно все спланировав, Квантунская армия взорвала участок железной дороги в местечке Лютяоху, в пригороде Шэньяна. Затем японцы клеветнически обвинили в этих действиях китайских военных. Не дожидаясь результатов дипломатических переговоров между Китаем и Японией, японцы подвергли бомбардировке Бэйдаин, где дислоцировалась Северо-Восточной армия. На рассвете следующего дня был захвачен провинциальный центр провинции Ляонин Мукден (Шэньян). Поскольку китайским войскам в Мукдене не было дано приказа сопротивляться, им пришлось отступить. Безрассудная и самонадеянная японская Квантунская армия, получив поддержку со стороны войск японской Гарнизонной армии в Корее, 21 сентября захватила город Цзилинь, центр одноименной провинции. Японцы быстро продвигались вперед. 23 сентября был занят Дуньхуа, 24 сентября были взяты Тунляо и Синьминь. 8 октября беспорядочной бомбардировке был подвергнут город Цзиньжоу, что привело к смертям и ранениям среди мирных жителей и вызвало серьезные повреждения гражданских объектов. Поскольку с самого начала японская армия прибегла в Китае к беспорядочным бомбардировкам, а также создала серьезную угрозу англо-американским интересам в Центральном Китае, события вызвали широкий резонанс и решительное осуждение со стороны мирового сообщества. В связи с этим японская Квантунская армия, временно ослабив «наступление на юг», обратила взоры на север — на Хэйлунцзян. Хотя на мосту через реку Нэньцзян японцы встретили героическое сопротивление частей под коман-

дованием и.о. губернатора провинции Хэйлунцзян Ма Чжаньшаня, все же 19 ноября они заняли центр провинции Хэйлунцзян Цицикар. Затем японская армия, не останавливаясь, продолжала наступление в западных районах провинции Ляонин и после новогодних праздников, 3 января 1932 г. захватила Цзиньчжоу. 5 февраля пал Харбин. К этому моменту менее чем за пять месяцев японская армия захватила 1 100 000 квадратных километров китайской территории в трех северо-восточных провинциях, что в три раза превышало площадь самой Японии.

В ответ на яростные атаки японской Квантунской армии на северо-востоке Китая и «самовольный» переход границы войсками Гарнизонной армии Кореи под командованием Хаяси Сэндзюро японское правительство не только не привлекло виновных к ответственности, но потворствовало им и выражало молчаливое одобрение их незаконных действий. Император Хирохито тоже не «пришел в гнев» из-за того, что были подорваны его права как главнокомандующего, но, наоборот, «высочайшим повелением» отметил Квантунскую армию и Гарнизонную армию в Корею [3]. И это не вызывает удивления. Все агрессивные войны, которые Япония вела за рубежом в Новейшее время, имеют одну яркую особенность. Сначала военные устраивают провокацию как повод к войне, затем японское правительство и император признают ситуацию постфактум. При помощи такого взаимодействия «верхов и низов» достигаются стратегические цели. С руководства Японии нельзя снимать ответственность за развязанную войну на основании того, что оно не принимало непосредственного участия в провокации. Оно способствовало эскалации разнузданных действий японской армии тем, что признало ситуацию, а император поощрил отличившихся в ходе агрессии на северо-востоке Китая. Поэтому мировая общественность выступала со все более жесткими заявлениями, осуждающими агрессивные действия японского правительства.

Чтобы отвлечь внимание международного сообщества и реализовать планы установления колониального господства на оккупированных территориях, японские захватчики спровоцировали инцидент 28 января и поддержали марионеточное государство Маньчжоу-Го. Накануне, 18 января 1932 года, помощник военного атташе японской миссии в Шанхае Рюкити Танака спланировал на-

падение на группу японских буддистов-монахов, чем умышленно обострил ситуацию. Воспользовавшись этим инцидентом в качестве предлога, японские военные 28 января напали на китайские войска в районе Чжабэя. Однако они встретили героическое сопротивление 19-й полевой армии под командованием патриотических военачальников Цай Тинкая и Цзян Гуанная, которые несколько раз отражали атаки японских войск. Потерпев неудачу, японская армия бросила в бой три дивизии — 9-ю, 11-ю и 14-ю. В конце концов китайские войска, оказавшиеся под ударом и с фронта, и с тыла, были вынуждены оставить свои позиции. 3 марта японская армия опубликовала заявление о прекращении огня. Начиная с 14 марта заместитель министра иностранных дел Китая Го Тайци и японский посланник в Китае Мамору Сигэмицу вели переговоры в Шанхайском генеральном консульстве. 5 мая они подписали «Шанхайское соглашение о прекращении огня» [4]. Главное положение документа требовало, чтобы китайские войска оставались на нынешних позициях, а японская армия возвращалась в районы, которые она занимала до инцидента 28 января. Однако, принимая во внимание численность японских войск, части подразделений было разрешено временно размещаться в граничащих с вышеуказанными районами местностях. Это серьезно нарушало суверенитет Китая. Другим важным для Японии итогом военного инцидента в Шанхае, где у великих держав были большие интересы, стало ослабление международного внимания к агрессии японской армии на северо-востоке Китая.

Между тем Квантунская армия продолжала свою агрессию. Был разработан план создания «независимого» Центрального правительства Маньжурии и Монголии. Ждали удобного случая для выдвижения отрекшегося от престола императора Пу И в качестве главы Маньчжоу-Го. 1 марта 1932 г. было объявлено о создании Маньчжоу-Го со столицей в Чанчуне (который был переименован в Синьцзин). 9 марта Пу И прибыл в Чанчунь и занял пост главы государства. На следующий день Пу И подписал с командующим Квантунской армией Хондзэ Сигэру «Секретный договор между Маньчжоу-Го и Японией» [5]. Секретное соглашение предусматривало следующее:

1) Отныне Японии поручаются вопросы обороны и поддержания безопасности марионеточного Маньчжоу-Го, расходы на эти цели несет Маньчжоу-Го.

2) Управление железными дорогами, портами, водными путями и воздушным сообщением, которые необходимы японской армии в интересах обороны, а также строительство новых дорог поручается назначенным Японией органам.

3) По всем объектам, которые японская армия считает необходимыми, марионеточное Маньчжоу-Го обязано оказывать всемерное содействие.

4) Японцы могут назначаться на должности советников и должностных лиц в центральных и местных органах Маньчжоу-Го.

5) Указанные условия должны составлять основу договоренностей при заключении между двумя государствами официального соглашения.

Это секретное соглашение для марионеточного Маньчжоу-Го было не просто кабальным. С его помощью Япония жестко контролировала такие сферы, как политика, экономика, культура и образование, религия. Фактически это были японская оккупация Северо-Восточного Китая и начало воплощения давно вынашиваемых планов военной агрессии против Китая в целом. Захват северо-востока Китая, богатого ресурсами и имеющего стратегическое положение, закладывал прочную материальную и стратегическую базу для похода японской армии на юг с целью ведения боевых действий в Центральном Китае и похода на запад, в Монголию для наращивания силы. Японцы получали передовые позиции и удобный пункт для ведения разведки против СССР, необходимые для «похода на север» — нападения на Советский Союз. Кроме того, представлялся удобный случай проверить советскую военную мощь и получить опыт ведения ограниченной войны. Появлялась также возможность лишить Великобританию и США их интересов в Северо-Восточном Китае, а также проверить отношение Великобритании, США и других западных стран к японской агрессии в Китае.

Китайское правительство, основываясь на «Договоре девяти держав» и «Договоре об отказе от войны», рассчитывало, что при рассмотрении вопроса об оккупации в Лиге Наций закон возьмет верх над правом сильного. Лигой Наций 21 января 1932 г. была создана комиссия во главе с бывшим британским генерал-губернатором Индии Литтоном. В течение полутора месяцев она проводила изучение обстановки в Северо-Восточном Китае. В итоговом до-

кладе Лиги Наций хотя и указывалось на незаконность оккупации Северо-Восточного Китая Японией и на марионеточный характер Маньчжоу-Го, агрессивные действия японской армии в определенной степени оправдывались. Предлагалось установление международного контроля над северо-востоком Китая. Но даже такой доклад, выгораживающий Японию, вызвал возражения со стороны Японии. На чрезвычайном заседании, проведенном Лигой Наций для утверждения доклада, 42 голоса было «за» и только один голос Японии был «против». Доклад был принят. Через месяц японское правительство и император Хирохито обнародовали заявление о выходе страны из Лиги Наций [6]. Теперь Япония, не ограниченная никакими международными договорами, с новыми силами продолжила агрессию и экспансию.

Из-за мягкости позиции Лиги Наций и сдержанной реакции Великобритании и США надежды китайского правительства на международные санкции в отношении Японии лопнули, как мыльный пузырь. Однако силу сопротивления китайского народа это не смогло ослабить. Компартия Китая опубликовала манифест об объявлении войны Японии, призвав всю страну к отпору агрессии для спасения государства. В стране устраивались шествия и демонстрации, дух сопротивления Японии нарастал. Наконец, в оккупированных районах северо-востока Китая чиновники, военнослужащие и представители общественности разных национальностей, не желая становиться покорными рабами, утратившими независимость своей страны, развернули войну сопротивления. Были организованы многочисленные «добровольческие армии» и партизанские отряды. Например, партизанские отряды, ведущие антияпонскую борьбу в Северо-Восточном Китае, под руководством Компартии стали преобразовываться в Народные революционные армии. Всего было сформировано 6 армий, насчитывающих в общей сложности более 7000 человек. С 1936-го по конец 1937 г. Народные революционные армии были преобразованы в «Объединенные армии Северо-Востока по сопротивлению Японии», всего было 11 таких армий, охватывающих около 30 000 человек. К 1940 г. Объединенные армии Северо-Востока понесли серьезные потери от карательных операций японской марионеточной армии. Часть из них отступила для переподготовки на территорию Советского Союза. Другая часть продолжала борьбу от Чанбайшаня до реки Амур, героически

уничтожая врага. Это не только стало прологом к войне китайского народа против японских захватчиков, но внесло вклад в победу и подготовило встречу советской Красной Армии в Северо-Восточном Китае.

2. Полномасштабное развертывание войны китайского народа против японских захватчиков

Поглощение трех провинций северо-востока Китая не смогло удовлетворить аппетиты японских агрессоров. Японская армия занесла свой военный меч и над Северным Китаем. 1 января 1933 г. японская армия спровоцировала инцидент в Шанхайгуани, заявляя, что Жэхэ является территорией Маньчжоу-Го [7]. Не дожидаясь китайской реакции, японские войска, разделившись на три группы, вторглись в провинцию Жэхэ. 4 марта японская армия захватила город Чэндэ, провинциальный центр Жэхэ. Затем, разделившись на несколько групп, войска захватили несколько застав на Великой Китайской стене. Если бы японская армия пересекла Великую Китайскую стену, это сделало бы тщательно охраняемую Великую Китайскую равнину на севере Китая беззащитной перед железной поступью японской армии, поэтому китайское правительство решило, «с одной стороны — давать отпор, с другой стороны — вступить в переговоры». Китайское правительство послало три дивизии Центральной армии, чтобы те во взаимодействии с местной Северо-Восточной армией и Северо-Западной армией оказывали сопротивление Японии. За Великую Китайскую стену развернулась необычайно яростная битва. Вооруженный мечами отряд 29-й армии Сун Чжэюаня совершил неожиданную атаку на Сифэнкоу. Бойцы отряда вели рукопашный бой с японцами. Несколько раз отбивали японские атаки, задерживая самонадеянных японских военных на линии Великой Китайской стены. Однако японские войска, ранее вторгшиеся в район к востоку от реки Луаньхэ в провинции Хэбэй, в мае вошли на территорию Центрального Китая и продолжали двигаться на юг. Одновременно японская армия на линии Великой Китайской стены развернула еще более крупные наступательные операции и готовилась захватить юг. В этих обстоятельствах правительство Китая согласилось на японское предложение о прекращении огня. 31 мая китайский представитель Сюн Бинь и

японский представитель Ясудзи Окамура подписали Тангуское соглашение [8]. Оно предусматривало, что японские войска должны отойти к северу от линии Великой Китайской стены, безопасность в районе к югу от Великой Китайской стены должна поддерживаться органами китайской полиции. Китайские войска обязывались отойти в районы к западу и к югу от линии Яньцин, Чанпин, Гаолиин, Шуньин, Сянхэ, Баоди, Линьгинкоу, Нинхэ, Лутай. Район между этой линией и линией Великой Китайской стены определялся как «демилитаризованная зона». Китайским войскам запрещалось входить в эту зону, однако японская армия могла вести здесь рекогносцировку с помощью самолетов или другими способами. Можно сказать, что северные ворота в Китай оказались широко открыты, что создавало условия для дальнейших агрессивных действий японской армии.

Под Тангуским соглашением еще не высохли чернила, а Япония затеяла новую авантюру. Разжигая сепаратистские настроения в пяти провинциях Северного Китая, японские агрессоры пытались отделить этот регион от остальной территории страны и занять его без боя. Например, в мае-июне 1935 г. Квантунская армия и Гарнизонная армия в Тяньцзине, спровоцировав несколько инцидентов, добились изгнания сил Гоминьдана из двух провинций — Хэбэй и Чахар. В Тунчжоу было провозглашено создание «Востоchnохэбэйского антикоммунистического автономного совета» и объявлено об автономии [9].

Угроза дальнейшего вторжения Японии в определенной степени содействовала достижению политического единства внутри Китая, отказу от политики компромиссов и уступок, проводимой Национальным правительством. Чтобы противодействовать сепаратистскому движению за автономию, в пяти провинциях был организован Хэбэй-Чахарский политический совет. 9 декабря 1935 г. было создано антияпонское патриотическое движение «9 декабря». В ноябре 1936 г. армия под командованием председателя провинции Суйюань Фу Цзои провела активные наступательные операции, последовательно овладев Байлинмяо и Дамяо, одержав важные победы в Суйюаньской боевой кампании. Особо стоит отметить, что 12 декабря 1936 г. Северо-Восточная и Северо-Западные армии под командованием Чжан Сюэляна и Ян Хучэна в районе города Сиань арестовали Чан Кайши, потребовав от него принять предложение

КПК о «прекращении Гражданской войны и организации общего сопротивления Японии». Затем при посредничестве представителя ЦК КПК Сианьский инцидент был мирно разрешен. С 15 по 22 февраля 1937 г. Гоминьдан созвал Третий пленум ЦИК пятого созыва, на котором был впервые выдвинут курс на войну сопротивления. Можно сказать, что активизация японской агрессии в Китае способствовала тому, что партии, группировки, различные силы и слои в Китае перешли от конфронтации к сотрудничеству, от Гражданской войны к сплочению для спасения от национального позора.

Однако на этом этапе подъем национального движения в Китае не смог остановить японских агрессоров, которые по-прежнему стремились к завоеванию Китая. Новая провокация, которая привела к полномасштабному военному вторжению в Китай, была устроена Японией 7 июля 1937 г. на мосту Марко Поло (Лугоуцяо). В этот день японские войска проводили учения в Фэнтае, юго-западном пригороде Бэйпина. Неожиданно раздались выстрелы, затем поступило сообщение, что один японский солдат пропал. Японские военные потребовали разрешить им войти в крепость Ваньпин, где были расположены китайские войска. В этом им было отказано. Хотя исчезнувший японский солдат Кикухиро Шимура вскоре вернулся в строй, японские военные продолжали настаивать на проведении обыска крепости Ваньпин. На рассвете 8 июля они нанесли артиллерийский удар по китайским позициям, что привело к полномасштабному развертыванию китайско-японской войны. Японское правительство приняло решение о направлении в Китай новых войск и расширении боевых действий. Получив усиление и поддержку, японская армия штурмом взяла Пекин и Тяньцзинь, а также расширила боевые действия в других местностях Северного Китая. В ответ Коммунистическая и другие партии Китая выступили с призывами организовать общенациональное сопротивление. В своей речи 17 июля в Лушане Чан Кайши сказал: «Если война началась, то не должно быть разделения на Юг и Север, на старых и молодых, на каждом лежит ответственность за защиту земли и сопротивление агрессору, каждый должен быть полон решимости пожертвовать всем ради этой цели». Рабоче-крестьянская Красная армия, руководимая КПК, была преобразована в Восьмую армию Национально-революционной армии Китая (сокращенно — Вось-

мая армия). В конце года Южная Красная армия была преобразована в Новую четвертую армию Национально-революционной армии Китая. 22 сентября Центральное информационное агентство Гоминьдана опубликовало «Декларацию ЦК КПК о сотрудничестве между Гоминьданом и КПК». На следующий день Чан Кайши выступил с заявлением «О декларации Коммунистической партии Китая». Через десять с лишним лет Гоминьдан и КПК стали вновь сотрудничать. Их общей целью было изгнание из Китая японских империалистических захватчиков. Так началась общенациональная китайская война сопротивления.

В дальнейшем Китайский фронт являлся одним из важных фронтов Второй мировой войны. Поэтому можно говорить о том, что начало полномасштабной войны сопротивления в Китае фактически стало прологом ко Второй мировой войне, хотя на начальном этапе казалось, что это локальная война между Китаем и Японией.

Китай, который в то время отставал с военной и экономической точек зрения, сумел организовать достаточно масштабные антияпонские боевые операции. Во всяком случае, выполнение стратегической цели японской армии на ведение быстрой войны и достижение скорой победы было подорвано. Китай продемонстрировал крепкий боевой дух и отвагу, завоевал сочувствие и поддержку международного сообщества. Это придало уверенности и мужества китайскому народу и народам мира, которые были намерены не сдаваться перед грубой силой и вести героическую войну сопротивления. 13 августа 1937 г. армии Китая и Японии начали сражение в районе Шанхая. На следующий день Национальное правительство опубликовало «Заявление об оборонительной войне сопротивления», подчеркнув, что Китай ни при каких обстоятельствах не откажется ни от какой части своей земли. Столкнувшись с агрессией, он ответит на нее реализацией своего права на самозащиту. Японское правительство ответило объявлением карательного похода против китайских войск, подчеркнув, что «вынуждено немедленно предпринять твердые и решительные меры» [10]. С этого момента длящегося три месяца Шанхайское сражение развернулось в полную силу. Китайская армия, обладающая сравнительно отсталым оружием, собрав группировку в 700 тысяч человек, начала героическую битву с японской захватнической армией, насчитывающей 300 тысяч человек и полностью модернизировавшей свое во-

оружие. Здесь были продемонстрированы многие незабываемые примеры героизма. Однако после высадки японских войск в Ханчжоуском заливе подвергавшиеся вражеским атакам со всех сторон китайские войска были вынуждены отступить. 12 ноября японская армия заняла Шанхай. Шанхайское сражение на этом завершилось. Но мечты японцев о скорой победе благодаря героическому сопротивлению китайских войск были разрушены.

Заняв Шанхай, японская армия продолжала движение на запад. 13 декабря был взят Нанкин. На протяжении полутора месяцев с особой жестокостью японская армия творила насилие, грабежи, массовые убийства жителей этой древней столицы. В историю эти карательные операции вошли под названием «Нанкинской резни». Согласно исследованию профессора факультета социологии Нанкинского университета Луи Смита, в Нанкине и его пригородах более 89 % зданий были уничтожены огнем и разграблены, 24 % зданий были подожжены, в самом городе до 73 % зданий были разграблены [11]. В приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока приводились такие данные: «В первый месяц оккупации в городе Нанкине число случаев изнасилований достигло 20 тысяч. В первые шесть недель после оккупации японской армией в Нанкине и его окрестностях были убиты 200 тысяч человек из числа мирных жителей и военнопленных» [12]. Нанкинский военный трибунал Министерства обороны расследовал, что в «Нанкинской резне» в результате массовых убийств погибли более 190 тысяч человек, в результате единичных убийств — около 150 тысяч человек, таким образом, общее число погибших составляет более 300 тысяч человек [13]. Свидетельства военных преступлений японской армии в Нанкине неопровержимы. Они были подтверждены международными судами в послевоенный период и вошли в исторические труды. Однако некоторые представители правых сил Японии с самого момента окончания войны пытаются пересмотреть вопрос о японской агрессии, отрицая бесчинства и злодеяния, стремясь снять часть вины с военных преступников или преуменьшить масштаб преступных деяний. С этой целью они либо абсолютно отрицают факт «Нанкинской резни», либо подвергают сомнению подлинность этих событий, либо полагают, что масштабы «Нанкинской резни» преувеличены, и произвольно называют меньшие цифры погибших. Кроме того, выдвигаются

различные обоснования, которые якобы послужили для японских войск поводом для проведения «Нанкинской резни». Однако их действия приводят к противоположному результату. Закрыть эту трагическую страницу истории не удастся. Наоборот, у китайцев и других пострадавших народов Азии оживает историческая память о зверствах захватчиков, что во многом становится препятствием для развития отношений дружбы и сотрудничества Японии с соседними азиатскими государствами. До сих пор этот вопрос не получил настоящего разрешения.

В Северном Китае после захвата Бэйпина и Тяньцзиня японская армия продолжала наступление на запад и юг. Были захвачены обширные районы — южная часть провинции Чахар, центральная часть Внутренней Монголии, север провинции Шаньси. Однако во время боев в северных районах Шаньси японцы встретили ожесточенное сопротивление со стороны войск Гоминьдана и КПК. 25 сентября 1937 г. 115-я дивизия Восьмой армии, пользуясь преимуществами рельефа, в местечке Пинсингуань атаковала обоз 5-й дивизии японской армии, истребив 1000 японских военнослужащих и одержав первую крупную победу с момента начала полномасштабной войны сопротивления Японии. Это событие имело очень большое значение — подняло боевой дух и повысило уверенность китайского народа в победе над врагом, замедлило скорость продвижения японской армии на севере Китая, а также нанесло удар по тем, кто пессимистично смотрел на перспективы войны сопротивления. Поэтому победа в Пинсингуаньском сражении была высоко оценена Чан Кайши. Однако из-за существенного превосходства японцев в живой силе и технике, японская армия 9 ноября заняла Тайюань. Между тем оккупация все-таки не была полной, поскольку КПК и руководимые партией партизанские отряды и тыловые партизанские отряды армии Национального правительства по-прежнему активно действовали в различных районах Северного Китая, создав множество баз антияпонского сопротивления, эффективно противодействуя военным перевозкам и снабжению японских войск.

В центральных и южных районах Северного Китая японская армия продолжала продвижение на юг для разблокирования Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги, планируя занять город Сюйчжоу, имеющий важное стратегическое значение для обороны

Центрального Китая и районов в среднем и нижнем течении реки Хуанхэ.

С марта по май 1938 г. в районе вокруг Сюйчжоу вспыхнуло ожесточенное сражение армий Китая и Японии, получившее название Сюйчжоуской битвы. Во второй и третьей декадах марта 1938 г. 10-я дивизия японской армии начала наступление на Тайэрчжуан, встретив решительной отпор со стороны китайских войск, особенно тех, которыми командовал генерал Ли Цзунжэнь. Через две с лишним недели в ходе яростных боев за Тайэрчжуан, который несколько раз переходил из рук в руки, были убиты более 10 тысяч военнослужащих врага. Японская армия 6 апреля была вынуждена отступить. Битва за Тайэрчжуан увенчалась первой крупной победой китайских войск в фронтальном сражении. Но, поскольку с юга безостановочно подходили японские войска, а находящиеся в Восточном Китае японские части форсировали Янцзы и спешили на помощь на север, существовала большая вероятность окружения 600-тысячной группировки китайских войск под командованием генерала Ли Цзунжэня. Было принято мудрое оперативное решение прорывать окружение в районе Сюйчжоу и уходить в район провинции Аньхой и горные районы провинции Хэнань. Таким образом, планы японских военных по уничтожению основных сил китайских войск потерпели фиаско.

Японская армия, захватившая обширные районы в Северном и Западном Китае, готовилась продолжить наступление на запад. Японцы планировали удар по Чунцину, куда была перенесена столица и где находилось Национальное правительство. С этой целью были сконцентрированы войска численностью 300 тысяч человек, более ста военных кораблей и более 400 самолетов. С июня по октябрь 1938 г. развернулось Уханьское сражение. Военный комитет китайского правительства принял решение прибегнуть к тактике ведения мобильных боев вокруг Уханя, постепенно уничтожая японскую живую силу [14]. Хотя Чан Кайши 24 октября отдал приказ оставить Ухань, было успешно уничтожено большое количество японских военнослужащих. Согласно японской статистике, потери их армии ранеными и убитыми составили 35 500 человек, однако по китайской статистике, потери японской армии были гораздо больше — 256 тысяч человек [15]. Несмотря на то что цифры сильно отличаются, большие потери японцев — это непреложный

факт. Как следствие, японцы не смогли за короткий период вновь развернуть ширококомандную операцию.

Одновременно с Уханьской японская армия вела с сентября 1938 г. Гуандунское сражение с целью перерезать морские линии снабжения юго-востока Китая. 21 октября Гуанчжоу был взят. Таким образом, ограниченные военные силы японской армии были сосредоточены на обширных пространствах от Южного до Северного Китая. Поэтому японская армия, понесшая в ряде крупных сражений большие потери, не смогла в короткий период полностью захватить Китай. Важную роль играло и то, что активно действующая в тыловых оккупированных районах КПК и ее партизанские отряды серьезно мешали установлению колониального господства японских агрессоров.

С момента оккупации Гуанчжоу и Уханя наступает новый этап антияпонской войны, который характеризуется равенством позиций сторон. В течение этого периода правительство и армия Китая не только сдерживают деятельность японского правительства, стремящегося посулами добиться капитуляции, но и развертывают ограниченные наступательные операции.

В сентябре 1939 г. японская армия развернула Хунаньско-Цзянсийскую операцию, то есть «Первую битву за Чанша». Китайские войска в окрестностях города Чанша устроили засады и добились серьезных успехов в отражении наступления японских войск. 15 ноября японская армия вторглась в Гуанси, а 24 ноября заняла центр провинции Гуанси, город Наньнин. Китайские войска мужественно контратаковали и, развернув Южно-Гуансийскую операцию, продержались целый год. 30 октября 1940 г. контроль над Наньнином был восстановлен и японские войска были вынуждены отступить в южные районы провинции Гуанси.

В октябре 1939 г. Китай совершил попытку добиться коренного поворота в боевой обстановке. Военный комитет Национального правительства опубликовал «Оперативный план зимнего наступления национальной армии», развернув полномасштабное наступление против японских войск по всей стране. Но из-за недостаточной численности войск и растянутой линии фронта коренного поворота достичь не удалось.

Даже находясь в тылу врага, руководимая КПК Восьмая армия с августа по декабрь 1940 г., выделила 104 полка и развернула опера-

цию под названием «Битва ста полков». Основной стратегической целью операции было разрушение транспортных коммуникаций японской армии. В ходе этой операции было проведено 1824 боя, уничтожены 20 тысяч японских военнослужащих, парализована основная часть сети железных и автомобильных дорог, которыми пользовалась японская армия в Северном Китае. Японская армия была вынуждена сократить линию фронта, переведя большое число японских войск с передовой в тыл. Нагрузка на войска Национальной армии на основных фронтах была ослаблена.

Мир видел, что китайская армия решительно ведет войну сопротивления с более сильным соперником. Это не только воодушевляло, придавало уверенности и мужества народам мира в их борьбе с фашизмом, но и вызывало сочувствие, желание помочь и поддержать Китай. Советский Союз прекратил торговлю с Японией, а также выразил готовность предоставить кредиты и военную технику китайскому правительству и даже направить советских летчиков и танковые подразделения для негласной поддержки китайской войны сопротивления. Посол СССР в Китае Д.В. Богомолов и министр иностранных дел Национального правительства Ван Чунхуэй 21 августа 1937 г. подписали «Советско-китайский договор о ненападении», который стал дипломатической поддержкой Китая. С 1937-го по 1940 г. Советский Союз предоставил китайскому правительству материальную помощь общей стоимостью 25 млн долларов США. Более 200 советских летчиков отдали свои жизни в ходе китайско-японской войны. Финансовую помощь в виде кредитов и стабилизационных займов неоднократно оказывали Китаю США. Соединенные Штаты также отправляли в воюющую за независимость страну продукты и материальные ценности по лендлизу общей стоимостью 45 100 000 долларов США. В августе 1941 г. США сформировали добровольческую авиационную группу для участия в боях китайских ВВС с Японией. Последовав примеру США, Великобритания в декабре 1938 г. решила предоставить Китаю кредит — 500 тысяч фунтов стерлингов, затем был предоставлен еще один заем — 5 миллионов фунтов стерлингов. Кроме того, общественные организации многих стран мира — Великобритании, Франции, США, Италии, Испании, Австралии, Канады, Польши, Австрии, Бельгии, Мексики и Индии — выступали с гневными заявлениями, бойкотировали японские товары, жертвовали средства

для поддержки Китая в войне с Японией. Коммунистическая партия Японии также выступила с заявлением, призвав японских военнослужащих поддержать антияпонскую войну Китая, одновременно она создавала антивоенные организации в Китае из числа японцев. Так нашла подтверждение китайская пословица: «Тот, на чьей стороне справедливость, пользуется широкой поддержкой, а тот, кто совершает несправедливость, лишает себя поддержки». Помощь и поддержка, оказанные Китаю в войне сопротивления Японии, способствовали изменению ситуации на том этапе, когда мощь врага существенно превосходила силы наших войск. С другой стороны, развязав несправедливую войну, японские агрессоры почувствовали себя в полной изоляции.

Однако это все еще не влияло на захватнические намерения японского правительства и военного ведомства, которые глубже и глубже увязали в агрессивной войне. Япония стремилась укрепить союз с германским и итальянским фашизмом, готовя тайные планы сражений с Великобританией и США, чтобы получить в свои руки стратегические ресурсы Юго-Восточной Азии и реализовать безрассудные претензии на мировое господство. В сентябре 1940 г. Германия, Италия и Япония заключили Пакт о военном союзе, во всеуслышание объявив о своей враждебной позиции по отношению к другим странам мира. Затем Япония вторглась в Индокитай, а в июне 1941 г. вспыхнула советско-германская война. В июле 1941 г. США объявили о замораживании японских активов в США, а в августе ввели полное эмбарго в отношении Японии. Япония решила временно отказаться от нападения на Советский Союз и усилить подготовку к войне с Великобританией и США. На совещании 6 сентября 1941 г. с участием императора Хирохито были приняты «Принципы осуществления государственной политики империи». Решено было следующее:

1) С целью завершения мероприятий по обеспечению своего существования и самообороны империя принимает решение не оставаться перед войной с Америкой (Англией, Голландией) и в соответствии с этим ориентировочно к концу октября заканчивает все военные приготовления.

2) Одновременно империя путем использования всех дипломатических средств в отношении Америки и Англии прилагает усилия для достижения своих требований.

3) Если к началу октября в ходе переговоров, предусмотренных вышеизложенным пунктом, не появятся перспективы на возможность удовлетворения наших требований, империя должна взять решительный курс на войну против Америки (Англии, Голландии) [16].

Император Хирохито дал приказ сформировать кабинет Тодзио Хидэки, политику, упорно выступавшему за «южный подход». Затем на имперском совещании был утвержден эдикт о наступлении на юг от 8 декабря. Из этого следует, что независимо от исхода японо-американских переговоров начала войны Японии с США уже было не избежать.

3. Ход китайско-японской войны и победа Китая после начала военных действий в Тихоокеанском регионе

7 декабря 1941 г. объединенная эскадра ВМФ Японии в результате тщательно спланированной операции нанесла внезапный удар по американской военно-морской базе Пёрл-Харбор в Тихом океане. Вслед за этим японские войска вторглись в американские, английские, голландские колониальные владения, расположенные в Юго-Восточной Азии и в Тихоокеанском регионе, а также объявили войну США, Великобритании и другим странам. На следующий день США, Англия, Канада, Голландия, Новая Зеландия и другие государства объявили войну Японии. С этого момента в Тихоокеанском регионе развернулись активные боевые действия. Война сопротивления Японии вышла за рамки войны китайского народа против японских захватчиков. Китай вместе с остальным миром боролся против стран-агрессоров — Германии, Италии и Японии. 1 января 1942 г. 26 государств по инициативе стран «большой четверки» — Китая, СССР, США и Англии — подписали «Декларацию Организации Объединенных Наций». Подписавшие ее государства обязались «использовать все имеющиеся военные и экономические ресурсы» в борьбе со странами фашистского блока, а также «не заключать с ними сепаратного перемирия или мирного договора» [17]. Это событие ознаменовало образование единого антифашистского фронта.

С началом военных действий в Тихоокеанском регионе союзные войска стали оказывать непосредственную помощь Китаю,

активно объединяя силы для борьбы с Японией. В январе-феврале 1942 г. правительство Китая по просьбе Великобритании направило разными путями на помощь английским войскам, находящимся в Бирме, 5-ю, 6-ю, 616-ю армии, всего 10 тысяч человек. Китайские солдаты героически сражались с японскими захватчиками в горных лесах Юго-Восточной Азии. Особенно отличилась 318-я дивизия 616-й армии, которая в течение двух дней вела ожесточенные бои вблизи города Енанджаун в Бирме. Были освобождены более 7 тысяч английских и американских военных, в том числе командующий английской армией генерал Александр, а также более 500 миссионеров и военных корреспондентов. Авторитет армии Китая в глазах союзников значительно возрос после этой операции. Однако китайские экспедиционные войска были не в силах изменить военную ситуацию. После ожесточенных боев с японскими захватчиками часть экспедиционных войск была вынуждена отступить в Юньнань, другая часть, следуя за начальником штаба Китайского фронта американским генералом Стилвеллом, пройдя тяжелейший путь, дошла до Индии (с целью дислоцирования там китайских войск). В ожидании подходящего момента для ответного наступления на Бирму Стилвелл построил в Индии военный тренировочный лагерь, полностью укомплектованный американским вооружением, в котором размещались 3 дивизии. Командующий 6-м фронтом генерал Чэнь Чэн, в свою очередь, создал в провинции Юньнань тренировочный лагерь экспедиционного корпуса Китая, частично укомплектованный американским вооружением, в котором были размещены 16 дивизий. Это заложило прочную основу для будущего контрнаступления в Юго-Восточной Азии.

На своей территории войска Китая также одержали ряд побед, объединив усилия союзников на Европейском и Тихоокеанском фронтах. Так, в сентябре—октябре 1941 г. в результате сражения при Чанша японские войска были вынуждены отступить. С третьей декады декабря 1941 по вторую декаду января 1942 г. японское командование предприняло второе и третье наступления на Чанша, которые также закончились поражением. Китайские войска отстояли город. Кроме того, объединив силы с прибывшими на помощь войсками союзников, они окружили японские дивизии. Ослабленные длительными сражениями, японские войска были вынуждены отступить, китайская армия перешла в наступление, ВВС Китая

вели бомбардировку, в результате чего противник понес большие потери. Победа Китая в Третьей Чаншаской операции явилась знаковым событием на Тихоокеанском фронте. Она имела огромное стратегическое значение, поскольку не только воодушевила всех китайских солдат на победу, но и объединила силы США и Англии на южном фронте. В ноябре 1943 г. японские войска предприняли наступление на Чандэ. Несмотря на то что китайские гарнизоны героически сражались, Чандэ был временно завоеван японцами. Позже, 8 декабря на помощь китайской армии прибыли союзные войска, и 10 декабря Чандэ был отвоеван обратно. Японская армия была вынуждена отступить по всем направлениям. Сражение при Чандэ завершилось для японских захватчиков полным поражением.

11 апреля 1944 г. японское командование приняло решение начать крупную наступательную операцию «Ити-Го», целью которой было установление сплошной коммуникационной линии из Северного Китая в Южный. Японские войска встретили ожесточенное сопротивление китайской армии, тем не менее операция была успешно завершена. Однако в ходе наступательной операции «Ити-Го» японцы понесли большие потери. Все больше стал ощущаться дефицит материальных ресурсов, появлялись внутренние противоречия в японских войсках. Сплошная коммуникационная линия была разделена китайской армией на отдельные участки, ее нельзя было использовать для сплошного сообщения. Цель операции «Ити-Го», по сути, не была достигнута. Япония уже была истощена затянувшейся войной с китайским народом, и хотя она еще одерживала победы, а китайские войска периодически попадали в окружение, начало контрнаступления китайской армии по всем направлениям было лишь вопросом времени.

Китайская армия действовала согласно пословице: «Если потерпел неудачу утром, то можно собрать урожай вечером». Накануне развертывания японскими войсками операции «Ити-Го» и во время ее проведения расквартированные в Индии китайские части и экспедиционный корпус при поддержке союзников начали большое контрнаступление на позиции японских войск. В октябре 1943 г. китайские части в Индии приступили к крупной операции по освобождению Северной Бирмы. 8 декабря они заняли важный опорный пункт японской армии — Юйпонг (здесь и далее географические наименования бирманских населенных пунктов приво-

дятся в китайской транскрипции. — *Примеч. пер.*) В марте 1944 г. китайские войска, расквартированные в Индии, во взаимодействии с американским полком заняли важный населенный пункт Мэнгуань в долине реки Хукан, затем в июне завладели пунктами Цзямай, Мэнгун. 3 августа объединенная китайско-американская группировка заняла важный пункт в Северной Бирме — Мичжина [18]. Китайский экспедиционный корпус в мае 1944 года, форсировав реку Ну, разделился на две группы — одна наступала в направлении Тэнчуна и 14 сентября овладела этим городом, полностью уничтожив вражеские войска. Вторая группа форсированным маршем продвигалась к Лунлину, взяв этот город под контроль 3 ноября. 20 ноября был взят город Ман. Развивая успех, Китайский экспедиционный корпус 19 января 1945 г. взял под свой контроль Ваньдин, 27 января соединился с китайскими войсками в Индии, в местечке Маню. Экспедиционный корпус и китайские войска в Индии более года вели в западной части провинции Юньнань и в Северной Бирме тяжелейшие контрнаступательные операции, одержав блестящую победу.

В ответ на контрнаступление союзнических антифашистских частей японская армия, силы которой были на исходе, уже не могла предпринять крупномасштабную боевую операцию. Наметился стратегический поворот к контрнаступлению и в войне на территории Китая. В марте и апреле 1945 г. японская армия, бросив в бой 5 дивизий и одну смешанную бригаду, начала наступление на авиабазу в девятом боевом районе — Чжицзян. Бои продолжались до начала июня. В результате японская армия, которой не удалось приблизиться к Чжицзяну, встретила ожесточенное сопротивление китайских охранных частей и с серьезными потерями вынуждена была отступить. Так завершилась Чжицзянская операция. После нее японская армия уже была не в состоянии вести крупномасштабные бои на Китайском театре военных действий. Китайские войска повсеместно начали контрнаступление — и в Южном Китае, где действовали Дунцзянская и Цюнянская армии, и в тылу врага на севере Китая, где сражались антияпонские партизанские отряды. Там японские войска были вынуждены отсиживаться в какомто одном городе или опорном пункте, боясь рассредоточиваться. Тыловые базы антияпонской борьбы стали почти повсеместными, что подготовило условия для окончательного удара по японским захватчикам. Весной 1945 г. ты-

ловые базы имели в своем составе войска численностью 910 тысяч человек и народное ополчение 2 миллиона 200 тысяч человек, общая контролируемая ими площадь составила 950 тысяч квадратных метров, население — 95 500 000 человек [19]. И на основном фронте, и в тылу были созданы условия для полномасштабного контрнаступления. Окончательное поражение и капитуляция японского империализма стали неизбежными.

После капитуляции Германии 8 мая 1945 г. и завершения войны союзники — США, Великобритания и СССР — провели в пригороде Берлина, Потсдаме третью встречу в верхах для обсуждения международных вопросов в послевоенный период. 26 июля была опубликована Потсдамская декларация, подготовленная по проекту США. Великобритания одобрила текст, и к его подписанию был приглашен Китай. Декларация требовала от Японии безоговорочной капитуляции, сурового наказания для военных преступников и ограничивала японский суверенитет островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми, менее крупными островами, которые укажут победители. Декларация предупреждала японское правительство, что капитуляция должна быть немедленной, «иначе Японию ждет быстрый и полный разгром» [20]. Однако японское правительство и военное ведомство открыто отвергли Потсдамскую декларацию, надеясь на посредничество Советского Союза. В результате Япония пережила еще большие несчастья.

Отказ безоговорочно капитулировать привел к тому, что 6 и 9 августа 1945 г. США сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Эта разрушительная катастрофа потрясла всю Японию и весь мир.

Одновременно 8 августа правительство СССР уведомило Японию о своем решении совместно с союзниками принять участие в войне с Японией. Она началась 9 августа в 00:00 часов наступлением с трех направлений на Квантунскую армию на северо-востоке Китая. Тогда же было предпринято наступление в Северной части Кореи, на острове Сахалин и Курильских островах. На следующий день, 10 августа японское правительство, обнаружившее свое полное бессилие, направило телеграмму правительствам Швеции и Швейцарии с просьбой передать Китаю, СССР, США и Великобритании, что Япония принимает Потсдамскую декларацию. Затем 15 августа император Хирохито лично обратился по радио к на-

ции, объявив о принятии Японией безоговорочной капитуляции. 2 сентября на борту американского линкора «Миссури», бросившего якорь в Токийском заливе, была проведена официальная церемония капитуляции Японии перед союзниками. От правительства Японии подпись под актом поставил министр иностранных дел Мамору Сигэмицу, от японской ставки — начальник Генерального штаба Ёсидзиро Умэдзу, свои подписи под актом о капитуляции поставили также представитель Китая генерал Сюй Юнчан и представители других союзных держав. Это символизировало великую победу и окончание Второй мировой войны.

9 сентября 1945 г. в актовом зале Центрального военного училища в Нанкине (Китай) была проведена церемония капитуляции японских войск, вторгшихся в Китай. От имени китайского правительства Хэ Инцинъ принял капитуляцию от командующего войсками Японии в Китае Ясудзи Окамуры. Китайский театр военных действий был разделен на 16 районов, где китайские войска приняли капитуляцию японских войск (кроме района Северо-Востока, где 22 августа церемония капитуляции была принята Советской Армией от командующего Квантунской армией Отодзо Ямады). Принятие капитуляции, в основном, завершилось во второй декаде сентября. Сравнительно поздно капитуляция была принята на Тайване. На Тайбэйском городском собрании 25 октября была проведена церемония капитуляции японских войск в районе Тайваня и Пэнху (Пескадорские острова). Это означало полную и окончательную сдачу всех японских войск, вторгшихся в Китай. Великой победой закончилась восьмилетняя война китайского народа против японских захватчиков.

4. Некоторые соображения

Война сопротивления Японии — это тяжелейшая ожесточенная борьба, направленная на противостояние японской агрессии, призванная разрешить разногласия в политической сфере. Война с Японией — это важнейшая составная часть борьбы с фашизмом, одно из главных событий Второй мировой войны. Она внесла весомый вклад в успешный исход борьбы всех стран с фашистской агрессией. Война сопротивления Японии сковывала силы противника, не позволяя японским захватчикам развернуть военные действия

в других странах и регионах. Благодаря долгому и упорному сопротивлению китайских войск самонадеянный план молниеносной войны и захвата Китая был сорван. Япония «завязла» в затянувшейся войне с Китаем, не смогла реализовать свой план дальнейшего продвижения на север, к границам СССР, или захвата богатых стратегическими ресурсами английских, американских, голландских колоний в Юго-Восточной Азии. Несмотря на попытки провокации при Хасане в июле 1938 г. и на Халхин-Голе в мае 1939 г., Япония, завязнувшая в войне с Китаем, отказалась от плана продвижения на север и войны с СССР, направила все силы на окончательное решение «китайского вопроса» и продвижение в регионы Юго-Восточной Азии. При этом, даже объединив силы для продвижения в регионы Юго-Восточной Азии, Япония все равно не смогла вести войну с Англией и США. Как уже упоминалось ранее, после начала военных действий в Тихоокеанском регионе китайская армия совершила ряд наступательных операций как на Европейском фронте, так и на Тихоокеанском, умножив в результате свой вклад в общую победу над захватчиками. Являясь основным военным союзником антигитлеровской коалиции на Востоке, Китай в войне с Японией сдерживал более 60 % сухопутных войск противника и большую часть военно-морских и военно-воздушных сил Японии [21], всеми силами содействуя мировой борьбе с фашизмом. Вскоре после начала военных действий в Тихоокеанском регионе президент Соединенных Штатов Ф. Рузвельт сказал: «Если бы не было Китая, или он оказался бы слишком слабым, сколько бы японских дивизий оказались незадействованными? Они бы захватили Австралию, Индию, затем, потирая руки, подступили бы к Ближнему Востоку» [22]. Ф. Рузвельт высоко оценил усилия китайской армии в сдерживании японских войск, которое оказало сильнейшее влияние на исход Второй мировой войны. Победа Китая в войне сопротивления Японии привела к свержению фашистского господства в Японии, предоставила возможность японскому народу снова выбрать мирный путь развития, создала условия для поддержания мирной обстановки в Юго-Восточной Азии, установления сотрудничества в международных отношениях.

Разумеется, война сопротивления Японии принесла много бедствий китайскому народу. Японские захватчики, невзирая ни на какие нормы международной морали, убивали десятки миллионов

невинных граждан, устраивали жестокие грабежи и разбои. «Нанкинская резня», отряд 731, испытывавший бактериологическое оружие на мирных гражданах, насилие, использование отравляющих газов — все это оставило неизгладимый след и трагическую память в сердцах китайского народа. По неофициальным данным, в ходе войны погибли более 35 млн человек. Прямой экономический ущерб от войны для экономики Китая составил более 100 млрд долларов, а косвенный экономический ущерб достиг 500 млрд. Можно сказать, что война сопротивления Японии не только прервала процесс модернизации Китая, она повлекла за собой разрушительные последствия для экономики и окружающей среды, что привело к замедлению нормального развития всего китайского общества. Тем не менее в сентябре 1972 года, в период нормализации дипломатических отношений между Китаем и Японией, правительство КНР объявило об отказе от всех претензий к Японии в знак проявления дружбы между народами двух стран.

Сегодня большинство японцев признают, что в китайско-японской войне агрессором выступала Япония. Правительство Японии в «Китайско-японском совместном коммюнике», а также в других политических документах официально заявляет: «Мы признаем, что своими действиями в ходе Японо-китайской войны нанесли огромный ущерб Китаю и китайскому народу, мы глубоко сожалеем об этом». 15 августа 1995 г. премьер-министр Японии Томиити Мураяма также заявил, что признает вину Японии и приносит глубочайшие извинения китайскому народу. Он отметил, что молодежь должна знать о захватнических действиях японских войск, чтобы не повторять прежние ошибки. Это знаменитое «Заявление Мураямы» произвело сильное впечатление не только на всех пострадавших в Азиатском регионе, но также и на обычных людей, выступающих за мирное развитие. Сегодня большинство японских политиков поддерживают точку зрения Мураямы. Однако зачастую это носит лишь декларативный характер. А что касается правых политических сил Японии, то они до сих пор пытаются либо полностью опровергнуть агрессивный характер войны, либо отрицают справедливость приговора трибунала союзников, ссылаясь на так называемый исторический взгляд на Токийский процесс. Некоторые полагают, что необходимо также разделить бремя ответственности за захватнические действия между Великобританией и

США, другие пытаются оправдать «научными методами» развертывание войны Японией и военные бесчинства, считая, что все это имеет «рациональное» обоснование. Их главная цель — нежелание признавать ответственность Японии за войну. Их реваншистские речи и действия с каждым днем становятся все более несдержанными. Существуют сторонники ультраправых взглядов в Германии и других странах Европы. Идеи, аналогичные взглядам нацистов, как призраки, носятся в воздухе и находят отклик. Мир отнюдь не спокоен, не прекращаются региональные и локальные конфликты. Происходит эскалация новейших видов оружия, нарастает региональная гонка вооружений.

Спустя 65 лет со дня победы над фашизмом мы все еще тщательно анализируем опыт и уроки всемирной антифашистской войны, вырабатываем пути противостояния войнам и дальнейшего сохранения мира во всем мире. Однако смогли ли мы найти ключ к решению этих проблем? Будем надеяться, что мудрое нынешнее поколение не обманет ожиданий тех павших героев из разных стран, которые 65 лет тому назад отдали свои жизни за сохранение мира.

Примечания

1. <http://wenwen.soso.com/z/q1269090.htm?rq=89086207&ri=5&uid=0&ch=w.xg.llyjj>.

2. Сигэмицу Мамору. Смута в эпоху Сёва. Т.1. Токио: Тюокорон-ся, 1952. С. 33.

3. Сост. Генеральный штаб: «Краткая история военных действий в ходе Маньчжурского инцидента» (1). Токио: «Ганьнаньдо шотэн», 1972, 2-е издание. С. 78.

4. Сост. Центральный архив, Второй исторический архив, Академия общественных наук провинции Цзилинь: «Избранные исторические документы об агрессии японского империализма в Китае. Инцидент 18.9». Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1988. С. 631—634.

5. Сост. Центральный архив, Второй исторический архив, Академия общественных наук провинции Цзилинь: «Избранные исторические документы об агрессии японского империализма в Китае, «Марионеточный режим Маньчжоу-го». Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1994. С. 3—4.

6. Сост. Министерство иностранных дел: «Документы внешней политики Японии. События в Маньчжурии». Т. 3. Токио: Министерство иностранных дел, 1981. С. 614—621.

7. Сост. Генеральный штаб: «Краткая история военных действий в ходе Маньчжурского инцидента» (1). Токио: Ганьнаньдо шотэн, 1972, 2-е издание. С. 78.

8. Сост. Комитет по истории партии Центрального комитета Китайского Гоминьдана: «Избранные документы по истории китайско-японских отношений» (3). Тайбэй: Комитет по истории партии Центрального комитета Китайского Гоминьдана, 1995. С. 178—184.

9. Сост. Исторический факультет Нанькайского университета, Таншаньский городской архив: «Марионеточный японский режим Восточного Хэбэя». Пекин: Данань чубаньшэ, 1992. С. 5.

10. Министерство иностранных дел Японии: Хронология и основные документы японской дипломатии (1840—1945). Т. 2. Токио, Хара шобо, 1978. С. 370.

11. Луи С. Смит. Подлинная картина нанкинской катастрофы. Редакционный комитет по публикации исторических материалов о «Нанкинской резне». Сот. Нанкинская библиотека: «Исторические материалы о Нанкинской резне во время японской агрессии в Китае». Нанкин: Наньцзин гуцзи чубаньшэ, 1997. С. 287.

12. Приговор Международного военного трибунала для Дальнего Востока / Под. ред. Чжан Сяньвэнь. «Сборник исторических документов о Нанкинской резне» (7) / Под. ред. Ян Сянмин «Токийский процесс». Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2005. С. 607—608.

13. «Приговор военного трибунала в отношении военного преступника Хисао Тани с приложениями» (10 марта 1947 года) / Из собрания Второго исторического архива КНР, Фонд военных документов и военной истории Национального правительства. Номер дела: 583/870.

14. Сот. Второй исторический архив КНР «Основной фронт войны сопротивления Японии». Т. 1. Нанкин: Цзясу гуцзи чубаньшэ, 1987. С. 650.

15. «О боевых операциях на основном фронте Войны сопротивления китайского народа японским захватчикам» / Сост. Го Жугуй, Хуан Юйчжан. Т. 2. Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2002. С. 869—870.

16. Хорибо Казуо. Введение в историю войны Японии с Китаем. Цзюньши кэсюе чубаньшэ, 1988. С. 650.

17. Роберт Е. Шэрвуд, Рузвельт и Хопкинс. История при ближайшем рассмотрении. Нью-Йорк: Харперс Бразерз, 1984. С. 448—451.

18. Такуширо Хатори. Полная история войны в Восточной Азии / Перевод Чжан Юйсян. Т. 3. Пекин: Шаньу иньшугуань, 1984. С. 1084.

19. Отдел исследования партийной истории при ЦК КПК «История Коммунистической партии Китая». Т. 1. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1971. С. 627.

20. Сборник международных договоров (1945—1947) / Сост. Шицзе чжиши чубаньшэ. 1961. С. 77—78.

21. История войны сопротивления китайского народа Японии (1931—1945) / Под ред. Чжан Сяньвэня. Нанкин: Наньцзин дасюе чубаньшэ, 2001. С. 1264.

22. Эллиот Рузвельт. Его глазами (As He Saw It). Нью-Йорк: Дуэлл Слоун энд Пиэрс, 1946. С. 53.

МОНГОЛИЯ: ХАЛХИН-ГОЛ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

(Взгляды современных монгольских историков)

В августе—сентябре 2009 г. народы России и Монголии отметили 70-ю годовщину победы советско-монгольских войск над японо-маньчжоугоскими [1] агрессорами в войне на р. Халхин-Гол (Восточная Монголия). Она стала одним из знаковых событий в канун и в самом начале Второй мировой войны. К этой дате был приурочен государственный визит президента РФ Д.А. Медведева в Монголию, в ходе которого была подписана Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией.

2010-й год проходит под знаком 65-й годовщины окончания Второй мировой войны, самой масштабной, кровопролитной и разрушительной войны в истории человечества. Она втянула в свой гигантский кровавый водоворот десятки больших и малых стран Европы, Азии, Америки и Африки, унесла жизни более 50 миллионов людей, принесла бесчисленные страдания и бедствия сотням миллионов жителей планеты Земля. В то же время выдающаяся победа вооруженных сил СССР, США, Великобритании и других стран — участниц антигитлеровской коалиции сначала над германским фашизмом, а затем и над милитаристской Японией (при участии армии МНР) в 1945 г. коренным образом изменила международное положение в мире, расстановку сил между великими державами и противоположными общественно-политическими системами, существенно повлияла на судьбы многих народов мира, в том числе Монголии, Японии, Китая, Кореи и др.

Война развернулась на двух главных театрах военных действий — в Европе против германского фашизма в 1939—1945 гг. и на Дальнем Востоке против Японии. Мировая война затронула также Монгольскую Народную Республику (МНР), непосредственного соседа и союзника Советского Союза.

Защищая свою независимость и территориальную целостность, выполняя свои обязательства по Протоколу о взаимопомощи с СССР от 12 марта 1936 г., МНР выступила союзником Советского Союза в необъявленной войне на Халхин-Голе. Масштабные военные действия в Европе начались, когда СССР и Монголия, связанные союзническими обязательствами, проводили завершающие операции решающего наступления против японо-маньчжоугоских войск в ходе локальной, но ожесточенной и кровопролитной войны на Халхин-Голе. В ней с обеих сторон приняли участие свыше 130 тыс. человек, более 1000 танков и бронемашин, свыше 800 боевых самолетов. По последним данным, потери японцев в живой силе составили около 61 тыс. убитых, раненых и пленных. Советско-монгольские войска потеряли более 25 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Эта война продолжалась с 11 мая до 16 сентября 1939 г. и оказала существенное влияние на последующую расстановку сил ведущих держав не только на Востоке, но и во всем мире.

Республика оказывала помощь Красной Армии и советскому народу в годы Великой Отечественной войны против германского фашизма и участвовала в ликвидации восточного очага Второй мировой войны — разгроме милитаристской Японии. Главная особенность и историческое значение Второй мировой войны для МНР состояли в том, что в ходе и на заключительном этапе войны решался важнейший, судьбоносный вопрос о международном признании статуса МНР как независимого государства. Дело в том, что до 1945 г. международное сообщество, прежде всего Китай, США, Великобритания, за исключением СССР, официально не признавали МНР в качестве самостоятельного, независимого государства. Они считали Внешнюю Монголию (прежнее название МНР) составной частью Китайской Республики или, в лучшем случае, недееспособным, марионеточным государством-сателлитом, полностью находящимся под контролем Советского Союза.

Политика СССР в отношении МНР также была недостаточно последовательной, что объяснялось сложностью и противоречи-

востью международного положения в Восточной Азии, в Китае. С одной стороны, в соответствии с советско-китайским Соглашением об основных принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой от 31 мая 1924 г. Советский Союз признавал Внешнюю Монголию как составную часть Китайской Республики, а с другой стороны, продолжал поддерживать с МНР дипломатические и другие отношения как с самостоятельным, независимым государством, заключать с ней межправительственные соглашения о сотрудничестве в области политики, экономики, торговли, культуры и обороны. Руководители МНР никогда официально не признавали советско-китайского соглашения 1924 г. в отношении Монголии.

В современной Монголии нет ни одного военного или гражданского историка, изучающего проблемы истории своей страны и международных отношений в XX веке, кто в той или иной степени не затрагивал бы войну на Халхин-Голе и Вторую мировую войну. Результаты этих многолетних исследований нашли свое отражение в ряде монографий, в сборниках статей, докладов на международных и национальных конференциях и симпозиумах.

В настоящее время историческая наука в Монголии, как и вся страна, находится на новом этапе своего развития, начавшемся в результате преобразований, которые получили название мирной демократической революции 1990 г. Современную историю Монголии, как правило, условно делят на два периода — до и после 1990 г. Однако в отличие от многих бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы и ряда бывших советских республик в Монголии не получили широкого распространения попытки ревизии и фальсификации истории Второй мировой войны и роли СССР в достижении общей победы.

В данной статье названы и использованы только некоторые, наиболее крупные работы историков Монголии, опубликованные преимущественно после 1990 г. [2]

Войне на Халхин-Голе посвящено большое число книг, монографий, сборников научных статей и воспоминаний участников боевых действий. За последние 20—25 лет был опубликован ряд совместных работ советских/российских и монгольских военных историков, архивистов и авторов, в том числе «Боевое содружество» (1985), «Халхин-Гол: Новый взгляд через полвека. Документы, ма-

териалы» (1990), «Война на Халхин-Голе: 60 лет спустя. Сборник документов» (1999), «Вторая мировая война и Монголия» (2005), «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911—1946)». Сборник документов (2008) и др.

Среди крупных индивидуальных работ монгольских историков, посвященных событиям на Халхин-Голе и опубликованных после 1990 г., следует отметить исследования одного из ведущих современных историков и дипломатов, востоковеда, специалиста по Японии Ц. Батбаяра. Прежде всего это монографии «Халхин-Гол: история и современность» (1989), «Монголия и Япония в первой половине XX века» (1998, на монг. яз.; 2002, на русск. яз.), «Монголия и великие державы в первой половине XX века» (2006), «Монголо-маньчжоугоские пограничные переговоры. 1935—1941 гг.» (совместно с Д. Гомбосурэн, 2004) [3] и др. Работы Ц. Батбаяра построены на основе многолетнего и кропотливого сбора и изучения разнообразных источников из архивов России, Японии, Монголии. На сегодняшний день они представляют собой наиболее обстоятельные и ценные исследования по этой теме.

Большинство современных монгольских военных и гражданских историков, в том числе Д. Гомбосурэн, Д. Цэдэв, Х. Шагдар и другие, придерживаются общепринятой точки зрения на Халхин-Гольскую войну. Главным виновником этого пограничного конфликта, который постепенно перерос в войну, они считают захватническую политику Японии в Китае. Еще в 1931 г. Япония захватила Маньчжурию, создала на ее территории марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое превратила в укрепленный плацдарм для дальнейших агрессивных действий против СССР, МНР и Китая. В 1937 г. она развязала большую войну против Китая, в 1938 г. предприняла вооруженную попытку проверить прочность советских границ и боеспособность советской Красной Армии в районе оз. Хасан, где получила достойный отпор. После многочисленных провокационных нарушений монголо-маньчжурской границы, продолжавшихся с начала 1930-х годов, 11 мая 1939 г. крупный отряд японо-маньчжоугоских войск вторгся на территорию Монголии в районе р. Халхин-Гол.

В то же время между российскими, монгольскими и японскими историками вплоть до настоящего времени продолжаются дискуссии по ряду важных вопросов. Были ли события на Халхин-Голе

ограниченным пограничным конфликтом или настоящей войной? Каковы были глубинные причины ее возникновения? Каковы были истинные цели СССР и Японии в этой войне? Как повлияли массовые политические репрессии в СССР и МНР во второй половине 1930-х годов на боеспособность армий этих государств накануне и в ходе войны? Существовал ли в действительности «меморандум Танаки»? Какую роль в возникновении конфликта сыграли отсутствие четкой демаркированной границы между МНР и Маньчжоу-Го и точных карт пограничного района? Каковы реальные потери советско-монгольских и японо-маньчжоугоских войск?

В работах монгольских историков прослеживается стремление восстановить историческую правду во всей ее сложности и противоречивости. Одним из новых факторов, влияющих на эволюцию взглядов монгольских ученых в отношении Японии и истории монголо-японских взаимоотношений, является коренное изменение имиджа современной Японии. Если раньше она воспринималась как агрессор и главный виновник войны на Халхин-Голе, то после 1990 г. приобрела образ одного из главных благодетелей и спонсоров новой Монголии, инициатора и организатора специальной группы развитых стран и международных организаций в поддержку развития Монголии. Доля Японии в общем объеме безвозмездной помощи, предоставленной международным сообществом Монголии в 1991—2008 гг., превысила 40 %. Благодаря продуманной, последовательной политике Япония позиционирует себя как близкую азиатскую высокоразвитую страну, поддерживающую развитие Монголии по пути рыночных реформ.

Естественно, современная внешнеполитическая и внешнеэкономическая конъюнктура оказывает определенное влияние на умонастроения в монгольском обществе, в том числе на подходы современных монгольских ученых к изучению и трактовке различных этапов истории монголо-японских отношений. Следует также отметить тесное научное сотрудничество между монгольскими и японскими учеными, в том числе историками-монголоведами, которое сложилось и активно развивается в последние годы.

По оценке одного из ведущих военных историков, Д. Гомбосурэна, «в последние годы значительно возросло стремление к изучению международного военно-политического положения накануне боев на Халхин-Голе, отношений и противоречий между странами-

участницами (СССР, МНР, Япония и Маньчжоу-Го), целей, которые они ставили в ходе этих событий. Другими словами, изменилось сложившееся представление о том, что бои на Халхин-Голе были только вооруженным столкновением между армиями Советского Союза и Японии на восточной границе МНР. Эти события стали рассматривать в тесной связи с историей Второй мировой войны, ставшей главным событием в мире в середине и конце 1930 годов» [4].

Обобщенное изложение взглядов современных монгольских историков на события на Халхин-Голе нашло свое отражение в докладе одного из ведущих историков, Ч. Дашдава, на международном научном симпозиуме по Халхин-Гольской битве в Улан-Баторе, 2—5 июля 2009 г. [5]

В последние годы среди монгольских историков укрепляется сомнение в существовании так называемого «меморандума Танаки». По мнению Ч. Дашдава, японская экспансия в Азии в конце 1920—1930 гг. происходила в соответствии с установками этого документа. Монгольские исследователи установили, что Япония намеревалась захватить территорию Монголии и создать там плацдарм, с которого в дальнейшем перерезать Транссибирскую магистраль с юга, чтобы, опираясь на богатые ресурсы советского Дальнего Востока, приступить к захвату советской Сибири и других территорий. Исследователи подчеркивают роль монгольской армии в период Халхин-Гольской войны, разрушившей эти планы.

Вместе с тем ученые поднимают ранее закрытые темы, такие, как политические репрессии против командного состава и бойцов монгольской армии в разгар боевых действий на Халхин-Голе, трагическая судьба 22-го кавполка и др. Появились работы, направленные на установление потерь в живой силе монгольской армии и 8-й кавдивизии.

Среди совместных трудов российских и монгольских историков последних лет Ч. Дашдава выделяет сборники статей и воспоминаний «Вторая мировая война и Монголия» и «Халхин-Гол: 39», подготовленные Институтом истории АН Монголии, Институтом монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН при содействии посольства РФ в Монголии, Министерства образования, культуры и науки Монголии, «Газпромбанка» и РГНФ [6]. В настоящее время ведется работа над совместным проектом «От Халхин-Гола до крейсера “Миссури”». В Институте истории АН Монголии завершена работа

над крупным исследованием «Монголия в период Второй мировой войны». Научно-исследовательский институт обороны Университета обороны подготовил «Историографию Халхин-Гольской войны».

В 2004 г. в Улан-Баторе на монгольском языке был опубликован сборник документов «Халхин-Гольская война: шестьдесят лет тому назад», подготовленный коллективом ученых Военного института Государственного военного университета Монголии и Института военной истории Министерства обороны РФ.

Для характеристики различных взглядов современных монгольских историков на события на Халхин-Голе в 1939 г. значительный интерес представляет точка зрения вышеупомянутого историка-международника и дипломата Ц. Батбаяра. Для более точной оценки масштабов и характера боевых действий на Халхин-Голе со стороны каждой из стран-участниц (Война? Битва? Бои местного значения? Пограничный конфликт? Номонханские события?) он использовал дифференцированный подход [7]. «Если для Монголии это были крупные бои, которые носили характер войны, — считает Ц. Батбаяра, — то для Советского Союза и Японии они представляли военный конфликт, бои местного значения. Японская сторона обычно называет их “Номонхан зикен” или “Номонханские события”, из чего виден их подход». Между тем большинство монгольских военных и гражданских историков, в том числе Д. Гомбосурэн, Б. Шагдар, Э. Лувсанбалдан, Ч. Дашдава, С. Ганболд, Н. Хишигт и другие считают сражения на Халхин-Голе именно войной [8].

О целях, которые ставили перед собой Япония и Советский Союз в этой войне, Ц. Батбаяр, в частности, пишет: «Японская сторона этими боями ставила следующие военно-дипломатические цели — испытать силу Советов, оказать воздействие на Советы с целью прекращения их помощи Китаю, а также продемонстрировать свой военный потенциал своим союзникам — Германии и Италии. Советская сторона решала такие военно-стратегические задачи, как преподать японцам такой же жесткий урок, как и на Хасане, и тем самым не допустить повторного японского нападения в направлении советского Дальнего Востока и МНР, а также перед лицом возникшей угрозы войны в Европе предотвратить опасность быть втянутой в войну в Азии и избежать войны на два фронта» [9]. Такая трактовка военно-политических целей и задач СССР и Японии в этой войне, по нашему мнению, представляется весьма близкой к исторической истине.

Возня вокруг новых интерпретаций хода и итогов Второй мировой войны не обошла стороной и монгольскую историографию. Обращает на себя внимание, что после 1990 г. некоторые монгольские историки и авторы, опираясь преимущественно на ранее неизвестные или скрываемые факты и документы, предпринимают попытки пересмотреть прежние оценки международных событий 1930-х годов в Восточной и Центральной Азии, в том числе оценку места и роли СССР в событиях, предшествовавших Халхин-Голу. При этом в противовес прежней, сугубо положительной трактовке роли СССР как самого близкого, надежного и сильного союзника, наблюдается тенденция к акцентированию негативных аспектов внешней политики СССР в отношении МНР, отождествления его политики с политикой Японии. Предпринимаются попытки в корне пересмотреть оценки внешней политики и роли СССР в период, предшествовавший войне на Халхин-Голе.

Так, в учебнике для вузов «История Монголии (Проблемы истории, теории и методологии. 1999 г.)» содержится такая оценка: «Советский Союз, проявляя особое внимание к безопасности территории МНР, под предлогом того, что “существует японский план захвата МНР”, в августе 1937 г. проводил реакционную деятельность, направленную на ввод в Монголию 30-тысячной Советской Армии, размещение ее вдоль южной и юго-восточной границы Монголии и одновременно под видом разоблачения “японской разведывательной организации Гэндэна — Дэмида” проводил массовые аресты и репрессии против высшего партийного, государственного и военного руководства и десятков тысяч граждан Монголии» [10]. Между тем хорошо известно, что части советской Красной Армии были введены на территорию МНР в 1937 г. по просьбе правительства МНР в соответствии с Протоколом о взаимной помощи от 12 марта 1936 г.

В связи с угрозой нападения Японии на МНР (Внешняя Монголия) Малый хурал и Совет министров МНР 25 августа 1937 г. приняли специальное секретное постановление «О вводе советских войск на территорию МНР», в котором были изложены причины такого решения. В постановлении, в частности, говорилось: «Нападение японских агрессоров на Северный Китай свидетельствует о том, что японские агрессоры неуклонно претворяют в жизнь свои агрессивные планы, хорошо известные монгольскому народу... Число японских войск в восточных монгольских провинциях

(имеется в виду Внутренняя Монголия. — *В.Г.*) непрерывно растет, они активизируют там свои действия, что говорит о том, что, захватив Восточную Монголию, они твердо намерены напасть далее на МНР... Все это требует немедленного принятия мер по укреплению сил обороны нашего государства и обеспечению быстрого отпора намерениям иностранного агрессора напасть на нашу страну» [11]. Учитывая угрозу прямого нападения, правительство Монголии постановило: «Обратиться с просьбой к Советскому Союзу в кратчайшие сроки прислать военные части разных родов Красной Армии рабочих и крестьян (так в тексте перевода документа. — *В.Г.*) числом, соответствующим создавшейся обстановке и угрозе прямого вражеского нападения на МНР. Монгольский народ и его Правительство, памятуя о договоре между МНР и СССР о взаимной помощи от 12 марта 1936 г., о постоянных дружественных отношениях между нашими двумя странами, выражает твердую надежду на то, что Правительство Советского Союза выполнит данную просьбу» [12].

Приведенная цитата подтверждает, что ввод советских войск на территорию Монголии был осуществлен по договоренности с руководством МНР и по просьбе ее правительства. Самостоятельно отразить вооруженное вторжение японо-маньчжоугоских войск в 1939 г. МНР не смогла бы.

Вместе с тем авторы учебника пишут: «В отношении Монголии необходимо отметить, что ее национальные интересы — защита своей государственной независимости и территориальной целостности — совпали с позицией Советского Союза [13], который защищал на Халхин-Голе свои стратегические интересы. В конце следует сказать, что победа Советской Армии на Халхин-Голе внесла свой вклад в повышение международного престижа МНР, в то, что, когда Молотов и Того в июне 1940 г. повторно определяли границу между МНР и Маньчжоу-Го, линия границы была установлена к востоку от Халхин-Гола, т.е. таким образом, как считала справедливым МНР» [14].

Один из монгольских докладчиков на вышеупомянутом международном симпозиуме, анализируя изменения во внешней политике СССР и Коминтерна в отношении Монголии в конце 1920-х годов, следующим образом охарактеризовал международное положение МНР: «...НКВД СССР и Коминтерн совершили коренной пово-

рот в политике по отношению к МНР, приняли решение проводить жесткую политику, направленную на дальнейшее укрепление ее фактической независимости от Китая, на всемерное разоблачение японской политики, нацеленной на использование панмонголизма, на недопущение малейшего сближения МНР с Японией. И японская сторона, получая по многим линиям информацию об активизации советского влияния в Монголии, пришла к выводу о том, что Внешняя Монголия, в основном, становится советской. Таким образом, в конце 1920-х годов Монголия попала в тиски между политикой Советского Союза, который, исходя из своих геополитических интересов, стремился убедить ее (в данном случае МНР. — *В.Г.*) в том, что Япония является единственным врагом независимости и суверенитета Монголии, с одной стороны, и японскими критериями, которые рассматривали Монголию как большевистскую территорию, попавшую в полную политическую, военную и экономическую зависимость от Советского Союза» [15].

Очевидно стремление автора отождествить политику СССР и Японии в отношении Монголии, представить МНР как жертву геополитических устремлений СССР и Японии. В один ряд поставлены Япония, совершившая неоспоримый акт агрессии против МНР, и СССР, который пришел на помощь МНР, чтобы отразить эту агрессию.

Разумеется, руководство СССР при разработке и осуществлении своей внешней политики на востоке, исходило прежде всего из геополитических, стратегических интересов СССР. В то же время оно учитывало особые, доверительные и дружественные отношения с МНР и ее тогдашним руководством, защищая национальные интересы МНР и монголов.

Об этом свидетельствуют многочисленные факты из истории советско-монгольских отношений в XX в., в частности, помощь советской России в преодолении социально-экономической отсталости Монголии, в создании многоотраслевой экономики, в развитии культуры, в подготовке национальных кадров специалистов, в защите государственной независимости и территориальной целостности МНР, в обеспечении условий для международного признания статуса МНР как самостоятельного, независимого государства в 1945 г. и др.

Нельзя, конечно же, отрицать, что СССР позволял себе вмешательство в государственные и внутривластные дела соседней

страны, а его спецорганы участвовали в организации массовых политических репрессий в Монголии в 1937—1939 гг. и др. Однако можно с уверенностью утверждать, что на протяжении 70 лет советской власти в России в целом преобладала политика, направленная на поддержку и помощь в развитии и становлении МНР как дружественного, самостоятельного, независимого государства.

Обращает на себя внимание, что монгольские авторы, претендующие на ревизию ранее общепринятых трактовок событий накануне и во время Халхин-Гольской войны, в качестве одного из главных аргументов, как правило, ссылаются на ранее малоизвестные или замалчивавшиеся факты массовых политических репрессий, которые начались в СССР, а потом распространились и на МНР во второй половине 1930-х годов. Действительно, во время этих трагических событий, в годы сталинских репрессий незаслуженно пострадали и стали жертвами миллионы людей в СССР и, по официальным монгольским документам, около 30 тысяч человек в МНР [16].

Однако эти репрессии не были выражением целенаправленной антимонольской политики советского руководства и осуществлялись совместно с тогдашним руководством МНР при участии ее правоохранительных и спецорганов. При оценке подобных страниц истории следует учитывать не только ранее не известные факты, но и всю их совокупность.

Не случайно во время государственного визита президента России Д.А. Медведева в Монголию в августе 2009 г., приуроченного к 70-летию совместной победы на Халхин-Голе в 1939 г., президент России Д.А. Медведев и президент Монголии Ц. Элбэгдорж подчеркнули историческое значение этой победы и неприемлемость попыток фальсификации истории российско-монгольских отношений [17]. Ц. Элбэгдорж особо подчеркнул: «Победа в боях на Халхин-Голе — это священная история совместной борьбы за независимость и суверенитет Монголии, за свободу монгольского народа, против общего врага. Монгольский народ никогда не забудет, что в достижении этой победы решающую роль сыграла военнотехническая помощь, оказанная Советским Союзом и русским народом» [18]. Говоря об историческом значении победы Советского Союза во Второй мировой войне и попытках фальсифицировать ее итоги, президент Ц. Элбэгдорж подчеркнул, что «...Монголия бу-

дет решительно отвергать любые попытки фальсифицировать итоги Второй мировой войны» [19].

Следует отметить, что в то время, когда политика СССР и Японии в отношении МНР в годы, предшествовавшие войне на Халхин-Голе, подвергаются более или менее радикальной ревизии со стороны некоторых современных монгольских историков, история Второй мировой войны и участия в ней МНР, по нашим наблюдениям, не вызывает существенных споров и расхождений между монгольскими учеными. В этих вопросах взгляды большинства военных и гражданских историков разных поколений, как правило, либо совпадают, либо отличаются весьма несущественно.

Характерно, что в центре внимания монгольских историков, пишущих о Второй мировой войне, находятся, как правило, не причины возникновения, начало, ход и общие итоги войны, которые обстоятельно и разносторонне освещены в историографии крупных держав, участвовавших в войне, а прежде всего участие МНР в Отечественной войне Советского Союза против германского фашизма и в войне на стороне союзных держав против милитаристской Японии на заключительном этапе Второй мировой войны [20].

После 1990 г. в Монголии, как и в России, продолжалась работа по публикации архивных материалов о советско-монгольском военном и боевом сотрудничестве в годы Великой Отечественной войны и на заключительном этапе Второй мировой войны. Следует особо отметить большой совместный труд архивистов и историков России и Монголии — сборник документов «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911—1946)» в 2-х частях [21]. В нем нашли отражение все основные направления военного сотрудничества в указанный период, включая вопросы финансирования и поставок вооружения и имущества для МНРА, подготовки кадров для монгольской армии в вузах РККА, совместных боевых операций в ходе Халхин-Гольской войны в 1939 г. и Забайкальского фронта и Группы войск МНРА в 1945 г. В сборник вошел ряд новых, интересных документов из центральных национальных архивов Монголии, в том числе Архивного управления, Министерства иностранных дел, Вооруженных сил.

Особую группу составили документы о помощи монгольского народа Красной Армии и советскому народу в борьбе с фашистской Германией. Как известно, с первых дней вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в МНР развернулось

массовое движение по сбору средств в Фонд помощи Красной Армии под лозунгом «Все для фронта, все для победы». Примечательно, что это добровольное движение с течением времени приобрело самые разнообразные формы: сбор средств на постройку танковой колонны «Революционная Монголия» и авиаэскадрильи «Монгольский арат», сбор и отправка 8 эшелонов коллективных и личных подарков и продовольствия для воинов Красной Армии, лошадей и скота для фронта и снабжения населения районов, освобожденных от немецкой оккупации, пенсионное обеспечение семей погибших советских военнослужащих, постоянно проживавших в МНР, и др. По данным монгольских источников, в 1941—1945 гг. МНР оказала материальную помощь Красной Армии и советскому народу (скот, мясо домашних и диких животных, другие виды продовольствия, теплая одежда, валенки и др.) на сумму 435 млн тугриков, передала 300 кг золота, были также подарены 32 тыс. и проданы 485 тыс. лошадей монгольской породы [22].

В пятом томе «Истории Монголии» (2003), самого крупного фундаментального труда монгольских историков последнего времени, о месте и роли этого народного движения в жизни страны в годы Второй мировой войны, в частности, говорится: «Наша партия (имеется в виду правящая Монгольская народно-революционная партия, МНРП. — *В.Г.*) и государство рассматривали помощь советскому народу как воплощение идей патриотизма и интернационализма в тесной связи с независимостью и процветанием нашей страны, а активных участников этого движения считали лицами, имеющими заслуги перед родиной» [23]. Более 500 активных участников этого движения были награждены орденами и медалями МНР.

В сборнике документов о военном сотрудничестве (2008) опубликованы отчеты Центральной комиссии по сбору подарков при Совете министров МНР о проделанной работе за разные годы, отчеты о поездках на фронт нескольких монгольских делегаций во главе с премьер-министром МНР, маршалом Х. Чойбалсаном, генеральным секретарем ЦК МНРП Ю. Цеденбалом и другими руководителями страны, сопровождавшими эшелоны с подарками, выписка из постановления Государственного комитета обороны СССР о вывозе 35,4 тыс. монгольских лошадей для Красной Армии и народного хозяйства СССР и др.

В сборник вошли также некоторые сводные материалы о награждении воинов Красной Армии и МНРА, а также высших руководителей СССР и МНР, соответственно, советскими и монгольскими орденами и медалями за участие в боевых действиях на Халхин-Голе и во Второй мировой войне.

До 1990 г. тема помощи Красной Армии и советскому народу в Великой Отечественной войне против фашистской Германии была одной из центральных тем в работах военных и гражданских историков, посвященных периоду Второй мировой войны. Как и совместная победа на Халхин-Голе, политическая, моральная и посильная материальная помощь МНР и монгольского народа в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны была и остается одной из самых светлых и ярких страниц российско/советско-монгольской дружбы и военного сотрудничества в XX веке. Эта тема была весьма подробно исследована и освещена в монгольской историографии еще до 1990 г. [24]

После 1990 г. количество работ по этой теме заметно сократилось, в том числе по причине того, что и в России, и в Монголии почти одновременно произошло крушение прежней однотипной общественно-политической системы, наступил качественно новый этап перехода обеих стран к многопартийной политической системе, рыночной экономике и демократии, а в исторической науке обеих стран начался активный процесс освобождения от прежних идеологических пут и пересмотра многих теоретико-методологических подходов, концепций и оценок. Появились различные новые точки зрения на различные исторические события и личности. На смену идей пролетарского и социалистического интернационализма пришли идеи национализма, приоритета национальных интересов.

После 1990 г. многие военные историки переключились на разработку тематики, связанной с историей монгольской армии в эпоху Монгольской империи, военного искусства полководца Чингисхана и его соратников.

После 1990 г. среди тем, связанных с историей Второй мировой войны и особо интересующих современных монгольских историков, на наш взгляд, следует выделить вопросы военного строительства МНРА в годы войны, участие армии МНР в разгроме Квантунской армии и освобождении Внутренней Монголии и Маньчжурии на заключительном этапе войны против Японии в 1945 г., историю

взаимоотношений между великими державами — участницами антигитлеровской коалиции по вопросу о международном признании статуса МНР и др.

Известный государственный и общественный деятель, член Конституционного суда Монголии, один из ведущих и наиболее авторитетных историков, инициаторов и идеологов пересмотра ряда основополагающих концепций и оценок истории Монголии, академик Ж. Болдбаатар в своей небольшой по объему, но весьма содержательной и интересной монографии «Историография Монголии: обновление и тенденции (с 1990-х по настоящее время)» обобщил и проанализировал основные этапы, тенденции и особенности развития монгольской историографии за последние почти 20 лет и предложил новый подход изучения истории Монголии с древнейших времен [25].

В соответствии с предложенной им новой периодизацией истории Монголии в XX веке Ж. Болдбаатар относит годы участия Монголии во Второй мировой войне к периоду, который носит название «Деятельность по созданию предпосылок строительства социализма в стране» (в данном случае МНР. — *В.Г.*), и охватывает 1940—1954 гг. Ж. Болдбаатар, в частности, дал следующую краткую характеристику участия Монголии в войне и роли СССР в международном признании независимости МНР в 1945 г.: «В период Второй мировой войны МНР как сателлит Советского Союза присоединилась к призыву “Все для фронта” и всеми силами и возможностями помогала советскому народу. Решение сохранить статус-кво Внешней Монголии, принятое по предложению СССР на конференции глав правительств СССР, США и Великобритании, состоявшейся в Ялте в феврале 1945 г., стало главным звеном в признании независимости Монголии на международном уровне» [26]. Как видим, автор дал сжатую, но в целом объективную оценку роли СССР и исторического значения Ялтинской конференции для признания МНР. Эта оценка, в принципе, не отличается от той, которая была общепринятой в советской и монгольской историографии до 1990 г. Новым важным моментом, который обращает на себя внимание, является использование маститым автором определения МНР как «сателлита СССР», понятия, которое было давно введено в оборот известным американским синологом и монголоведом О. Латтимором и прочно укоренилось в западной историографии

Монголии [27]. До 1990 г. этот термин в отношении МНР, как правило, не использовался ни в советских, ни в монгольских официальных документах и научной литературе. В Советском Союзе во все времена, и при Сталине и без него, официально и неофициально считали МНР дружественным, союзным государством. Первым среди монгольских авторов, кто стал широко использовать выражение «МНР — марионеточное государство, сателлит СССР», был и остается один из инициаторов и активных участников демократического движения в Монголии в конце 1980-х — начале 1990-х годов, ныне известный государственный и общественный деятель, член парламента, писатель, автор нескольких крупных работ по истории Монголии, в том числе монографии «От мировой империи к советскому сателлиту» (1999), Б. Батбаяр, более известный под псевдонимом Баабар [28]. Из приведенных высказываний можно сделать вывод о том, что среди части современных монгольских ученых наблюдается тенденция к дальнейшему пересмотру роли СССР/России в исторических судьбах Монголии в XX веке.

В 1996 г. военные историки Центра военной истории научно-исследовательского Института обороны при Министерстве обороны Монголии опубликовали коллективную монографию «Краткая история монгольской армии» в 2-х томах [29]. В этом фундаментальном труде впервые в хронологической последовательности была освещена история монгольской армии, начиная с предков монголов — Империи хунну (III в. до н.э. — I в. н.э.) и до конца XX века, включая древние государства, существовавшие на территории Монголии до образования единого монгольского государства, Монгольскую империю и последующий период, Монголию в годы правления богдохана, МНР и новую Монголию.

В эти же годы один из ведущих военных историков старшего поколения, Д. Гомбосурэн издал несколько крупных научных работ, в том числе первый том «Истории строительства вооруженных сил Монголии (1921—1956 гг.)» и собрание своих избранных научных трудов в 3 частях [30]. В этих работах большое место заняли различные аспекты истории войны на Халхин-Голе и участия вооруженных сил МНР во Второй мировой войне. Так, в частности, в докладе «Участие МНР во Второй мировой войне, его политическое значение и результаты» на международной научной конференции, посвященной 60-й годовщине Великой Победы (2005),

Д. Гомбосурэн рассмотрел вопросы о предложениях и практических действиях великих держав по вопросу о признании статус-кво и независимости МНР в первой половине 1940-х годов, о мероприятиях правительства МНР по подготовке к войне с Японией в 1945 г., о боевых действиях Монгольской народно-революционной армии в ходе этой войны, о целях участия МНР во Второй мировой войне и достигнутых результатах [31].

По мнению Д. Гомбосурэна, политическое значение и главные результаты участия Монголии и ее вооруженных сил во Второй мировой войне состояли в следующем: Вторая мировая война закончилась безоговорочной капитуляцией Японии и победой демократических сил. Не оправдались надежды правительства МНР и маршала Чойбалсана на присоединение Внутренней Монголии к МНР, поскольку великие державы не были заинтересованы в этом. МНР честно выполнила свои обязательства по протоколу, заключенному с Советским Союзом в 1936 г., и с честью внесла свой вклад в дело Объединенных Наций. В результате этого 13 февраля 1946 г. МНР установила дипломатические отношения со Средним государством (в данном случае имеется в виду Китайская Республика. — *В.Г.*). 27 февраля 1946 г. был подписан Договор о дружбе и взаимопомощи между МНР и СССР. Таким образом, независимость МНР впервые была признана Средним государством и впервые был подписан Договор о дружбе и взаимопомощи с великим северным соседом — СССР. Более того, статус-кво МНР был признан державами-союзниками, победителями — США и Англией [32]. Представляется, что данная оценка Д. Гомбосурэном политического значения и итогов участия вооруженных сил Монголии во Второй мировой войне достаточно объективная, взвешенная, развернутая, охватывает позиции всех великих держав, принимавших непосредственное участие в решении судьбоносного для МНР вопроса о ее международном статусе. Вместе с тем, на наш взгляд, в данном заключении недостаточно полно отражена решающая роль Советского Союза и лично И. Сталина в постановке и решении этого вопроса.

Другой известный монгольский историк, О. Батсайхан, в своей монографии «Монголия на пути становления государства-нации (1911—1946 гг.)» следующим образом оценил роль И. Сталина в защите интересов СССР и МНР в 1945 г.: «И. Сталин прежде всего

защищал интересы Советского правительства на Дальнем Востоке, в том числе и в Монголии, он был также успешным реализатором военно-политической политики, направленной против Японии, и для него вопрос о независимости Монголии был вторичным. Однако военно-политическая линия, которую Сталин проводил на Дальнем Востоке, предоставила прекрасную возможность монголам защитить свою независимость и, более того, стать нацией-государством» [33]. В связи с такой трактовкой позиции Сталина в отношении первичности-вторичности вопроса о признании МНР, естественно, возникает вопрос: если вопрос о международном признании независимости МНР действительно был для Сталина вторичным в тот момент, как считает О. Батсайхан, то почему Сталин при выдвигании условий участия СССР в войне против Японии на Ялтинской конференции глав трех держав поставил вопрос о сохранении статуса-кво МНР именно на первое место? По-видимому, на разных этапах истории, в зависимости от конкретной международной ситуации, Сталин по-разному относился к вопросу о путях окончательного определения международного статуса МНР. Некоторые монгольские историки по-иному оценивают позицию Сталина по этому вопросу.

Так, вышеупомянутый Ц. Батбаяр, тщательно изучивший историю постановки и решения вопроса о том, почему И. Сталин на Ялтинской конференции в качестве одного из условий участия Советского Союза в войне против Японии поставил именно вопрос о признании статус-кво МНР, пришел к следующим заключениям: «В ходе Второй мировой войны в огромной степени вырос авторитет СССР и его руководителя Сталина на международной арене. Именно поэтому после войны для Сталина был жизненно важным вопрос, как обеспечить безопасность Советского Союза. И тогда Сталин в феврале 1945 г. в качестве одного из условий вступления Советского Союза в войну против Японии поставил пункт о “сохранении статус-кво МНР”. Стремясь проникнуть в тайные замыслы И. Сталина в отношении Монголии весной 1945 г., Ц. Батбаяр следующим оригинальным образом объясняет логику мыслей и действий лидера СССР: «Можно сказать, что решение Сталина отделить МНР от Китая, превратить ее в субъект международного права, а затем связать МНР с Советским Союзом долгосрочным военным договором было ответом на вопрос, который беспокоил его в течение многих

лет, начиная с 1930-х годов и до 1945 г.: как гарантировать безопасность территории азиатской части Советского Союза? Иначе говоря, главная суть всех вопросов была в географическом положении МНР [34]. И в этом смысле политика и действия Японии, которая, начиная с 1930-х годов, создавала постоянную военную угрозу советскому Дальнему Востоку, были одним из решающих факторов, которые привели советское руководство во главе со Сталиным к необходимости добиваться независимости МНР. С другой стороны, было необходимо окончательно положить конец двойственному, противоречивому положению международного статуса МНР, возникшего с 1924 г., избавить Монголию от постоянного юридического бремени под названием “китайский суверенитет”) [35].

Подобная трактовка Ц. Батбаяром мотивации размышлений и действий И. Сталина при принятии решения о выдвигании признания статуса-кво МНР в качестве одного из условий вступления СССР в войну против Японии, на наш взгляд, представляется достаточно логичной, аргументированной и правдоподобной. В то же время следует отметить, что никто из бывших очевидцев и участников событий, а тем более современных отечественных или зарубежных знатоков жизни и деятельности И. Сталина, истории внешней политики СССР и международных отношений в Восточной Азии в 1939—1945 гг. не мог и не может с уверенностью утверждать, что И. Сталин думал и поступал именно таким образом.

Представляет также интерес оценка Ц. Батбаяром исторического значения для Монголии самого факта включения пункта о признании статуса-кво МНР в текст Ялтинского соглашения. «Пункт о “статусе-кво МНР”, нашедший отражение в Ялтинском соглашении, — пишет Ц. Батбаяр, — крайне важный пункт, он открыл дорогу для дальнейшего существования и признания МНР на международном уровне. Это было первое международное соглашение, в соответствии с которым великие державы США и Англия, помимо Советского Союза, признали МНР в качестве субъекта права» [36]. В этом, по мнению Ц. Батбаяра, состояло главное, самое важное значение Ялтинского соглашения для МНР. С такой оценкой нельзя не согласиться.

Поэтому не случайно президент Монголии Ц. Элбэгдорж в своей речи на вышеупомянутом торжественном собрании, посвященном 70-летию совместной победы советско-монгольских войск на Халхин-Голе и приуроченном к официальному визиту президента

России Д.А. Медведева (Улан-Батор, 26.08.2009), подчеркнул, что «...Монголия будет решительно отвергать любые попытки фальсифицировать итоги Второй мировой войны».

Одной из важных, относительно новых тем, которая до 1990 г. главным образом по внешнеполитическим соображениям не акцентировалась, но в настоящее время неизменно привлекает внимание многих современных монгольских историков, является вопрос о возможности присоединения Внутренней Монголии к МНР после разгрома японской Квантунской армии и освобождения Внутренней Монголии, 1945 г.

Свою позицию по этому вопросу Ц. Батбаяр, в частности, изложил следующим образом: «С другой стороны (имеется в виду пункт о сохранении статус-кво МНР. — *В.Г.*), этот пункт Ялтинского соглашения говорил о “сохранении статус-кво” только МНР, и тем самым он отвергал замысел тогдашних руководителей Монголии об объединении Внешней и Внутренней Монголии. Можно сказать, что и для Сталина превращение МНР в независимое государство имело первостепенное значение, а вопрос об объединении монгольских племен (этнических монголов. — *В.Г.*) в одно государство никогда не стоял для него актуально. И поэтому цель, которую Монгольская сторона ставила при вступлении в войну против Японии 10 августа 1945 г. — “объединить монгольские племена в одну семью”, оказалась недостижимой и закрытой с признанием под давлением Советского Союза гоминьдановским Китаем МНР “в ныне существующих границах” [37].

Обращает на себя также внимание, что, оценивая значение международного признания МНР с точки зрения достижений внешней политики СССР и И. Сталина, Ц. Батбаяр считает, что это «действительно была высшая точка геостратегической политики, которую проводили советское руководство и Сталин в отношении Монголии» [38].

Вышеприведенные цитаты из наиболее крупных, обобщающих работ некоторых ведущих современных монгольских историков показывают, что вопросы восстановления и сохранения государственной независимости и территориальной целостности Монголии продолжают находиться в центре их внимания. Большинство историков отошли от прежних, во многом идеологизированных, односторонне апологетических оценок роли Советского Союза и его руководства, прежде всего И. Сталина. Под влиянием либеральных,

демократических идей и различных теорий общественной и исторической мысли Запада и Востока, на основе критического отношения к социалистическому периоду истории своей страны и прежним работам историков, использования ранее не известных фактов, архивных документов, новых подходов и методов исследований монгольские историки пересматривают многие прежние оценки места и роли Советского Союза в истории Монголии XX века, в том числе в период войны на Халхин-Голе и Второй мировой войны. При этом некоторые историки под лозунгом восстановления исторической истины вольно или невольно впадают в другую крайность, делают акцент на негативных сторонах советско-монгольских отношений (грубое вмешательство во внутренние дела МНР, массовые политические репрессии в 1920—1930-х гг.), недостаточно учитывают всю совокупность внешних и внутренних факторов того времени, не всегда следуют основополагающему методологическому принципу исторического исследования — конкретно-историческому подходу, пытаются без всяких оговорок применять современные критерии, оценки и нормы международного права к особым, нестандартным отношениям, которые исторически сложились и существовали между относительно более сильным, развитым СССР и молодым, слабым государством МНР в 1920—1930-х годах.

В то же время большинство добросовестных историков современной Монголии стремятся по возможности объективно подойти к оценке места и роли СССР/России в исторических судьбах Монголии и монгольского народа на различных этапах XX века.

Продолжение и дальнейшее развитие плодотворного сотрудничества между историками и архивистами России и Монголии будет способствовать установлению исторической правды и восстановлению доброго имени и заслуг тех исторических деятелей, которые незаслуженно стали жертвами необоснованных политических репрессий.

Примечания

1. Монгол улсын туух (История Монголии). В 5 томах. — УБ. 2003; Монгол цэргийн туухийн товчоон. Тэргүүн, дэд боть (Краткая история монгольской армии. В 2-х томах.). — УБ. 1996; Хорьдугаар зууны Монгол (Туухийн тойм) (Монголия в двадцатом веке. Очерк истории). — УБ., 1995; Монгол улсын туух (Туух, оноларгазуйн асуудлууд) (История Монголии.

Проблемы истории, теории и методологии). — УБ., 1999; Хорьдугаар зууны Монгол цэрэг (Монгольская армия в двадцатом веке). — УБ., 2001; Балдоо Б., Дамдинсүрэн С., Хайсандай Л. Монголын тусгаар тогтнол ба Орос, Хятадын хучин зүйл (Независимость Монголии и русский и китайский факторы). — УБ., 1999; Батбаяр Ц. Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагаст (Хиагтаас Ялта хуртэл: Сталин, Чан Кайши, Монголын тсгаар тогтнол) (Монголия и великие державы в первой половине XX века. От Кяхты до Ялты: Сталин, Чанкайши и независимость Монголии). — УБ., 2006 (Далее: Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагаст; Батсайхан О. Монгол ундэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911—1946) (Монголия на пути становления государства-нации. 1911—1946 гг.). — УБ., 2006; Гомбосурэн Д. Монгол улсын зэвсэгт хучний байгуулалтын туух 1921—1956 (История строительства вооруженных сил Монголии. 1921—1956 гг.) — УБ., 1998; Он же. Туувэр зохиол. I—III (Избранные сочинения. В 3 томах). — УБ., 2005-2006; Дамдинсүрэн С. Монголын тусгаар тогтнол: эрин зууны баталгаажилт (Независимость Монголии: гарантии эпохи). — УБ., 2001; Лхамсүрэн Б. Монголын гадаад орчин, төрийн тусгаар тогтнол (Внешняя среда Монголии и государственная независимость). — УБ., 1998; Вторая мировая война и Монголия. — УБ., 2005; Болд Р. Монголын тусгаар тогтнол ба Америкийн нэгдсэн улс (1910—19760 (Независимость Монголии и Соединенные Штаты Америки. 1910—1976 гг.). — УБ., 2009; Халхин-Гол: Новый взгляд через полвека. Документы, материалы / Сост. Вартанов В.Н., Баатар С. и др. 1990; Халхын голын дайн: нэгэн жарны тэртээд. Баримтын эм-хтгэл. (Война на Халхин-Голе: 60 лет тому назад. Сборник документов / Сост. Вартанов В.Н., Баатар С. и др.) — УБ., 1999.

2. Батбаяр Ц. Халхын гол: туух ба орчин уе (Халхин-Гол: история и современность). — УБ., 1989; Он же. Монгол ба Япон XX зууны эхний хагаст (Монголын улс төрийн гадаад харилцааны туухээс) (Монголия и Япония в первой половине XX века. Из истории внешнеполитических отношений Монголии). — УБ., 1998; Он же. Монголия и Япония в первой половине XX века. — Улан-Удэ. 2002; Он же. Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагааст (Хиагтаас Ялта хуртэл: Сталин, Чан Кайши, Монголын тсгаар тогтнол) (Монголия и великие державы в первой половине XX века. От Кяхты до Ялты: Сталин, Чан-Кайши и независимость Монголии). — УБ., 2006 (Далее: Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагааст); Батбаяр Ц., Гомбосурэн Д. Монгол, Манжгогийн хилийн хэлэлцээ. 1935—1941; он же (Цэрэг-дипломатын туух) (Монголо-маньжжоугоские переговоры. 1935—1941 гг. Военно-дипломатическая история). — УБ., 2004.

3. Халхин–Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. М.: ИКЦ «Академкнига», 2009. С. 66—67; Россия и СССР в войнах XX века. Статистические исследования. — М.: Олма Пресс, 2001.

4. Гомбосурэн Д. Туувэр зохиол. Т. 2. С. 190.

5. Дашдава Ч. Халх голын тулалдааны туухийн судалгааны зарим асуудалд (Некоторые вопросы изучения истории Халхин-Гольской битвы) // The Battle of Khalkhyn Gol (Nomonhan Incident) in the World History: knowing the Past and Talking of the Future. Summaries of Congress Papers. Ulaanbaatar. July 2—5. 2009. Тезисы и текст доклада.

6. Вторая мировая война и Монголия. УБ., 2005; Халх гол: 1939 (Халхин-Гол: 1939). Улан-Батор. — Москва, 2009.

7. Батбаяр Ц. Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагаст. С. 216.

8. См., напр., тезисы докладов // The Battle of Khalkhyn Gol (Nomonhan Incident) in the World History: knowing the Past and Talking of the Future. Summaries of Congress Papers. Ulaanbaatar. July 2—5. 2009.

9. Батбаяр Ц. Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагаст, С. 217.

10. Монгол улсын туух (Туух, оноларгазуйн асуудлууд) (История Монголии. Проблемы истории, теории и методологии). УБ., 1999, С. 403. (Далее Монгол улсын туух, 1999).

11. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911—1946). Сборник документов. Ч. II. Москва—Улан-Удэ, 2008. С. 41—41.

12. Там же.

13. Монгол улсын туух (1999). С. 403.

14. Там же. С. 403—404.

15. Ульзийбаатар Д. 1930-аад оны улс төрийн хэлмэгдүүлэлтэд ертөгсдийг «японы тагнуул» хэмээн бурутгас-ны учир шалтааны тухайд (О причинах осуждения жертв политических репрессий 1930-х годов как «японских шпионов» // The Battle of Khalkhyn Gol (Nomonhan Incident) in the World History: knowing the Past and Talk-ing of the Future. Summeries of Congress Papers. Ulaanbaatar. July 2—5. 2009. P.19. Доклад.

16. Там же. См. также Монгол улсын туух (XX зуун). Т. 5. С. 207—215.

17. Там же.

18. <http://www.president.mn> 26.08.2009.

19. Там же.

20. Монгол цэргийн туухийн товчоон (Краткая история монгольской армии. В 2-х томах.). — УБ., 1996; Дэлхийн II дайны тегсгел, чөлөөлөх дайны туухэн ач

холбогдол, орчин уе (Конец II мировой войны, историческое значение освободительной войны и современность). — УБ., 2001; Гомбосурэн Д. Монгол улсын зэвсэгт хучний байгуулалтын туух (1921—1955) (История строительства вооруженных сил Монголии. 1921—1955 гг.). — УБ., 1998; Он же. Туувэр зохиол. I—III (Избранные произведения. В 3 частях). — УБ., 2005—2006

21. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911—1946). Сборник документов. В 2-х частях. Ч. II. Москва – Улан-Удэ, 2008.

22. Монгол улсын туух (XX зуун). Т. 5. С. 234; Хишигт Н. Движение монгольского народа за помощь фронту Великой Отечественной войны // Вторая мировая война и Монголия. С. 65; История КПСС. Т. 5. Кн. 1-я. М., 1970. С. 328.

23. Монгол улсын туух. Т. 5. С. 234.

24. См., напр., «Эх орны агуу их дайн ба монголын ард түмэн. Баримт бичгуудийн эмхтгэл». 1941—1945 (Великая Отечественная война и монгольский народ. Сборник документов. 1941—1945 гг.). — УБ., 1970; 1945 оны дайнд оролцогчдын дуртгал (Воспоминания участников войны 1945 года). — УБ., 1975; Жамсранжав Ш. Дэлхийн хоёрдугаар дайны уе дэх Монгол ардын хувьсгалт цэргийн хөгжилт (Развитие Монгольской народно-революционной армии в период Второй мировой войны). — УБ., 1977; Дашцэрэн Б. «Хувьсгал Монгол» тан-кийн бригад (Туухийн найруулал) (Танковая бригада «Революционная Монголия». Исторический очерк). — УБ., 1972; Семенов А., Дашцэрэн Б. Эскадрилья «Монгольский арат». — М., 1971; Дэлхийн хоёрдугаар дайн (1939—1945). Товч туух (Вторая мировая война (1939—1945 гг.). Краткая история). — УБ., 1985; Боевое содружество. О советско-монгольском боевом содружестве. М., 1983; Там же. Дайчин нехерлел (Боевое содружество). — УБ., 1985; Дэлхийн II дайны ueийн БНМАУ, Квантуны армийг бут ниргэсэн нь (МНР в период II мировой войны и разгром Квантунской армии). — УБ., 1989 и др.

25. Болдбаатар Ж. Монгол улсын туух бичлэг: шинэчлэл, чиг хандлага (1990-ээд оноос эдүгээ хуртэл) (Историография Монголии: обновление и тенденции. (1990-е годы — до наст. вр.). — УБ., 2008.

26. Там же. С. 84.

27. См., напр., Гольман М.И. Монголоведение на Западе. (Центры, кадры, общества). 50-е — середина 90-х годов XX века. М., ИВ РАН. 2004 и др.

28. Baabar. From World Power to Soviet Satellite. History of Mongolia. Ed. by C. Kaplonski. Copyright by University of Cambridge. The White House Press. 1999.

29. Монгол цэргийн туухийн товчоон (Краткая история монгольской армии. В 2-х томах.). УБ., 1996.

30. Гомбосурэн Д. Монгол улсын зэвсэгт хучний байгуулалтын туух 1921—1956 (История строительства вооруженных сил Монголии. 1921—1956 гг.). — УБ., 1998; Он же. Туувэр зохиол. I—III (Избранные труды. В 3 частях). — УБ., 2005—2006.

31. Гомбосурэн Д. Монгол улс дэлхийн хоёрдугаар дайнд оролцсон нь, тууний улс терийн ач холбогдол, ур дун (Участие Монголии во Второй мировой войне, его политическое значение и итоги). — Туувэр зохиол. Ч. I. УБ., 2005. С. 251—261.

32. Там же, С. 260.

33. Батсайхан О. Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911—1946) (Монголия на пути становления государства-нации. 1911—1946 гг.). УБ., 2006. С. 328.

34. Батбаяр Ц. Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагаст... С. 316

35. Там же. С. 317.

36. Там же.

37. Там же. С. 317—318.

38. Там же. С. 318.

СТАРЫЕ СОЮЗНИКИ И НОВЫЕ ВРАГИ: ЯПОНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПОРАЖЕНИЕ СТРАН «ОСИ» В ЕВРОПЕ

Капитуляция Германии 8 мая 1945 г. означала нечто большее, чем прекращение той войны, от которой народы Европы страдали многие годы. Она изменила соотношение сил в мире и устранила одну из величайших угроз, нависших над просвещенными народами. Она также оказала огромное влияние на течение войны в Восточной Азии и на Тихом океане. В частности, День Победы бесповоротно изменил военное и дипломатическое положение императорской Японии, определив этой нации тот курс, который вел к неизбежному поражению, но к поражению совершенно определенного рода — призванному изменить весь ход японской истории.

С ликвидацией феодальных порядков в конце XIX в. положение Японии на международной арене всегда зависело от ее отношений как с нациями, которые она хотела использовать в своих интересах, в первую голову с Китаем и другими землями Восточной Азии, чьи богатейшие ресурсы и рынки привлекали все индустриальные державы, так и с великими державами, такими, как Великобритания, Россия, Соединенные Штаты, которые этот регион привлекал по той же причине. К концу 1890-х годов был создан прецедент, согласно которому, западные нации использовали — или угрожали использовать — силу для предупреждения роста японского влияния в Азии. Но западным странам удалось лишь замедлить японскую политическую и экономическую экспансию на континенте. Победы Японии в 1895 и 1905 гг. были самыми значимыми, но не единственными вехами возматовавшего японского присутствия в

Корею, Маньчжурии и Китае. В 1930-х годах имперская японская армия захватила политическую власть и прибегла к прямому использованию силы для захвата Маньчжурии, начала вторжение во внутренний Китай.

Италия и Германия были среди европейских государств, заинтересованных в том, чтобы не допустить японскую гегемонию в регионе, особенно в Китае. Германия имела особые имперские амбиции в этой части света, приобретая колониальные владения по всему Тихому океану и в Шаньдуне. И она объединилась с Францией и Россией для организации тройственной интервенции в 1895 г., когда западные державы принудили Японию отказаться от ряда преимуществ Симоносекского договора, заключенного после с трудом одержанной победы над Китаем во время Первой китайско-японской войны. Первая мировая война только ухудшила отношения между Японией и Германией, когда Япония не только присоединилась к коалиции союзников, направив миноносцы в Средиземное море для отражения угрозы, которую несли действия германских подводных лодок, но и разрушила немецкую империю на Тихом океане. Пользуясь лишь номинальной британской поддержкой, японские силы повели успешную осаду Циньтао и взяли Шаньдун, вывели германские гарнизоны из Микронезии и поставили под угрозу лишённые поддержки немецкие владения в Меланезии, что привело к тем же результатам.

Несмотря на то чувство совершенной несправедливости, которое Германия, Италия, Япония испытали после официального закрепления итогов войны в Версальском договоре, отношения между этими странами в течение многих лет не улучшались. Согласно полученному от Лиги Наций мандату, японцы сохранили контроль над бывшими германскими колониями на Тихом океане, а Шаньдун полностью перешел под контроль Японии. Японцы систематически выкорчевывали немецкое присутствие, так что к 1920-м годам единственным наследием германской оккупации Шаньдуна были прекрасные предприятия по производству пива в Циньтао.

Неурегулированность германо-японских отношений имела куда более важные причины, чем озлобление, вызванное проблемой бывших колоний. И при весьма беспокойном демократическом, и при фашистском правлениях как Германия, так и Италия последовательно старались ограничить устремления Японии в Вос-

точной Азии. Эти планы начали в полную силу осуществляться в 1930-х годах, когда императорская японская армия получила возможность направлять внешнюю политику страны. Как было написано в одной весьма красноречивой японской книге по истории, «в 1931 г. имперская японская армия извлекла из своей шляпы Маньчжурский инцидент и, как следствие, стала ведущей силой в общественной жизни Японии» [1]. И, прибрав к рукам Маньчжурию в качестве марионеточного государства Маньчжоу-Го, армия строила амбициозные планы в отношении внутреннего Китая, несмотря на международное осуждение этих действий.

Эта критика стала еще более суровой, когда японская агрессия в северных провинциях Китая в конце концов переросла в полномасштабную войну с пекинским правительством в 1937 г. Так называемый Китайский инцидент, получивший более оправданное название Второй китайско-японской войны, вызвал самое жесткое осуждение западных держав. По мере того как японцам удавалось в первые годы конфликта, преодолевая сопротивление китайцев, захватить пространства северных равнин и долину Янцзы, националистическое правительство Чан Кайши оказывалось все ближе к той грани, за которой начиналось если не крушение, то по меньшей мере переговоры о прекращении боевых действий. Западная помощь осажденным китайским войскам питала китайские националистические силы.

Италия и Германия были среди тех стран, которые направляли помощь китайцам. Обычно они посылали оружие и снаряжения через Гонконг, и японским агентам не составляло большого труда обнаружить грузы, о чем они своевременно сообщали в Токио. Японская пресса муссировала тему итальянской и германской помощи Чан Кайши, возбуждая в Японии общественное недовольство фашистским режимом. Однажды поврежденному пассажирскому и грузовому кораблю «Крефелд», направлявшемуся для завершения сделки — доставки крайне необходимой Германии иностранной валюты, было отказано в использовании дока и ремонте в Японии в связи с враждебностью, выразившейся в содействии китайцам [2].

Эта помощь продолжалась даже после того, как японцы заявили, что им удалось захватить побережье и полностью перерезать единственную дорогу во внутренний Китай. Когда появилась угроза изоляции, националистам с огромными материальными и че-

ловеческими затратами удалось построить дорогу «через заднюю дверь» — опасную, маломощную, но пригодную к использованию Бирманскую дорогу. Товары, которые направлялись в бирманский порт Рангун, могли затем путешествовать по стране по рекам или железным дорогам до Лашио, откуда Бирманская железная дорога начинала свой 700-километровый путь до Кунминя в западном Китае. Чтобы проделать путь, грузовикам требовалась неделя, и машины быстро изнашивались. Возможности использования этого маршрута для оказания военной помощи еще более снижались широко распространенными спекуляцией и черным рынком транспортных услуг, которые представляли китайские владельцы грузовиков. Но «задняя дверь» в Китай тем не менее оставалась открытой, хотя и наполовину. Тогда, по странной иронии, внешняя политика Италии и Германии включала в себя сотрудничество с британскими властями в Азии, в то время как Великобритания пыталась умерить германские и итальянские амбиции в Европе и Азии.

Германская и итальянская поддержка китайцев, как и помощь других западных правительств, не складывалась в серьезную опасность для японских планов в Китае. Хотя общих цифр, показывающих объем направленных в Китай товаров, не существует, очевидно, что немцы и итальянцы направили несколько миллионов патронов и другого военного снаряжения [3] — помощь, кажущаяся несущественной в сравнении с британской и американской. Однако продолжавшаяся поддержка китайского националистического режима, направленная против попыток Японии свалить его, оказывала сдерживающее воздействие на отношения между этой страной и ее будущими партнерами по «оси». Это был постоянно действующий раздражитель, как и консультации и обучение, оказываемые длительное время находившейся в Китае военной миссией германской армии.

И вместе с тем существовало некое совпадение целей и интересов Японии, Германии и Италии, усиливавшееся по мере того, как три державы сближались на протяжении 1930-х годов. Даже с учетом того, что расхождения по проблеме Китая вызывали напряжение в отношениях между ними, три эти нации объединяли общие видение и подход к проблемам внешней политики. Каждая считала себя несправедливо обиженной Версальским договором и каждая намеревалась занять надлежащее место в новом мировом поряд-

ке. Что особенно значимо — каждая считала, что достойная судьба ждет ее только в том случае, если удастся подчинить своих соседей, и что для каждой из них на пути к достижению этой цели стояли те же государства: Франция, Советский Союз, Соединенные Штаты и Великобритания. В этом лежали основы для сближения, несмотря на накладывавшиеся разногласия вокруг Китая. Союз трех держав мог удержать общих врагов от нацеленных против них действий.

Любое изучение преимуществ, полученных Японией в результате создания «оси», должно привести к заключению, что она выиграла более всего в плане дипломатическом, чем в любом другом. Между тремя державами «оси» существовал некоторый обмен технологиями [4]. Используя подводные лодки, Германия направляла союзникам оптические стекла высокого качества, промышленную технику, чертежи образцов различных передовых образцов оружия, таких, как истребитель «Мессершмитт-262», в ответ Япония предоставляла новейшие разработки торпед и другого морского оборудования. С итальянцами техническими нововведениями делились меньше. Но итальянский экипаж в 1943 г. долетел до Токио, совершив впечатляющий перелет на дальнее расстояние над вражескими территориями, что позволило японцам многому научиться. Однако, как ни полезен был для обеих сторон обмен этими техническими знаниями, развитого научного сотрудничества не получилось, закладывались только его основы.

Несмотря на то что союзники господствовали на море, в годы войны экономические и торговые отношения между европейскими и азиатскими партнерами по «оси» приобрели на удивление широкие масштабы. В Германии было получено из Японии более 260 т грузов, причем некоторую часть из них составляли сырые материалы, которые негде было больше взять, такие, как 45 тыс. т каучука и изделий из него. Программа импорта для Германии, разработанная немецкими государственными агентами в Токио, в первые годы не была хорошо продуманной, и немалая часть предназначенного для грузов места на кораблях, направлявшихся в Германию, отводилась для перевозки не имевших большого значения продуктов питания. В ответ японцы получили меньше, только около 60 тыс. т, хотя пропорция абсолютно необходимых товаров, таких, как ртуть, свинец, передовая промышленная техника и материалы, включая локомотивы, паровые котлы, научные приборы и промышленные химикаты,

была значительнее. Учитывая большое число потерянных кораблей и подводных лодок, а также относительно незначительный объем полученных товаров, основной пользой морских перевозок из Европы в Азию (и наоборот) для держав «оси» можно считать пассажирские вояжи. Нации осуществляли обмен разного рода военным и дипломатическим персоналом. Иногда встречались такие замечательные личности, как Сабхас Чандра Бос, захваченный в Берлине в начале войны и принудительно возвращенный в Азию на подводной лодке для того, чтобы возглавить поддерживаемое японцами индийское правительство в изгнании.

Между Германией и Японией было установлено некоторое прямое военное сотрудничество. Помимо дозаправки и ремонта германских кораблей, осмелившихся заходить в восточноазиатские воды, японцы оказали содействие в создании морских баз в Джакарте и Сингапуре в 1943 г., дополнив их стоянками для немецких подводных лодок на островах Пенанге, Сарабайте, Японского дома. В ответ на эти дружественные действия немцы стали в пределах японской империи перевозить грузы на своих торговых судах, а также сопровождали японские торговые конвои [5]. Существовала перспектива и более важного военного сотрудничества, особенно значимого в боевых действиях против Советского Союза, — единственной страны, с которой и Германия, и Япония (в Маньчжурии) имели общую границу. Был и такой краткий временной промежуток, когда после успехов держав «оси» в Северной Африке и Бирме в течение незначительного периода времени стало возможно представить, как германские и японские «клещи» сойдутся на Ближнем Востоке. Однако ни одно из этих возможных действий не было реализовано.

Технические, экономические, военные связи с союзниками по «оси» благоприятствовали Японии. Но все они были малоэффективными в сравнении с дипломатической значимостью союза. В зависимости от обстоятельств Адольф Гитлер и Иоахим фон Риббентроп рассматривали Японию то как противовес Советскому Союзу, то как острое, нацеленное на британскую империю в Азии, то как угрозу, которая может приковать внимание американцев более, чем все то, что Германия замышляет предпринять в Европе [6]. И, конечно, японцы, особенно офицеры императорской армии, были в восторге от вермахта и возможностей взаимодействия с такой пре-

восходной военной силой. К концу 1930-х годов для амбициозного офицера возможность получить должность военного атташе в Германии была куда более желанной, чем направление в Лондон или Вашингтон [7].

Военнослужащие были не единственной силой в Японии, считавшей, что сотрудничество с Германией было лучшим путем достижения господства в Восточной Азии. Йосуке Мацуока, занимавший пост министра иностранных дел в кабинете принца Коноэ в переломном накануне Пёрл-Харбора году, жил в Америке и представлял экономический потенциал США. Он возглавил дерзкий уход японской делегации в 1933 г. из Лиги Наций после последовавшего с ее стороны осуждения японской авантюры в Маньчжурии. Но он представлял лишь одну из группировок внутри японского правительства, которая выступала за нанесение удара по Британской империи в случае, если потенциальную угрозу стратегическим тылам Японии со стороны Советского Союза удастся нейтрализовать. Он предпринял длительную поездку в СССР, Германию и Италию весной 1941 г., чтобы выяснить, можно ли этого добиться. Мацуока был обеспокоен очевидными свидетельствами подготовки Германии к предстоящему нападению на СССР, но после осторожного зондирования был обнадежен согласием Гитлера на невмешательство Японии в германо-советский конфликт. На обратном пути в Токио он договорился о заключении Пакта о ненападении с Советским Союзом. Таким образом, союз держав «оси» дал Японии именно то, чего она более всего хотела, — свободу рук в Восточной Азии.

Японцы очень высоко оценивали советский нейтралитет по отношению к событиям в Восточной Азии в силу ряда причин. Первая и наиболее очевидная — он обеспечивал стратегическую возможность нанесения удара западным державам в этой части мира. При этом не следует забывать, что границу с Советским Союзом не следовало оставлять незащищенной; на самом деле в течение всего периода Второй мировой войны там находилось не менее двух третей дивизий императорской японской армии, расквартированной в Китае и Маньчжурии. Однако гарантия от внезапного наступления Красной Армии позволяла бросить необходимые силы на осуществление плана «Удар на юг», т.е. операций по захвату богатых природными ресурсами территорий Юго-Восточной Азии и Тихого океана.

Вторым выигрышным моментом для японцев было чувство облегчения при мысли, что не придется сражаться с Красной Армией. В то время как очень немногие в мире и, определенно, никто в Берлине не испытывал особого уважения к советскому военному мастерству, в императорской японской армии не имели иллюзий относительно своей способности тягаться со сталинскими наземными силами. Недавние столкновения, прежде всего широкие боевые действия на Халхин-Голе в 1939 г., где 23-я дивизия была разгромлена в ходе «пограничного инцидента», вселили в японцев большое уважение к советским войскам, военной технике и командованию. Это было то уважение, которого японцы не утратили, и, определенно, в течение войны как таковой они его всячески демонстрировали по отношению к тем вопросам, которые могли болезненно затронуть интересы Советского Союза. Так, японцы закрывали глаза на масштабную помощь по ленд-лизу, вливавшуюся в Советский Союз из США через северную часть Тихого океана — тем путем, который позволил доставить тот же объем товаров, что и знаменитый путь северных конвоев и железнодорожная сеть Персии, вместе взятые.

Наконец, советско-японский нейтралитет для Японии также означал, что вчерашний враг стал если не другом, то по крайней мере посредником. Имеется в виду то, что в течение большей части Второй мировой войны Советский Союз оставался тем каналом дипломатических связей, посредством которого Токио мог говорить с внешним миром, включая и его врагов. Это стало особо очевидным летом 1945 г., когда трезвые реалисты в японском правительстве начали искать пути завершения войны. За два месяца до Хиросимы и вступления Советского Союза в войну на Тихом океане министр иностранных дел Сигэнори Того начал обхаживать русского посла Я.А. Малика по поводу мирного урегулирования, суля щедрые уступки советским интересам в Восточной Азии в обмен на услуги со стороны российских дипломатических служб [8].

Что значил советский дипломатический канал для японских интересов, можно лучше понять, исследуя цели и планы Японии тогда, когда она начинала военные действия против западных держав 7 и 8 декабря 1941 г. Для Японии успешная война должна была пройти три этапа: захват районов, которые она хотела получить в Восточной Азии, закрепление на захваченных позициях и отраже-

ние контратак союзников с целью вернуть утраченные территории. Когда союзники признают военное мастерство и непоколебимую решимость, с которой японцы намереваются защищать вновь обретенную империю, они пойдут на переговоры о мире, который закрепит возросшую роль Японии в Восточной Азии. В конце концов Япония станет автаркией, т.е. обретет экономическую основу для обретения статуса великой державы, и перестанет быть уязвимой для давления посредством санкций со стороны таких наций, как Соединенные Штаты и Великобритания [9].

Намерения Японии хорошо известны историкам. Что может быть не столь самоочевидно, так это скрытая реальность, на которой основывался этот план. Значительная часть приобретений японской империи относилась к периоду еще до Пёрл-Харбора. То есть экономическая независимость Японии по меньшей мере так же зависела от ее господства в Маньчжурии и Китае, как и от захвата западных колоний в Восточной Азии в начале войны на Тихом океане. К тому же средство, которым эта цель была достигнута к концу 1941 г., а именно — значительная часть японской имперской армии сама превратилась в политическую силу. Одним словом на японской армии не только держалась колониальная империя на азиатском континенте, теперь она практически устраивала внутренний порядок и управляла империей по своему усмотрению. У нее была практика действовать независимо от официальной структуры управления у себя на островах и были все основания полагать, что она будет продолжать делать это до тех пор, пока у нее в руках оставались средства для этого, т.е. необходимая военная сила, чтобы сопротивляться попыткам изменить ее поведение. Вызовом Токио стало выдавливание японцев с земель, захваченных ими после Пёрл-Харбора. И все же понадобилось три года, чтобы вернуть Бирму. Но и этот пример бледнеет в сравнении с другим — задачей ослабить более обширное и глубоко укоренившееся «государство» японской императорской армии в Китае и Маньчжурии.

В конце концов для Японии разгром Германии не стал катастрофой из-за потери той экономической, технической и военной помощи, которую обеспечивало нацистское государство. И высвобождение британских и американских военных сил в Европе для использования их против Японии не было столь тревожным, как это могло показаться на первый взгляд, поскольку западные союз-

ники не смогли быстро и эффективно ими распорядиться. Нет, для Японии настоящей проблемой стала возможность изменения в позиции СССР после Дня Победы. Разгром Германии означал потерю надежного и, как полагали в Японии, благожелательного канала, обеспечивавшего поддержание связей с врагом, как утверждалось, лучшего из остававшихся дипломатических преимуществ Японии. Что еще важнее, начался отсчет времени: в соответствии с достигнутым в феврале в Ялте соглашением Советский Союз должен был вступить в войну на Тихом океане.

Это стало переломным моментом, определявшим природу поражения Японии во Второй мировой войне. К августу 1945 г. союзники еще не вступили в боевые действия с основной частью японских наземных сил, за пятнадцать лет боев на азиатском материке не испытавших горечи поражений. Даже после двойного потрясения — ядерным разрушением и вступлением Советского Союза в войну в первую неделю августа 1945 г. — возникло серьезное сопротивление призыву о сдаче, включая и попытку в последнюю минуту не допустить объявления императором о капитуляции [10]. Остается только размышлять о степени желания японцев продолжать сопротивление, если бы два с половиной миллиона солдат на азиатском континенте оставались жизнеспособной военной силой. Германию не смогли принудить к капитуляции до того, пока не разгромили основные части вермахта. Если вспомнить изречение генерала Вильяма Слива о том, что каждая армия говорит о готовности сражаться до последних пули и человека, но только японцы делают это, то существовала возможность, что японская армия в Азии с укоренившимися традициями определения собственной внешней политики могла пренебречь заявлением Токио о капитуляции и продолжать сражаться.

Вступление Советского Союза в войну, тем не менее, предотвратило эту возможность. Красная Армия прошла с боями через Маньчжурию едва ли не за неделю до капитуляции Японии [11]. Разгром значительных японских сил на материке позволил не ожидать наращивания американских и, возможно, британских сил в Китае на фоне нараставшей усталости от войны среди населения западных демократий. Наоборот, поражение Японии было не просто неизбежным, оно должно было случиться скоро. Некоторые консерваторы в знак протеста совершили акты самоубийства, но даже армия признала необходимость сдачи.

Именно поэтому японцы повели переговоры о сдаче, и отнюдь не дальнейшее страшное кровопролитие стало тому побудительным мотивом. Вот почему требование Ф.-Д. Рузвельта о безоговорочной капитуляции было принято, за исключением единственного пункта — гарантий сохранения существования императорской власти. Характер оккупационных сил должен был, соответственно, оказать главное воздействие на природу послевоенной Японии.

История оккупации Японии хорошо известна, и ее можно суммировать следующим образом: суперструктура фашизма и милитаризма была снесена, позволив впервые в новейшей истории расцвести талантам и трудолюбию японского народа. Утратив воинственность и презрение к интеллектуалам, столь характерные для лидеров императорской Японии, нация не просто восстановилась после страшного опустошения военных лет, но и, по иронии судьбы, достигла тех высот экономической мощи, которой столь страстно желали милитаристы.

Таким образом, День Победы стал переломным моментом японской истории. Он оказал слишком очевидное воздействие на развитие завершающих сражений Второй мировой войны в Азии и на Тихом океане, но приобрел значение куда большее, чем просто момент прекращения боевых действий. Он стал концом целой эпохи — и для Японии, и для Восточной Азии. Он привел к столь полному поражению, что и Японии, и всей этой части мира пришлось переделывать себя. День Победы — тот день, который официально стал днем поражения главного партнера Японии по «оси», изменил ее судьбу.

Примечания

1. The Pacific War Research Society. *Japan's Longest Day*. Tokyo; New York; San Francisco, 1965, 1968. P. 11.

2. Krug H.J., Hirama Y., Sander Nagashima B.J., Niestle A. *Reluctant Allies: German Japanese Naval Relations in World War II*. Annapolis, Md., 2001. P. 151—152.

3. Некоторые сведения о ежемесячных поставках грузов в Китай из Италии и Германии можно найти в: *General Staff Army in Burma // Burma Monthly Intelligence Summary*. Vol. V. N 3. 1941. April. L/WS/1/96. India Office Library. L., P. 26; Vol. V. N 6. 1941. 1 June. P. 51.

4. Факты об обмене технологиями, а также о торговых отношениях между странами «оси» в военный период в значительной мере взяты из: Krug H.J. et al. Op. cit. P. 211—232.

5. Parillo M.P. *The Japanese Merchant Marine in World War II*. Annapolis, Md., 1993. P. 99.

6. В упомянутой работе Г.И. Круга и др. на с. 115 отмечено, что в какой-то момент Риббентроп рассматривал даже возможность союза с Японией и Польшей против Советского Союза.

7. Fujiwara A. *The Role of the Japanese Army // Pearl Harbor as History: Japanese American Relations, 1931—1941* / Ed. D. Borg and Sh. Okamoto. N.Y., 1973. P. 192.

8. Bergamini D. *Japan's Imperial Conspiracy*. N.Y., 1971. P. 79—80.

9. Наиболее подробное рассмотрение экономических аспектов планов Японии см.: Barnhart MA. *Japan Prepares for Total: The Search for Economic Security, 1919—1941*. Ithaca; New York, 1987.

10. Лучшим описанием последних дней войны с Японией остается книга: Butow R.J.C. *Japan's Decision to Surrender*. Stanford, Cal., 1954.

11. Glantz DM. *August Storm: Soviet Tactical and Operational Combat in Manchuria, 1945*. Fort Leavenworth, Kan., 1983.

В.П. САФРОНОВ

МЕЖДУ «БАРБАРОССОЙ» И ПЁРЛ-ХАРБОРОМ: СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

После вероломного нападения 22 июня 1941 г. гитлеровской Германии на Советский Союз в европейской войне, да и во всей международной обстановке, произошли коренные перемены. Прежняя конфигурация политических сил, когда Германия сражалась с Великобританией, имея в числе партнеров СССР и Японию, а англичанам оказывали военную помощь США, притом, что у Москвы были весьма прохладные и натянутые отношения как с Лондоном, так и с Вашингтоном, обрушилась и начала переформировываться в соответствии с новыми стратегическими задачами, целями и интересами сторон. Этот широкомасштабный процесс переформатирования конфликта занял полгода и окончательно завершился в декабре 1941 г. нападением японцев на Пёрл-Харбор, когда он вошел в третью после сентября 1939 г. и июня 1941 г. стадию, и война приобрела подлинно глобальный характер, втянув в себя все великие державы и континенты.

Развитие военно-стратегического и геополитического процессов на Дальнем Востоке в эти полгода проходило очень сложно и напряженно, и его исход заранее никто не мог предугадать. Среди множества сюжетных линий, разворачивавшихся в отношениях между державами в этот период в Восточной Азии, основное и решающее значение имели четыре: японо-советская, японо-германская, японо-американская и советско-американская. Их развитие и взаимодействие составляло главный нерв всего того сложного и противоречивого процесса, который пришел в движение в июне 1941 г. и в центре которого оказалась

Япония. Но основными игроками на Дальнем Востоке в это время были шесть держав — Япония, США, СССР, Китай, Великобритания и Германия, и каждая из них проявляла к тамошней ситуации свой совершенно особый стратегический интерес.

Берлин был заинтересован в немедленном вступлении Японии в войну против СССР, чтобы с двух фронтов максимально быстро сломить его сопротивление. Законное китайское правительство Чан Кайши, дислоцировавшееся в г. Чунцин и контролировавшее не оккупированную японцами и не подвластную компартии часть своей страны, жаждало начала не только советско-японской, но и американо-японской войны, надеясь на ослабление таким образом военного давления японской армии на правительственные китайские войска, уже четыре года с трудом сражавшиеся с иноземными захватчиками.

Лондон, напротив, не был заинтересован в нападении Японии на СССР, так как это могло ослабить усилия последнего в борьбе против германской военной машины и даже привести к его скорому поражению, а значит, и к появлению новых угроз для Великобритании как в Европе, так и в Азии — со стороны Токио. Но гораздо больше английское правительство опасалось захватнических действий Японии в отношении своих азиатских владений — Гонконга, Бирмы, Малайи, Сингапура, Индии, и возникновения второго фронта на Востоке в условиях продолжавшейся схватки с Германией, а потому считало наиболее целесообразным сдерживать и блокировать агрессивность Токио на всех направлениях.

Задачу всеохватывающего сдерживания Токио в этот полугодовой отрезок времени считал наиболее приемлемой для себя и Вашингтон. Так же, как и Лондон, он не хотел нападения Японии на СССР, ослаблявшего фронт сопротивления Гитлеру, и готов был в некоторой степени поспособствовать тому, чтобы этого не случилось. Однако как единственная из всей шестерки невоюющая пока сторона он очень желал как можно дольше оставаться в этом статусе и не ввязываться напрямую в военные конфликты ни в Европе, ни на Дальнем Востоке, оказывая лишь посильную военную помощь и политическую поддержку жертвам агрессии — Великобритании, Советскому Союзу и чанкайшистскому Китаю.

Что касается Москвы, то перед нею на Дальнем Востоке после 22 июня встали две важнейшие взаимосвязанные задачи, от разре-

шения которых в буквальном смысле слова зависела судьба страны. Первая, ближайшая, заключалась в предотвращении возможного нападения на СССР Японии. Вторая, более отдаленная, — в том, чтобы японская агрессия, потенциально угрожавшая безопасности Советского Союза, нашла свой выход в сторону, противоположную от советских границ — в направлении американских и британских владений в Азии и в вовлечении в войну США.

Наконец, главным фактором всего этого надвигавшегося действия являлась Япония, от которой только и зависело, по какому вектору будет расширяться война. Перед ней вырисовывались три совершенно противоположных варианта — двигаться на север против СССР, на юг — в сторону французских и голландских владений или заняться окончательным урегулированием китайской ситуации, которая и по прошествии четырех лет войны с Китаем оставалась очень далека от разрешения. И правящей военно-политической верхушке предстояло сделать совсем нелегкий выбор с учетом имевшихся возможностей, обязательств и последствий, к которому она явно не была готова.

С нападением Германии на Советский Союз возникли условия для улучшения его отношений с англосаксонскими державами — противниками фашистско-милитаристского блока Берлина и Токио. 22 июня 1941 г. английский премьер-министр У. Черчилль, а 24 июня президент США Ф. Рузвельт заявили о готовности сотрудничать с СССР и оказать ему поддержку в войне [1]. Это имело огромное значение, ибо создавало предпосылки для военно-политического союза Москвы с Лондоном и торгово-экономического и политического партнерства между Москвой и Вашингтоном. Однако в самом начале войны такая поддержка носила, по существу, лишь моральный характер, и Советский Союз вынужден был опираться исключительно на собственные силы.

Жизненно важное значение приобретала для СССР позиция Токио в отношении начавшейся войны. Предотвращение японской агрессии на его дальневосточных рубежах дало бы возможность бросить все силы на отпор германским войскам, и, наоборот, война на два фронта поставила бы Советское государство в смертельно опасное положение. У Москвы имелись большие сомнения насчет того, будут ли японцы в изменившейся международной обстановке соблюдать только что подписанный с нею пакт о нейтралитете

от 13 апреля 1941 г. Поэтому она предприняла огромные усилия по предотвращению нападения Японии на дальневосточные районы СССР. Самое главное — там держала границу более чем полумиллионная армия, что сыграло неопределимую роль в обеспечении безопасности страны. Ответственная задача легла и на плечи дипломатов.

На второй день войны посол СССР в Токио К.А. Сметанин, попытался выяснить позицию Японии в отношении советско-германской войны и пакта о нейтралитете у ее министра иностранных дел И. Мацуоки. Ответ последнего был уклончивый и выдержан в таком тоне, что советское правительство не могло быть уверено в сохранении Японией нейтрального статуса, хотя ничего конкретного об официальной позиции Токио в нем не содержалось, поскольку таковая попросту еще не была сформулирована, и министр высказал лишь личную точку зрения. Мацуока заявил, что у правительства пока нет мнения относительно создавшейся ситуации и, возможно, оно будет выработано на заседании 25 го числа. При этом он подчеркнул, что основой внешней политики Японии является Тройственный пакт Берлина, Рима и Токио от 27 сентября 1940 г. и если советско-германская война и пакт о нейтралитете войдут в противоречие с японо-германо-итальянским альянсом, то пакт о нейтралитете «не будет иметь силы» [2].

27 июня подробное содержание этой беседы стало известно американцам в результате расшифровки системой «Мэджик» телеграммы, направленной Мацуокой в японское посольство в Москве, однако у них не должно было сложиться впечатление, что Токио готов отказаться от нейтралитета с СССР, так как в перехваченном тексте не было никакого упоминания о возможности утраты силы пакта о нейтралитете в случае его конфликта с тройственным альянсом агрессоров [3].

В эти же дни зондаж японской позиции провел и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов в целях прояснения очень неопределенной и тревожной ситуации, вызванной отсутствием уже несколько дней какой-либо информации о давно ожидаемом решении японского правительства по поводу советско-германской войны и сообщением из Токио разведчика Р. Зорге от 26 июня о том, будто Мацуока заверил немецкого посла О. Отта в неизбежности выступления Японии против СССР через некоторое время [4].

Однако большой ясности собственный зондаж Молотову не принес. 29 июня (по советским данным. — В.С.) в ответ на просьбу наркома информировать его насчет отношения Японии к советско-германской войне посол И. Татэкава заявил, что он еще не имеет об этом сообщения от своего правительства. Оно находится в трудном, неожиданном и нежелательном для себя положении, так как, с одной стороны, имеет Тройственный союз, а с другой — пакт о нейтралитете. Татэкава сказал, что сейчас японский кабинет ежедневно заседает, стараясь найти какое-то решение, и он думает, что, возможно, через несколько дней о позиции японского правительства в данном вопросе будет сообщено советской стороне. Молотов с крайним удивлением для себя узнал, что Мацуока, по-видимому, не был информирован гитлеровским руководством во время его поездки в Берлин в конце марта — начале апреля 1941 г. о возможности возникновения войны между Германией и СССР [5]. Это открывало путь Москве для попыток отрыва Японии от союза с Германией, чем Кремль в дальнейшем и стремился воспользоваться на дипломатическом уровне.

Такая возможность представлялась еще более перспективной американской стороне, которая в текущих и последующих переговорах с Токио настойчиво добивалась выхода его из альянса с Германией. Перехваченное и расшифрованное 3 июля американской разведкой сокращенное содержание данной беседы, состоявшейся согласно ее сведениям не 29-го, а 27 июня, безусловно, способствовало и укрепляло Вашингтон в его решимости настойчиво проводить эту линию, ибо из телеграммы посла Татэкавы в Токио американцам также стало понятно, что, по-видимому, японское правительство не было заранее проинформировано Берлином о его планах войны против СССР. При этом и они не смогли ничего узнать о текущей официальной позиции Токио насчет его отношений с Москвой, а лишь зафиксировали выраженные Татэкавой «определенные ожидания», «что японское правительство будет уважать пакт о нейтралитете», и его согласие с замечанием наркома о необходимости воздерживаться от шагов, которые могут расстроить добрые отношения, существующие между обеими странами [6].

Тем временем Москва провела дипломатический зондаж еще и в Вашингтоне. 26 июня посол К.А. Уманский спросил и. о. госсекретаря США С. Уэллеса, может ли тот предоставить ему

сведения относительно положения на Дальнем Востоке. Уэллес ответил, что, согласно полученным сообщениям, ситуация в Японии еще не прояснилась и возможна смена правительства или его реорганизация. Какова в этом случае будет политика японского руководства — неизвестно. Уманский подчеркнул, что решение президента Ф. Рузвельта не объявлять о нейтралитете США в связи с советско-германской войной имеет для СССР большое значение и облегчает его положение на востоке [7].

На позицию Вашингтона в отношении СССР в начале войны решающее влияние оказывали оценки способности последнего сопротивляться натиску фашистской Германии. В американской столице утвердилось общее мнение, что Советский Союз не продержится в борьбе с гитлеровской военной машиной более 2—3 месяцев [8]. Поэтому Белый дом опасался заходить слишком далеко в сотрудничестве с СССР. Осторожную, выжидательную политику американское правительство намерено было проводить и на Дальнем Востоке, призывая Англию следовать его примеру. В ходе беседы, 22 июня Уэллес предостерегал британского посла в Вашингтоне Э. Галифакса от заключения советско-английского союза. Он доказывал, что «Япония рано или поздно нападет на Россию», а «это автоматически приведет к конфликту между Японией и Великобританией» [9].

Что касается оценки намерений Токио в отношении СССР, то в Вашингтоне не было единства взглядов. Хотя Ф. Рузвельт получал от американской разведки, которая раскрыла японский секретный код, важнейшую информацию военного и дипломатического характера, он не имел тем не менее определенного мнения о дальнейшем направлении экспансии Японии [10]. В Госдепартаменте главными выразителями мнения о политике Японии являлись сотрудники его дальневосточного отдела. Как полагали некоторые из них, обстановка в Азии должна была вынуждать Токио воздерживаться от нападения на СССР, так как советские войска на Дальнем Востоке представляли собой внушительную силу, и японцы, получившие урок в боях у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, вряд ли отважатся вновь испытывать мощь Красной Армии, имея недостаточное для вторжения количество войск [11]. Однако наиболее характерным для Госдепартамента было суждение тех, кто предполагал, что Япония, скорее всего, воспользуется ситуацией на советско-германском фронте для вторжения в пределы СССР и отложит на время на-

ступление на владения европейских государств в юго-западной части Тихого океана [12].

В Госдепартаменте допускали, что японо-советская война может принести США сиюминутную выгоду, ибо Япония, как их потенциальный противник, израсходует в ней свои силы. Однако перевешивали иные мотивы, свидетельствовавшие о целесообразности для США заблокировать японскую агрессию по всем направлениям. «С точки зрения дальнего прицела, — писал высокопоставленный сотрудник Госдепартамента Адамс, — Соединенным Штатам следует сейчас попытаться сковать Японию как в том, что касается вторжения в Сибирь, так и в отношении нападения на Сингапур и Голландскую Ост-Индию» [13].

Дальневосточный отдел считал, что нападение Японии на СССР обернется в конечном счете против «высших интересов» США, хотя и приведет к временному ослаблению ее давления на Китай и Юго-Восточную Азию. Германия только выиграет от такого развития событий, а Япония в случае успеха станет сильнее [14]. Поэтому этот отдел советовал осуществить определенные меры, которые бы помешали Токио предпринять военные действия против СССР: заморозить японские активы в США, наложить дополнительные ограничения на экспорт нефтепродуктов в Японию, укрепить оборону американских, английских и голландских опорных пунктов на Дальнем Востоке и т.д. [15]

Рузвельт считал необходимым сдерживать японскую агрессию, но предпочитал делать это так, чтобы не раздражать Токио и не обострять японо-американские противоречия. Это сразу же проявилось в связи с советско-американскими отношениями. Как отмечает американский историк Р. Даусон, заявление президента о готовности оказать поддержку СССР в войне против фашистской Германии имело, ко всему прочему, целью «произвести впечатление» на Японию [16]. Однако уже через три дня, 27 июня, в связи с опасениями японского правительства, что США могут использовать советскую территорию как военный плацдарм, угрожающий безопасности Японских островов, Уэллес поручил послу в Токио Дж. Грю сообщить японским официальным лицам, что «любые меры помощи России будут иметь единственной целью укрепление безопасности Соединенных Штатов» и не будут представлять никакой угрозы для безопасности стран, не участвующих в войне

на стороне Германии [17]. Успокаивая таким образом Токио, Вашингтон в то же время предостерегал его от поддержки Берлина и каких-либо антиамериканских акций.

Как раз в эти дни в Токио проходили бурные совещания военных и политических руководителей, на которых обсуждался вопрос о дальнейшем направлении японской агрессии. 2 июля императорская конференция одобрила следующий план: подготовиться к войне против Англии и США, продолжать продвижение на юг, оккупировать Французский Индокитай. Что касается войны между Советским Союзом и Германией, то было решено не вмешиваться в нее, секретно завершая в то же время военные приготовления против СССР. «Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к военной силе, разрешит северную проблему» [18]. Итоги конференции означали, что приоритет отдавался в то время экспансии на юг, но нападение на СССР не снималось с повестки дня, а лишь отодвигалось на более поздний срок и ставилось в зависимость от результатов вооруженной борьбы на советско-германском фронте.

Отрывочные сведения о принятом в Токио решении стали доходить до советского правительства довольно быстро из разных источников — официальных, дипломатических, разведывательных. Однако полный и точный текст решений конференции ни советская, ни американская разведка раздобыть так и не смогли ввиду их особо секретного характера, хотя американцы получили гораздо больше эксклюзивной и достоверной информации на этот счет благодаря дешифровке японских сообщений. Поэтому неверно утверждение, будто советский разведчик Р. Зорге знал все, что было решено на этом совещании, а от него немедленно обо всем узнала и Москва [19]. На самом деле Зорге собирал информацию по крупицам из разных источников, и главная трудность заключалась в правильной ее интерпретации и безошибочном выводе об основном направлении дальнейших действий Токио, что представляло жизненную важность для СССР.

3 июля он сообщил в Центр, что японское правительство решило остаться верным Тройственному пакту и будет придерживаться пакта о нейтралитете с СССР, но, по сведениям из немецких и японских источников, видимо, вступит в войну против него через шесть недель [20]. Спустя неделю он передает важные дополнения и уточ-

нения: на совещании у императора решено продолжать реализацию плана в отношении военной базы в Сайгоне в Южном Индокитае и одновременно готовиться к действиям против СССР на случай поражения Красной Армии. И вновь подтверждает, что, по немецким сведениям, Япония начнет войну с СССР примерно через месяц, как только закончит подготовку [21]. Через два дня от Зорге поступают новые подтверждения и уточнения: подготовка Японии к войне будет длиться самое большее шесть недель. «Если Красная Армия потерпит поражение, то японцы, безусловно, вступят в войну, а если поражения не будет, то они будут занимать выжидательную позицию» [22].

Однако помимо Зорге, сотрудника военной разведки Красной Армии, по-добные и вполне верные сведения поставляла в Москву и внешнеполитическая разведка госбезопасности (НКГБ) СССР. 5 июля ее токийская резидентура направила в Центр первое и весьма точное сообщение о ближайших стратегических планах Японии, не упоминая о состоявшейся императорской конференции. Ссылаясь на японские правительственные круги, она доносила, что вскоре будут закончены приготовления к операциям на юге, после чего сразу же начнется наступление на юг Французского Индокитая и Сингапур. Войны с США Токио будет избегать, но, если этого не удастся, пойдет на нее. Что касается СССР, то с ним будет сохраняться нейтралитет, пока не закончены военные приготовления для похода на север, которые должны быть ускорены с тем, чтобы в любой момент можно было начать боевые операции против него [23]. Спустя два дня этот резидент вновь радирует без ссылки на императорское совещание о решении японского правительства не предпринимать прямые военные действия против Сибири, а вместо этого продвигаться в южную часть Французского Индокитая [24].

Лишь 17 июля 1941 г. в Москву пришло первое сообщение по линии внешнеполитической разведки НКГБ со ссылкой на совещание от 2 июля, в котором говорилось о решении Японии двигаться в южном направлении и осуществлять приготовления в отношении СССР на случай различных возможностей в развитии ситуации. Эта информация поступила из лондонской резидентуры от «кембриджской пятерки» К. Филби и являлась наиболее достоверной, поскольку основывалась на японском официальном источнике — перехваченной шифровке из Токио [25].

Еще большая удача ждала американцев, которые, правда, с месячным опозданием (8 августа) сумели расшифровать особо секретную телеграмму Мацуоки японскому послу в Берлине Х. Осиме от 2 июля, направленную также послам в Вашингтоне и Москве, с подробным (но не дословным) изложением сути принятых в тот день в Токио решений. Задержка с дешифровкой была вызвана использованием Токио кодов высшей категории секретности. Отсутствие в течение месяца точной информации о решениях императорской конференции от 2 июля заставляло американцев теряться в догадках о действительных намерениях Японии, несмотря на обилие разведывательных сведений. Теперь же им стало известно, что, хотя в отношении советско-германской войны Япония намеревается руководствоваться духом Тройственного пакта держав «оси», все приготовления на этом направлении и оценка ситуации будут делаться, исходя из ее собственных интересов. Относительно американской политики Токио в Вашингтоне узнали, что Япония собирается использовать все средства для предотвращения вступления США в войну, но при необходимости будет действовать согласно Тройственному пакту и «решит, когда и как применить силу». Из информации Мацуоки американцам стало ясно, что главной и ближайшей задачей японцев является продвижение на юг Французского Индокитая и в Таиланд с помощью дипломатических и силовых средств [26], которая к тому моменту уже начала реализовываться.

Сразу же по окончании императорской конференции министр иностранных дел Японии Мацуока пригласил к себе 2 июля советского посла Сметанина и заявил ему, что японское правительство серьезно рассмотрело вопросы, возникшие в результате начала советско-германской войны. Эта война поставила Японию в высшей степени трудную и деликатную ситуацию, и он искренне надеется поэтому, что военные действия скоро прекратятся и не распространятся на Дальний Восток. Хотя его правительство, продолжал Мацуока, не хочет, чтобы его политика в отношении Советского Союза затрудняла отношения Японии с Германией и Италией, оно не видит причины для изменения своей позиции в настоящий момент. Правительство считает возможным защищать японские интересы, оставаясь в хороших отношениях как со своими союзниками, так и с СССР. Министр просил, чтобы Сталин и Молотов верили в его огромное желание сохранять дружеские отношения

с Советским Союзом. Однако он оговорился, что проведение или непроведение японским правительством политики нейтралитета будет зависеть от дальнейшего развития ситуации [27]. Дословный текст этого заявления советскому правительству Мацуока сообщил в Берлин Осиме в тот же день телеграммой, которая была перехвачена американцами и дешифрована 5 июля [28].

Из вышесказанного видно, что целью подобных заявлений Мацуоки было «ввести русских в заблуждение или по крайней мере держать их в состоянии неопределенности» насчет действительных намерений Японии в отношении СССР «ввиду того, что военная подготовка еще не закончилась». Именно так Мацуока объяснил свои намерения германскому послу в Токио О. Отту. В связи с этим последний сообщил в Берлин: «В настоящее время Сметанин не знает о поспешной подготовке, которая проводится против СССР и на ко-торую сделаны намеки в решении правительства» [29].

Следует иметь в виду, что, сообщая Отту эту информацию, Мацуока смещал акценты в решении императорского совещания, стремясь угодить Берлину подчеркиванием антисоветских намерений Японии и принижением значения для нее южного направления экспансии. Это обстоятельство, в частности, заставляло Зорге воздерживаться от немедленного извещения Москвы об итогах совещания до полного прояснения сути выработанной японской верхушкой политики [30].

В отличие от того, как определялись приоритеты политики Японии в решении императорской конференции, американское руководство получило еще 3 июля от ВМС США информацию о ближайших намерениях Токио, в которой акценты были расставлены иначе. Считалось, что первым делом Япония аннулирует пакт о нейтралитете с СССР и нанесет удар по советскому Дальнему Востоку в конце июля 1941 г. или «после краха Европейской России» [31]. Не имея пока более точных данных, руководители США рассматривали эти сведения как вполне точные. В тот же день Уэллес вызвал в Госдепартамент посла Уманского и заявил, что, по имеющейся у американского руководства достоверной информации, правительство Японии намерено в самом ближайшем будущем аннулировать пакт о нейтралитете с СССР и совершить нападение на него. В связи с вопросом Уманского, какова будет в этом случае позиция правительства США, Уэллес заверил, что оно поможет Советскому

Союзу поставками и немедленно прекратит всякие экономические отношения с Японией [32].

Сведения, сообщенные Уэллесом, основывались, возможно, и на расшифрованной 3 июля телеграмме Мацуоки о стратегических планах Японии. Эта депеша была отправлена 2 июля послу Осиме в Берлин для информирования министра иностранных дел Германии И. Риббентропа в ответ на соответствующий запрос последнего. Мацуока сообщал рейхсминистру, что «Япония готовится ко всем возможным ситуациям в отношении СССР, для того чтобы присоединить свои силы к Германии в активной борьбе с коммунистической угрозой», и что она полна решимости «уничтожить коммунистическую систему» в Восточной Сибири [33].

Информация о намерении Японии в самом ближайшем будущем напасть на СССР продолжала поступать в Вашингтон [34], и американские официальные лица передавали ее советской стороне, считая, что для СССР она будет представлять большую важность. 7 июля Уэллес просил американского посла в Лондоне Дж. Вайнанта сообщить его советскому коллеге И.М. Майскому, что, по американским сведениям, Япония решила предпринять агрессию против СССР [35]. Это поручение было направлено в ответ на телеграмму Вайнанта из Лондона от 4 июля 1941 г. о беседе с Майским. Уэллес предлагал Вайнанту передать советскому послу, что США сообщают СССР такую информацию, которая у них имеется. «Можете добавить, что суть Вашей информации состоит в том, что, согласно одним донесениям, японское правительство решило предпринять военное наступление против Сибири; по другим — японское правительство решило двигаться на юг, но не предпринимая большой военной акции; и, согласно еще одним сообщениям, японское правительство готовится ко всем возможным непредвиденным обстоятельствам, но пока не определилось, начинать ли и в каком направлении новое военное наступление» [36].

14 июля военно-морской министр США Ф. Нокс заявил Уманскому о серьезных предположениях, основанных на данных разведки, насчет намерения японцев порвать пакт о нейтралитете с СССР и блокировать Владивосток. Хотя, возможно, добавил министр, японцы будут пока выжидать исхода сражений на советско-германском фронте [37].

В Вашингтоне исходили из того, что нападение Японии на СССР в то время, когда он вел битву с Германией, могло привести

к его быстрому поражению, а следовательно, имело бы серьезные последствия и для США. В этой обстановке в послании от 4 июля Рузвельт просил премьер-министра Японии Ф. Коноэ дать заверения, что информация о якобы готовящемся нападении Японии на СССР недостоверна [38]. Это должно было прояснить ситуацию. 7 июля Коноэ ответил: японское правительство «пока еще не рассматривало возможность подключения к военным действиям против Советского Союза» [39].

Именно в это время в Токио распространились слухи о том, будто Мацуока заявил американскому и английскому послам, что советско-японский пакт о нейтралитете не действует и Япония им не связана. Эта информация дошла и до Сметанина [40]. По этому поводу 12 июля Сметанин посетил Мацуоку и попросил объяснений. Министр в ходе беседы возразил послу, подчеркнув, что в его заявлении послам говорилось о неприменимости пакта о нейтралитете к советско-германской войне, ибо, когда он заключался, не было и мысли о возможности войны. По его мнению, Япониявольна проводить в этой ситуации свою политику, не будучи ограничена ни пактом о нейтралитете, ни Тройственным пактом. В ответ на настойчивые попытки посла добиться более точного объяснения намерений японского правительства в отношении этих договоров Мацуока подчеркнул, что оба они остаются в силе [41]. Неопределенность и двусмысленность высказываний главы японского МИДа вызывалась неопределенностью международной обстановки и, соответствен-но, раздвоенностью политики Токио.

15 июля Мацуока телеграфировал содержание этого своего заявления японским послам в Москву и Вашингтон, и уже на следующий день его прочитала американская разведка [42].

Гитлеровская агрессия против Советского Союза застигла Токио в известной степени врасплох [43]. В последнее время Япония ориентировала свою политику в направлении экспансии на юг и теперь оказалась ни в военном, ни в политическом плане не готовой к нападению на СССР. Требовалось время для накопления сил вдоль советской дальневосточной границы, где в предыдущие месяцы численность японских войск не увеличивалась и составляла 300—400 тыс. чел. [44]. Военное командование в Токио считало необходимым довести численность Квантунской армии до 700—850 тыс. солдат, чтобы, создав двойной перевес в силах, начать войну

против СССР [45]. По плану этой войны, имевшему кодовое название «Кантокуэн» («Специальные маневры Квантунской армии»), дата открытия военных действий намечалась на 29 августа 1941 г. (а победное их завершение — на середину октября 1941 г.) [46] и приурочивалась к тому сроку, к которому Гитлер обещал добиться победы над Советским Союзом.

В первые же дни после начала советско-германской войны в Маньчжурию стали прибывать из Японии новые воинские формирования [47]. Обстановка для СССР складывалась очень тревожная. В этой ситуации советское правительство решило выяснить, готовы ли США оказать СССР более серьезную поддержку на Дальнем Востоке, чем просто информировать о предполагаемых планах Токио. 8 июля нарком Молотов поручил Уманскому выяснить более точно, «какие меры американское правительство может и хочет принять для предотвращения или затруднения выступления против нас Японии и какова будет его позиция в случае такого выступления». «Спросите Рузвельта, — писал Молотов, — не считает ли он, что более ясным и решительным заявлением, высказанным публично или в дипломатическом порядке непосредственно японскому правительству, Рузвельт мог бы значительно уменьшить шансы выступления Японии» [48].

10 июля Уманский имел беседу с Рузвельтом. Посол заявил президенту, что в советской столице «отнеслись с должным вниманием к дружественному сигналу Уэллеса» о враждебных по отношению к СССР намерениях Японии, но было бы крайне важно, чтобы США дали ясно понять Японии, что ее авантюры против Советского Союза вызовут в отношении нее конкретные меры со стороны США. Присутствовавший на встрече Уэллес повторил сказанное им Уманскому 3 июля: в случае японского нападения на СССР американское правительство пойдет на экономический и финансовый разрыв с Токио. Президент подтвердил это обещание, но уклонился от ответа на вопрос, готов ли он выступить с предупреждением по адресу Японии.

В ходе беседы Рузвельт защищал свою осторожную позицию в отношении Японии, считая, что такие меры, как, например, эмбарго на поставку ей нефтепродуктов, лишь толкнут ее на агрессию против Голландской Индии и нанесут таким образом ущерб интересам США. Президент зачитал послу шифровки о положении

на Дальнем Востоке, в которых давались противоречивые оценки агрессивных намерений Токио. Они говорили как о готовности японцев напасть на СССР, так и об их стремлении прежде всего сконцентрировать свое внимание в южном направлении [49]. Разговор с Рузвельтом свидетельствовал, что американское правительство не готово идти дальше простой моральной поддержки СССР на Дальнем Востоке. Хотя президент и его руководящий штаб беспокоились в связи с опасностью продвижения Японии в южном направлении, они надеялись избежать военного конфликта с ней, сдерживая ее политическими, экономическими и дипломатическими средствами.

В своих последних беседах со Сметаниным Мацуока мимоходом коснулся столь важной для Японии и Германии проблемы, как характер взаимоотношений СССР с США и Англией. 2 июля он предупредил посла, что оказание американской военной помощи Советскому Союзу по маршруту через Японию и Владивосток может заставить Германию и Италию потребовать от Японии перерезать этот путь снабжения. Равно как и советско-английские деловые отношения могут привести к тем же последствиям. Желая помешать установлению подобных контактов СССР с Вашингтоном и Лондоном, японский министр просил, чтобы Сталин и Молотов серьезно отнеслись к этим вопросам [50]. Гораздо более важная для Японии проблема была затронута Мацуокой в ходе беседы 12 июля, так как касалась взаимоотношений между СССР, США и Англией на Дальнем Востоке, что напрямую было связано с безопасностью Японии в условиях ее подготовки к войне с англосаксонскими державами. Также мимоходом Мацуока заметил, что как Германия не просила и не будет просить Японию об участии в войне с СССР, так и Советскому Союзу не следует разрешать США иметь военные базы на Камчатке или допускать английских офицеров в Сибирь, о возможности чего сообщают газеты [51].

Мацуока не случайно затронул вопрос о взаимоотношениях СССР с США и Великобританией. Именно в это время началось оформление военного союза трех держав. Первый камень в его основание 12 июля 1941 г. заложили Москва и Лондон, заключив между собой соглашение о совместных действиях в войне против Германии. Предполагая, что это соглашение вызовет большие опасения в Токио из-за подозрения направленности его и против

Японии, советское руководство по собственной инициативе решило сразу же успокоить японскую сторону, дабы своевременно устранить источник возможной напряженности, 15 июля Молотов пригласил к себе японского посла Татэкаву и заявил ему, что во избежание различных слухов и недоразумений относительно данного соглашения он должен сказать, что оно существует только в таком виде, в каком опубликовано, имеет в виду исключительно Германию и не касается нейтральных стран, в том числе Японии [52]. Татэкава удовлетворился подобным разъяснением.

В конце июля в Москву прибыл специальный представитель президента США Г. Гопкинс. Целью визита было выяснение способности Советского Союза противостоять германской агрессии с тем, чтобы определить позицию Белого дома в вопросе оказания ему конкретной материальной поддержки. В ходе визита был затронут также вопрос о положении на Дальнем Востоке. 31 июля Молотов беседовал на эту тему с Гопкинсом. Отметив, что Рузвельта весьма интересует позиция Японии и ее возможные дальнейшие действия, американский гость спросил, имеются ли у советской стороны какие-либо предложения о позиции США в отношении Токио. Молотов ответил: политика Японии в отношении СССР все еще остается неопределенной. Что же касается советского правительства, то оно не желает иметь какие-либо осложнения с ней. Вместе с тем оно хочет, чтобы США дали ясно понять Японии, что они не будут безразлично относиться к возможным действиям ее против СССР. Это оказало бы серьезное сдерживающее воздействие на Токио.

Гопкинс заверил наркома, что правительство США обеспокоено захватами, произведенными Японией, и желает видеть на Дальнем Востоке устойчивое положение. Поэтому оно против распространения японской агрессии куда бы то ни было, будь то на юг или на север — в сторону СССР. «Американский народ, — сказал он, — не останется равнодушным к попытке Японии обосноваться еще и в Сибири». Однако, продолжал Гопкинс, США намерены вести себя с ней «благоразумно» и не выступать с какими-либо «вызывающими» заявлениями о недовольстве ее действиями. СССР, отметил Молотов, приветствует позицию США, не желающих, чтобы Япония предпринимала агрессивные действия в Сибири и на Дальнем Востоке, но было бы полезно, если бы Рузвельт предупредил ее о плохих для нее последствиях выступления против СССР. Амери-

канский гость обещал передать президенту пожелание советского правительства [53].

Главный вывод, который советское правительство могло сделать из этих бесед, — это наметившаяся в Вашингтоне тенденция к улучшению отношений с ним. Для советского руководства было важно узнать, что Рузвельт не хочет, чтобы Япония предпринимала захватнические действия против СССР. Американское же правительство теперь убедилось в возможности строить с СССР отношения на более прочной основе, его решимости до конца бороться с агрессорами. Вместе с тем в Москве получили новые доказательства стремления США уклоняться от решительной и недвусмысленной поддержки СССР на Дальнем Востоке и продолжать свою прежнюю политику: «сидеть на заборе» и смотреть на происходящее со стороны.

8 августа госсекретарь США К. Хэлл имел беседу с Уманским. В распоряжении Хэлла находились сведения, которыми американская разведка оперировала уже несколько недель подряд, о «реальности угрозы движения японцев в северном направлении». В начале августа они уже не соответствовали действительности, так как именно тогда японское командование отказалось от замысла начать войну против СССР в 1941 г. [54]. Госсекретарь сообщил послу эти разведанные и просил обратить на них «самое серьезное внимание». Уманский недвусмысленно высказал неудовлетворение тем, что поныне политика Белого дома «покоится на том, чтобы оставлять японцев в неведении об окончательном курсе американского правительства в случае японской агрессии против нас в расчете, что это неведение будет тревожить и сдерживать японцев». «Мне кажется, — заявил Уманский, — что японцы поймут только ясный, решительный язык и что публичным или дипломатическим путем или прямой демонстрацией готовности США к любому положению им надо дать понять, какова будет политика США в случае японской агрессии против СССР» [55].

Лишь в середине августа Рузвельт решился сделать предупреждение Японии, о котором Молотов говорил Гопкинсу в Москве. Гопкинс беседовал на эту тему со своим шефом во время Атлантической конференции Рузвельта и Черчилля (9—12 августа 1941 г.). Энергично подталкиваемый на это и Черчиллем, глава Белого дома согласился направить Токио ноту с предупреждением. Однако английский премьер хотел, чтобы предостережение касалось лишь

юго-западной части Тихого океана, где находились владения Британской империи [56].

Рузвельт все же считал, что оно не может ограничиваться только этим регионом, а «должно быть достаточно широким, чтобы охватывать возможность новой японской агрессии против всякой дружественной державы в Азии, в частности Советского Союза, ибо таков был результат переговоров Гопкинса с Молотовым» [57].

17 августа Рузвельт сделал следующее заявление японскому послу в США адмиралу К. Номуре: «Если японское правительство предпримет какие-либо дальнейшие шаги в осуществление политики военного господства над соседними странами при помощи силы или угрозы силой», правительство США «будет вынуждено немедленно предпринять все возможные шаги для охраны законных прав и интересов Соединенных Штатов и американских граждан и для обеспечения безопасности Соединенных Штатов» [58]. В другом заявлении, сделанном Номуре Рузвельтом, говорилось: «Если... какой-либо стране... в районе Тихого океана возникла бы угроза, то американское правительство продолжало бы помогать странам, сопротивляющимся агрессии, и стало бы сотрудничать с другими государствами в оказании помощи любой стране, которой существует угроза» [59].

Целью этих заявлений было предупредить Японию об отрицательных для нее последствиях агрессии не только в юго-западной части Тихоокеанского региона, но и в отношении СССР, а также отвести подозрения Советского Союза, что США и Англия подталкивают Японию против него [60]. Когда 19 августа Уэллес сообщил Уманскому об американском предупреждении, дав понять, что в нем учтены советские пожелания, посол подчеркнул: эта информация «вызывает тем большее удовлетворение, что соответствует духу предложений, внесенных мною Рузвельту 10 июля от имени советского правительства» [61]. Хотя этим заявлениям президента не хватало полной определенности и решительности, в них было заключено, по существу, первое со стороны США с начала Великой Отечественной войны выражение дипломатической поддержки СССР на Дальнем Востоке.

К этому моменту серьезные изменения претерпели военно-стратегические планы Токио. Одновременно с принятием 9 августа Генштабом японской армии решения отказаться от намерения на-

чать в 1941 г. войну против Советского Союза им были утверждены новые принципы операций японских вооруженных сил, которые заключались в том, чтобы со стороны СССР обеспечить безопасность с помощью японских войск в Маньчжурии и Корее, а на южном направлении ускорить военные приготовления против Великобритании и США с целью завершить их к концу ноября. Этот новый стратегический курс Токио явился результатом неблагоприятного для него развития международной обстановки. С одной стороны, вопреки первоначальным ожиданиям Токио советско-германская война затягивалась, а количество советских вооруженных сил на Дальнем Востоке не сокращалось. С другой, — в результате ввода в конце июля японских войск в Южный Индокитай США заморозили все японские капиталы у себя дома и установили полное эмбарго на поставки нефти Японии, что создавало предпосылки для скорого столкновения этих держав и делало проблематичным для японцев выполнение прежней задачи недопущения вступления Соединенных Штатов в войну.

Изменение целей японской политики в отношении СССР побуждало японские власти переориентироваться и в ее методах — с военно-силовых на дипломатические в стремлении урегулировать основные проблемы двусторонних отношений на переговорах, а не на поле битвы. Токио намеревался получить от Москвы обязательства придерживаться буквы и духа пакта о нейтралитете, а именно: не участвовать в военных коалициях против Японии, не предоставлять третьим странам военных баз, не уступать им ни в какой форме своей территории, подразумевая под этими странами США и Англию. В обмен на это он также готов был обещать Москве соблюдение пакта о нейтралитете. 5 августа 1941 г. новый японский министр иностранных дел адмирал Т. Тойода в беседе с послом Сметаниным изложил данную позицию Токио. Советское правительство охотно предоставило просимые гарантии, отлично понимая, какие выгоды это сулило безопасности СССР и с какой целью выдвигались эти требования. 13 августа Сметанин передал Тойоде соответствующее заявление советского правительства [62].

Основное содержание этих бесед Тойода телеграфировал 15 августа японскому послу в Берлине Осиме, и спустя четыре дня, после дешифровки американская разведка уже знала о нем. Однако американцы могли вынести из прочитанного превратное впечат-

ление о позиции Токио относительно советско-германской войны, ибо Тойода, учитывая прогерманские и антисоветские настроения своего посла, умышленно скрыл от него свои повторные заверения, данные Сметанину 13 августа, о намерении Японии поддерживать с СССР добрососедские отношения и соблюдать пакт о нейтралитете, и упомянул лишь сказанные им тогда же слова о том, что Тройственный пакт по-прежнему остается фундаментом японской внешней политики, как об этом говорил Сметанину еще Мацуока [63].

Подобную же интерпретацию позиции Токио американцы нашли и в другой телеграмме Тойоды послу Осиме от 15 августа, сообщавшей об информировании им германского и итальянского послов в Токио о беседах со Сметаниным. При этом, вновь стремясь подыграть нацистской верхушке, убеждавшей японцев напасть на СССР, министр отметил, что в ответ на вопрос немца Отта, не возникнет ли у Москвы впечатление о нежелании Японии присоединиться к антисоветской войне Германии, он подчеркнул, что шаги, предпринимаемые Токио на советском направлении, имеют целью осуществление будущих планов в отношении СССР совместно с Германией и в соответствии с Тройственным пактом, и подтвердил, что все приготовления подчинены задаче сдерживания СССР до тех пор, пока они не будут полностью завершены [64].

К концу лета 1941 г. произошли реальные сдвиги в стратегических взаимоотношениях Москвы и Вашингтона. После длительных проволочек США сделали первые робкие шаги по пути материальной поддержки СССР в борьбе против гитлеровской Германии. Было объявлено о предстоящей в Москве конференции СССР, США и Великобритании о военных поставках. Помимо этого, 1 августа во Владивосток отбыли первые танкеры с нефтью, закупленной Советским Союзом в США, что вызвало большую тревогу японского руководства. 13 августа министр иностранных дел Тойода обратил внимание советского посла Сметанина на слухи о том, будто США собираются доставлять военные материалы Советскому Союзу во Владивосток, и предупредил, что, если это окажется правдой, Япония отнесется к данному факту серьезно, поскольку он затрагивает положения Тройственного пакта 1940 г. [65] Так как об этом своем заявлении Тойода информировал посла в Берлине

Осиму, американцы через дешифровку спустя несколько дней оказались в курсе дела.

20 августа японский МИД уже официально заявил протест Сметанину против отправки американских танкеров во Владивосток с выражением озабоченности, что нефть будет предназначаться правительству Чан Кайши для борьбы с японскими войсками [66]. На следующий день Уэллес в беседе с Уманским поинтересовался, изучало ли советское правительство в связи с чрезмерно острой реакцией Токио возможность принимать грузы не во Владивостоке, а в Николаевске-на-Амуре. Посол ответил, что, насколько ему известно, советское руководство не рассматривало такую альтернативу, так как принципиально это не меняет дела. Если Япония решится пойти из-за этого на разрыв с СССР, то она воспользуется любой возможностью [67].

В последующие дни озабоченность Токио по поводу американских перевозок с нефтью все возрастала, как возрастало на этой почве и дипломатическое давление его на Москву и Вашингтон. В двадцатых числах августа обеим столицам были адресованы один за другим сразу несколько японских протестов в напрасной надежде остановить начинающееся советско-американское сотрудничество. 23 и 25 августа идентичные протесты заявили Сметанину и Молотову соответственно Тойода в Токио и японский посол И. Татэкава в Москве. Суть их состояла в предупреждении советской стороне о том, что долговременная перевозка американских военных материалов, в том числе авиационного бензина, во Владивосток через прибрежные японские воды, во-первых, будет раздражать общественное мнение Японии, поскольку ей продажа такого бензина Вашингтоном запрещена и существует опасность использования этих товаров в войне на Дальнем Востоке, если таковая возникнет; а во-вторых, может вызвать отрицательную реакцию у Германии и Италии и ставит вопрос о защите Японией этих своих союзников, так как данные грузы оказываются полезными и для войны против них в Европе [68].

В своем ответе, переданном через Сметанина 26 го числа, советское правительство не указало на военный характер закупаемых материалов, а наоборот, подчеркнуло их гражданское предназначение для повседневных нужд населения в связи с подрывом экономики, вызванным агрессией Германии. Оно также предста-

вило эти чрезвычайные поставки как обычные торговые сделки. При этом оно подчеркнуло, что попытка воспрепятствовать такой торговле между СССР и США через советские дальневосточные порты будет рассматриваться как недружелюбный по отношению к СССР акт [69].

Аналогичные демарши японская сторона предприняла и в отношении США. 23 августа посол в Вашингтоне К. Номура в беседе с госсекретарем Хэллом выразил недовольство доставкой американской нефти в Приморье, но его претензии были отклонены [70]. Спустя четыре дня в связи с прибытием первых двух танкеров во Владивосток японцы заявили повторный протест США в Вашингтоне. Давая такое поручение Номуре, Тойода подчеркивал необходимость добиться прекращения подобных перевозок, а в случае неудачи предложить американцам изменить маршрут транспортировки и, на худой конец, убедить их немедленно возобновить поставку нефтепродуктов в Японию [71].

Американская разведка успела расшифровать эту директиву, и Хэллу не составляло труда парировать все требования и аргументы Номуры. Главный довод посла о том, что японское общественное мнение взбудоражено фактом провоза во Владивосток нефтепродуктов, запрещенных к экспорту в его страну, да еще через прибрежные воды Японии, госсекретарь нейтрализовал указанием на абсолютно законный характер таких поставок, осуществляемых согласно международным торговым договорам, и на их количественную мизерность в сравнении с более чем 100 миллионами баррелей нефти, закупленной Японией в США за последние четыре года [72].

Проявленная Москвой и Вашингтоном твердость в вопросе о танкерах сыграла положительную роль. Уже через несколько дней Хэлл сообщил Уманскому, что напряженность в отношениях с Японией, имевшаяся в конце августа, заметно спала и вряд ли теперь она будет вмешиваться в вопрос о доставке нефти во Владивосток, хотя в самой Японии ведется мощная кампания в пользу такого вмешательства [73]. Аналогичное мнение высказал и американский посол в Москве Л. Штейнгардт, который в беседе с заместителем наркома иностранных дел С.А. Лозовским 28 августа выразил уверенность в том, что теперь, после представлений, сделанных Москвой и Вашингтоном японцам по поводу судоперевозок во Владивосток, последние не посмеют предпринять что-либо серьезное

против советско-американской торговли и особенно против американских пароходов.

Еще большую тревогу Токио вызывали перспективы советско-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке как могущего быть направленным против Японии. Эта тревога приобрела в стране широкий размах и распространялась как в политико-дипломатической, так и в общественной среде. В беседе с Хэллом 23 августа Номура высказал опасения своего правительства, что на советско-англо-американской конференции в Москве о военных поставках «могут быть заключены некоторые соглашения, которые окажутся вредными для Японии» [74].

Одновременно в японской прессе стали появляться спекуляции о возможном участии Чан Кайши в конференции, о том, что одной из важнейших тем обсуждения на ней будут попытки Англии и США сделать СССР звеном в цепи их фронта окружения Японии и даже подтолкнуть его к войне с нею в надежде противостоять южному направлению японской экспансии без собственного вовлечения пока в военные действия. В этих целях, писали газеты, Москве может быть в дальнейшем оказана помощь оружием и материалами, и США могут потребовать предоставления им воздушных баз на Камчатке и в Приморье [75].

Подобные факты в условиях чрезвычайно трагичного и напряженного военно-политического положения СССР в эти дни легко дезориентировали даже опытных дипломатов. Так, заместитель наркома иностранных дел Лозовский в своей записке Молотову от 23 августа 1941 г. рассматривал упомянутую «газетную болтовню» как «моральную подготовку населения Японии к войне против Советского Союза», а вышеприведенное заявление японцев Сметанину от 20 го числа как свидетельство того, что «вопрос о нападении на СССР японским правительством решен» и что «дело идет только лишь о выборе момента». Он писал, что японцев не остановит даже предупреждение Рузвельта японскому правительству от 17 августа, поскольку оно сделано в «туманной и отвлеченной форме», а помимо этого, они хорошо знают, что американцы «ничего абсолютно не сделают, кроме словесного протеста», в случае действительного нападения Японии на Дальний Восток.

Лозовский полагал, что подготовку к агрессии японцы начнут с провокационного захвата идущих во Владивосток из США кора-

блей с нефтью и вооружением и в связи с этим советовал принять определенные превентивные меры и прежде всего предложить американскому правительству сделать совместно с СССР заявление Японии о том, что попытки помешать советско-американской торговле путем задержки этих пароходов Москва и Вашингтон будут рассматривать как враждебный акт [76]. Этот совет, однако, принят и реализован не был, так как японцы опасались идти на подобные рискованные действия и оказалось вполне достаточно односторонних дипломатических шагов советского и американского правительств, чтобы смягчить ситуацию.

Потерпев здесь неудачу, Токио не оставил, однако, попыток не допустить установления более тесных связей между СССР и США на Дальнем Востоке. В своем ответе от 28 августа на предупреждение Рузвельта от 17 августа японское правительство заверяло Вашингтон, что оно-де не прибегнет к военным акциям против Советского Союза, пока он «останется верен советско-японскому пакту о нейтралитете и не будет угрожать Японии или Маньчжоу-Го или не предпримет каких-либо действий, противоречащих духу пакта». С другой стороны, американскому правительству предлагалось избегать сотрудничества с СССР, которое могло восприниматься как угроза Японии [77].

Задаче недопущения объединения сил СССР и США против Японии Токио стал придавать особое значение в связи с намерением начать в скором времени войну с США. 6 сентября очередная императорская конференция приняла решение добиться в ближайшие недели от США и Великобритании принципиальных уступок в Восточной Азии. Причем одним из «минимальных требований» к ним было: не приобретать «никаких военных прав» на территории советского Дальнего Востока. Имелось в виду, что в обмен за поставки СССР военных материалов США могут получить доступ к его базам и создать «северную часть кольца окружения» Японии [78]. При этом подчеркивалось: «Если к началу октября в ходе переговоров... не появятся перспективы удовлетворения наших требований, империя должна взять решительный курс на войну против Америки, Англии и Голландии» [79]. В качестве особо важной задачи в этих обстоятельствах ставилось: «предотвратить создание объединенного фронта США и СССР, направленного против Японии», чтобы избежать борьбы одновременно на два фронта [80].

Реакция Токио на советско-американские отношения на Дальнем Востоке свидетельствовала о том, что японское руководство рассматривало их как серьезный долговременный фактор, осложнявший осуществление Японией широкой экспансионистской программы в Восточной Азии, который необходимо было нейтрализовать. Добиться этого дипломатическими средствами, как показал пример с танкерами, не представлялось возможным. Выход виделся в применении военной силы как против США, так и против СССР. Предполагалось сначала устранить в ходе скоротечной кампании влияние США в бассейне Тихого океана, а затем весной 1942 г., если сложится подходящая обстановка на советско-германском фронте, напасть на СССР [81].

Решения императорской конференции от 6 сентября означали также, что в первоочередные стратегические планы Японии не входила агрессия против СССР в ближайшее время, поскольку отчаянное сопротивление последнего гитлеровскому нашествию спутало ей все карты: не появлялось не только признаков скорого краха Советского государства, но даже ожидавшегося значительного ослабления обороны его дальневосточных границ. Через неделю Р. Зорге стали известны некоторые итоги конференции и он сообщил в Центр: «Японское правительство решило в текущем году не выступать против СССР, однако вооруженные силы будут оставаться в МЧГ (Маньчжоу-Го. — В.С.) на случай выступления весной будущего года в случае поражения СССР к тому времени» [82]. А в конце сентября — начале октября, опираясь на достоверную информацию, Зорге уверенно утверждал: «После 15 сентября 1941 г. Советский Дальний Восток можно считать гарантированным от угрозы нападения со стороны Японии» [83], «войны в текущем году не будет» [84].

Посылая эти сообщения, Зорге вместе со своей разведгруппой исходил также из убеждения, что если японцы не нападут на СССР до конца августа или середины сентября 1941 г., то они не смогут сделать этого по крайней мере до весны следующего года уже по чисто климатическим соображениям из-за приближения зимы [85]. Вместе с тем Москва получала и прямо противоположные сведения о намерениях Токио, что оставляло ее по-прежнему в состоянии тревожной неопределенности. Так, 20 сентября 1941 г. из шанхайской резидентуры НКГБ в Центр поступила информация: «По нашим сведениям, военные руководители Японии считают вопрос

войны с СССР решенным и ждут удобного случая. Немцы уверяют, что Япония выступит после занятия ими Ленинграда» [86].

Только отчаянное сопротивление Красной Армии вермахту и крепкая оборона на дальневосточных границах могли в тот момент предотвратить японскую агрессию против СССР.

Американское руководство не имело в тот период точной информации о действительных стратегических замыслах Токио. Ф. Рузвельт был твердо убежден, что Япония не нападет на США в 1941 г. [87], что отражало явное заблуждение, царившее в Вашингтонских коридорах власти. Отчасти это заблуждение было связано с тем, что по дипломатическим каналам Токио не сообщал своим представителям за границей никакой телеграфной информации о важнейших решениях императорской конференции от 6 сентября и система дешифровки «Мэджик» не смогла выдать американцам каких-либо сведений на этот счет. В Вашингтоне по-прежнему были уверены в том, что сначала японская агрессия будет направлена против СССР и это может произойти, если Красная Армия окажется разгромлена германскими войсками. Такое развитие событий с военной точки зрения имело бы для США большие минусы. Так, в докладе от 11 сентября 1941 г. о задачах американской стратегии во Второй мировой войне на ближайшую перспективу, представленном начальниками штабов армии и ВМС США генералом Дж. Маршаллом и адмиралом Г. Старком, ставилась задача держать Японию «в узде в отношении дальнейшего развития событий». В одном из пунктов подчеркивалась необходимость «сильной обороны Сибири». «Сохранение Восточной Сибири в руках России, — писали Маршалл и Старк, — совершенно необходимо, если хотят остановить Японию». В этой связи американские начальники штабов отмечали, что в случае нападения Японии на СССР США «могут оказать Сибири только материальную помощь» [88].

В конце сентября в Москву для переговоров о военных поставках Советскому Союзу прибыла англо-американская делегация во главе с британским министром снабжения лордом У. Бивербруком и представителем президента США А. Гарриманом. Переговоры успешно завершились и свидетельствовали о важном сдвиге в деле конкретного сотрудничества трех великих держав в войне против фашистской Германии и ее союзников. В ходе беседы, 30 сентября Сталин поинтересовался у Гарримана: «Нет ли возможности ото-

рвать Японию от Германии? Америка, кажется, работает над этим? Это было бы неплохо». Американский представитель заявил: «Великобритания и Америка этим вопросом много занимались». Сталин же заключил: «У меня такое впечатление, что Япония — не Италия и не хочет идти в рабство к Германии [89]. Поэтому есть основания для отрыва ее от Германии». Слова Сталина, очевидно, относились к попыткам Вашингтона в ходе многомесячных переговоров заставить Японию отказаться от своих обязательств по Тройственному пакту держав «оси».

К середине октября в Токио резко обострились дискуссии между группировкой премьер-министра Ф. Коноэ и экстремистскими элементами, возглавлявшимися военным министром Х. Тодзио, о дальнейшем внешнеполитическом курсе Японии в связи с японо-американскими переговорами [90]. По мнению Рузвельта, это являлось симптомом подготовки нападения Японии на СССР и временного ослабления ее экспансии в Юго-Восточной Азии. Это мнение подкреплялось сообщениями о положении на советско-германском фронте, где немецко-фашистские войска рвались к Москве. В Вашингтоне полагали, что Япония, вероятно, воспользуется благоприятной для нее ситуацией и нападет на СССР. Как представлялось президенту, какой-либо серьезный кризис на Тихом океане, в который могли быть вовлечены США, мог иметь место не ранее декабря 1941 г., ввиду чего у них еще оставалось время подготовиться к нему. В этой связи он писал Черчиллю 15 октября относительно планов японцев: «Обстановка в Японии определенно ухудшается, и я думаю, что они держат курс на север, однако, несмотря на это, у нас с Вами есть двухмесячная передышка на Дальнем Востоке» [91].

Но уже на следующий день Рузвельт несколько иначе стал оценивать ситуацию в связи с отставкой Коноэ и предполагавшимся приходом к власти Тодзио, известного не только своими антисоветскими, но и антиамериканскими настроениями. Президент всерьез начал опасаться возможности скорой агрессии Японии также и против владений Англии и Голландии, что создало бы угрозу и американским интересам. 16 октября он направил в Госдепартамент проект своего послания императору Хирохито, в котором говорилось: «Если бы... Япония начала новые войны к северу или к югу от нее, Соединенные Штаты... это очень сильно обеспокоило бы и они постарались бы воспрепятствовать любому распространению такой войны» [92].

Однако Госдепартамент отговорил президента от передачи императору такого послания, предлагая по-прежнему занимать выжидательную позицию и не выступать с какими-либо угрозами в адрес Японии [93].

Такую же выжидательную позицию Белый дом продолжал занимать и в советско-американских отношениях, несмотря на тревожную обстановку на Дальнем Востоке. Новая тревога была вызвана несколькими обстоятельствами. Первым стала переброска Верховным Главнокомандованием нескольких советских дивизий с Дальнего Востока на советско-германский фронт. Дивизии были крайне нужны под Москвой, где в результате операции немецко-фашистских войск «Тайфун» создалась угрожающая ситуация, но возникла опасность, что японцы воспользуются этим для нападения на СССР.

Данное решение было принято после того, как от Зорге 4 октября пришло очередное сообщение о том, что Япония не нападет на СССР в 1941 г. [94] В этом же донесении, ставшем последним перед его арестом, Зорге сообщил также, что Япония сосредоточивает силы для развязывания войны на Тихом океане и, если не добьется удовлетворительного разрешения спорных вопросов на переговорах с американцами, начнет ее с нападения на США, за которыми последуют Малайя, Сингапур и о. Суматра в Голландской Индии [95]. Информация Зорге о подготовке агрессии против тихоокеанских владений Соединенных Штатов касалась общих предварительных планов японского командования и правительства и не могла основываться на точных, окончательных данных, ибо конкретные оперативные решения на этот счет японцы приняли позже. Поэтому предположения о том, будто он заранее знал о готовящемся плане нападения на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор на Гавайских островах и заблаговременно сообщил об этом в Москву, не имеют под собой никакой реальной почвы.

Усилил тревогу Москвы по поводу намерений Японии в отношении СССР приход 18 октября к власти в Токио генерала Тодзио. Как пишет в своих воспоминаниях тогдашний глава советской военной миссии в Китае В.И. Чуйков, «когда гитлеровцы рвались к Москве, а в Маньчжурии, на наших дальневосточных границах, сосредоточилась 700 тысячная Квантунская армия, сделать вывод, что японцы готовят нападение не на севере, а на юге, было весьма трудно и рискованно» [96].

Подобные же сомнения насчет возможности японской агрессии на юге высказывали в это время и английские военные. Становившиеся известными Москве, они лишь укрепляли ее тревожное состояние неопределенности, учитывая противоположную точку зрения по данному вопросу токийской резидентуры Москвы. 23 октября 1941 г. в Центр от «кембриджской пятерки» из Лондона поступил текст телеграммы, направленной главнокомандующим английскими силами на Дальнем Востоке в британское военное министерство. В ней британский военачальник сообщал: «... мы считаем крайне маловероятным, чтобы Япония могла бы сейчас планировать какие-либо операции на юге в течение ближайших месяцев», в этот период она «будет стремиться избежать войны на юге» [97].

В этих условиях требовалось гарантировать неприкосновенность советских границ на востоке. 21 октября советский посол в Англии И.М. Майский в беседе со своим американским коллегой Дж. Вайнантом выразил тревогу в связи с возможностью японской агрессии против СССР и подчеркнул необходимость англо-американского предупреждения Японии на этот счет [98].

Правительство Великобритании полагало, что в его же интересах оказать СССР дипломатическую поддержку на Дальнем Востоке, но хотело, чтобы инициатива исходила от Вашингтона. Как заявил Вайнанту британский министр иностранных дел А. Идеи, Лондон надеялся, что в ходе переговоров с Японией США «нажмут на русский вопрос» от имени обеих англосаксонских держав [99]. В свою очередь английскому послу Э. Галифаксу было поручено выяснить в Вашингтоне, как США намерены действовать в случае нападения Японии на СССР, учитывая реальность ее агрессии против британских владений в Азии в дальнейшем, после того как она «разделается с Россией» [100].

22 октября госсекретарь Хэлл сказал послу, что его правительство еще не решило, как оно поступит в такой ситуации, но он склоняется в пользу «дальнейших морских блокадных мер» против Японии и уже рекомендовал Рузвельту: если агрессия свершится, США должны заявить, что они «не могут сидеть сложа руки и ничего не делать» [101].

Это заявление было настолько неопределенно, что Лондон поручил Галифаксу уточнить позицию Вашингтона. 29 октября Гали-

факс поинтересовался у Хэлла, не следует ли США и Англии предупредить Токио, что они «будут сражаться, если Япония блокирует Владивосток или нападет на Россию». По мнению госсекретаря, этот вопрос следовало трактовать шире. Он предложил «тактично указать» Японии, что блокирование ею Японского моря и Тихоокеанского побережья СССР будет рассматриваться США и Англией как «начало осуществления широкой неограниченной программы захватов», в связи с чем другие заинтересованные правительства «будут обязаны действовать ради сохранения своих интересов и прав во всем регионе Южных морей, а также в любых других районах, попадающих в сферу захватов Японии» [102]. В этой связи он вновь упомянул о «блокадных мерах» как о возможной ответной реакции в отношении Японии [103].

Однако этот вопрос в дальнейшем отпал сам собой, так как в меморандуме от 5 ноября начальники штабов американской армии и флота генерал Дж. Маршалл и адмирал Г. Старк совершенно определенно подчеркнули: «Нападение Японии на Россию не оправдывало бы выступления Соединенных Штатов против Японии». Более того, в стремлении выждать и выиграть время для дополнительных военных приготовлений США Маршалл и Старк прямо высказывались и против предъявления Токио каких-либо ультиматумов [104].

Таким образом, Вашингтон исключал оказание СССР помощи путем участия в военных действиях против Японии, хотя и готов был предложить ему менее действенные формы поддержки.

Японские правящие круги иначе оценивали перспективы советско-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке, и это принималось ими во внимание при разработке планов дальнейшей агрессии. Согласно оценке японского МИДа, относящейся к началу ноября 1941 г., в случае нападения Японии на СССР США и Великобритания оказали бы ему поддержку и, возможно, получили бы доступ к стратегически важным позициям на востоке Советского Союза, с которых они могли нанести удар по японской территории [105]. В то же время руководство японского Генштаба считало маловероятным вступление СССР в военные действия против Японии, если она начнет войну с США [106]. Таким образом, продвижение в сторону Южных морей Токио не связывал с какими-либо серьезными затруднениями на северном фланге империи. 5 ноября императорская конференция приняла решение открыть

военные действия против США в начале декабря. При этом, правда, оставался еще некоторый шанс для переговоров с Вашингтоном, но их возможный успех оценивался невысоко, и поэтому срок их окончания был автоматически привязан к моменту планируемого завершения подготовки к развертыванию боевых операций — началу декабря 1941 г. Если бы к 0 часов 1 декабря переговоры закончились успешно, открытие военных действий предполагалось отменить [107].

Если до тех пор в Вашингтоне считали, что главная угроза со стороны Японии существовала другим странам и территориям, то теперь там вынуждены были внести коррективы в свои предположения. По содержанию перехваченной в этот день радиограммы из Токио послу К. Номуре американское руководство пришло к выводу: Япония готова пойти на военное столкновение с США, если к концу ноября они не удовлетворят в ходе двусторонних переговоров ее требования [108].

В этой шифровке нового министра иностранных дел Японии С. Того говорилось: «Ввиду различных обстоятельств абсолютно необходимо завершить все приготовления для подписания этого соглашения к 25-му числу этого месяца. Я понимаю, что это трудный приказ, но в данных обстоятельствах он неизбежен» [109]. Подтверждение этих указаний, отражавшее некоторую надежду министра на прогресс в переговорах и ставшее известным американцам, Номура получил также 11, 15 и 16 ноября [110].

Четырнадцатого числа американцы перехватывают шифровку Номуры в Токио, в которой он рекомендует своему правительству, невзирая на критический характер отношений с США, набраться терпения и еще некоторое время наблюдать за ходом событий в мировой войне и не спешить принимать решение в течение одного-двух месяцев [111]. Спустя три дня американцам становится известен ответ, полученный Номурой накануне от Того: «По Вашему мнению, нам следует ждать и смотреть, какой оборот примет война, и набраться терпения. Однако я с ужасным сожалением должен сказать Вам, что в данной ситуации об этом не может быть и речи. Я обозначил крайний срок для окончания этих переговоров... и никаких изменений не будет... поэтому не позволяйте Соединенным Штатам уводить нас в сторону и затягивать переговоры дальше» [112].

В телеграмме от 22 го числа, тотчас расшифрованной разведкой США, Того продлил время для завершения переговоров еще на четыре дня: «...если подписание соглашения может осуществиться к 29-му... мы решили подождать до указанной даты. На этот раз мы подразумеваем, что данный срок абсолютно не может быть изменен. После этого события будут развиваться автоматически» [113]. Вся эта информация свидетельствовала об отчаянных попытках японской дипломатии спасти переговоры на фоне лихорадочной под-готовки военной машины Японии к агрессии. С 5—6 ноября начались утверждения японским военным командованием оперативных планов и отдача приказов по открытию в декабре 1941 г. военных действий в различных районах Южных морей.

Удар японцев ожидался теперь американцами где угодно и когда угодно. 7 ноября 1941 г. на заседании правительства Хэлл впервые заявил о возможности внезапного нападения Японии в любом месте [114]. Продолжая энергично проводить военные приготовления, Вашингтон, однако, еще надеялся дипломатическим путем удержать Токио от агрессии в какой бы то ни было части Азиатско-Тихоокеанского бассейна. Еще 28 октября Хэлл предупредил Номуру: «Японское правительство должно знать, что, в каком бы направлении оно ни предприняло опрометчивый шаг, на юге или на севере, это, безусловно, может иметь немедленные и непредсказуемые последствия» [115].

В ходе беседы с Номурой 15 ноября Хэлл подчеркнул, что нельзя поверить в мирные намерения Японии, о которых она постоянно говорит, поскольку она угрожает Великобритании, Голландии и США и, несмотря на пакт о нейтралитете между СССР и Японией, большая японская армия, дислоцированная в Маньчжурии, нацелена на советские войска в Сибири. «То, чего я хочу, — заявил Хэлл, — это ясное и недвусмысленное соглашение, которое устранил сомнения, что Япония пытается проводить двуличную политику» [116].

В последние дни перед началом войны в советско-японских отношениях произошла разительная перемена. Если еще летом Москва настойчиво бомбардировала Токио запросами о том, намерен ли он соблюдать пакт о нейтралитете, то теперь пришла очередь японцев предпринимать подобные шаги. После многомесячного затишья в советско-японских отношениях японская сторона неожиданно стала настойчиво добиваться от СССР заверений, что он не

будет нарушать пакт о нейтралитете, вступать в какие-либо военные союзы против Японии, предоставлять военные базы или территорию на Дальнем Востоке третьим странам. Эти вопросы министр иностранных дел Японии С. Того поставил в беседе с советским послом К.А. Сметаниным 22 ноября 1941 г., настойчиво поинтересовавшись, не произошло ли каких-либо изменений в отношении советского правительства к ним, выраженном в его заявлении Японии от 13 августа 1941 г. о намерении соблюдать пакт о нейтралитете [117]. 28 ноября и 1 декабря Того вновь старался досконально выяснить у Сметанина все тонкости этой проблемы [118].

Подобный всплеск дипломатической активности Токио мог свидетельствовать только об одном: Япония на пороге открытия военных действий на Тихом океане. Реагируя на столь энергичный дипломатический натиск, советской стороне в течение двух недель пришлось несколько раз давать просимые заверения. 22 ноября Сметанин в общих выражениях подтвердил Того приверженность советского правительства пакту о нейтралитете, но заявил, что он не содержит обязательств о незаключении соглашений с третьими странами, что прежде всего интересовало министра [119]. Выслушав настоятельную просьбу последнего уточнить этот вопрос и ознакомившись еще раз с заявлением советского правительства от 13 августа, посол 28 ноября, будучи вновь вызван к Того, уже более определенно, но по-прежнему лишь от своего имени подтвердил неизменность позиции своей страны, выраженной в этом заявлении, сославшись на отсутствие каких-либо иных указаний из Москвы по этому поводу. Однако, видя, как Того не успокаивается и заявляет, что будет рассматривать заключение Советским Союзом военных договоров с третьими странами, направленными против Японии, предоставление им военных баз на Дальнем Востоке и уступку им своей территории как действия, несовместимые с духом пакта о нейтралитете, Сметанин пообещал запросить официальное подтверждение своих слов в Наркоминделе, хотя Того не настаивал на этом [120].

1 декабря посол заявил Того по поручению советского правительства, что СССР не думает нарушать пакт о нейтралитете и что его заявление от 13 августа 1941 г. остается в силе при условии аналогичного соблюдения Японией обязательств по этому пакту. При этом министру важно было получить подтверждение, что в

силе остаются все пункты заявления от 13 августа, а не только их часть. Однако Сметанин отказался удовлетворить просьбу Того и дать это сообщение от имени своего правительства в письменной форме, сославшись на наличие у японской стороны августовского текста [121]. Последнее такого рода официальное заявление советского правительства было передано Японии 6 декабря 1941 г., за день до начала войны на Тихом океане. На этот раз Сметанин сам попросил о встрече с Того, поскольку имел поручение от Молотова подтвердить свое заявление, сделанное в беседе с министром 1 декабря. Того эта информация вполне удовлетворила, и он не стал больше требовать каких-либо уточнений [122].

Можно с некоторыми оговорками согласиться с предположением Б.Н. Славинского о том, что с учетом характера вышеупомянутых бесед и из разведывательной информации Сталин знал о планах Японии напасть на США, но, надеясь вовлечь Америку в войну, не сообщил об этом Рузвельту [123]. Хотя, возможно, эти знания носили довольно общий характер и едва ли могли существенно помочь американцам. Так, например, из сообщений советских резидентов из Токио и Лондона в течение ноября и в начале декабря 1941 г. следовало, что Япония, скорее всего, намеревается в ближайшем времени совершить агрессию в районе Южных морей, но где конкретно — неизвестно [124].

Одно из последних и самых важных донесений такого рода пришло в Москву за два дня до нападения на Пёрл-Харбор — 5 декабря от «кембриджской пятерки» из Лондона. В нем передавался текст шифротелеграммы Того японскому послу в Берлине Осиме от 27 ноября с указанием ему встретиться с Гитлером и объяснить, что «основные японские усилия будут сосредоточены на юге», а на севере предполагается «воздержаться от преднамеренного предпринятия действий» [125].

Учитывая тот факт, что через «кембриджскую пятерку» Москва имела доступ к шифровальному отделу британского Форин офиса, а англичане так же, как и американцы, перехватывали и читали всю секретную телеграфную переписку Японии по линии МИДа и ВМФ, можно предположить о большой осведомленности советских лидеров относительно намерений Токио, хотя едва ли она была выше, чем у Лондона и Вашингтона. Зная, скорее всего, и о способности американцев читать по крайней мере ту же самую дипломатиче-

скую переписку Токио (поскольку они сами передали англичанам шифровальную машину для вскрытия японских дипломатических кодов), Сталин не имел оснований мучиться угрызениями совести, утаивая от Белого дома ту информацию, которую последний и сам имел в избытке. И уж совсем ничего неизвестно о том, знал ли Сталин заранее о готовящемся нападении на Пёрл-Харбор и его времени. К тому же, и сами поступавшие в Москву разведывательные сведения носили противоречивый характер, указывая не только на японскую угрозу владениям западных держав, но и на сохраняющуюся опасность нападения Японии на СССР.

Конечно, осенью 1941 г., в самый критический для Советского Союза момент Сталин был в высшей степени заинтересован во вступлении США в войну как против Японии, так и против Германии. И вряд ли справедливо утверждение, что такое вступление было невыгодно СССР, поскольку в этом случае сократились бы американские военные поставки в Советский Союз. Прямое участие союзника в войне часто гораздо полезнее для партнера, чем военно-экономическая помощь, к тому же, американские поставки в СССР после Пёрл-Харбора не сократились, а постоянно нарастали. Вовлечение Соединенных Штатов в военные действия кардинальным образом меняло в лучшую сторону военно-стратегическое положение СССР на Западе и на Востоке, и советские руководители не могли этого не учитывать.

В двадцатых числах ноября японо-американские отношения обострились настолько, что война между США и Японией стала вопросом считанных дней и Вашингтону оставалось надеяться лишь на небольшую оттяжку столкновения. Ради этого администрация Рузвельта пыталась использовать последние возможности дипломатического урегулирования. 26 ноября в ноте, адресованной Токио, США выдвинули идею заключения многостороннего пакта о ненападении для Азиатско-Тихоокеанского региона. Это предложение, позитивное само по себе, появилось в арсенале американской дипломатии слишком поздно, чтобы с его помощью можно было остановить японскую агрессию. Помимо этого, в «ноте Хэлла» Японии предлагалось вывести все свои вооруженные и полицейские силы из Китая и Индокитая; ни в какой форме не поддерживать на территории Китая какое-либо правительство или режим, кроме чунцинского правитель-

ства Чан Кайши; фактически отказаться от обязательств по Тройственному пакту и т.д. [126]

Эти требования в Токио расценили как ультимативные, противоречащие всему ходу многомесячных переговоров с Вашингтоном, оскорбительные и неприемлемые, как неожиданный поворот в американской политике к разрыву с Японией, за которым неизбежно должна была последовать война в защиту «чести и престижа» японской нации, борющейся «за сохранение статуса великой державы», от которой совершенно неразумно требуют отказаться от всех ее завоеваний последних десяти лет [127].

США проводили последние спешные приготовления к войне, но не знали, где противник нанесет первый удар. Считалось, что из американских владений в Тихом океане самая реальная опасность угрожает Филиппинам, но никак не военно-морской базе Пёрл-Харбор на Гавайских островах, хотя учитывалась и большая вероятность японской агрессии в других направлениях — против Бирмы, Таиланда, Малайи, Голландской Индии [128]. Соответствующие предупреждения о вероятном скором нападении японцев военно-морское командование США в самом конце ноября неоднократно направляло американским командующим на Тихом океане. 29 ноября оно сообщило им: «Если военных действий не удастся избежать, Соединенные Штаты желают, чтобы Япония нанесла удар первой» [129]. Пёрл-Харбор при этом в указанных директивах никак не упоминался по причине отсутствия какой-либо важной разведывательной информации о нем до кануна войны.

Между тем, начиная с 15 ноября, между Токио и его дипломатическим представительством в Гонолулу (Гавайские острова) шла интенсивная телеграфная переписка, в которой министр иностранных дел Японии Того просил консульство два раза в неделю сообщать ему подробные данные о дислокации и передвижениях американских кораблей в Пёрл-Харборе и регулярно получал ответные донесения. По их характеру и значимости американцам нетрудно было сделать вывод по крайней мере о том, что этот стратегический объект представляет для японцев особый интерес, если вообще не является их главной мишенью. Но американская разведка, перехватывая все эти сообщения, приступила к их расшифровке лишь с 3 декабря 1941 г. Причем в числе первых прочитанных были только запросы от Того, а ответные детальные доклады начали дешифро-

вываться, уже когда японское нападение стало фактом — с 8 декабря 1941 г. [130]

Как теперь подтверждается фактами, не только Советский Союз, но и Великобритания была жизненно заинтересована во втягивании США в тихоокеанскую войну во имя своего собственного спасения и делала для этого все возможное. Британский премьер-министр У. Черчилль владел секретной информацией, незамедлительно полученной от своих специалистов-дешифровщиков, об оперативных приказах адмирала И. Ямамото японской эскадре от 25 ноября и особенно 2 декабря 1941 г., по которым можно было определить точное время и почти точное место японского нападения — 7 декабря 1941 г., Пёрл-Харбор, — но не сообщил об этом американцам, чтобы не сорвать его. Сами же американцы утверждают, что узнали о существовании приказов о нападении на Пёрл-Харбор только 4 июня 1945 г. [131] Хотя, как теперь выясняется из свидетельств шефа гитлеровского гестапо Г. Мюллера, немцы прослушивали телефонную правительственную линию между Лондоном и Вашингтоном и из разговора Черчилля с Рузвельтом еще от 11 ноября 1941 г. сделали вывод, что президенту известно о подготовке нападения на Пёрл-Харбор. Однако здесь следует заметить, что ранее 25 ноября 1941 г. информация американцев могла носить лишь общий характер.

Между тем в эти последние дни перед ударом Японии американцами также принималась во внимание, но теперь лишь в очень незначительной степени [132] и возможность ее нападения на СССР. Однако нападение последовало там, где американское руководство его ожидало далеко не в первую очередь. 7 декабря 1941 г. японцы атаковали Пёрл-Харбор, в результате чего США оказались втянуты во Вторую мировую войну. Началась ее новая глобальная фаза — война на Тихом океане с включением в боевые действия важнейшего участника, державы с самым мощным военно-экономическим потенциалом среди всех сражающихся сторон.

Подводя итоги, следует подчеркнуть: развитие советско-американских отношений на Дальнем Востоке в июне—декабре 1941 г. свидетельствовало о стремлении СССР добиться поддержки от США в деле предотвращения нападения Японии на него и о нежелании американского правительства, чтобы такое нападение имело место. При всей осторожности и выжидательности американской внешней политики США все же оказали Советскому Союзу некоторую дипломатическую поддержку. Таким образом, советско-

американские отношения внесли, благодаря настойчивости дипломатии СССР, определенный вклад в обеспечение стабильности на советском Дальнем Востоке, хотя решающую роль в укреплении безопасности дальневосточных границ СССР сыграли упорное сопротивление советского народа гитлеровской агрессии, срыв им планов «молниеносной войны» фашистской Германии. В конечном счете на первый план в Азиатско-Тихоокеанском регионе выступили японо-американские противоречия. Надежно заблокированная с севера, со стороны Советского Союза, японская агрессия нашла выход в другом направлении. Удар был нанесен по тихоокеанским владениям США — главного соперника Японии.

Примечания

1. Times. 1941. June 23; New York Times. 1941. June 25.
2. Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. 24. М., 2000. С. 29; The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 2. Appendix. Wash., 1977. P. A-363.
3. Ibidem. P. A-363—364.
4. Документы внешней политики. Т. 24. С. 45.
5. Там же. С. 67.
6. The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 2. Appendix. P. A-365—366.
7. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941. Vol. 1. Wash., 1958. P. 770—771. (Далее: FRUS).
8. Сиполс В.Я. На пути к великой Победе. М., 1985. С. 24—25.
9. FRUS. 1941. Vol. 4. Wash., 1956. P. 275.
10. Dallek R. Franklin Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945. N.Y., 1979. P. 273.
11. FRUS. 1941. Vol. 4. P. 981—982.
12. Ibid. P. 276—277, 982—985.
13. Ibid. P. 279.
14. Papachriston J. American-Soviet Relations and United States Policy in the Pacific, 1933—1941. Ph. D. Dissertation. Boulder, 1968. P. 484.
15. FRUS. 1941. Vol. 4. P. 280.
16. Dawson R. The Decision to Aid Russia, 1941. Chapel Hill, 1959. P. 122.
17. FRUS. 1941. Vol. 4. P. 987.
18. История войны на Тихом океане: В 5-ти т. Пер. с яп. Т. 3. М., 1958. С. 379—381.

19. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1984. С. 239, 252.
20. Русский архив. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. В 2 т. Т. 18 (7—1). М., 1997. С. 186. (Далее: Русский Архив).
21. Там же. С. 187.
22. Там же. С. 188.
23. Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 95—96; Prange G. Target Tokyo. The Story of the Sorge Spy Ring. N.Y., 1984. P. 362.
24. Там же. С. 96.
25. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 516.
26. The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 2. Appendix. P. A-56—57.
27. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0146. Оп. 24. Д. 10. Л. 46. (Далее: АВП РФ).
28. The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 2. Appendix. P. A-372.
29. ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 186. Л. 260.
30. Prange G. Op. cit. P. 361.
31. Watson M. Chief of Staff: Prewar Plans and Preparations. Wash., 1950. P. 494.
32. FRUS. 1941. Vol. 1. P. 787; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1984. Т. 1. С. 52—53. (Далее: Советско-американские отношения...).
33. The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 2. Appendix. P. A-373.
34. U.S. Congress. Pearl Harbor Attack. Hearings before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack. Wash., 1946. Pt. 14. P. 1396, 1397; Pt. 15. P. 1852; Pt. 20. P. 335—355.
35. FRUS. 1941. Vol. 4. P. 294.
36. Ibidem.
37. Советско-американские отношения ... Т. 1. С. 69.
38. FRUS. 1941. Vol. 4. P. 994.
39. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. N.Y., 1948. Vol. 2. P. 1012.
40. Lensen G. The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941—1945. Talla-hassee, 1972. P. 28.
41. Ibid. P. 29; История дипломатии. Изд. 2. Т. 4. М., 1975. С. 223—224.

42. The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 2. Appendix. P. A-379.
43. Соох А. Nomonhan. Japan Against Russia, 1939. Stanford, 1985. Vol. 2. P. 1035—1036; The Fateful Choice. Japan's Advance into Southeast Asia, 1939—1941. N.Y., 1980. P. 94—95.
44. Соох А. Op. cit. Vol. 2. P. 1036; Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М., 1964. С. 38.
45. Ibid. P. 1036—1038; Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1989. С. 109.
46. The Fateful Choice. P. 103; Там же. С. 102—104.
47. Хаяси С. Указ. соч. С. 38; Там же. С. 104—105.
48. Советско-американские отношения... Т. 1. С. 56—57.
49. Там же. С. 61—63.
50. Lensen G. Op. cit. P. 28.
51. Ibid. P. 29.
52. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 384. Л. 80—84.
53. Советско-американские отношения... Т. 1. С. 86—88; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. М., 1958. Т. 1. С. 531—533; FRUS. 1941. Vol. 4. P. 1013—1014.
54. The Fateful Choice. P. 108; Соох А. Op. cit. Vol. 2. P. 1049.
55. Советско-американские отношения... Т. 1. С. 101.
56. Churchill W. S. The Second World War. L., 1951. Vol. 3. P. 390.
57. Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1. С. 564.
58. Там же.
59. FRUS. Japan, 1931—1941. Wash., 1943. Vol. 2. P. 558.
60. Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. L., 1971. Vol. 2. P. 149.
61. Советско-американские отношения... Т. 1. С. 104.
62. The Fateful Choice. P. 113—114; Lensen G. Op. cit. P. 30—33.
63. The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 3. Appendix. P. A-457.
64. Ibid. P. A-458.
65. The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 3. Appendix. P. A-457.
66. Lensen G. Op. cit. P. 33.
67. FRUS. 1941. Vol. 1. P. 824—825.
68. Lensen G. Op. cit. P. 33; Документы внешней политики. Т. 24. С. 260—262.

69. Там же. С. 586.
70. FRUS. Japan, 1931—1941. Vol. 2. P. 566—568.
71. The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 3. Appendix. P. A-46.
72. Ibid. P. A-46—47; FRUS. Japan, 1931—1941. Vol. 2. P. 570.
73. FRUS. 1941. Vol. 1. P. 827—828.
74. FRUS. Japan, 1931—1941. Vol. 2. P. 566—568.
75. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 414. Л. 141—143.
76. Там же. Д. 381. Л. 21—22.
77. FRUS. Japan, 1931—1941. Vol. 2. P. 575.
78. Japan's Decision for War. Stanford, 1967. P. 136, 153.
79. Хаттори Т. Япония в войне 1941—1945. Сокр. пер. с яп. М., 1973. С. 47.
80. Japan's Decision for War. P. 135, 158.
81. Ibid. P. 142, 155; См. также: Кошкин А.А. Указ. соч. С. 129.
82. Русский архив. Т. 18 (7—1). С. 192.
83. Волков Ф.Д. Подвиг Рихарда Зорге. М., 1981. С. 70; Советская Россия. 1964. 6 сент.
84. Русский архив. Т. 18 (7—1). С. 194.
85. Prange G. Op. cit. P. 367, 369, 399.
86. Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 98.
87. Parachriston J. Op. cit. P. 508.
88. Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1. С. 642, 643, 647.
89. Советско-американские отношения... Т. 1. С. 120; См. также: Harriman W.A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. N.Y., 1975. P. 92.
90. Об американо-японских переговорах подробнее см.: Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 328—333; История дипломатии. Т. 4. С. 233—237.
91. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Princeton, 1984. Vol. 1. P. 250.
92. FRUS. 1941. Vol. 4. P. 514.
93. Ibid. P. 514—515; Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. N.Y., 1975. P. 162.
94. Волков Ф.Д. Указ. соч. С. 70; Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975. С. 219; Prange G. Op. cit. P. 409.
95. Волков Ф.Д. Указ. соч. С. 72; Правда. 1964. 4 сент.; Ibidem.
96. Чуйков В.И. Миссия в Китае. М., 1983. С. 219.
97. Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 99—100.

98. FRUS. 1941. Vol. 4. P. 543.
99. Ibid. P. 543—544.
100. Woodward L. Op. cit. Vol. 2. P. 155.
101. Ibid. P. 156.
102. FRUS. 1941. Vol. 4. P. 558—559.
103. Woodward L. Op. cit. Vol. 2. P. 156—157.
104. Feis H. The Road to Pearl Harbor. Princeton, 1950. P. 302.
105. Langer W. L., Gleason S. E. The Undeclared War, 1940—1941. P. 853.
106. Japan's Decision for War. P. 227, 234; Хаяси С. Указ. соч. С. 53.
107. Хаттори Т. Указ. соч. С. 53; Кошкин А.А. Указ. соч. С. 137.
108. Hull C. Op. cit. Vol. 2. P. 1056—1057.
109. The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 4. Appendix. P. A-22.
110. Ibid. P. A-39, A-59; Hull C. Op. cit. Vol. 2. P. 1063.
111. Того С. Воспоминания японского дипломата. Пер. с англ. М., 1996. С. 324.
112. Hull C. Op. cit. Vol. 2. P. 1063.
113. The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 4. Appendix. P. A-39.
114. Hull. С. Op. cit. Vol. 2. P. 1057—1058.
115. Ibid. P. 1055.
116. Ibid. P. 1062.
117. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 24. Д. 7. Л. 370—373.
118. Там же. Л. 375—376, 388.
119. Там же. Л. 372.
120. Там же. Л. 375.
121. Там же. Л. 387—388.
122. Там же. Л. 399.
123. Славинский Б.Н. СССР и Япония — на пути к войне. С. 288.
124. Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 100—102.
125. Там же. С. 102; Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 517.
126. FRUS. Japan, 1931—1941. Vol. 2. P. 768—770; The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 4. Appendix. P. A-98—A-102.
127. Того С. Указ. соч. С. 340—342, 351.
128. Watson M. Op. cit. P. 505, 508—510; The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 4. Appendix. P. A-90, A-117, A-120.
129. The «Magic» Background of Pearl Harbor. Vol. 4. Appendix. P. A-119.
130. Ibid. P. A-148—A-154.
131. Ibid. Vol. 4. P. 12.
132. Watson M. Op. cit. P. 510.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЯПОНИЯ. ПУТЬ К АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ ВОЙНЕ И ЕЕ ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП

Введение

В Японии существует несколько названий войны, в которой она потерпела поражение в 1945 году. Выбирая то или иное название, исследователь обнаруживает свои политические позиции и свой взгляд на историю. Название «Война в Великой Восточной Азии» периода 1941—1945 гг. отражает цель создания «Великой Восточноазиатской сферы процветания». После поражения Японии появилось нейтральное название «Тихоокеанская война», указывавшее место проведения военных действий. Однако такое название существовало недолгий период и подчеркивало поражение именно от США и оккупацию Японии этим государством. Серия агрессивных войн против Китая именовалась «маньчжурским инцидентом», «китайским инцидентом». В целом военные действия тех лет именовались «Пятнадцатилетней войной». Однако критика японских учебников истории в азиатских странах вынудила отказаться от термина «Тихоокеанская война», означавшего, в основном, японо-американское противоборство, и ввести термин «Азиатско-Тихоокеанская война», в котором проявлялось признание вины за агрессию и оккупацию Японией азиатских стран.

Принято считать, что Вторая мировая война, начавшаяся в сентябре 1939 г., окончательно приобрела характер мировой в декабре 1941 г., когда японские вооруженные силы нанесли удар по Пёрл-Харбору на Гавайях и высадились на Малайский полуостров. Тогда-то и началось в полном смысле слова противостояние в мировом

масштабе стран «оси» и коалиции союзников. Не получается ли в таком случае, что продолжавшаяся два года, до сентября 1939 г., японо-китайская война была просто «локальной войной»? Какова при этом связь войны в Европе и войны в Азии и что их объединяет? Думается, что считающим именно войну в своей стране частью мировой войны европейцам не просто ответить на эти вопросы [1].

Нам предстоит отметить последние тенденции и достижения в исследовании темы «Азиатско-Тихоокеанская война». Рассматривая причины, ход и исход войны, мы попытаемся дать ответ на два вопроса: почему началась война и как война окончилась?

Автор, разумеется, не разделяет представления, будто «война в Великой Восточной Азии» была вынужденной для Японии войной за «выживание и самозащиту» в условиях блокады со стороны стран ABCD, а именно — США, Великобритании, Китая и Голландии. С другой стороны, автор не согласен и с марксистским толкованием, что экспансионистская политика Японии, строившаяся на основе «Меморандума Танаки», привела к столкновению с другими империалистическими странами. Мы имеем в виду, что фальшивка «Меморандум Танаки» был сфабрикован в июле 1927 г. [2].

Вышеуказанные подходы к истории не могут объяснить предшествовавшие войне сложные международные отношения, например, тот факт, что Советский Союз фактически признал Маньчжоу-Го, или то, что до определенного момента в ходе японо-китайской войны Германия помогала Китаю. Не могут такие подходы дать ответы прежде всего на вопросы, кто или какие группы играли главную роль при принятии политических решений, приведших к войне. Были ли это в случае Японии военные круги (армия или флот, а может быть, все вместе?) или Министерство иностранных дел и в какой степени был вовлечен во все это император? И тут не уйти от вопроса об ответственности за войну.

I. Путь к Азиатско-Тихоокеанской войне

1. От «маньчжурского инцидента» к японо-китайской войне

И по сей день лучшим произведением, вскрывающим историю Азиатско-Тихоокеанской войны, является изданная в 1991 г. работа Ириэ Акира «Происхождение Тихоокеанской войны». Автор, рас-

сматривая десятилетний период от «маньчжурского инцидента» до начала японо-американской войны, вскрывает противоречия между США и Японией по поводу Вашингтонской системы ограничения военно-морских флотов. Он также показывает противоречия Версальской системы, породившей противостояние между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой. Как важные факторы мировой политики рассматриваются Советский Союз и Китай. Верно то, что, являясь специалистом по истории международной политики, главным образом японо-американских отношений, Ириэ уходит от анализа выработки политических решений в других странах. К тому же следует иметь в виду, что книга написана до рассекречивания официальных советских документов после развала СССР. Главная заслуга автора — серьезный анализ того, как принимались те или иные политические решения (подчас вынужденно), какие существовали альтернативы [3] вопреки утверждениям стран союзной коалиции на Нюрнбергском процессе и Токийском трибунале о последовательном и неуклонном осуществлении планов войны германским и японским руководством.

Прежде существовало весьма прямолинейное представление о последовательных действиях Японии: возникновение в сентябре 1931 г. «маньчжурского инцидента», образование в марте 1932 г. «государства Маньчжоу-Го», признание в сентябре того же года «Маньчжоу-Го» Японией, обнародование в октябре 1932 г. доклада Литтона, вторжение в провинцию Жэхэ в феврале 1933 г., выход Японии из Лиги Наций в марте 1933 года. И все это представлялось почти неизбежным ввиду растущей власти военных, особенно из Квантунской армии. Ириэ, однако, отмечает, что до бомбардировки в октябре 1932 г. Цзиньчжоу японо-китайскую войну можно было удержать в рамках локального конфликта [4]. При этом имеется в виду, что, не удовлетворившись для обеспечения «интересов в Маньчжурии и Внутренней Монголии» господством в трех восточных провинциях Китая, Япония осуществила наступление на отошедшую почти без боя в Жэхэ северо-восточную армию Чжан Сюэяна, полностью отвергла составленный в примирительном по отношению к Японии тоне доклад Литтона и тем самым утратила возможность для компромисса с Лигой Наций.

Ириэ позитивно оценивает то, что в период с сентября 1933 г. до инцидента 26 февраля 1936 г., несмотря на выход из Лиги На-

ций, Япония заключила в мае 1933 г. в Таньгу перемирие с Китаем. При министре иностранных дел Хирота Коки она стремилась к достижению согласия с Великобританией, США и другими странами, предпринимала попытки пересмотреть Вашингтонскую систему на условии признания западными державами Маньчжоу-Го. Впрочем, историк Сакаи Тэцую определяет все это «антикоммунистическим международным соглашательством», призванным не допустить распространения коммунизма, угрожавшего японским интересам «в Маньчжурии и Внутренней Монголии» [5].

Далее Ириэ указывает, что предложение Лейт-Росса о японо-английском реструктурировании финансов Китая (конец 1935 г.) «являлось хорошей возможностью избежать международной изоляции» (предполагалось, что на это можно пойти в случае признания Китаем Маньчжоу-Го), но Япония этот шанс упустила [6]. Следует отметить, что указанная перспектива противоречила замыслам японской гарнизонной армии в Китае по отрыву Северного Китая, что являлось откровенной провокацией в отношении китайских националистических сил. По мнению исследователя Иноуэ Тосикадзу, министр иностранных дел Хирота по согласованию с центральным командованием армии (начальник управления военных дел военного министерства генерал-майор Нагата Тэцудзан) предпринимал политические шаги для сдерживания гарнизонной армии в Китае, но после покушения на Нагата (август 1935 г.) эти попытки провалились [7].

Ириэ указывает, что принятый в августе 1936 г. кабинетом Хирота документ «Основные принципы национальной политики» во многом определил дальнейший путь Японии. Существовавшая в армии группировка «Тосэйха («За военную диктатуру») окончательно победила, а выступавшей за стратегию войны против СССР группировке «Кодоха» («За императорское правление») пришлось отступить. Взявшая верх группировка, поставив в качестве главной задачи «установление руководящего положения Японии в Азии», солидаризировалась с силами, выступавшими за отмену договора об ограничении военно-морских флотов и подготовку к войне с США и Великобританией [8].

Что касается армии, то в ней консолидировались старшие офицеры (майоры, подполковники, полковники), недовольные предшествовавшей «маньчжурскому инциденту» континентальной

политикой правительства и «кланом Тёсю» в сухопутных силах. Экстремистски настроенные офицеры замыслили военный путч во главе с генералом армии Угаки Кадзусигэ и генерал-лейтенантом Араки Садао (неудачные попытки переворота были предприняты в марте и октябре 1931 г.). Многие из них занимали должности начальников секторов и отделов в военном министерстве и Генштабе армии. Среди них были и члены группировки «Кодоха», которые при военном министре Араки и заместителе начальника Генштаба Мадзаки Дзиндзабуро демонстрировали воинствующий патриотизм и шовинизм, призывали к войне против СССР и сочувствовали молодым офицерам, организовавшим «инцидент 15 мая». Им противостояла группировка «Тосэйха», которая выступала за восстановление порядка и дисциплины в армии, сотрудничество с промышленными кругами в целях создания в стране структуры тотальной войны. Эта группировка перехватила контроль над армией, добившись отставки генералов Араки и Мадзаки, сочувствовавших путчу 26 февраля 1936 г.

Исследователь Като Ёко обращает внимание не столько на противоборство группировок, сколько на захват офицерством среднего звена управления государством — вплоть до появления в ноябре 1937 г. императорской ставки, созданной по инициативе начальников управления военных дел военного министерства [9]. Специалист по проблемам отношений политических и военных кругов Кокэцу Ацуси анализирует, как установленный Танака Гиити и Угаки контроль правительства над военными после мятежа 26 февраля 1936 г. превратился в контроль военных над политикой. Он показывает, как военные круги, устранив от власти политические партии и проводя политику создания структуры тотальной войны, добились сотрудничества с придворными кругами (Кидо Коити, Коноэ Фумимаро) и наладили координацию между соперничавшими между собой армией и флотом [10].

Хотя в Японии традиционно укрепилось мнение, что «во всем виновата армия», не следует упускать из виду, что против решения кабинета Хамагути Осати ратифицировать Лондонский договор об ограничении флотов (1930 г.) выступала «флотская группа» (Като Хирохару, Суэцугу Нобумаса и др.). Выдвинув обвинение в «нарушении прав Верховного командования», она создала предпосылки для развала системы партийных кабинетов. Анализовавший

стратегию флота исследователь Асада Садао пишет, что «флотская группа» придерживалась концепции проведения операций на море главным образом с использованием линкоров и подводных лодок. Ударами подводного флота предполагалось сократить численность кораблей США и затем, навязав решающее сражение в западной части Тихого океана, силами линкоров разгромить противника. С точки зрения дипломатии эта группировка выступала с антиамериканских и прогерманских позиций, имея в виду сотрудничество с пришедшими в 1933 г. к власти нацистами, выступавшими за отмену введенных Версальским договором ограничений для Германии в области военного строительства. С другой стороны, группировка «сторонников договора» (Ёнаи Мицумаса, Ямамото Исороку, Иноуэ Сигэёси) уделяла большее внимание авиации (авианосцам) и, зная мощь США, требовала избежать войны с Америкой [11].

Период с осени 1933 г. до января 1936 г., когда делегация Японии прервала лондонские переговоры о сокращении вооружений («кризис 1935—1936 гг.»), был отмечен наращиванием военной мощи Японии. Срок действия договора об ограничении флотов истек. Армия и флот, придя к согласию, добились увеличения ассигнований на военные расходы. Этот период, приблизительно с 1935 г., рассматривается в работе Аидзава Киёси, который анализирует японо-германское военно-техническое сотрудничество в строительстве авианосцев и линкоров [12].

Заключение в ноябре 1936 г. японо-германского Антикоминтерновского пакта явилось первым шагом по созданию блока между Германией, похоронившей Версальскую систему после ввода своих войск в Рейнскую демилитаризованную зону, и Японией, бросившей вызов Вашингтонской системе об ограничении флотов. Но это еще не был военный союз — секретные приложения к Антикоминтерновскому пакту были довольно неопределенными. В это время Германия продолжала оказывать военную помощь Китаю и была недовольна японской политикой в отношении этой страны. Ибо считалось, что японо-китайская война вопреки Антикоминтерновскому пакту лишь на руку Компартии Китая и Советскому Союзу [13]. Как известно, Антикоминтерновский пакт, особенно его секретные приложения о военном сотрудничестве, вызвал серьезные опасения Советского Союза подвергнуться нападению с двух сторон. Автор этих строк отмечал, что в качестве ответной меры

Советский Союз принял решение о прекращении экспорта в Японию чугуна в чушках (март 1937 г.). При этом произошло резкое охлаждение японо-советских отношений, включая торговые связи, возросшие было в период продажи Советским Союзом Маньчжоу-Го КВЖД [14].

Согласно Ириэ, начавшаяся в июле 1937 г. японо-китайская война изначально имела цель путем «достижения согласия между Японией, Маньчжоу-Го и Китаем» отбросить коммунизм и устранить влияние (в регионе) западных держав, что являлось отклонением от задачи утверждения гегемонии Японии в Азии, определенной в 1936 г. в «Основных принципах национальной политики». Для достижения же этой, более важной цели необходимо было должным образом осознать и оценить сущность китайского национализма [15]. Распространяясь из Северного в Центральный Китай (второй шанхайский инцидент), японо-китайская война создавала непосредственную угрозу интересам Великобритании и США, побуждала Советский Союз к оказанию военной помощи гоминьдановскому правительству (подписание в августе 1937 г. советско-китайского договора о ненападении), привела к сотрудничеству партии Гоминьдан с Компартией (в сентябре произошло второе объединение двух партий в интересах борьбы против Японии). В результате в условиях поддержки Чан Кайши со стороны Великобритании, США и Советского Союза, а также со стороны международного общественного мнения Япония была втянута в длительную войну [16].

Японское политическое руководство и военные недооценивали китайский национализм и считали, что Китай способен к упорному сопротивлению лишь благодаря помощи Великобритании, США и Советского Союза. Поэтому попытки вести мирные переговоры с Чан Кайши, как и политические маневры в отношении прояпонских сил в гоминьдановском правительстве, оканчивались неудачами. Провалом окончились и попытки использовать в качестве посредника Германию, не знавшую, как относиться к японо-китайской войне (миссия посла Оскара Траутманна). В ноябре 1937 г. открылась конференция «договора девяти держав» в Брюсселе, от участия в которой Япония и Германия отказались. Вопреки ожиданиям Китая конференция окончилась, так и не приняв в отношении Японии каких-либо действенных санкций. Приблизительно в это же время министр иностранных дел Японии Хирота (первый кабинет Коноэ)

передал через послов Германии в Японии и Китае китайскому руководству состоявший из семи пунктов план, к принятию которого склонялся и Чан Кайши. План предусматривал демилитаризацию и управление гоминьдановского правительства в Северном Китае, учреждение автономного правительства Внутренней Монголии, прекращение антияпонской политики, совместную борьбу с коммунизмом и др. Однако на заседании координационного комитета правительства и ставки были приняты во внимание дополнительные требования военных, амбиции которых после похода на Нанкин экспедиционной армии резко возросли, что усугубило условия достижения мира и обрекло разработанный план на провал [17].

Нельзя сказать, что военные всегда занимали жесткие позиции. Так, например, Генеральный штаб, после того как в нем появился Исихара Кандзи (с августа 1935 г. — начальник оперативного отдела (полковник), с марта 1937 г. — начальник оперативного управления Генштаба в звании генерал-майора), выступал за сосредоточение усилий на укреплении Маньчжоу-Го. Он призывал к подготовке войны против СССР и высказывался против экспансии в глубь Китая. Исихара выступил против японо-китайской войны, предлагая проведение между Японией и Китаем переговоров на высшем уровне. Так как эти предложения не были приняты, он был устранен из Генштаба [18]. После ухода Исихара его сторонник, заместитель начальника Генштаба Тада Хаяо на заседании координационного комитета был единственным, кто, выступив против захвата Нанкина, выразил свое несогласие с прекращением мирных переговоров с Чан Кайши. На следующий день после заседания было опубликовано заявление об «отказе иметь дело с гоминьдановским правительством» (январь 1938 г.). На этом заседании жесткие позиции занимали представители «Какусинха» (группировки реформистов), а именно — премьер-министр Коноэ и министр иностранных дел Хирота [19].

В сентябре 1938 г. во время переговоров в Мюнхене Великобритания и Франция заняли позицию умиротворения Германии. И на Дальнем Востоке появилась возможность компромисса за счет Китая между Японией и Великобританией (переговоры министра иностранных дел Угаки и посла Великобритании Крейги). Однако сделанное в ноябре 1938 г. заявление Коноэ о «новом порядке в Восточной Азии» не позволило сразу осуществить «дальневосточ-

ный Мюнхен». Он заявил тогда, что европейские державы и США должны ради соглашения признать новое положение японской империи в Азии и что Япония будет добиваться «экономической независимости и самообеспечения Азии» на основе устранения из региона западных держав и достижения здесь политического единства, экономической самостоятельности и культурной самобытности. Это означало открытый отказ от Вашингтонской системы [20].

2. От Тройственного пакта до начала войны с США и Великобританией

Главным событием во время сменившего кабинет Коноэ правительства Хиранума Киитиро стало заключение в августе 1939 г. германо-советского Пакта о ненападении. Этот договор являлся для Германии временным средством обеспечения безопасности на востоке на период нападения на Польшу и ведения войны с Великобританией и Францией. Советскому Союзу договор позволял выиграть время для подготовки к приближавшейся германо-советской войне. Руководители Японии расценили заключение германо-советского Пакта как «предательство» договоренностей, зафиксированных в Антикоминтерновском пакте, к которому в ноябре 1937 г. присоединилась и Италия. Хотя в обстановке пересмотра дипломатического курса вновь возродилась идея восстановления отношений с Великобританией, усилившая в тот период влияние группировка «Какусинха» (посол Японии в Италии Сиратори Тосио и другие руководящие работники МИДа) стала предлагать последовать за Германией и тоже заключить японо-советский Пакт о ненападении. Считалось, что это явится средством «психологического давления» на Китай и США, будет способствовать завершению японо-китайской войны главным образом в результате прекращения помощи Китаю со стороны Советского Союза [21]. К тому же после поражения Квантунской армии в боях с советско-монгольскими войсками в районе Номонхан (Халхин-Гол) японское руководство остро ощущало необходимость урегулирования японо-советских отношений [22].

В начавшейся в сентябре 1939 г. войне в Европе весной 1940 г. наступил временный перерыв («странная война»), а затем в результате мощного германского наступления в июне Франция капитулировала, и Великобритания осталась один на один с Германией.

Однако президент США Рузвельт, понимавший, что агрессивные действия стран «оси» являются вызовом фашизма демократии, преодолевая изоляционизм (принципы доктрины Монро), оказывал помощь Великобритании. К тому времени США, не только защищая интересы своей страны, но и испытывая сочувствие к борющимся против японской агрессии китайцам, в декабре 1938 г. предоставили займы Китаю. Осознавая, что ослабление Великобритании вело к установлению господства Японии в Китае и во всей Восточной Азии, правительство США объявило в июле 1939 г. японскому правительству о денонсации двустороннего торгового договора. Не участвуя в войне, США оказывали военную помощь Китаю, ввели экономические санкции и предприняли меры по сдерживанию агрессивных действий Японии [23].

Китай, отвергая мирные предложения, продолжал антияпонскую войну. В обстановке, когда сложно было полагаться на Советский Союз, заключивший германо-советский Пакт о ненападении, и вовлеченную в трудную оборонительную борьбу против Германии Великобританию, Китай возлагал надежды главным образом на помощь Америки. Стремявшаяся установить в Китае послушное антигоминьдановское правительство, Япония вела переговоры с бежавшим в конце 1938 г. из Чунцина Ван Цзинвэем, что завершилось в марте 1940 г. сформированием Центрального правительства в Нанкине. Однако провозглашенные новым правительством «суверенитет и независимость Китая» изначально противоречили японскому лозунгу «сотрудничества с новым порядком в Восточной Азии». К тому же за сотрудничество с Японией Ван Цзинвэй был клеймен большинством китайского народа как «изменник родины». К успехам Японии в этот период можно отнести только соглашения с прогерманским французским правительством Виши о закрытии индокитайской дороги, а с английским правительством Черчилля — о закрытии Бирманской дороги, по которым осуществлялась помощь правительству Чан Кайши.

Хотя военные успехи Германии в Европе радовали японских военных, прекращение торговли с европейскими государствами увеличивало зависимость Японии от импорта из США. Япония импортировала из США нефть, металлолом и другие стратегические товары, а также различные виды оборудования (в 1939 г. ввоз товаров из США составлял 39 процентов всего импорта Японии, что

в 1,5 раза превышало ввоз из стран иенового блока) [24]. Импорт же оборудования из Германии оказался прерванным. Если прежде в качестве главного препятствия победе Японии над Китаем и созданию «нового порядка» в Восточной Азии рассматривалась Великобритания, то теперь с точки зрения дипломатии и стратегии вероятным противником становились США. В июле 1940 г. военные «разделяли» Великобританию и США, считая, что в случае войны с Великобританией Америка не вступит в войну. Однако в принятых вторым кабинетом Коноэ «Основных принципах национальной политики» и в одобренном координационным комитетом документе «Программа разрешения насущных проблем» движение на юг намечалось, исходя из предположения, что оккупация Северного Индокитая не только убедила Великобританию, США и Китай в бесперспективности их позиций, но и привела к укреплению сплочения этих трех стран [25]. И действительно, США в качестве меры противодействия запретили экспорт в Японию металлолома и авиационного бензина.

Заключение в сентябре 1940 г. Тройственного пакта Японии, Германии и Италии выявило различие в намерениях по использованию этого союза между Германией и Японией, а внутри страны — между армией и флотом. Целью Германии было сдерживание силами Японии Соединенных Штатов, с тем чтобы они не вступили в войну в Европе, что, в свою очередь, позволило бы заставить Великобританию капитулировать. С другой стороны, активно выступавший за заключение союза трех держав министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ разъяснял на императорском совещании, что пакт — это «военный союз против Америки». Флот же (его позицию выражал адмирал Ёнаи — военно-морской министр в кабинете Хиранума) предупреждал, что расширение направленности Тройственного пакта не только против СССР, как это предусмотрено Антикоминтерновским пактом, но и против Великобритании и Франции, не позволит избежать войны с США, шансов на победу над которыми нет.

Выход в отставку всего кабинета Хиранума, включая военно-морского министра Ёнаи, замминистра Ямамото, начальника управления военных дел министерства Иноуэ, усилил позиции прогермански настроенных офицеров среднего звена, что позволило на определенных условиях дать согласие на заключение Тройственного

пакта. Условия флота состояли в том, чтобы в пункт о вступлении в войну в случае нападения третьей страны внести положение о предварительном проведении между тремя странами — участницами пакта консультаций с тем, чтобы начало войны Германии с США не вело к автоматическому началу и японо-американской войны [26].

Заключение военного союза трех стран, хотя между Германией и Японией, а также между японскими армией и флотом сохранялись противоречия, объективно способствовало сплочению США, Великобритании и Китая. Великобритания восстановила ранее прерванный маршрут оказания помощи Китаю через Бирму. Америка увеличила суммы помощи Великобритании и Китаю, а в марте 1941 г. конгресс США принял закон о ленд-лизе. В дополнение к уже действовавшему в небе Китая американским летчикам направлялись новые добровольцы. Еще в декабре 1940 г. президент Рузвельт провозгласил Америку «арсеналом демократии».

Тем временем отношения Германии с Советским Союзом стали ухудшаться. В ноябре состоялся визит Молотова в Германию. Возмущенный выдвинутыми Москвой требованиями в отношении Финляндии, Балкан и других территорий, Гитлер укрепил свою решимость осуществить высказанную в «Майн кампф» цель покорения России. В декабре 1940 г. он одобрил план операции «Барбаросса». Министр иностранных дел Мацуока, находившийся под сильным впечатлением от идеи своего германского коллеги Риббентропа о четырехстороннем соглашении, связывающим германо-советский Пакт о ненападении с Тройственным пактом, не знал о принятом Гитлером решении и продолжал дипломатические маневры по созданию коалиции четырех государств. При этом имелось в виду заключить японо-советский Пакт о ненападении, аналогичный германо-советскому, добиться прекращения советской помощи Китаю, нанести удар по англосаксонским силам и поделить мир между четырьмя государствами, распределив сферы господства в Азии между Японией и СССР [27].

В марте-апреле 1941 г. Мацуока совершил визиты в Берлин и Москву. В Берлине Гитлер и Риббентроп, сообщив об ухудшении отношений с Советским Союзом, склоняли японского министра к нападению на Сингапур. Несмотря на это, Мацуока, продемонстрировав Сталину и Молотову свою активную поддержку идеи четырехстороннего соглашения, сумел подписать японо-советский

Пакт о нейтралитете. Советские руководители не поддержали идеи Мацуока о четырехстороннем соглашении и подписали пакт, исходя из стремления обезопасить восточные районы своей страны в условиях обеспокоенности ухудшением отношений с Германией. Хотя в августе 1940 г. при обсуждении нового соглашения Молотов заявлял о невозможности подтверждения пункта Пекинского договора 1925 г. о признании действительности Портсмутского мирного договора и настаивал на пересмотре соглашений о японских угольных и нефтяных концессиях на Северном Сахалине, теперь, заботясь в первую очередь об обеспечении безопасности, советская сторона заняла более гибкую позицию. Выполняя данное при заключении в 1937 г. китайско-советского договора о ненападении обещание не заключать подобный договор с Японией, Москва сочла целесообразным подписать с Японией Пакт не о ненападении, а о нейтралитете. Тем не менее Китай осудил этот шаг, считая, что заключение пакта «облегчит японское нападение на Великобританию и США» [28].

Когда в июне 1941 г. Германия, осуществляя операцию «Барбаросса», вторглась в Советский Союз, мнения среди японского руководства о последующей политике разошлись. Премьер-министр Коноэ указывал, что германо-советская война сблизит Советский Союз с США и Великобританией, и, проявляя заботу о продолжении стабильных поставок в Японию американского сырья, выступал за улучшение японо-американских отношений. С апреля в Вашингтоне начались японо-американские переговоры. А министр иностранных дел Мацуока, отбросив отстаиваемую им самим идею четырехстороннего соглашения, предлагал разорвать Пакт о нейтралитете с Советским Союзом и немедленно выступить войной против СССР. При этом он был решительно против решения об оккупации южной части Французского Индокитая, принятого на заседании координационного комитета, состоявшемся сразу после начала германо-советской войны. В конце концов на императорском совещании 2 июля 1941 г. был принят документ «Программа национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки», в котором говорилось о движении как на юг, так и на север. На основании этого документа последовательно были осуществлены оккупация юга Французского Индокитая и «специальные маневры Квантунской армии» [29].

Америка ответила на оккупацию южной части Французского Индокитая замораживанием японских активов в США и запретом на экспорт в Японию нефти. Было официально признано направление в Китай американских летчиков-добровольцев, сформирована Дальневосточная армия на Филиппинах. Придя к заключению, что Германии будет трудно заставить Советский Союз капитулировать до конца года, Генеральный штаб японской армии решил отложить начало войны против СССР до окончания зимы. Дата 9 августа явилась поворотным моментом, когда японская армия сделала окончательный выбор — двигаться на юг, что означало войну с США и Великобританией. Как раз в этот день на яхте в Атлантическом океане встретились для переговоров Рузвельт и Черчилль. Спустя несколько дней была опубликована Атлантическая хартия, в которой формулировались основные принципы ведения войны коалицией союзников [30].

Американский запрет на экспорт нефти должен был привести Японию к пониманию различия в экономической мощи двух стран и отказу Токио от войны. И действительно, Коноэ стал зондировать возможность проведения переговоров с Рузвельтом на высшем уровне. Однако Япония не могла согласиться с требованиями вывода своих войск из Китая и Индокитая. А это, в свою очередь, не позволяло США, исходя из союзнических отношений с Великобританией и Китаем, идти на какие-либо, даже небольшие, уступки Японии. Переговоры на высшем уровне не состоялись, и 6 сентября императорское совещание в документе «Программа осуществления государственной политики империи» определило первую декаду октября как крайний срок завершения японо-американских переговоров. В случае провала переговоров было решено начать войну в конце октября. В подготовленном к этому совещанию армией документе признавалось «безрассудство» ведения войны со всеми предполагаемыми противниками — США, Великобританией, Китаем, Голландией (ABCD), а также СССР. В документе говорилось: «Так как быстрый захват стратегически важных районов на юге, эксплуатация богатых сырьевых источников, создание структуры длительного экономического самоснабжения при условии продолжения союзнических отношений с Германией и Италией приведут к поражению Великобритании и, не исключено, к разрушению англо-американской коалиции, нельзя говорить о полной безнадежности войны». Сторонники решительных действий в командовании флота

требовали проведения быстрой операции, пока не иссякли запасы нефти. Начальник Главного морского штаба адмирал Нагано Усами, отвечая на совещании на вопрос императора о шансах на успех, заявил, что лучше нанести поражение противнику в сражениях, когда есть 70—80 процентов вероятности победы, чем, ничего не предпринимая, оказаться поверженными через несколько лет [31]. В таком подходе явно не доставало взвешенного понимания ситуации. А решение о начале войны в этом случае было бы сродни авантюризму, за который пришлось бы платить поражением.

Переговоры японского посла Номура Китисабуро с государственным секретарем США Хэллом не давали результата. 14 октября на заседании правительства военный министр Тодзио Хидэки, занимая жесткую позицию, заявил, что уступка американским требованиям неизбежно обернется возвращением Японии в положение «маленькой страны, каковой она была до “маньчжурского инцидента”». В этой ситуации кабинет Коноэ в полном составе подал в отставку. Затем под предлогом необходимости сдерживания давления со стороны армии военный министр Тодзио был назначен премьер-министром. Хотя крайний срок завершения японо-американских переговоров был по воле императора продлен на месяц, предложения МИД Японии о районах дислокации японских войск и сроках их нахождения в Китае не были приняты ни США, ни японской армией. На совещаниях координационного комитета 1—2 ноября министр иностранных дел Того предлагал сохранять выдержку и следить за изменением обстановки и, если понадобится, вновь продлить крайний срок завершения японо-американских переговоров. Однако в конце концов, на совещании возобладало мнение о необходимости начинать войну. В принятом на императорском совещании 5 ноября документе «Принципы осуществления государственной политики империи» было решено «начать военные действия» в начале декабря. Приведение в боевую готовность армии и флота означало решительный поворот к войне [32].

На последнем этапе японо-американских переговоров госдепартамент разрабатывал проект рассчитанного на три месяца «временного соглашения», согласно которому, в случае вывода японских войск из южного Индокитая и установления сроков пребывания в северном Индокитае США давали согласие на экспорт в Японию нефти и другого сырья для использования на мирные нужды. Одна-

ко, так как против этого плана выступили Китай и Великобритания и к тому же Рузвельт был возмущен сведениями о наращивании сил японской армии на индокитайском направлении, было решено не показывать проект нового предложения японскому послу Курусу Сабуро. 26 ноября Японии был предъявлен документ «Проект основ соглашения», известный как «нота Хэлла». Проект состоял из 10 пунктов, среди которых были вывод японских войск из Китая и Индокитая, признание легитимным гоминьдановского правительства в Чунцине и другие. Уже готовая к началу войны японская сторона восприняла этот документ как ультиматум [33]. 1 декабря, когда императорское совещание, получив согласие Того Сигэнори, приняло решение о начале войны, авианосное соединение японского флота уже находилось в северной части Тихого океана, направляясь к Гавайям, где ему надлежало нанести удар по Пёрл-Харбору.

Итак, Япония со времени «маньчжурского инцидента» заключила Анतिकоминтерновский пакт, начала японо-китайскую войну, стала участником Тройственного пакта. Все больше вовлекаясь по мере расширения войны в альянс со странами «оси», Япония встала на путь большой войны с США и Великобританией. Можно считать, что хотя в ходе противоборства между курсом на урегулирование с Великобританией и США и стремлением к доминированию в Азии верх одержало последнее [34], происшедшие события не были реализацией изначально разработанного детального плана. Все, что случилось, было результатом накладывавшихся одна на другую ошибок дипломатии и военной политики, когда недооценивалась способность Китая к длительному сопротивлению, преувеличивалось значение временных побед Германии, строились легкомысленные расчеты на «отрыв друг от друга Великобритании и США», недооценивалась твердая позиция Америки в отношении борьбы со странами «оси».

II. Причины поражения Японии и обстоятельства окончания войны

1. Причины поражения Японии

Если до конца 1942 г. верх во Второй мировой войне одерживали страны «оси», то после поражения Германии в Сталинграде и Японии в сражении за Гуадалканал ясно обозначилось превосход-

ство союзнической коалиции. В июне 1944 г. войска союзников высадились в Нормандии, а японцы в июле оставили остров Сайпан, после чего кабинет Тодзио вышел в отставку. Начались американские бомбардировки территории Японии. Стало ясно, что поражение стран «оси» — лишь вопрос времени. О проблемах послевоенного устройства, обсуждение которых началось в феврале 1945 г. на Ялтинской конференции, будет сказано ниже. Здесь же хотелось бы кратко остановиться на причинах поражения Японии.

Во-первых, исход тотальной войны определяется не узким понятием военной силы, а совокупной мощностью государства. Различия же в мощи между странами «оси» и коалицией союзников и между Японией и США были очевидными. Общие военные расходы в годы войны стран «оси» составили 274,5 млрд долларов, только в одной Америке они достигали 288 млрд долларов (Япония — 41,2 млрд долларов). Если оценивать экономическую мощь государства только по валовому национальному продукту, то США превосходили Японию в 11,8 раза, по производству стали — в 12,1 раза, по добыче нефти в стране — в 776,8 раза [35].

Хотя в то время японские военные тоже знали о разительном отличии экономических мощностей Японии и США, они, сравнивая только вооруженные силы двух стран, твердо верили, что «при таком различии в силах можно победить умелым проведением операций». Если посмотреть на соотношение сил военно-морских флотов двух стран на начало войны, то оно выглядело следующим образом: линкоры — 10:15, авианосцы — 10:9, самолеты палубной авиации — 573:618, корабли поддержки (крейсера, эсминцы, подводные лодки) — 238:345. Однако, если принять во внимание, что силы американского флота находились на двух театрах — в Атлантическом и Тихом океанах, можно было даже говорить о преимуществе Японии [36]. И если сначала Япония одерживала победы в войне, то после поражения в сражении за остров Мидуэй в июне 1942 г. она неуклонно теряла авианосцы и палубную авиацию. США же, опираясь на огромную производственную мощь, не только восполняли потери, но и наращивали вооружения, в результате чего получили подавляющее преимущество над Японией [37].

Во-вторых, политический курс и военная стратегия Японии отличались нечеткостью и несогласованностью. Сама цель войны определялась то как борьба за «выживание и самозащиту», то как

«строительство Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания». Хотя через два дня после начала войны она была названа «войной в Великой Восточной Азии», фактически конференция стран Великой Восточной Азии была проведена лишь в ноябре 1943 года. Отмечалась скудость представлений о том, как закончить войну. К тому же эти представления имели весьма субъективный характер. В принятом координационным комитетом документе «Соображения об ускорении завершения войны против Великобритании, США, Голландии и войск Чан Кайши» намечалось, проводя операции на юге, создать сферу самообеспечения стратегическим сырьем, ускорить падение режима Чан Кайши, совместно с Германией и Италией покорить Великобританию, лишив США воли к победе, вынудить Америку к поиску мира.

Все это происходило оттого, что войной руководили военные и во главу угла была поставлена военная стратегия. Однако и при этом до самого конца войны так и не удалось преодолеть разногласия между армией и флотом. Армия, имея опыт затяжной японо-китайской войны, исходила из перспективы длительной вооруженной борьбы для обретения сырьевых ресурсов на юге. Флот же, напротив, исходил, как мы видели, из оценки запасов нефти и соотношения военных сил с США, а потому был нацелен на краткосрочное решающее сражение. Армия, не отказываясь от движения на север и надежд на «отрыв Великобритании от США», предлагала весной, после побед на юге, выступить войной против СССР, флот же настаивал на нанесении второго удара по Гавайям и захвате Австралии.

Следует отметить также, что принимавшиеся координационным комитетом и императорскими совещаниями решения или облекались в абстрактную форму с тем, чтобы затушевать несовпадение взглядов армии и флота, или в них параллельно излагались точки зрения обеих сторон. Так, в документе «Программа разрешения насущных проблем» от 27 июля 1940 г. армия рассматривала Тройственный пакт как военный союз, а флот — как политический. А в документе от 2 июля 1941 г. «Программа национальной политики империи» говорилось о движении как на север, так и на юг, но конкретные мероприятия определялись отдельно. При этом было очевидно, что, соглашаясь с этим документом, флот главным образом стремился получить бюджетные ассигнования и еще не решился

воевать с США. В то же время нельзя не видеть, что как армия, так и флот заботились о своем престиже и, исходя из интересов укрепления контроля внутри своих ведомств, демонстрировали друг перед другом твердые позиции [38].

Добавим, что для объединения политики и военной стратегии премьер Тодзио с самого начала взял на себя и обязанности военного министра, а с февраля 1944 г. еще и начальника Генерального штаба, что закончилось для него плачевно. Выступавшие против диктатуры Тодзио (его жандармской политики) Окада Кэйсукэ, Ёнаи и другие дзюсины (бывшие премьер-министры) при поддержке императора и лорда-хранителя печати Кидо в конце концов заставили кабинет Тодзио подать в отставку. В июле 1944 г. был сформирован новый Кабинет министров во главе с генералом армии Коисо Куниаки. Кстати, приблизительно в это же время в Германии была предпринята неудачная попытка путча против Гитлера, также определявшего одновременно политику и военную стратегию.

В-третьих, с точки зрения тактики проведения операций как армия, так и флот не сознавали решающего значения мощи военно-воздушных сил. Флот так и не смог избавиться от теории «решающего сражения линейных кораблей» и ставки на «орудия большого калибра крупных кораблей», а армия, несмотря на большой ущерб от американских бомбардировок с воздуха, призывала к «решающему сражению за метрополию». К тому же недостаточное внимание уделялось оборудованию коммуникационных линий, из-за растянутости фронта существовали трудности снабжения войск продовольствием, боеприпасами и др. Японская армия значительно уступала американской в сборе разведанных (радары, техника дешифровки). В морально-психологическом воспитании военнослужащих превалировала пропаганда. Отсутствовало бережное отношение к человеческой жизни — истребители изготавливались из тонкой брони, транспортные суда не обеспечивались должным охранением, солдат и офицеров бросали на произвол судьбы на островах южной части Тихого океана, где они умирали голодной смертью, существовал запрет сдаваться в плен, внедрялась героизация гибели, создавались подразделения смертников — камикадзе [39].

В-четвертых, надо сказать о провале оккупационной политики на захваченных территориях. Целью этой политики являлись получение природных ресурсов и самообеспечение оккупационной

армии. Для достижения этих целей использовались насильственные методы добычи сырьевых ресурсов, заготовка, а вернее, реквизиция продовольствия и товаров, принудительный набор рабочей силы. В регионах Юго-Восточной Азии в чрезмерных количествах выпускались оккупационные денежные знаки. Разрушались ранее налаженные рынки и торговые сети, в результате чего местные народные массы лишались средств к существованию. Это вызывало активизацию антияпонских выступлений. С другой стороны, из-за использования судов для нужд армии их не хватало для транспортировки нефти и других видов захваченного сырья в Японию, а также для охраны транспортов. В результате поставки осуществлялись не в полной мере [40].

2. Путь к окончанию войны

В феврале 1945 г. начала работу Ялтинская конференция, на которой главы правительств США, Великобритании и Советского Союза обсуждали и принимали решения по таким вопросам послевоенного урегулирования, как оккупация и раздел Германии, политическое устройство в странах «освобожденной Европы», в первую очередь в Польше. Как известно, Рузвельт считал вступление Советского Союза в войну необходимым для принуждения Японии к капитуляции. Поэтому он согласился в ходе конференции с предложением Сталина о возвращении Советскому Союзу Южного Карафуто (Южного Сахалина. — *Примеч. пер.*) и передаче СССР островов Тисима (Курильские острова. — *Примеч. пер.*). Было заключено секретное соглашение о том, что СССР вступит в войну (против Японии) через три месяца после капитуляции Германии.

Следует обратить внимание на то, что требования Советского Союза не были случайными: они предъявлялись японской стороне еще на переговорах о заключении японо-советского Пакта о нейтралитете. Вернувшись в ноябре 1940 г. из Берлина, Молотов на встрече с японским послом в Москве Татэкава Ёсицугу говорил, что общественное мнение в Советском Союзе может не согласиться с заключением (советско-японского) Пакта о ненападении, если такое соглашение не будет сопровождаться возвращением СССР ранее утраченных территорий Южного Сахалина и Курильских островов. Говорилось и о том, что и в случае заключения Пакта о нейтралитете СССР будет добиваться ликвидации японских кон-

цессий (угольной и нефтяной) на северном Сахалине. (Соглашение о ликвидации концессий было достигнуто в марте 1944 г.) [41]. Исследователь Ёкотэ Синдзи, обращая внимание на документ, в котором заместитель наркома иностранных дел Лозовский требовал сразу после начала японо-американской войны свободного прохода советских судов по трем проливам — Соя, Тисима и Цугару, указывает, что уже в январе 1942 г. по решению Политбюро ЦК ВКП (б) была создана «Комиссия по послевоенным вопросам». А в июне 1944 г. были установлены цели, которые СССР должен достичь при успешном для коалиции союзников развитии Второй мировой войны. Комиссия считала необходимым добиваться возвращения Южного Сахалина, передачи Курильских островов и гарантии свободного прохода через проливы [42]. В ноябре 1944 г. в докладе на праздновании годовщины революции Сталин впервые осудил Японию, назвав ее «агрессивным государством», а затем в декабре в беседе с послом США Гарриманом изложил вышеуказанные цели [43].

Сразу после Ялтинской конференции, оценив положение на фронтах, Коноэ явился на доклад к императору и доложил, что «поражение в войне неизбежно», а больше всего следует опасаться «последующей за поражением коммунистической революции». Император, заняв пассивную позицию, отметил, что «говорить о мире лучше после какого-либо военного успеха». Однако существуют сведения, что в сентябре 1944 г. император заявил Кидо: «В случае капитуляции Германии надо постараться добиться почетного мира даже путем отказа от территорий» [44].

Затем в марте начались бомбардировки Токио, пал остров Иводзима, в апреле американцы высадились на Окинаве. Положение Японии на фронтах неуклонно ухудшалось. Кабинет Койсо ушел в отставку. Новый кабинет возглавил приближенный императора, обер-камергер двора адмирал флота Судзуки Кантаро. 8 мая Германия капитулировала. Несмотря на то что в апреле Япония была предупреждена о расторжении японо-советского пакта, в Токио сохранялись надежды на соблюдение Советским Союзом нейтралитета и рассчитывали по возможности побудить СССР выступить посредником в переговорах о перемирии. Высший совет по руководству войной (создан в сентябре 1944 г., в него входили премьер-министр, министр иностранных дел, военный министр, военно-морской министр, начальник Генерального штаба, начальник Главного мор-

ского штаба и др.) разработал с этой целью перечень уступок, в который входили отмена Портсмутского и Пекинского договоров, возвращение Южного Сахалина, отказ от договора о рыболовстве, открытие пролива Цугару, передача Северо-Маньчжурской железной дороги, передача СССР северных Курильских островов и другие [45].

Однако после капитуляции Германии Советский Союз приступил к подготовке ко вступлению в войну с Японией. Советский посол в Японии Малик во время бесед с бывшим премьер-министром и министром иностранных дел Хирота не вступал в конкретные переговоры, а Молотов не принимал посла Японии в Москве Сато Наотакэ. Тем самым выигрывалось время до начала войны. Посол Сато критически относился к попыткам привлечь Советский Союз в качестве посредника и рекомендовал министру иностранных дел Того закончить войну лишь при одном условии — «сохранения государственного строя» (императорской системы правления. — *Примеч. пер.*). Тем не менее опасавшийся намерения военных дать решительное сражение за метрополию Кидо в результате согласованных с императором действий добился принятия на императорском совещании 22 июня решения завершить войну при посредничестве Советского Союза, для чего Высший совет по руководству войной 11 июля принял решение направить в СССР специального посланника императора. На следующий день эту роль согласился взять на себя Коноэ. Условия окончания войны с японской стороны сводились практически лишь к «сохранению государственного строя» и возвращению к существовавшей при суверенитете императора «демократии Тайсё» [46]. Хотя надежды привлечь Советский Союз в качестве посредника были не чем иным, как охватившими японское политическое и военное руководство иллюзиями, следует обратить внимание на то, что до вступления СССР в войну японская сторона проявляла готовность идти на серьезные территориальные и другие уступки.

С другой стороны, когда в США в середине апреля скончался Рузвельт и его сменил на посту президента Трумэн, американцы при практическом планировании операций высадки на Японские острова стали изыскивать возможность склонить Японию к капитуляции без больших потерь, но и без участия СССР. Хотя в разработанном ко 2 июля военным министром США Стимсоном проекте

Потсдамской декларации предусматривалась безоговорочная капитуляция, для облегчения принятия декларации Японией в проект была внесена фраза о том, что послевоенный политический строй в стране «включает конституционную монархию при правлении нынешней императорской фамилии» [47]. Затем только что прибывшему в Потсдам Трумэну было доставлено сообщение об успешном испытании 16 июля в штате Нью-Мексико атомной бомбы.

О проходившей с 17 июля по 2 августа Потсдамской конференции хорошо известно. Отметим лишь три важных момента. Во-первых, Трумэн сделал выбор в пользу использования атомной бомбы с тем, чтобы принудить Японию к капитуляции. Сценарий был следующий: обнародование Потсдамской декларации, отказ Японии ее принять, применение атомных бомб, капитуляция Японии до вступления в войну Советского Союза. В действительности же приказ об атомной бомбардировке был отдан 25 июля, то есть накануне публикации текста Потсдамской декларации. Приказом предусматривалось после 3 августа сбросить атомные бомбы на два из следующих городов: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки.

Во-вторых, Потсдамская декларация была опубликована 26 июля без участия Советского Союза, который в войне с Японией не состоял. Это обстоятельство продолжало питать иллюзии по поводу возможности посредничества СССР, что лишь давало Москве выигрывать во времени до вступления в войну. И в этом была ирония судьбы.

В-третьих, по поводу политической системы Японии в Потсдамской декларации без упоминания роли и места императора указывалось, что «будет учреждено миролюбивое правительство в соответствии со свободно выраженной волей народа». Если толковать термин «сохранение государственного строя» как «сохранение императорской фамилии», возможность принять условия декларации существовала, однако премьер-министр Судзуки сделал заявление об ее «игнорировании», что привело к трагедии атомных бомбардировок [48].

7 августа, на следующий день после атомной бомбардировки Хиросимы, состоялось заседание Кабинета министров. Когда министр иностранных дел Того доложил, что примененная новая бомба является атомной, военный министр Анами Корэтика утверждал, что это поспешный вывод и следует послать на место взрыва специальную комиссию. Хотя надежды на посредничество

Советского Союза все еще сохранялись, в этот день Сталин приказал ускорить на 48 часов намеченное на 11 августа вступление в войну. На рассвете 9 августа советские войска огромным потоком хлынули в Маньчжурию, а в Москве Молотов зачитал и передал японскому послу Сато заявление об объявлении войны. Спустя несколько часов на Нагасаки была сброшена вторая атомная бомба. На заседании Высшего совета по руководству войной сложилась сложная обстановка, когда надо было решать, принимать Потсдамскую декларацию с единственным условием «обеспечения безопасности императорской фамилии» или выдвинуть дополнительные условия о недопущении оккупации собственно японских островов, самостоятельном разоружении и роспуске вооруженных сил и самостоятельном же наказании военных преступников. При этом в случае несогласия союзников с этими условиями намечалось предпринять решающее сражение для обороны метрополии. Для разрешения сложившейся ситуации Кидо, проведя обмен мнениями с бывшим министром иностранных дел Сигэмицу Мамору, по итогам беседы с императором предложил сценарий окончания войны на основе императорского решения, предусматривавшего выдвижение лишь одного вышеуказанного условия — о сохранении императорской фамилии [49].

На императорском совещании 9—10 августа предложение Того подвергалось различной редакции. Высказывалось мнение согласиться с условиями Потсдамской декларации «при понимании, что эти условия не включают требования изменения государственно-юридического статуса императора». Хотя споры по поводу выдвижения одного или четырех условий продолжались, создавая напряженную обстановку, впервые присутствовавший на совещании председатель Тайного совета Хиранума предложил изменить термин «государственно-юридический статус» на «прерогатива управления государством». В завершение совещания император, произнеся слова «шансов на победу уже нет», выразил поддержку позиции Того. Естественно, Трумэн отверг заявление, составленное с учетом поправки Хиранума. Хотя среди американского руководства высказывалось мнение о возможности согласиться с выдвинутым условием, государственный секретарь США Бирнс настаивал на безоговорочной капитуляции и составил ноту японской стороне из четырех пунктов. Четвертый пункт гласил:

«Окончательная политическая система (Японии) будет определена свободным волеизъявлением народа». Это было повторением 12-го пункта Потсдамской декларации. Однако указание в первом пункте ноты на то, что «с момента объявления о капитуляции полномочия императора и японского правительства по управлению государством будут подчинены Верховному главнокомандующему союзных войск», вызвало возмущение выступавших за продолжение войны группировок, некоторые армейские офицеры стали готовить переворот [50].

Судзуки и Того, однако, согласились принять ноту Бирнса. Их поддержал император. После трудных дебатов на проходивших накануне заседаниях Высшего совета по руководству войной и Кабинета министров 14 августа началось императорское совещание. Хотя сторонники продолжения войны Анами, начальник Генерального штаба Умэдзу Ёсидзиро и начальник Главного морского штаба Тоёда Соэму получили право выступить, решение уже было принято. Придя к заключению, что продолжать войну невозможно, император заявил о согласии с нотой Бирнса. Император заявил: «Чтобы со мной ни произошло, я должен спасти жизнь народа... Мы должны вынести невыносимое... Я верю в будущее возрождение». Затем на заседании Кабинета министров был разработан текст императорского эдикта об окончании войны и проведена подготовка к его трансляции по радио. Офицеры армии среднего звена пытались организовать путч, но попытка провалилась. Взяв на себя ответственность за него, военный министр Анами покончил с собой. 15 августа император зачитал по радио эдикт об окончании войны, и народ узнал о поражении Японии.

Хотелось бы затронуть вопрос о спорах по поводу того, что явилось решающей причиной согласия Японии с условиями Потсдамской декларации: атомная бомбардировка или вступление в войну Советского Союза? Асада Садао в связи с этим приводит высказывания 7—8 августа Того, императора и Судзуки. На заседании Кабинета министров 7 августа Того говорил: «Появление атомной бомбы кардинально меняет военную ситуацию и дает военным повод закончить войну». В тот же день император сказал Кидо: «...Независимо от того, что станет со мной, необходимо быстро окончить войну и не допустить повторения этой трагедии». 8 августа премьер-министр Судзуки заявил начальнику секретариата Ка-

бинета министров Сакомидзу Хисацунэ: «Так как стало известно, что сброшенная на Хиросиму бомба была атомной, завтра я на заседании Кабинета министров выскажусь за окончание войны». Асада указывает, что в императорском эдикте об окончании войны говорилось о «бомбе нового типа», а вступление в войну Советского Союза не упоминалось. Называя решающей причиной окончания войны атомные бомбардировки, автор обосновывает это тем, что требовавшее продолжения войны военное командование согласилось окончить войну, сославшись на «неспособность противостоять мощи американской науки» [51].

С другой стороны, не соглашаясь с таким выводом, исследователь Хасэгава Цуёси обращает внимание на контекст высказываний Того, указывая на использование последним утверждений пропаганды противника. Хасэгава считает, что высказывания императора из «Дневника Кидо» требуют подтверждений, и заявляет, что не берется утверждать, что премьер Судзуки к 8 августа уже пришел к решению окончить войну. Вместе с этим утверждается, что причиной изменения отношения к принятию условий Потсдамской декларации явилось вступление в войну Советского Союза. Хасэгава обращает особое внимание на то, что как сторонники заключения мира — Коноэ, Кидо и др., так и сторонники решающего сражения за метрополию во главе с Анами исходили из того, что вступление в войну СССР не только не позволит добиться «сохранения государственного строя», но будет чревато «коммунистической революцией». Поэтому было решено способствовать окончанию войны до того, как советские войска предпримут оккупацию (японской территории) и приобретут право голоса в коалиции союзников. В качестве серьезного довода автор приводит слова Судзуки, сказанные в адрес требовавшего продлить императорское совещание 14 августа Анами, о том, что «необходимо положить конец (войне), пока мы имеем дело с американцами» [52].

По словам Асады, этот спор является проявлением борьбы между ортодоксальными историками и «ревизионистами», такими, как Хасэгава и другие [53]. Смысл же разногласий можно свести к тому, что, если на первый план выдвигать инициативы Того и императора в пользу принятия условий Потсдамской декларации, важную роль при принятии решения об окончании войны сыграли атомные бомбардировки, а если исходить из того, почему согласились с оконча-

нием войны сторонники сражения за метрополию, получается, что решающим было вступление в войну СССР.

В связи с этим существует еще один спорный вопрос: можно ли было, приняв своевременно условия Потсдамской декларации, предотвратить атомные бомбардировки и вступление в войну Советского Союза, а значит, избежать сибирского интернирования солдат и офицеров Квантунской армии и оккупации Южных Тисима? Высказывается мнение, что, упорно отстаивая принцип «сохранения государственного строя», политическое руководство и командование Японии проявляли нерешительность и стремление сохранить свое положение, что привело к потере времени и дополнительным жертвам народа. Возражения против такой оценки высказывает Като Киёфуми. Он называет главной причиной задержки принятия решения об окончании войны созданную Конституцией Мэйдзи систему. Император, хотя и являлся центральной фигурой, умело уводился от вмешательства в политику, а призванные помогать ему чиновники не считали себя ответственными за управление государством. При такой структуре в условиях существования отстаивавших свои интересы кланов и групп нередко случался системный паралич механизма власти [54].

Следует дополнительно разяснить статус и права императора. Император Хирохито был воспитан в духе вышеуказанной Конституции Мэйдзи, а именно — на основе «теории об императоре как государственном органе». Но он лишь несколько раз лично вмешивался в политику. Например, в 1929 г. он заставил премьер-министра Танака Гиити подать в отставку в связи с ответственностью Квантунской армии за убийство Чжан Цзолия. Созданные для определения политики государства императорские совещания за период с 11 января 1938 г. по 14 августа 1945 г. созывались 15 раз. Император высказывался на этих совещаниях только трижды: 6 сентября 1941 г., 11 и 14 августа 1945 г. [55].

Император мог оказывать влияние через гэнро (пожизненные советники императора), лорда-хранителя печати и других приближенных. Так, например, он высказал гэнро Сайондзи свое мнение о кандидате в премьер-министры после убийства 15 мая 1932 г. главы правительства Инукаи Цуёси, потребовав исключить из числа претендентов «профашистские фигуры». Как генералиссимус и главнокомандующий вооруженными силами, император высказывался

по поводу ежегодных военных планов и по операциям периода Азиатско-Тихоокеанской войны [56].

В заключение хотелось бы выразить благодарность профессору Анатолию Кошкину за приглашение меня в качестве автора данного сборника и выполненный им перевод моей статьи.

Примечания

1. Из наиболее представительных недавних работ о связи между японо-китайской, Азиатско-Тихоокеанской и Второй мировой войнами смотри работу Юи Дайсабуро «Сэкай сэнсоно накано Адзиа-Тайхэйё сэнсо» (Азиатско-Тихоокеанская война во Второй мировой войне). Сборник статей на тему Азиатско-Тихоокеанской войны. Токио, 2005. С. 235—274.

2. См. Томита Такэси. Фальсифицированный документ о политике японского империализма (Меморандум Танаки). «Вопросы истории», № 3, 2010. С. 174—175.

3. Ириэ Акира. Тайхэйё сэнсоно кигэн (Происхождение Тихоокеанской войны). Токио, 1991. Akira Irie. The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. London, 1987.

4. Там же. С. 19—20.

5. Там же. С. 31—42. См. Сакаи Тэцую. Тайсё дэмोकраси тайсэйно хокэй. Найсэй то гайко (Развал структуры демократии периода Тайсё. Внутренняя политика и дипломатия). Токио, 1992. Глава 3.

6. Там же. С. 45—46.

7. Иноуэ Тосикадзу. Кикино накано кётё гайко. Ниттю сэнсони итару тайгай сэйсакуно кэйсэй то тэнкай (Дипломатия согласования в условиях кризиса. Формирование и проведение внешней политики, приведшей к японо-китайской войне). Токио, 1994. Глава 3.

8. Ириэ Акира. Указ. соч. С. 50—51.

9. Като Ёко. Мосаку суру 1930 нэндай. Нитибэй канкэй то рикугун тюкансо (30-е годы — движение на ощупь. Японо-американские отношения и среднее офицерство армии). Токио, 1993. Главы 5, 6.

10. Кокэцу Ацуси. Киндай Нихон сэйгун канкэйно кэнкю (Исследование отношений в новейшей истории Японии политических и военных кругов). Токио, 2010. Глава 6.

11. Асада Садао. Рётэйсэн канкино Нитибэй канкэй. Кайгун то сэйсаку кэттэй катэй (Японо-американские отношения между двумя мировыми

войнами. Флот и процесс принятия политических решений). Токио, 1993. Глава 5.

12. Аидзава Киёси. Кайгунно сэнтаку. Сайко Синдзюванэ но мити (Выбор флота. И вновь о пути к Пёрл-Харбору). Токио, 2002. Глава 2.

13. Германия не только направляла в Китай военных советников, но и экспортировала в эту страну вооружение и импортировала такое стратегическое сырьё, как вольфрам, заключив в апреле 1936 г. германо-китайское соглашение о предоставлении Китаю займов. Однако с возвышением во власти занимавших прояпонские позиции Риббентропа и его единомышленников в ноябре был заключен Антикоминтерновский пакт. Тем не менее часть офицеров Министерства обороны Германии и германский посол в Германии продолжали политику сотрудничества с Китаем, которое прекратилось лишь в апреле 1938 г., после признания Германией Маньчжоу-Го. См. Тадзима Нобуо. Синнити росэн то синтю росэнно анто 1935—1936 нэнно Доицу (Скрытая борьба германских прояпонских и прокитайских сил в 1935—1936 гг.). Под редакцией Кудо Акира и Тадзима Нобуо. Нитидоку канкэй си 1890—1945 — II (История японо-германских отношений 1890—1945 гг.). Том 2. Токио, 2008. С. 8—53.

14. Томита Такэси. Сэнканкино Ниссо канкэй 1917—1937 (Японо-советские отношения в межвоенный период). Токио, 2010. С. 116.

15. Ириэ Акира. Указ. соч. С. 66.

16. Оосуги Кадзуо. Ниттю сэнсэ но мити. Манмокахоку мондай то сётоцуэ но бункитэн (Путь к японо-китайской войне. Проблема Маньчжурии, Монголии и Северного Китая — узел столкновений). Токио, 2007. Часть 3, глава 1.

17. Там же. С. 356—385.

18. Там же. С. 329—331, 373—381.

19. Являясь удобным для военных кругов политиком-популистом, трижды возглавлявший Кабинет министров, Коноэ Фумимаро стремился подыгрывать настроениям народа, желавшего разрешения возникших проблем. По причине этой слабости своего характера он не мог сдерживать военных. См.: Цуцуи Киётада. Коноэ фумимаро — кёёсюгитэки попури-сутоно хигэки (Коноэ Фумимаро — трагедия просвещенного популиста). Токио, 2009.

20. Ириэ Акира. Указ. соч. С. 89—102.

21. Миякэ Масаки. Сутарин, Хитора то Ниссодокуи рэнго косо (Сталин, Гитлер и идея японо-советско-германо-итальянской коалиции). Токио, 2007. С. 77—80; Ириэ Акира. Указ. соч. С. 124.

22. Борис Славинский. Ниссо сэнсоз но мити (Путь к японо-советской войне). Токио, 1999. С. 179. Специалист по Монголии Танака Кацухико в работе «Номонхан сэнсо. Монгору то Маньсюкоку» (Война в районе Номонхан. Монголия и Маньчжоу-Го) не рассматривает вопроса о влиянии этих военных действий на политику Японии в отношении Советского Союза.

23. Ириэ Акира. Указ. соч. С. 129—131.

24. Мацуура Масатака. Ниттю сэнсокини окэру кэйдзай то сэйдзи. Коноэ Фумимаро то Икэда Сигэаки (Экономика и политика в годы японо-китайской войны. Коноэ Фумимаро и Икэда Сигэаки). Токио, 1995. С. 38.

25. Ириэ Акира. Указ. соч. С. 159—161.

26. Там же. С. 168—174. О позиции флота см. также: Асада Садао. Указ. соч. С. 231—236.

27. Миякэ Масаки. Указ. соч. Главы 6, 7.

28. Там же. Глава 8. См. также: Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзэяку но кэнкю (Исследование японо-советского Пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 74, 93—97. При подписании советско-китайского договора о ненападении стороны обменялись секретными вербальными нотами, в которых указывалось, что до восстановления нормальных отношений между Китаем и Японией Советский Союз не будет заключать с Японией Пакт о ненападении. См.: Борис Славинский. Косё-Ниссо тюрицу дзэяку. Кокай сарэта Росиа гаймусё кимицу бунсё (Исследование японо-советского Пакта о нейтралитете. Рассекреченные документы МИД России). Токио, 1996. С. 85.

29. Ириэ Акира. Указ. соч. С. 201—203, 211—218. О намерениях и действиях японской армии см.: Хатано Сумио. Кайсэн катэйни окэру рикугун (Позиции японской армии в момент начала войны) / Под редакцией Хосоя Тихиро и др. Тайхэйё сэнсоз (Тихоокеанская война), Токио, 1993. С. 5—15.

30. Ириэ Акира. Указ. соч. С. 220—224, 228—230. Как хорошо известно, получавший секретную информацию из германского посольства и от советника премьер-министра Коноэ Одзакки Хоцуми советский разведчик Рихард Зорге заблаговременно предупреждал Москву о германском нападении на СССР, о решении Японии после начала войны двигаться на юг, что позволило советскому руководству перебросить на германо-советский фронт войска из Сибири и Дальнего Востока (Зорге был арестован 18 октября 1941 года).

31. Ириэ Акира. Указ. соч. С. 240—243.

32. Там же. С. 249—250, 259—263; Ёсида Ютака. Адзиатайхэйё сэнсоз (Азиатско-Тихоокеанская война). Токио, 2007. С. 14, 46—49.

33. О заключительном этапе японо-американских переговоров, включая подготовку Того ответного предложения японской стороне, см. работу Судо Масаси «Нитибэй кайсэн гайконо кэнкю. Нитибэй косёно хоттан кара Харуното мадэ» (Исследование дипломатии периода начала японо-американской войны. От начала японо-американских переговоров до ноты Хэлла). Токио, 1986. С. 267—293. Исследователь Судо в качестве главных причин провала японо-американских переговоров называет недостаточное понимание и восприятие друг друга (communication gap, perception gap). Так, например, если для Японии размещение своих войск в Южном Французском Индокитае явилось не чем иным, как результатом соглашения с правительством Виши, то для США это была серьезная угроза безопасности.

34. Нагаи Кадзу. Ниттю сэно кара сэкай сэнсоз (От японо-китайской войны к мировой войне). Токио, 2007. Введение.

35. О военных расходах см. : Юи Дайсабуро. Указ. соч. С. 261. Об экономической мощи см.: Ёсида Ютака. Указ. соч. С. 30.

36. Кокэцу Ацуси. Синряку сэно. Рэкиси дзидзицу то рэкиси нинсики (Агрессивная война. Факты истории и историческое мышление). Токио, 1999. С. 108—109.

37. Там же.

38. См.: Морияма Ацуси. Нитибэй кайсэнно сэйдзи катэй (Политический аспект начала японо-американской войны). Токио, 1998. При принятии 2 июля 1941 г. документа «Программа национальной политики империи» представитель флота заявил, что «флот не остановится перед войной с Великобританией и США». Впоследствии военно-морской министр Оикава Косиро говорил своему заместителю Савамото Ёрию, что хотел бы избежать войны, но с точки зрения соперничества с армией вынужден был сделать на совещании такое заявление. (С. 146.)

39. См.: Куроха Кётака. Тайхэё сэносо рэкиси (История Тихоокеанской войны). Токио, 2004. Приблизительно с августа 1940 г. разведка армии США расшифровывала почти всю японскую дипломатическую переписку (Судо Масаси. Указ. соч. С. 297).

40. См.: Кобаяси Хидэо. Нихон гунсэйка — но Адзия. «Дайтоа кёэйкэн» то гумплё (Азия под японским военным управлением. «Великая Восточноазиатская сфера процветания» и оккупационные денежные знаки). Токио, 1993.

41. Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 87. Б. Славинский. Указ. соч. С. 213.

42. Ёкотэ Синдзи. Дайнидзи тайсэнкино Сорэнно тайнити сэйсаку 1941—1945 (Политика Советского Союза в отношении Японии в годы

Второй мировой войны). Журнал «Хогаку кэнкю» (Исследования проблем юриспруденции), январь 1998. С. 201—227.

43. Хасэгава Цуёси. Анто. Сталин, Трумэн то Нихон кофуку (Скрытая борьба. Сталин, Трумэн и капитуляция Японии). Токио, 2006. С. 54—55. См. Tsuyoshi Hasegawa, *Racing the Enemy: Stalin, Truman and the Surrender of Japan*, Harvard University Press, 2005.

44. Ёсида Ютака. Указ. соч. С. 206—207.

45. Хасэгава Цуёси. Указ. соч. С. 118—122.

46. Там же. С. 139—144, 149—159, 163—168, 173—181, 197—207.

47. Там же. С. 87—94, 110—113, 181—189, 191—197.

48. Там же. Глава 4.

49. Там же. С. 307—362.

50. Там же. С. 364—400.

51. Асада Садао. Гэмбаку токано сёгэки то кофукуно кэттэй (Воздействие атомных ударов и решение о капитуляции). Статья в сборнике «Тайхэйё сэнсоно сюкэцу» (Окончание Тихоокеанской войны). Токио, 1997. С. 195—221.

52. Хасэгава Цуёси. Указ. соч. С. 319—324, 344—350, 370—374, 412.

53. Вопрос о причинах капитуляции Японии шире раскрыт в работе Асада Садао «Вступление Советского Союза в войну важнее атомной бомбардировки?». Журнал «Сёкун», сентябрь, 2006. С. 138—149.

54. Като Киёфуми. «Дайниппон тэйкоку» но хокай. Хигаси Адзиано 1945 нэн (Развал «великой японской империи»: 1945 год в Восточной Азии). Токио, 2009. С. 54.

55. Ямада Акира. Сёва тэнноно гундзи сисо то сэнряку (Военные доктрины и стратегия Сёватэнно). Токио, 2002. С. 106—108.

56. Там же. Главы 3, 4.

В.П. ЗИМОНИН

ПРИНУЖДЕНИЕ ЯПОНИИ К МИРУ

(Советско-японская война 1945 г.: происхождение, ход, уроки)

Объективная необходимость

Весна и лето 1945 г. вошли в историю как время полного разгрома нацистской Германии и краха милитаристской Японии. Особой гордостью для народов России и других стран Содружества Независимых Государств является то, что 65 лет тому назад и на западе, и на востоке Евразии последние победные точки в вооруженной борьбе с главными зачинщиками Второй мировой войны были поставлены воинами Вооруженных сил СССР. Вынеся основную тяжесть кровопролитной борьбы на Европейском театре военных действий, сковывая на протяжении всей Второй мировой войны, а затем и разгромив костяк японской континентальной армии — Квантунскую группировку войск, Советский Союз внес существенный вклад в достижение общей Победы. Вступление СССР 9 августа 1945 г. в войну против Японии не только обеспечило благоприятное для России разрешение накопившихся за десятилетия проблем и споров между двумя странами, укрепление безопасности советских дальневосточных границ, повысило роль и значение Советского Союза в делах Азиатско-Тихоокеанского региона, но и значительно приблизило день наступления долгожданного мира, спасло человечеству многие миллионы жизней.

Начав в 1931 г. первой, еще до прихода Гитлера к власти в Германии, агрессию в Маньчжурии, которая вместе с развертыванием тотальной войны в Китае, военными конфликтами у озера Хасан

и у монгольской реки Халхин-Гол стала как бы прологом мировой войны, Япония развернула широкую экспансию в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не останавливаясь для достижения своих агрессивных целей ни перед какими преступлениями — то ли вероломное нарушение договоров, то ли геноцид и экономическое ограбление стран и народов, то ли бесчеловечные «опыты» над живыми людьми, то ли каннибализм, то ли превращение в смертников собственного населения и военнослужащих. Долгие 14 лет тянулась череда этих преступлений, приведших только в Китае к гибели свыше 35 млн человек [1].

26 июля 1945 г. в период работы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей союзных держав три страны — участницы войны против Японии, США, Великобритания и Китай, с молчаливого согласия организатора конференции — Советского Союза, не участвовавшего в то время в военных действиях против дальневосточного агрессора, обратились к токийскому руководству с Потсдамской декларацией, в которой потребовали от Японии немедленной капитуляции. Это было проявлением зыбкой надежды склонить дальневосточного агрессора к признанию поражения во Второй мировой войне, когда силы Японии еще не были в достаточной степени подорваны. Потсдамская декларация, констатируя готовность союзных государств нанести окончательный удар по Японии, подчеркивала, что военная мощь Великобритании, США и Китая при этом поддерживается и вдохновляется решимостью всех союзных наций вести войну против Японии до тех пор, пока она не примет предъявленных ей условий безоговорочной капитуляции. Проводя аналогию с горьким, бесплодным опытом сопротивления фашистской Германии, Потсдамская декларация указывала на неизбежность поражения Японии и призывала ее сделать выбор: будет ли она находиться по-прежнему под властью милитаристов, неразумные расчеты которых привели Японскую империю на порог уничтожения, или пойдет по пути, указанному разумом. Предъявляя Японии требования о безоговорочной капитуляции, Потсдамская декларация обращала ее внимание на решимость союзных наций закончить войну в самое ближайшее время [2]. Однако Япония, понимая, что страны-подписанты декларации не обладали в то время достаточными возможностями для принуждения ее к капитуляции, отвергла ультиматум и приняла меры к наращиванию сопротивления союзным силам.

Трудно подсчитать, сколько еще преступлений совершили бы японские милитаристы, если бы война на Тихом океане шла тем же чередом, что и в предыдущие годы. Ведь, по самым оптимистическим расчетам союзников, война на Востоке могла затянуться еще как минимум на 1,5—2 года, а по прогнозам многоопытного американского генерала Д. Макартура, осуществлявшего общее руководство военными действиями в зоне Тихого океана, она, учитывая фанатизм японского солдата, могла бы продлиться еще 5—7 лет: достаточных сил и средств для быстрого принуждения Японии к капитуляции у союзников в зоне Тихого океана действительно не было, да и потери ожидалось огромными: война унесла бы с собой жизни по крайней мере 1,5 млн солдат и офицеров их армий, а также около 10 млн жизней японцев [3]. Этим далеко не исчерпывалось число бед, которые несла бы война народам Азиатско-Тихоокеанского региона в случае ее продолжения. Военно-политическое руководство США не спешило поэтому с началом операций на Японских островах, объединенных общим названием «Даунфол», первая из которых была спланирована на ноябрь 1945 г.

На обширном Азиатско-Тихоокеанском театре Второй мировой войны создавалась явно тупиковая ситуация, при которой союзники не находили, опираясь только на участвовавшие в вооруженной борьбе в то время силы, быстрого, не связанного с огромными потерями и эффективного решения, ведущего к окончанию военных действий.

Руководство СССР приняло в этих условиях тяжелое, но единственно верное решение: еще не залечив раны войны с нацистской Германией, вступить по многочисленным просьбам союзников спустя три месяца по ее завершению в войну против Японии и, говоря языком современного международного права, принудить агрессора к миру. А для этого нужно было разгромить более чем миллионную группировку японских войск в Китае и Корее, лишив дальневосточного агрессора опоры на континенте.

Вступление 9 августа 1945 г. СССР в войну против Японии явилось демонстрацией последовательности политики Советского Союза, направленной на разгром агрессоров на Западе и Востоке, свидетельством его верности обязательствам, данным союзникам по мировой коалиционной войне на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях лидеров Великих держав.

Все вышесказанное и ряд других обстоятельств позволяют констатировать, что советско-японская война, представляя собой (как и Отечественная) самостоятельную часть Второй мировой войны, явилась вместе с тем по ряду причин логическим продолжением Великой Отечественной войны советского народа за свои независимость, безопасность и суверенитет. Эта война вызревала в течение всей Великой Отечественной войны, на сложный ход которой существенное влияние оказывал японский военный фактор, в частности, необходимость даже в самые критические ее периоды держать на Дальнем Востоке свыше миллиона советских войск; политическая подготовка ко вступлению СССР в войну против Японии началась в разгар Великой Отечественной войны, а непосредственная подготовка советских Вооруженных сил к этому развернулась, когда Красная Армия еще только готовилась нанести решающий удар по фашистской Германии; лишь победа над Германией не давала полной гарантии безопасности Советского государства. Важной особенностью войны на Дальнем Востоке было то, что она не только планировалась и начала готовиться в период Великой Отечественной войны, но и велась многими из тех советских воинов, что пережили тяжелую четырехлетнюю войну против гитлеровской Германии и, не успев насладиться миром, вынуждены были вступить в военные действия против не менее сильного и коварного противника на другом конце Евразии. Это накладывало отпечаток на весь комплекс вопросов, которые должны были решать в связи с новой войной все, кто ее готовил, и все, кто участвовал в ней, от Верховного главнокомандующего до солдата и матроса.

В ходе войны против Японии получили свое развитие как богатые традиции, столетиями складывавшиеся на земле русской, так и те, что появились в советское время, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Более того, традиции этой Отечественной войны впервые были использованы и развиты советскими воинами именно в войне на Дальнем Востоке. Здесь наглядно подтвердилась и такая традиция, как верность союзническому долгу — той движущей силе, что помогла союзникам по антифашистской коалиции не только выдержать испытание Второй мировой войной, но и победить шесть с половиной десятилетий тому назад.

Возглавить военную кампанию на Дальнем Востоке советское руководство доверило выдающемуся советскому полководцу, Мар-

шалу Советского Союза А.М. Василевскому, блестяще справившемуся с поставленной задачей. Сыгравший исключительно важную роль в руководстве Вооруженными силами СССР в борьбе с нацистской агрессией, маршал сумел с минимальными потерями и в кратчайшие сроки осуществить грандиозную Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию, изгнав оккупантов из Северо-Восточного Китая и Северной Кореи, а также вернуть России Южный Сахалин и Курильские острова, что не только принудило Японию к скорому принятию условий капитуляции перед союзными державами, но и обеспечило тем самым минимизацию преступлений японской военщины. Следует подчеркнуть, что именно с действиями советских войск под водительством маршала А.М. Василевского, которому 30 сентября 2010 г. исполнилось бы 115 лет со дня рождения, связано закрепление самых западных и самых восточных границ нашего Отечества.

Современный опыт доказывает, что агрессора целесообразно принуждать к миру в самом начале агрессии, если ее не удастся предотвратить. Эффективность таких действий продемонстрирована на примере пресечения Вооруженными силами России грузинской агрессии против Южной Осетии. К сожалению, японский агрессор был принужден к миру лишь спустя 14 лет после развязывания японской военщиной первой агрессии, приведшей к созданию марионеточного режима в Маньчжурии в 1932 г. Вместо своевременного пресечения агрессивных замыслов японского руководства, к чему призывал СССР, западные демократии пошли на сговор с ним, проводя политику «умиротворения», названную в 1938 г. «мюнхенской», хотя зародилась она на Дальнем Востоке, и сами стали заложниками своей же политики, в основе которой лежал антисоветизм. История посмеялась над горе-мюнхенцами (точнее — горе-маньчжурцами): и на западе, и на востоке, спасая их, решающий вклад в пресечение германской и японской агрессий и принуждение их к миру внес Советский Союз.

Капитуляция нацистской Германии в мае 1945 г. ознаменовала окончание войны в Европе. Но на Дальнем Востоке и Тихом океане Япония продолжала борьбу против США, Великобритании, Китая и их союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Военные действия велись вблизи дальневосточных границ СССР, где советское руководство на протяжении 1941—1945 гг. было вынуждено

держат от 32 до 59 расчетных дивизий сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий и до 6 дивизий и 4 бригад войск ПВО [4].

Советский Союз не мог считать обеспеченной свою безопасность на Дальнем Востоке, пока там полыхал огонь войны и Япония продолжала проводить свою захватническую политику. В этой ситуации 5 апреля 1945 г. СССР заявил о денонсации Пакта о нейтралитете с Японией, то есть о намерении в случае продолжения японской агрессии прекратить его действие в одностороннем порядке со всеми вытекающими из этого последствиями. Однако японское правительство не посчиталось с этим серьезным предупреждением и до конца войны в Европе продолжало поддерживать Германию, а затем, отвергнув содержащееся в Потсдамской декларации требование о капитуляции, вынудило советское правительство присоединиться к авторам декларации, объявить 8 августа 1945 г. о вступлении на следующий день СССР в войну с Японией и с наступлением этого дня развернуть на дальневосточных рубежах Советского Союза крупномасштабные боевые действия.

Образец военного искусства

Политическая цель военной кампании Советского Союза на Дальнем Востоке сводилась к тому, чтобы как можно быстрее ликвидировать последний очаг Второй мировой войны, устранить постоянную угрозу нападения японских захватчиков на СССР, совместно с союзниками изгнать их из оккупированных Японией стран, содействовать восстановлению всеобщего мира. Вступление в войну против Японии полностью соответствовало союзническим обязательствам СССР, отвечало коренным интересам советских людей и угнетенных народов Азии. Скорейшее завершение войны избавляло человечество, в том числе японский народ, от дальнейших многомиллионных жертв и страданий, способствовало развитию национально-освободительного движения в странах Азии.

Главной военно-стратегической целью советских Вооруженных сил в войне с Японией являлся разгром Квантунской группировки войск, освобождение от японских захватчиков Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи. Решение этой задачи должно было оказать решающее влияние на ускорение капитуля-

ции Японии и обеспечить успех в разгроме японских войск на Южном Сахалине и Курильских островах.

Замыслом Маньчжурской стратегической наступательной операции предусматривалось нанесение двух мощных главных ударов по флангам Квантунской группировки войск с запада и востока и нескольких вспомогательных ударов по сходящимся в центре Маньчжурии направлениям, что обеспечивало глубокий охват основных сил японцев, рассеяние их и быстрый разгром по частям. Операции по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов, а также оккупации по согласованию с союзниками северной части японского острова Хоккайдо ставились в зависимость от выполнения этой главной задачи [5].

Для проведения Дальневосточной кампании советским командованием были привлечены три фронтовых объединения — Забайкальский (командующий — Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский), 1-й Дальневосточный (командующий — Маршал Советского Союза К.А. Мерецков) и 2-й Дальневосточный (командующий — генерал армии М.А. Пуркаев) фронты, Тихоокеанский флот (командующий — адмирал И.С. Юмашев), Краснознаменная Амурская военная флотилия (командующий — контр-адмирал Н.В. Антонов), три армии ПВО, а также части монгольской Народно-революционной армии (главнокомандующий — маршал Х. Чойбалсан). Советские и монгольские войска и силы флота насчитывали на Дальнем Востоке более 1,7 млн человек, около 30 тыс. орудий и минометов (без учета зенитной артиллерии), 5,25 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 5,2 тыс. самолетов, 93 боевых корабля основных классов. Общее руководство войсками осуществляло специально созданное Ставкой Верховного главнокомандования Главное командование советских войск на Дальнем Востоке (главнокомандующий — Маршал Советского Союза А.М. Василевский) [6].

Квантунская группировка японских войск в Маньчжурии (Кантогун), традиционно ошибочно называемая у нас Квантунской армией («гун» в японской военной терминологии может обозначать как армию, так и группировку войск и вооруженные силы в целом), за годы войны превратилась в самостоятельное крупное стратегическое объединение во главе с главнокомандующим. Войска и силы Квантунской группировки были сведены во фронтовые и армейские объединения, которые включали три фронта — 1, 3 и

17-й, отдельную 4-ю полевую армию, 2 воздушные армии — 2-ю и 5-ю, а также Сунгарийскую военную флотилию. Общая численность сосредоточенных у советских границ войск противника превышала 1 млн человек. На их вооружении находились 1215 танков, 6640 орудий, 1907 самолетов. Свыше 30 боевых кораблей и катеров насчитывала Сунгарийская речная флотилия. Кроме того, на территории Маньчжурии и Кореи находилось значительное количество японских жандармских, полицейских, железнодорожных и иных формирований, а также войска 250-тысячной марионеточной армии Маньчжоу-Го и кавалерийские соединения князя Внутренней Монголии Дэвана (Тонлопа). На границе с СССР и МНР у японцев имелось 17 укрепленных районов общей протяженностью свыше 800 км, в которых насчитывалось около 4,5 тыс. долговременных огневых сооружений [7]. Японское командование, свидетельствуют военные историки Японии, рассчитывало, что «против превосходящих по силе и подготовке советских войск» войска Японии в Маньчжурии продержатся в течение года. На первом этапе (около трех месяцев) оно планировало оказать упорное сопротивление советско-монгольским войскам в приграничных укрепленных районах, а затем на горных хребтах, преграждающих пути с территории МНР, Забайкалья, Приамурья и Приморья в центральные районы Маньчжурии. В случае прорыва этого рубежа предусматривался отход японских войск на линию железной дороги Тумынь — Чанчунь-Далянь (Дальний), где предполагалось сначала организовать оборону, а затем перейти в наступление.

В критический момент на помощь Квантунской группировке предусматривалось перебросить войска японских Суйюаньской армейской группы и Северо-Китайского фронта экспедиционных сил в Китае.

В зону предстоявших действий советских войск входили, кроме Маньчжурии, южный Сахалин и Курильские острова, где к 1945 г. дислоцировалась часть соединений 5-го фронта, штаб которого находился на о. Хоккайдо (3 пехотные дивизии, отдельная смешанная бригада, отдельный пехотный и отдельный танковый полки), а также при определенных условиях и сам о. Хоккайдо [8].

Дальневосточный театр военных действий (ДВ ТВД) охватывал территорию Маньчжурии, Внутренней Монголии, Северной Кореи и прилегающую акваторию морей бассейна Тихого океана. По своей

площади, протяженности границы и физико-географическим условиям он резко отличался от Европейского театра. Площадь сухопутной части ДВ ТВД составляла 1,5 млн кв. км, где проживали 70 млн человек. Эта огромная территория превосходила размеры территорий Германии, Италии, Франции и Англии, вместе взятых. Она простиралась с севера на юг на 1500 км и с запада на восток на 1200 км. Общая же протяженность линии границы, вдоль которой советским войскам предстояло развертывать военные действия, составляла более 5 тыс. км.

Сухопутная часть ТВД по своим физико-географическим условиям была весьма сложной и представляла собой сочетание горно-таежной, болотистой и пустынной местности при наличии развитой гидрографической сети к востоку от хребта Большого Хингана. На такой местности оперативные объединения и даже соединения могли вести наступательные действия лишь на отдельных направлениях, порой отдаленных друг от друга на сотни километров.

Обширной была и морская часть театра, на которой действовал советский Тихоокеанский флот. Она включала бассейны Охотского, Японского и Желтого морей и акваторию северо-западной части Тихого океана. Ее протяженность в меридиональном направлении составляла около 4 тыс. миль (7,5 тыс. км) [9].

Театр военных действий против советских войск был заблаговременно подготовлен с точки зрения создания системы оборонительных сооружений, пунктов базирования аэродромов, сети коммуникаций. Чтобы прорвать такие оборонительные рубежи и успешно развивать наступление, нужны были мощные силы и современная система тылового обеспечения.

Средства материально-технического обеспечения стали перебрасываться на Дальний Восток с февраля, однако основной поток войск и грузов начал поступать сюда с мая 1945 г. В короткий срок, в течение трех месяцев, по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали на Дальний Восток с европейской части территории СССР на расстояние 9—12 тыс. км были переброшены 2 фронтовых и 4 армейских управления, 15 управлений стрелковых, артиллерийского, танкового и механизированного корпусов, 36 управлений стрелковых, артиллерийских и зенитно-артиллерийских дивизий, а также 53 бригады основных родов сухопутных войск, 2 укрепленных района, что составило в общей сложности 30 расчетных дивизий.

Общее число расчетных дивизий составило к началу военных действий 87,5. Кроме того, прибыли управления 6-го бомбардировочно-го авиационного корпуса и пяти авиационных дивизий, поступили три корпуса ПВО территории страны.

Только с мая по 8 августа 1945 г. в составе сухопутных войск с запада на Дальний Восток были переброшены свыше 403 тыс. военнослужащих, около 275 тыс. единиц стрелкового оружия, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и самоходных артиллерийских установок, 17 374 грузовые автомашины, около 1,5 тыс. тракторов и тягачей, свыше 36 тыс. лошадей. По пространственному размаху, срокам осуществления и по количеству переброшенных войск, вооружения, боевой техники и материальных средств это была крупнейшая в истории войн стратегическая перегруппировка.

На Дальний Восток были направлены опытные полководцы и военачальники: А.М. Василевский, Р.Я. Малиновский, К.А. Мерцков, М.В. Захаров, С.П. Иванов, А.Н. Крутиков, А.П. Белобородов, Н.Д. Захватаев, Н.И. Крылов, А.А. Лучинский, И.И. Людников, И.М. Манагаров, И.М. Чистяков и другие. В соответствии с задачами, которые намечалось выполнить на каждом конкретном направлении, создавались ударные группировки с учетом прибывавших с запада фронтовиков. Прибывали соединения и объединения, не просто имевшие огромный боевой опыт, но именно те, которые могли успешно решать задачи в специфических условиях Дальневосточного ТВД. Так, соединения и части 5-й и 39-й армий, участвовавшие в прорыве укрепленных оборонительных полос в Восточной Пруссии, предназначались для прорыва сплошной полосы железобетонных укреплений, рассчитанных на длительное автономное выживание, в приграничной зоне 1-го Дальневосточного фронта, а соединения 6-й гвардейской танковой и 53-й общевойсковой армий, имевшие опыт действий в горно-степной местности, были включены в состав Забайкальского фронта для наступления в горных районах и на широких пустынных пространствах Маньчжурии, преодолеть считавшийся японцами «неприступным» горный массив Большого Хингана [10].

Вся деятельность по подготовке к военным действиям против Японии велась с таким расчетом, чтобы не позволить противнику раскрыть группировку советских войск и сил, содержание проводимых мероприятий, а также планы советского командования на

ведение операций и войны в целом. В результате большой предварительной работы за неделю до начала боевых действий войска Дальнего Востока были практически полностью готовы приступить к разгрому Квантунской группировки войск.

7 августа поступила директива Ставки ВГК войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, которая предписывала начать 9 августа боевые действия для выполнения задач, поставленных им еще 28 июня 1945 г.

С первых часов 9 августа ударные группировки советских фронтов атаковали японские войска с суши, воздуха и моря. Боевые действия развернулись на фронтах общей протяженностью более 5 тыс. км. Тихоокеанский флот вышел в открытое море, перерезал морские коммуникации, использовавшиеся войсками Квантунской группировки для связи с Японией, и силами авиации и торпедных катеров нанес мощные удары по японским военно-морским базам в Северной Корее. При содействии Краснознаменной Амурской флотилии и военно-воздушных сил советские войска успешно форсировали на широком фронте реки Амур и Уссури и, сломив в упорных боях ожесточенное сопротивление японцев в приграничных укрепленных районах, начали развивать успешное наступление в глубь Маньчжурии.

Особенно стремительно наступали бронетанковые и мотомеханизированные соединения Забайкальского фронта, в составе которого находились дивизии, прошедшие войну с фашистской Германией, и кавалерийские соединения монгольской Народно-революционной армии.

В результате сокрушительных ударов, наносимых советскими Вооруженными силами, мощные японские укрепленные линии, созданные по Амуру, Уссури и Большому Хинганскому хребту, были повсюду прорваны, а там, где японцы продолжали упорно сопротивляться, они были блокированы и обойдены. Стремительные действия всех родов советских наземных войск, авиации и кораблей Военно-морского флота сорвали японские планы применения бактериологического оружия [11].

Уже в 1.00 9 августа поднятый по тревоге штаб Квантунской группировки получил из штаба 5-й армии, а вскоре и из других объединений донесения, из которых «стало ясно, что Советский Союз начал всеобщее наступление». «Внутри штаба, — отмеча-

ют японские военные историки, — царило возбуждение, подобное трепетанию огня в тигле». Начальник штаба генерал-лейтенант Г. Хата в отсутствие находившегося в Дайрене главнокомандующего, полного генерала О. Ямада взял управление войсками на себя и тут же ввел в действие разработанный заранее на основе плана императорской ставки приказ на ведение операций по отражению противника и до 6.00 направил указания для каждого операционного направления действовать в соответствии с имевшимися оперативными планами, предполагавшими «срыв наступления противника и нанесение ему разом мощного удара... используя для этого всю огневую мощь». Вместе с тем он ввел в действие «План обороны военного времени» и «Закон об обороне Маньчжоу-Го» [12]. Таким образом, войска Квантунской группировки смогли достаточно организованно встретить начало советского наступления. Однако по командным пунктам, штабам и узлам связи японских войск был нанесен мощный удар советской авиации. В результате этого удара, в котором участвовали сотни бомбардировщиков и штурмовиков, связь между штабами и формированиями противника в Маньчжурии вскоре была нарушена, и командование Квантунской группировки потеряло управление своими объединениями и соединениями, что облегчило советским войскам решение поставленных перед ними задач [13].

Наступление советских войск развивалось успешно. Уже на четвертый день Маньчжурской стратегической наступательной операции соединения 6-й гвардейской танковой армии генерал-полковника А.Г. Кравченко преодолели «неприступный» Большой Хинган и вырвались на Маньчжурскую равнину, вклинившись глубоко в тыл Квантунской группировки войск и упредив выход ее основных сил к этому горному хребту, а к исходу 12 августа устремились к ключевым центрам Маньчжурии — Чанчуню и Мукдену (Шэньяну).

К исходу шестых суток наступления советские и монгольские войска разгромили фанатично сопротивлявшегося противника в 16 укрепленных районах и продвинулись 1-м Дальневосточным фронтом на 120—150 км, Забайкальским фронтом на 250—450 км и 2-м Дальневосточным фронтом на 50—200 км [14].

Командование войск продемонстрировало высокое военное искусство, а воины — массовый героизм и самоотверженность, о чем

свидетельствовали боевые донесения. Вот что говорилось в одном из них о действиях войск 53-й армии: «Точно в установленный срок части и соединения армии подошли к Большому Хингану и тут же по горным верблужьим тропам, по совершенно не известной местности, где никогда не проходили войска, начали форсировать его, не имея при этом ни точных географических карт этого района, ни проводников. Путь пришлось прокладывать через горы и заболоченные узкие долины. Потребовались огромные усилия, люди по несколько суток работали без сна и отдыха на устройстве дорог, проходов, взрывали скалы, засыпали овраги, на себе тащили через горы, по болотам и пескам машины, пушки, повозки, на руках переносили боеприпасы» [15].

«Если бы мне раньше сказал кто-либо, — сообщал командир 1136-го стрелкового полка 338-й стрелковой дивизии 39-й армии полковник Г.Г. Савокин, — что мой полк пройдет по горячим пескам, по горам и ущельям со скоростью марша до 65 км в сутки, с ограниченным запасом воды и с такой нагрузкой, я бы ни за что не поверил. Великий Суворов был мастером больших переходов, но он водил натренированных солдат, служивших 20—25 лет, а у меня в полку была молодежь 1927 г. рождения. Так идти, как мы идем, могут только люди, обладающие высоким моральным духом» [16].

Большую помощь советским войскам на приморском (северокорейском), сунгарийском и сахалинском операционных направлениях оказывали моряки Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской военной флотилии.

На сунарийском и сахалинском направлениях действовали основные силы Краснознаменной Амурской флотилии в составе трех бригад речных кораблей. Флотилия поддерживала наступление 15-й и 2-й Краснознаменной армий 2-го Дальневосточного фронта. Она обеспечивала переправу войск через водные рубежи, оказывала артиллерийскую поддержку сухопутным войскам и высаживала тактические десанты. Командующий войсками фронта генерал армии М.А. Пуркаев дал высокую оценку действиям речников.

Достоинство осуществили Вооруженные силы СССР свою освободительную миссию и в отношении корейского народа. На приморском направлении вели наступление войска 1-го Дальневосточного фронта. С моря их поддерживал Тихоокеанский флот. В ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции советские вой-

ска нанесли по японским гарнизонам в Корее ряд сокрушительных ударов, успешно высадили морские десанты в корейские порты Юки, Расин и военно-морские базы Сейсин и Гёнзан, а также воздушные десанты в Канко (Хамхын) и Хэйдзио (Пхеньян), лишив противника возможности усилить свои войска морем или эвакуировать их в метрополию. Поражение японских войск в Северной Корее было столь сокрушительным, вызванное им потрясение в стане колонизаторов столь сильным, что справедливо говорить о развале под ударами Красной Армии в августе 1945 г. военно-политической машины японского империализма в Корее и всей действовавшей почти полвека системы колониального угнетения в этой стране. Высадка американских войск в Корее южной 38-й параллели началась только 9 сентября, уже после капитуляции Японии.

Наступление войск Красной Армии в Маньчжурии и Корее развивалось настолько мощно и стремительно, что противник оказался не в силах сдержать их натиск. В течение десяти дней общевойсковые объединения Красной Армии при активной поддержке военно-воздушных и военно-морских сил смогли расчленить стратегическую группировку японских войск в Маньчжурии и Северной Корее на части и обеспечить их окружение.

После того как японские войска, получив молниеносный сокрушительный удар, понесли невосполнимый урон в первые же дни наступления советских войск, японский император Хирохито подписал 14 августа рескрипт о капитуляции, о чем на следующий день им было объявлено по японскому радио. Однако и после этого японцы продолжали оказывать упорное, порой ожесточенное сопротивление советским войскам. В тылу наступающих войск до конца августа активно действовали диверсионные отряды [17]. Заявления о готовности к капитуляции не подкреплялись реальными шагами. 17 августа 1945 г. главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А.М. Василевский направил, поэтому главнокомандующему Квантунской группировкой войск генералу О. Ямада радиogramму, в которой говорилось: «Японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю... с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен» [18]. Ультиматум советского главнокомандующего был подкреплен решительными действиями

войск. Чтобы ускорить процесс капитуляции и немедленно взять под контроль наиболее важные объекты на территории противника, 18—27 августа были высажены воздушные десанты в Харбине, Шэньяне, Чанчуне, Гирине, Люйшуне, Дальяне, Пхеньяне, Хамхыне и ряде других ключевых городов Китая и Кореи [19]. С этой целью действовали и армейские подвижные передовые отряды, также успешно выполнившие свои задачи.

Быстрый разгром японских войск в Маньчжурии и Корее не оставлял Токио никаких надежд. 19 августа 1945 г. японское командование на континенте отдало своим войскам приказ о безоговорочной капитуляции.

Таким образом, к 20 августа советские войска продвинулись в глубь Маньчжурии, вышли на Маньчжурскую равнину, расчленили японские войска на ряд изолированных группировок и завершили их окружение.

Стремительное наступление советских и монгольских войск поставило Японию в безвыходное положение, расчеты ее командования на упорную оборону и последующее контрнаступление с решительными целями были сорваны. Миллионная Квантунская группировка войск была разгромлена. С 19 августа войска противника почти повсеместно стали сдаваться в плен [20].

Крупный успех советских войск в Маньчжурии, достигнутый в первые же дни войны, позволил советскому командованию 11 августа начать наступление на Южном Сахалине. Проведение операции было возложено на войска 56-го стрелкового корпуса 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта и Северную Тихоокеанскую флотилию. Южный Сахалин обороняла входившая в состав 5-го фронта со штабом на о. Хоккайдо усиленная 88-я японская пехотная дивизия, опиравшаяся на Котонский укрепленный район, протяженностью 12 км по фронту и до 30 км в глубину. Боевые действия на Сахалине начались прорывом мощного укрепленного района. Советским войскам пришлось действовать в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Наступление велось вдоль единственной грунтовой дороги, связывавшей Северный Сахалин с Южным и проходившей между труднодоступными отрогами гор и заболоченной долиной реки Поронай.

16 августа в тылу противника в порт Торо (Шахтерск) был высажен морской десант. Десантники перекрыли дороги, ведущие

к укрепленному району вдоль западного побережья Сахалина. Встречными ударами советских войск с фронта и тыла 18 августа оборона противника была прорвана. Советские войска развернули стремительное наступление к южному побережью острова. 20 августа был высажен морской десант в порт Маока (Холмск), а утром 25 августа — в порт Отомари (Корсаков). В тот же день советские войска вступили в административный центр Южного Сахалина, город Тойохара (Южно-Сахалинск), где располагался штаб 88-й пехотной дивизии. Организованное сопротивление насчитывавшего около 30 тыс. солдат и офицеров гарнизона японцев на Южном Сахалине прекратилось [21].

Успешный ход военных действий в Маньчжурии, Корее и на Южном Сахалине позволил советским войскам 18 августа приступить к проведению операции по освобождению Курильских островов и одновременно готовить крупную десантную операцию на Хоккайдо, необходимость в которой вскоре отпала. Для осуществления Курильской десантной операции привлекались войска Камчатского оборонительного района и корабли Тихоокеанского флота.

На Курильских островах 5-й японский фронт имел свыше 50 тыс. солдат и офицеров. Из всех островов Курильской гряды самым укрепленным в противодесантном отношении был остров Шумшу — ближайший к Камчатке. Замыслом советского командования предполагалось внезапно высадить морской десант в северо-восточной части острова Шумшу, овладение которым нарушало всю систему обороны северных островов Курильской гряды, и, используя его в качестве плацдарма, в последующем наступать на Парамушир, Онекотан и другие острова Северных Курил.

18 августа началась высадка войск на остров Шумшу, бои за который приняли ожесточенный характер, приведший к значительным потерям с обеих сторон. Преодолевая упорное сопротивление противника, советские войска 23 августа завершили освобождение острова. К началу сентября войска Камчатского оборонительного района и Петропавловской военно-морской базы заняли всю северную гряду островов, включая остров Уруп, а силы Северной Тихоокеанской флотилии — остальные острова к югу от Урупа [22].

Сокрушительный удар по Квантунской группировке войск на Дальнем Востоке явился одним из определяющих факторов разгрома Японии. Он привел к самому крупному во Второй мировой

войне поражению японских вооруженных сил и к наиболее тяжелым для них потерям. Последние превысили 720 тыс. солдат и офицеров, в том числе 84 тыс. убитыми и ранеными, более 640 тыс. пленными (среди них 609,5 тыс. — японской национальности) [23]. Лишившись крупнейшей военно-промышленной базы на Азиатском субматерике и наиболее сильной группировки сухопутных войск, Япония оказалась не в состоянии продолжать вооруженную борьбу и была принуждена к миру, что намного сократило сроки окончания Второй мировой войны. Разгром советскими Вооруженными силами японских войск в Маньчжурии и Корее, а также на Южном Сахалине и Курильских островах лишил Японию всех плацдармов и баз, которые она в течение многих лет создавала, готовясь к агрессии против СССР, совершая вооруженные провокации и препятствуя поставкам по ленд-лизу в советское Приморье. Безопасность Советского Союза на Дальнем Востоке была обеспечена.

Победа далась нелегко: Вооруженные силы СССР потеряли в войне с Японией убитыми, ранеными и пропавшими без вести 36 456 человек, в том числе 24 425 выжившими ранеными и заболевшими в ходе Дальневосточной кампании [24]. В числе общих потерь — 1298 военнослужащих Тихоокеанского флота, из них 903 человека — убитыми или смертельно ранеными [25].

Вместе с тем людские потери советских войск и сил флота были в 18,6 раз ниже, чем аналогичные потери японских вооруженных сил, и составили менее 0,1 процента от численности всего личного состава советских Вооруженных сил, принявшего участие в кампании [26], что говорит о высоком уровне боевого мастерства воинов армии и флота и превосходящем военном искусстве советских командиров и штабов.

Западная историография войны против Японии: «битвы» периода и после холодной войны

2 сентября 1945 г., спустя 14 лет после вторжения алчущей мирового господства Японии в Маньчжурию, на борту линкора США «Миссури» от имени императора, японского правительства и императорской ставки министром иностранных дел М. Сигэмицу и начальником Генерального штаба японской армии Ё. Умэдзу был подписан Акт о капитуляции Японии во Второй мировой войне.

Япония зафиксировала тем самым обязательство, что «японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации» [27] лидеров США, Великобритании и Китая от 26 июля 1945 г., которую японское руководство отвергло с порога и к которой по этой причине по многочисленным просьбам союзников в связи с неспособностью их в короткие сроки завершить разгром дальневосточного агрессора 8 августа присоединился Советский Союз. Тем самым закончилась Вторая мировая война, заключительным событием которой, принудившим Японию к скорой капитуляции, стала Дальневосточная кампания СССР в войне против Японии, блестяще проведенная под руководством Маршала Советского Союза А.М. Василевского в условиях, когда на остальных театрах военных действий царило затишье, о чем не любят вспоминать наши бывшие союзники.

Вполне объяснимо, что военная историография различных стран имеет свои особенности, специфику в отборе событий и их освещении, собственные критерии для анализа и оценок. К сожалению, на деятельность исследователей событий Второй мировой войны глубокий отпечаток наложили десятилетия холодной войны, той войны без выстрелов, в которой трудно постижимым образом поменялись местами бывшие союзники и противники и геополитические последствия которой стали не менее масштабными, чем результаты закончившейся 65 лет назад мировой кровавой бойни. Агрессия против исторической правды о Второй мировой войне стала одним из фронтов нового глобального противоборства, а история противостояния японской агрессии — одним из участков этого фронта.

Не вдаваясь в детали анализа причин и истоков Второй мировой войны (это тема другого и по иному поводу исследования [28]), отметим лишь, что и в зарубежной, и в значительной степени в отечественной историографии, к сожалению, до сих пор существует ряд стереотипов, оставшихся от периода холодной войны. Наиболее распространены два основных подхода. Один, в чем-то оправданный, но далеко не создающий целостной картины, евроцентристский подход, который заключается в том, что главным виновником развязывания Второй мировой войны является гитлеровская Германия. Другой (он присущ западной историографии) — идеологический подход: наличие, с одной стороны, утверждений о коммунистической угрозе и «вынужденности» координации дей-

ствий Запада и агрессоров по ее нейтрализации («мюнхенская», хотя и начатая на Дальнем Востоке, политика умиротворения), а с другой — о совиновности СССР в развертывании мировой войны, что обосновывается фактом вынужденного под воздействием этой политики подписания 23 августа 1939 г. советско-германского Договора о ненападении и сопутствующих ему документов, присоединением к Советскому Союзу во второй половине сентября того же года восточных воеводств Польши, а затем и некоторых других (также принадлежавших ранее России) территорий и принятыми им мерами по укреплению своих границ на западе.

Как представляется, одной из причин существования названных подходов является недооценка сложности воздействия на военно-политическую обстановку и кануна, и самого хода мировой войны всей совокупности факторов, в т.ч. японского фактора. Нередко забывается, что первые очаги Второй мировой войны были разожжены еще до прихода Гитлера к власти именно японской военщиной, а один из них — в районе монгольской реки Халхин-Гол (11 мая — 16 сентября 1939 г.) — был затушен уже после общепринятого дня начала мировой войны, что существенным образом сказывалось на выработке советской (да и ряда других стран) военной политики как в предвоенные, так и в последующие годы.

Что касается историографии США, то следует отметить, что американские историки зачастую вообще ограничивают себя рамками начавшейся 7 декабря 1941 г. главной для Соединенных Штатов Тихоокеанской войны, абстрагируясь от событий более чем десятилетнего предшествующего периода японской агрессии в Восточной Азии, одним из объектов которой был СССР, без чего, на наш взгляд, невозможно дать объективную оценку ни причинно-следственным связям, ни ходу и исходу как самой войны на Тихом океане, так и мировой войны в целом.

О вкладе стран и народов в обеспечение победы над Японией и причинах вступления СССР в войну на Дальнем Востоке

Роль Советского Союза в ослаблении натиска японской агрессии и принуждении Японии к капитуляции западными историографами или искажается, или принижается, или вовсе не замечается. Амери-

канские, английские историки, а вместе с ними и гоминьдановские на Тайване нередко идут при этом на прямую фальсификацию. Известно, что участие Советского Союза в войне против Японии было обусловлено неоднократными просьбами руководителей союзных государств, особенно на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Они мотивировали это недостатком собственных сил и средств, трудностями войны с Японией, особенно на континенте и в собственно Японской метрополии, что, как отмечалось выше, вело к затягиванию сроков окончания Второй мировой войны и ставило под угрозу многие миллионы человеческих жизней.

Однако вот уже более шестидесяти лет в ряде работ вслед за президентом США Г. Трумэнэном, заявившим в 1947 г. перед американскими историками, что «Россия не внесла никакого военного вклада в победу над Японией» [29], повторяется мысль о ненужности советского участия в разгроме Японии или его незначительности. Так, тот же генерал Д. Макартур, «позабыв» о своих прогнозах 1945 г. и рекомендации не высаживать американские войска на Японских островах до начала военных действий Советским Союзом, в 1960-х гг. писал: «Хотя в 1941 г. я настаивал на участии России в войне, чтобы отвлечь японские силы от южной части Тихого океана и Юго-Восточной Азии, к 1945 г. ее участие стало ненужным» [30]. Э. Экшен в вышедшей в 1986 г. в Лондоне и Нью-Йорке книге «Россия: настоящее и прошлое» пишет: «После капитуляции Германии Советский Союз присоединился к коалиции против Японии, — шаг, представляющийся излишним в военных условиях, создавшихся после уничтожения Хиросимы и Нагасаки» [31]. 8 августа 1945 г. СССР объявил войну Японии, и сделал он это вслед за атомной бомбардировкой Хиросимы с тем, чтобы обеспечить себе участие в войне до того, как Япония капитулирует или будет разгромлена, утверждают авторы американской военной энциклопедии [32].

Грубо фальсифицируются и мотивы вступления СССР в войну против Японии. Автор статьи под названием «Проблемы Токийского трибунала» в японском журнале «Japan Echo» М. Такэяма обрушивается с яростной критикой и обвинениями в адрес СССР и утверждает в заключительной части статьи, что его участие в войне с Японией явилось «мстостью за японскую войну 1904—1905 гг. и сибирскую экспедицию 1918—1922 гг. (вооруженная интервенция Японии на Дальнем Востоке и в Сибири. — *Примеч. ред.*)» [33].

Американский обозреватель М. Лернер, выступая в японской газете «The Japan Times», заявил, затрагивая вопрос о Ялтинском соглашении руководителей Великих союзных держав, что «в конце концов Сталин настоял на “кровавой сделке” в Ялте в 1945 г., потребовав для себя территории в Азии в обмен на решение об объявлении войны Японии, а угасающий Рузвельт оказал этим требованиям слабое сопротивление» [34].

В арсенале фальсификаций отмечаются также утверждения, будто бы вступление Советского Союза в войну против Японии не вызывалось политикой, которую вело японское правительство в ходе войны, особенно в последний период (так, упоминавшийся М. Такэяма в чисто декларативной форме навязывает читателям мысль о том, что Япония никогда не нападала на Советский Союз, а после заключения Пакта о нейтралитете тем более придерживалась взятых на себя обязательств [35]), миф о том, что Советский Союз вступил в войну с Японией тогда, когда та была уже разгромлена союзными силами при решающей роли США. И, наконец, нередко муссируется тезис о понимании японцами неотвратимости и неотразимости военных операций вооруженных сил США на Японских островах, что якобы и обеспечило принятие условий капитуляции до их вторжения.

В отечественной историографии признаются крупный, решающий вклад США в общую победу над Японией, успехи американских военно-морских и военно-воздушных сил в разгроме японского флота и авиации в акватории Тихого океана [36]. Но невозможно признать истиной существующую в Америке версию, что вооруженная борьба на Азиатско-Тихоокеанском театре войны из-за его специфики и отдаленности от Европейско-Атлантического театра носила совершенно независимый характер, являлась самостоятельной войной и что результаты борьбы достигались лишь усилиями американской стороны. Именно этот лейтмотив лежит, например, в основе рассуждений в крупной работе о войне на Тихом океане современного официального историка США Р. Спектора [37]. При подаче материалов о Д. Макартуре, Ч. Нимице и других военачальниках их величают в США не иначе как победителями Японии и чаще всего умалчивают о коалиционном характере войны и действиях других союзников, особенно об усилиях Советского Союза [38]. Ни слова не сказано о вкладе

СССР в разгром Японии в крупном труде современного американского исследователя П. Далла [39]. Констатацией факта вступления СССР в войну против Японии в августе 1945 г. (без оценки его значения) ограничился Р. Спектор [40].

Всячески преувеличивая и, по сути дела, абсолютизируя роль Соединенных Штатов, американская историография тем самым проводит линию на умышленное принижение вклада СССР и его Вооруженных сил в победу над милитаристской Японией. Это особенно наглядно прослеживается в официальных изданиях, например, в статьях в американской энциклопедии «Энциклопедия американца» и в английской энциклопедии «Британика». Американский труд, рассматривая вопрос о причинах разгрома Японии, о вкладе Вооруженных сил СССР, как и вышеупомянутые П. Далл и Р. Спектор, вообще не упоминает, а английский отводит всего несколько слов, тогда как Соединенные Штаты в том и другом изданиях изображаются в виде некоего мифического гиганта, который одной рукой вел континентальную войну в Европе, а другой — морскую войну на Тихом океане.

Возникает вопрос: могли ли США самостоятельно столь широко «размахнуть руками»? Неумолимые факты говорят о том, что реально они начали влиять на ход вооруженной борьбы даже на Тихоокеанском ТВД лишь после того, как во Второй мировой войне произошел коренной перелом. Исследования отечественных и ряда зарубежных ученых убедительно свидетельствуют о том, что до конца 1943 г. военное командование США на ТТВД ограничивалось проведением локальных оперативно-тактических действий на периферии захваченной японцами территории (стратегия «step by step» («шаг за шагом»). Основное же время, полученное в результате наступившей передышки в боевых действиях после горьких неудач начального периода войны, руководство США использовало для создания сухопутных войск, наращивания мощи своих военно-воздушных сил и для восстановления понесшего тяжелые потери флота.

Кто же предоставил Соединенным Штатам эту жизненно важную передышку для накопления сил и перехода к наступательным операциям на Тихоокеанском ТВД? Это сделали СССР, его Вооруженные силы, которые, по признанию Ф. Рузвельта, в то время «удерживали свой фронт» [41], а точнее — вели невиданную по

ожесточенности и кровопролитию борьбу с 6-миллионной армией противника на советско-германском фронте. Достоин сожаления, что ныне многие американские историки предпочитают умалчивать об этих фактах.

Основная слабость версии «отдельной», «американской» войны против Японии состоит в том, что в ней игнорируется главная, кардинальная особенность Второй мировой войны — ее коалиционный характер, а следовательно, и взаимообусловленность результатов вооруженной борьбы на различных театрах. Поэтому рассматривать события на фронтах АТТВ в отрыве от хода и результатов вооруженной борьбы на главном, советско-германском фронте — значит допускать принципиальную ошибку.

Значение борьбы Вооруженных сил СССР состояло, однако, не только в том, что они «удерживали свой фронт» против фашистской Германии и ее европейских сателлитов, не давая им возможности оказать помощь своему азиатскому союзнику, но и в том, что советско-германский фронт имел определяющее значение для всей Второй мировой войны. Поэтому и результаты борьбы на этом фронте давали о себе знать на фронтах других театров этой войны. Это особенно наглядно проявилось в том существенном влиянии, которое оказали сталинградская катастрофа немецко-фашистских войск и их разгром в битвах за Кавказ и под Курском на обстановку на таком отдаленном и, казалось бы, «независимом» театре войны, как Азиатско-Тихоокеанский, а именно — на трудно объяснимое без учета фактора советско-германского фронта решение японского руководства о переходе к стратегической обороне.

И в этой ситуации ряд американских, английских и некоторых других историков пытаются объяснить причины изменения характера вооруженной борьбы на Тихом океане некоторыми событиями локального характера, имевшими место до победы советских войск под Сталинградом, в частности, результатами боевых действий американских сил флота и авиации у атолла Мидуэй (4—5 июня 1942 г.), а также происходившими в период Сталинградской битвы затяжными и крайне неэффективными действиями крупного американского десанта на острове Гуадалканал (август 1942 г. — февраль 1943 г.). Так, П. Далл неоднократно называет операцию у атолла Мидуэй «решающей битвой», а Г. Моль величает ее «фантастической», давшей неоспоримое преимущество

американскому флоту [42]. Современный польский исследователь М. Борковский, идя вслед за ними и превосходя их в оценках, утверждает, что «воздушно-морская битва (?) за Мидуэй... была одной из самых больших битв в истории войн (!!)» и что «сражение близ Мидуэй... стало поворотным пунктом в борьбе за Тихий океан» [43]. Оценивая сражение за Гуадалканал, П. Далл пишет, что «после эвакуации японских войск с Гуадалканала. война для нее (Японии. — *Примеч. ред.*) была окончательно проиграна» [44]. И это про то время, когда до завершения разгрома Японии даже с учетом решительных военных действий Советского Союза оставалось более 2,5 года! Несоизмеримость указанных и других событий войны на Тихом океане с результатами и последствиями Сталинградской битвы и любой другой стратегической наступательной операции Вооруженных сил СССР на советско-германском фронте делает подобные утверждения неубедительными. За время Сталинградской битвы, например, потери противника убитыми и ранеными, пленными и пропавшими без вести составили около 1,5 млн солдат и офицеров, что составило четвертую часть сил, действовавших на советско-германском фронте [45]. Потери же Японии за все 14 лет ее агрессии составили лишь около 2 млн человек [46].

Необоснованность утверждений о «решающем значении» победы американцев у атолла Мидуэй становится очевидной при анализе соотношения сил сторон по количественному и качественному составу флота, который в условиях вооруженной борьбы на ТТВД играл особую роль. А как свидетельствуют факты, это соотношение после боев у атолла в пользу США не изменилось. Не изменился и характер боевых действий войск союзников — они по-прежнему вели оборонительные бои. Американский адмирал Ф. Шерман в первые послевоенные годы назвал то время в действиях ВМС США «периодом застоя». «В период... — писал Шерман, — который начался после сражения за остров Мидуэй, основной целью нашей стратегии была защита коммуникаций. Наша слабость в авианосцах препятствовала наступлению в более или менее значительном масштабе» [47]. Не внесла «коренного перелома» в обстановку на театре войны и высадка американцев на остров Гуадалканал. Президент Ф. Рузвельт в своем докладе конгрессу 7 января 1943 г. подчеркивал, что успехи у островов Мидуэй и Гуадалканал были, «по существу, оборонительными» и

«являлись частью стратегии сдерживания, которая характеризовала эту фазу войны» [48].

Чем же объяснить решение японской императорской ставки об отказе на некоторых участках АТТВ от наступательной стратегии и переходе к обороне, принятое в трудный для американцев момент (31 декабря 1942 г., когда американская операция на Гуадалканале захлебнулась)? Ведь, как свидетельствуют факты, у Японии на ТТВД вполне хватало сил для продолжения наступления. Объяснить это можно только одним: японское военно-политическое руководство отчетливо сознавало, что, если Германия ослабнет (а именно это и происходило в результате контрнаступления советских войск под Сталинградом), Япония в самый короткий срок окажется одна перед всемирной коалицией. Поэтому не случайно в конце 1942 г. — начале 1943 г. в Токио активизировалась деятельность политических группировок, выступавших за выход страны из войны, и 1 марта 1943 г., вскоре после Сталинградской битвы, в Берлин была направлена специальная комиссия во главе с генералом К. Окамото для изучения способности Германии к сопротивлению. После Сталинграда и целиком и полностью зависевшей от ситуации в этом регионе битвы за Кавказ был окончательно сорван стратегический план Германии и Японии, предполагавший раздел Евразийского континента на две колоссальные зоны влияния по меридиану 70°, итогом первого этапа которого должна была стать триумфальная встреча немецких и японских войск в Индии [49].

СССР оказывал мощное влияние не только на характер вооруженной борьбы на АТТВ, но и на ее размах. В этой связи следует напомнить, что японские империалистические круги никогда не оставляли планов расширения своей империи за счет советской территории. Поэтому у восточных границ СССР в ожидании благоприятного момента для нападения находилась в постоянной боевой готовности, совершая сотни провокаций, примерно миллионная группировка японских сухопутных войск. Это вынуждало советское правительство на протяжении всей войны держать на Дальнем Востоке такие же крупные силы (30—50 дивизий только сухопутных войск), способные отразить возможные удары японцев с маньчжурско-корейского плацдарма, с Сахалина и Курил. Это обстоятельство объективно порождало и обратную зависимость, непосредственно влиявшую на характер и масштабы войны в

Азиатско-Тихоокеанском регионе: отлаженная машина — Квантунская группировка японских войск, которая могла бы значительно расширить и без того большой размах и эффективность вооруженной борьбы Японии против США, Китая, Великобритании, до наступления «благоприятного момента» оказывалась в бездействии. И бездействовала она не по своей воле: даже во второй половине 1942 г., то есть в самый критический момент для западных союзников на АТТВ, а для СССР — на советско-германском фронте, Советский Союз держал на Дальнем Востоке против японской группировки почти столько же войск и боевой техники, сколько имели на театре Соединенные Штаты и Англия, вместе взятые [50].

Присутствие такой крупной группировки советских Вооруженных сил на Дальнем Востоке объективно оказывало неоценимую помощь союзникам СССР по антифашистской коалиции на протяжении всей войны на Азиатско-Тихоокеанском театре. Западная историография при рассуждениях о единоличном вкладе США в победу над Японией обычно «забывает» учитывать этот немаловажный и постоянно действовавший фактор и делает акцент на отказе СССР вплоть до августа 1945 г. от непосредственного участия в военных действиях против Японии.

Правительство СССР по понятным причинам не могло в то время пойти навстречу предложениям союзников. С июня 1941 г. до июня 1944 г., то есть до открытия второго фронта в Европе, Советский Союз один на один вел тяжелейшую борьбу с войсками главной группировки агрессивного фашистско-милитаристского блока. Поэтому, неся основную тяжесть войны, СССР не мог одновременно вступить в войну против Японии, хотя и оказывал существенную помощь Китаю в его борьбе против японского агрессора. Только после того, как усилиями Советского Союза был достигнут коренной перелом в войне, глава советского правительства И.В. Сталин на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) дал принципиальное согласие на вступление в войну против Японии, обусловив его сроки капитуляцией главного врага — нацистской Германии.

В начале 1945 г., когда война в Европе переместилась полностью на территорию Германии и участь последней была практически предreshена, милитаристская Япония все еще оставалась значительной преградой на пути к долгожданному миру, преодолеть

которую в ближайшие несколько лет участвовавшие в то время в войне против Японии союзники самостоятельно не могли. Более того, японское командование оказалось в состоянии предпринять в марте 1944 г. крупное наступление в Бирме с целью захвата Импхальской долины на центральном участке фронта и нарушения Ассамской линии коммуникаций союзников, а в апреле 1944 г. начать невиданную по своим масштабам стратегическую наступательную операцию на Китайском театре военных действий под кодовым наименованием «Итиго» («№ 1»), целью которой было установить железнодорожные сообщения Пекин—Ханькоу, Кантон—Ханькоу и Хунань—Гуанси (Гуйлинь), обеспечить сплошную коммуникационную линию из Северного Китая в Южный, а также захватить американские военно-воздушные базы в Центральном и Южном Китае. В ходе боевых действий в апреле—декабре 1944 г. гомиьндановцы потеряли около 1 млн солдат и офицеров, 10 крупных авиабаз, 36 аэродромов, около 2 млн кв. км территории с населением 60 млн человек. Японские войска захватили 45 городов и несколько американских аэродромов, вывели из строя около 100 гомиьндановских дивизий. Лишь весной 1945 г. союзникам удалось восстановить утраченные в Бирме и Китае позиции, однако военные действия ими были здесь окончательно свернуты [51].

Курс на затяжную войну, который Япония избрала на рубеже 1944—1945 гг., требовал от союзников выработки эффективных мер, способных в максимально короткое время положить конец кровопролитию. Подобные меры были окончательно согласованы на Крымской (Ялтинской) и Потсдамской (Берлинской) конференциях «Большой тройки», главным содержанием которых было определение конкретных сроков и условий вступления СССР в войну, что и привело к скорой капитуляции Японии.

Принуждение дальневосточного агрессора к миру

Важной, отдельно стоящей проблемой, вызывающей неутрахающие споры у историографов войны на Тихом океане, является в связи с этим вскрытие причин неожиданно для союзников быстрого принятия Японией решения о капитуляции. «Зачем этот спор?» — скажет читатель. Как бы то ни было, и атомные бомбы были сброшены на японские города, и Советский Союз вступил в войну, и

Япония вскоре капитулировала. Нет сомнения в том, что и первое, и второе события, так же как и продолжавшиеся ее морская блокада союзниками со стороны открытого океана, и воздушные бомбардировки японской территории, и ухудшение для японской армии ситуации на других фронтах сыграли свою важную роль в приближении дня капитуляции страны закатывавшегося солнца. И, казалось бы, нет нужды подробно останавливаться на непосредственных причинах и механизме принятия японской верхушкой окончательного решения. Однако в зарубежной историографии по-прежнему время от времени появляются высказывания о том, что атомная бомба решила исход войны, так как дала якобы ощутимый военный эффект и предоставила императору Хирохито шанс оправдать в глазах народа решение о капитуляции, и что применение бомбы было гуманно с точки зрения человеческой морали, ибо она «явила собой средство предотвращения любой войны» [52], что Советский Союз «навязал» союзникам свое ставшее уже ненужным участие в войне против Японии, чтобы «не опоздать к дележу пирога» [53], и что это участие было чуть ли не чисто символическим (политический обозреватель японского военного журнала «Кокубо» О. Тосима, например, заявляет, что Япония капитулировала еще до того, как советские войска столкнулись с главными силами Квантунской группировки войск) [54], и другие, претендующие на истину, утверждения, касающиеся оценки факторов, приведших Японию к капитуляции.

Весьма упрощенным образом представляет события, приведшие к капитуляции Японии, современный тайваньский историк Го Тиньи в 2-томном труде по истории Китая в новое и новейшее время. Сталин, по его концепции, далеко смотрел вперед и 29 июля «упросил» Трумэна, чтобы США и Англия официально пригласили СССР принять участие в войне. 6 августа США сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а 8 (фактически 9. — *Примеч. ред.*) августа — еще одну на Нагасаки. На следующий день (фактически 8. — *Примеч. ред.*) Советская Россия объявила войну Японии [55].

Все это требует еще раз вернуться к этой проблеме.

Итак, 6 августа 1945 г. Соединенные Штаты нанесли первый атомный удар по Японии, принеся колоссальные разрушения и человеческие потери городу Хиросима. Применение принципиально нового оружия огромной разрушительной силы оказалось

действительно неожиданным для противника. И все же, как свидетельствуют факты, ни первый, ни произведенный 9 августа по Нагасаки второй атомные удары не привели к немедленной капитуляции Японии. У Черчилль был вынужден признать, что «было бы неправильно полагать, что атомная бомба решила судьбу Японии» [56]. Атомные бомбардировки не оказали на японскую нацию такого морально-психологического и военно-политического эффекта, на который рассчитывали американцы. Это объясняется следующими причинами.

Во-первых, высшие военно-политические руководители Японии, в частности император, узнали о характере удара, нанесенного по Хиросиме, лишь 8 августа, спустя два дня после применения атомной бомбы. Получив эту информацию, находившийся в бомбоубежище император заявил: «Если противник применяет такого рода оружие, войну продолжать невозможно. Но для того, чтобы добиться выгодных условий, немедленно прекращать войну нельзя. Что касается условий, то, как только появится возможность маневрировать на переговорах, можно будет сразу же прекратить войну» [57]. Таким образом, японское руководство все еще надеялось на переговоры.

Во-вторых, японский народ узнал о трагедии Хиросимы и Нагасаки лишь после окончания войны и в большинстве своем никак не прореагировал в те несколько дней, пока еще не было принято решение капитулировать, на атомные удары.

В-третьих, атомные бомбардировки не дали и ощутимого военного результата. Японская императорская ставка разделяла мнение фельдмаршала Хата — командующего 2-й Объединенной армией, штаб которой находился в Хиросиме, о необходимости продолжать войну. Прибыв в Токио 7 августа, он доложил, что, хотя его штаб располагался недалеко от центра взрыва, постройки разрушены мало, а число погибших солдат незначительно, причем пострадали только те, кто не был защищен. В целом, по его мнению, Хиросиме нанесен крупный ущерб, но не больший, чем другим городам от массированных налетов авиации [58]. О таких эффектах ядерного взрыва, как остаточная радиация и радиоактивное заражение местности, японцам в то время известно не было. Новое оружие было применено почти исключительно против мирного населения, а подавляющая часть личного состава вооруженных сил оказалась, как

и основная масса населения, в неведении относительно характера примененного оружия и, следовательно, вне физического и психологического воздействия его результатов. Военное командование по-прежнему было занято подготовкой к решительным сражениям на территории Японских островов, в Маньчжурии и в Корее. Правительственные органы также слабо реагировали на это событие, не был собран даже Кабинет министров, а намеченное заседание Высшего совета по руководству войной не состоялось [59]. Слепая вера американского руководства во «всесилие» атомной бомбы, таким образом, не оправдала себя. Достаточно сказать, что в Хиросиме уцелели почти все крупные заводы на окраинах и 94 % работавших на них людей, а железнодорожное сообщение через город было восстановлено уже через 48 часов. Чтобы полностью вывести из строя Нагасаки, потребовалось бы еще несколько бомб, которых американцы тогда еще не имели [60].

Как свидетельствует бывший офицер императорской ставки полковник Н. Такаяма, у тех офицеров, которые знали об атомных ударах по Хиросиме и Нагасаки, это не вызвало ничего, кроме усиления ненависти к противнику [61]. Кроме того, применение американцами атомных бомб лишь подтолкнуло японцев к ускорению собственной программы («Проект N») создания аналогичного оружия, завершить которую намечалось через 6 месяцев [62]. Это явилось одной из причин того, что правительство Японии все еще не соглашалось на оккупацию страны войсками противника.

Руководство США, санкционировав применение атомной бомбы, проявило, таким образом, политический и военный авантюризм, приведший мир к историческому ядерному тупику, из которого с учетом роста числа ядерных и околоядерных держав становится все труднее выбраться. Атомные бомбардировки Японии в условиях, когда Советский Союз был готов вступить в войну против Японии, и, как понимали в Вашингтоне, это предотвратить уже было невозможно, хотели бы этого американцы или нет, не диктовалась военной необходимостью. Именно так считал генерал Д. Эйзенхауэр. Вспоминая разговор с военным министром США Г. Стимсоном, в котором затрагивалась тема атомной бомбы, генерал свидетельствует: «Я сказал ему о своих тяжелых опасениях... Я полагал, что наша страна не должна шокировать мировое общественное мнение использованием атомной бомбы, поскольку это оружие утратило

право считаться средством спасения американских жизней» [63]. В 1960 г. главнокомандующий союзными силами в войне против Японии генерал Д. Макартур также признал, что в применении атомного оружия «не было никакой военной необходимости» [64].

Совершенно очевидно, что, сбрасывая атомные бомбы на японские города, вашингтонские руководители фактически целились в Советский Союз. К такому выводу пришли японские ученые во главе с лауреатом Нобелевской премии физиком Х. Юкава в «Белой книге о последствиях атомной бомбардировки». В разделе «Жертва — Япония, противник — Советский Союз» они отмечают, что применение атомных бомб было не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой операцией по устрашению в начинавшейся холодной войне против СССР. «Жизни трехсот тысяч невинных людей, погибших в Хиросиме и Нагасаки, — заключают авторы, — были, таким образом, жертвой, принесенной Соединенными Штатами на алтарь холодной войны» [65].

Итак, мы видим, атомные бомбы не могли заменить массовые армии и их применение, не поставили немедленно Японию на колени. Располагая довольно сильными сухопутными войсками, она продолжала сопротивление. Вступление 9 августа 1945 г. Советского Союза в войну против Японии в корне меняло ситуацию, лишало ее основного козыря в ставке на переговоры — сухопутных войск. В этот же день на экстренном заседании Высшего совета по руководству войной японский премьер-министр К. Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны» [66].

Ошибочно, однако, считать, что для того, чтобы заставить Японию капитулировать, достаточно было бы лишь одного объявления ей войны Россией. Только ощутив молниеносный сокрушительный удар по сильнейшей на континенте группировке японских войск и осознав масштабы невосполнимого урона в первые же дни наступления советских войск, японский император Хирохито подписал 14 августа рескрипт о капитуляции, который и был оглашен на следующий день по японскому радио.

Характерно, что даже японская буржуазная печать признавала решающее значение побед Красной Армии на Востоке. Так, газета «Дзи дзи симпо» 9 августа 1950 г. писала: «Когда была сброшена

атомная бомба на Хиросиму, военная группировка Японии еще продолжала сопротивляться, в то время как выступление Советского Союза заставило ее капитулировать. Если судить по результатам, то именно действия Советского Союза в отношении Японии сыграли огромную роль в достижении мира».

Капитуляция милитаристской Японии, таким образом, — важнейший военно-политический итог вступления Советского Союза в войну и непосредственный результат решительных военных действий Вооруженных сил СССР в Дальневосточной кампании, поскольку на других фронтах активные военные операции союзниками не велись.

Удары Красной Армии парализовали волю Японии к сопротивлению. То, что союзники стремились, несмотря на обладание атомной бомбой, достичь, пожертвовав жизнью нескольких миллионов своих солдат, в лучшем случае через 1—1,5 года войны, было осуществлено в результате быстротечной советской военной кампании на Дальнем Востоке. Япония была принуждена к миру и капитулировала.

Пример того, что после принятия Японией решения о капитуляции и полного прекращения ее войсками сопротивления Красной Армии Советский Союз отказался от планировавшейся по согласованию с союзниками высадки крупного морского десанта на остров Хоккайдо и оккупации его северной части, полностью опровергает утверждения о том, что советское государство стремилось к «кровавому разделу» чужой территории, в чем его пытаются обвинить некоторые современные японские историки и официальные лица, выдвигая реваншистские требования о «возвращении северных территорий». Если бы основным мотивом вступления СССР в войну были территориальные приобретения, то их можно было бы достичь и без войны, точнее, при отказе от нее и выступлении в роли посредника на переговорах — японское руководство прилагало к этому все усилия, не жалея взамен ни своих, ни чужих территорий. Не следует перекладывать вину за утраченные Японией как страной-агрессором Южный Сахалин и Курилы на Советский Союз. Если бы японское руководство приняло 26 июля 1945 г. условия Потсдамской декларации США, Великобритании и Китая, то не было бы ни вступления СССР в войну, ни потери Японией «северных территорий».

Таким образом, завершив в мае 1945 г. освободительный поход в Европу, Вооруженные силы СССР так же блестяще осуществили освободительную миссию и на Дальнем Востоке (Красной Армией были непосредственно освобождены Северо-Восточный Китай и Северная Корея, то есть территория общей площадью более 11 млн кв. км, с населением свыше 40 млн человек [67]), что способствовало активизации антиколониального движения народов Восточной Азии.

Критический анализ историографии минувшей войны убедительно свидетельствует о том, что на всех этапах противодействия японской агрессии в Азиатско-Тихоокеанском регионе Советский Союз проводил последовательную политику, направленную на облегчение положения жертв агрессии, вступил по просьбе союзников в августе 1945 г. в эту войну и мощными ударами разгромил Квантунскую группировку войск, предопределив тем самым быстрое общее поражение Японии и обеспечив ее принуждение к миру.

Выполняя гуманную миссию быстрейшего окончания Второй мировой войны и спасения в результате этого миллионов человеческих жизней, Советский Союз естественно и оправданно решал и задачи, призванные обеспечить собственную безопасность, реализацию национальных и государственных интересов советского народа.

Известно, однако, что следы мировых войн остаются надолго, а причиненное ими зло на многие десятилетия переживает временные рамки этих войн. Отсюда очевидно, что борьба с искаженным показом исторической действительности является актуальной задачей и сегодня.

После окончания Второй мировой войны зона Тихого океана не раз становилась ареной вооруженной борьбы. Достаточно напомнить, что три года длилась война на Корейском полуострове, много лет велась агрессивная война США против народов Индокитая, до сих пор остаются разделенными холодной войной территории Китая и Кореи, вновь ведется перекройка политической карты Евразии, что уже дважды приводило человечество к мировым потрясениям.

Все это лишь подчеркивает актуальность изучения и критического осмысления итогов и уроков завершившейся 65 лет тому назад Второй мировой войны. Важно сохранить завоевания, добытые кровью наших предшественников, в честь которых Указом Президиума Верховного Совета СССР 3 сентября было объявлено государственным праздником — Праздником победы над Японией.

Примечания

1. Beijing Review. 1985. May 6. P. 16, 18.
2. См.: Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 6. М., 2002. С. 549—550.
3. Command Decisions/Ed. with Introductory Essay by K. Greenfield. Wash., 1987. P. 501, 504; Relations with China. Reference to the Period 1944—1945. Wash., 1949. P. VIII; Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. N.Y., 1948. P. 619; Churchill W. The Second World War. N.Y., 1974. Vol. 1—6. Triumph and Tragedy. P. 536—537, 545.
4. Военная история Отечества с древних времен до наших дней. — В 3-х т. Т. 2. М., 1995. С. 394.
5. См. подробнее: Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 16—165, 318—324; Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебенков Ю.М. Победа на Востоке. К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985. С. 22.
6. История Второй мировой войны 1939—1945. — В 12 т. Т. 11. М., 1980. С. 193, 196—197.
7. Дайтоа сэно кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии). — В 110 т. Кантогун (Квантунская группировка войск). Ч. 2. Кантокуэн. Сюсэндзино тайсосэн (План «Кантокуэн»). Военные действия против СССР на завершающем этапе). Т. 73. Токио, 1974. С. 383—384, 393.
8. Там же. С. 383—397; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. — В 2-х кн. Кн. 1. М., 1975. С. 403.
9. Война и общество, 1941—1945 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. — В 2-х кн. Кн. 1. М., 2004. С. 276.
10. Там же. С. 276—277.
11. См. об этом: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 161—239.
12. Дайтоа сэно кокан сэн си. Т. 73. С. 395.
13. См.: Зимонин В.П. Победная точка во Второй мировой войне. М., 2005. С. 40.
14. История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 237.
15. Цит. по: Победа на Дальнем Востоке: Историко-мемуарные и документально художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 года. Хабаровск, 1985. С. 507.
16. Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО). Ф. 394. Оп. 9072. Д. 399. Л. 79.

17. Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л.122. Оп.8. Д. 59. Л. 160—162.
18. Правда. 1945. 17 августа.
19. Военная история Отечества с древних времен до наших дней. Т. 2. С. 408.
20. Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986. С. 106—116.
21. Военная история Отечества с древних времен до наших дней. Т. 2. С. 408; Великая Отечественная война: Энциклопедия. М., 1985. С. 822; ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 32. Д. 3. Л. 617—618.
22. Борисов О.Б. и др. Победа на Востоке. С. 47; ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178 499. Д. 9. Л. 39.
23. Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. С. 330.
24. См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 223.
25. Там же. С. 303.
26. Там же. С. 158.
27. См.: Акт о капитуляции Японии, 1945 // Военная энциклопедия. — В 8 т. Т. 1. М., 1997.
28. См., в частности, об этом: Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. С. 352—359.
29. In: *Bulletin of History*. 1949. No. 143. P. 30.
30. MacArthur D. *Reminiscences*. N.Y., 1965. P. 260—261.
31. In: *Action E. Russia the Present and the Past*. L.; N.Y., 1986. P. 252.
32. In: Dupuy R., Dupuy T. *The Encyclopedia of Military History from 3500 B.C. to the Present (Second Revised Edition)*. N.Y., 1986. P. 1188.
33. In: *Japan Echo*. 1984. No. 11.
34. *The Japan Times*. 1984. 15 august.
35. In: *Japan Echo*. 1984. No. 11.
36. См., например: История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 11, 12; Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. С. 360; Зимонин В.П. Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993. С. 302—303.
37. Spector R. *Eagle Against the Sun: The American War with Japan*. N.Y., 1985.

38. In: Hoyt E. How They Won the War in the Pacific: Nimits and His Admirals. N.Y., 1970.
39. Dull P. A Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941—1945). Annapolis (Maryland), 1979.
40. In: Spector R. Eagle Against the Sun. P. 555.
41. In: Blum G. From Morgenthau Diaries. Years of War 1941—1945. Boston, 1967. P. 84—85.
42. Dull P. A Battle History. P. 145, 166; Maule H. The Great Battles of the World War II. L.; N.Y.; Sydney; Toronto, 1975. P. 195.
43. In: Борковский М. Мидуэй: Пер. с польск. М., 2002. С. 3—4, 146.
44. Dull P. A Battle History. P. 340.
45. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистические исследования. М., 1993. С. 182.
46. См.: Хаттори Т. Япония в войне 1941—1945: Сокр. пер. с яп. М., 1973.
47. См.: Шерман Ф. Американские авианосцы в войне на Тихом океане: Пер. с англ. М., 1956. С. 122.
48. In: The President's War Addresses to People and the Congress of the USA. Wash., 1945. P. 51.
49. Martin B. Deutschland und Japan im Zweiten Weltkrieg: Vom Angriff auf Pearl Harbor bis zur Deutschen Kapitulation. Gottingen ets. 1969. S. 61.
50. См.: Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. С. 101, 108; Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда»: Пер. с англ. М., 1964. С. 456—463.
51. См.: Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 430—432; Можейко И.В., Узянов А.Н. История Бирмы (Краткий очерк). М., 1973. С. 24; История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 91; Бутурлинов В.Ф., Варганов В.Н., Зимонин В.П. и др. Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк. М., 1989. С. 288.
52. In: Command Decisions. P. 510; Dull P. A Battle History. P. 342.
53. The Japan Times. 1984. 15 august.
54. См.: Кокубо. 1981. № 11. С. 55. В этой связи нелишне вновь вспомнить и высказывание-установку Г. Трумэна перед историками США в 1947 г. о том, что «Россия не внесла никакого военного вклада в победу над Японией» (In: Bulletin of History. 1949. No. 143. P. 30).

55. См.: Го Тиньи. Цзиньдай чжунго шиган 1912—1950 (Очерки истории Китая в новое и новейшее время, 1912—1950). Сянган, 1980. Т. 2. С. 738.

56. In: Churchill W. The Second World War. Vol. 6. P. 552.

57. Цит. по: Чжу Гуйшен, Ван Чжэньдэ, Чжан Чуньнань. Диэрцы шицзе дачжань ши. С. 702.

58. In: Kirby S. War Against Japan. Vol. 1—5. L., 1957—1970. Vol. 5. P. 207—208, 434.

59. См.: История войны на Тихом океане. В 5 т.: Пер. с яп. М., 1958. Т. 4. С. 205—206.

60. См.: Борисов О.Б. и др. Победа на Востоке. С. 13.

61. См.: Гундзи кэнкю. 1977. № 8. С. 28.

62. The Japan Times. 1984. August 15.

63. In: History of the Second World War. L., 1968. Vol. 6. No. 16. P. 2648.

64. См.: Савин А.С. Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939—1945 гг. М., 1979. С. 192.

65. Цит. по: Борисов О.Б. и др. Указ. соч. С. 73.

66. Цит. по: Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С. История современной Японии: Пер. с яп. М., 1955. С. 263—264.

67. См.: Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1977. С. 118.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

К странам, понесшим наибольшие потери и внесшим наибольший вклад в победу союзных войск над фашизмом, следует отнести в первую очередь Советский Союз и Китай. СССР потерял убитыми 27 миллионов, а Китай — 10 миллионов человек. Именно эти две страны определили характер мировой войны.

Китай был вовлечен в войну в Азии в результате японской агрессии во время «маньчжурского инцидента» 1931 года, а Советский Союз оказался в огне европейской войны после вторжения на его территорию в 1941 г. германской армии. Два очага войны — азиатский и европейский были объединены между собой в 1941 г. вследствие объявления Японией войны США и Великобритании.

В отличие от Первой мировой войны, которая проходила, в основном, в Европе, эта война была мировой в буквальном смысле слова.

Целями Японии в войне были превращение Китая в колонию или полуколонию и создание бастиона против коммунизма, то есть против Советского Союза. Целями Германии также были завоевание «жизненного пространства» в Восточной Европе и свержение коммунистической власти в СССР.

Вторая мировая война включала в себя вооруженную борьбу трех видов: главная — борьба стран антифашистской коалиции против стран «оси» — Японии, Германии и Италии, а также межимпериалистическая борьба и борьба народно-освободительная. Фашизм представлял собой идеологию, движение и государственную систему, в основе которых лежал антикоммунизм. Внутри же

союзнической коалиции существовали правительства и народные массы, характерными особенностями которых были как антифашизм, так и антикоммунизм. Это-то и привело вскоре после окончания мировой войны к возникновению холодной войны.

1. Япония и германский фашизм

Прежде следует сравнить особенности фашизма японского и германского.

Используя сильное возмущение немцев условиями Версальского мира, нацистам удалось получить массовую поддержку народных масс своей идеологии и движения. Японский же фашизм существенно отличался от германского: он не был рожден движением масс, не представлял из себя жесткой диктатуры с массовыми репрессиями, в стране не устанавливалась единоличная авторитарная власть [1]. Историк Маруяма Масао подразделяет этапы развития японского фашизма на три периода: 1919—1931 гг. — подготовительный период «формирования неправительственных правых движений»; 1931—1936 гг. — период «максимального подъема радикального фашизма»; 1936—1945 гг. — период «угасания японского фашизма». При этом в качестве особенностей японского фашизма называются идеология семейственности и физиократии [2].

Начнем с выявления особенностей политических руководителей Японии.

По мнению Маруяма, если у германских руководителей психологической мотивацией был «активный нигилизм», то японские лидеры отличались бегством от ответственности, что проявлялось в «покорности перед свершившимся фактом», «стремлении не выходить за рамки полномочий». Находившийся с 1933 г. на разведывательной работе в Японии, арестованный в 1941 г. и казненный в 1944 г. агент Коминтерна Рихард Зорге писал в 1935 году: «Япония испытывает нехватку политического руководства. Правительство Японии вот уже на протяжении нескольких лет являет собой не имеющий внутренней силы и способности к принятию решений конгломерат военных, чиновничества, крупного бизнеса, партийных функционеров и др.» [3]. Вступивший в 1927 г. в Компартию Японии и до своей кончины в 2001 г., в возрасте 97 лет, исследовавший идеологию и практику социализма, Исидо Саётомо в результа-

те общения со многими японскими видными военными пришел к следующему выводу: «Я склоняюсь к мнению, что военные могут проявлять свою власть только в рамках армейской структуры и им в качестве отдельных индивидуумов не под силу нести ответственность за судьбы Японии, выражать чаяния японского народа... Анализируя расчеты военных на то, что китайцы не способны к созданию единого государства и могут быть покорены военной силой, я понял, что они совершенно не разбираются в национальных вопросах» [4].

Маруяма приводит следующую часть заключительного выступления главного обвинителя, прокурора Дж. Кинана на заседании Токийского трибунала для главных японских военных преступников: «От всех 25 обвиняемых, бывших премьер-министров, членов кабинета, высокопоставленных дипломатов, идеологов и пропагандистов, генералов армии и адмиралов флота, мы слышали один и тот же ответ о том, что никто не желал начала войны. И это при том, что в течение 14 лет велись непрерывные войны — «маньчжурский инцидент», война в Китае, война на Тихом океане... Но подсудимые не могут отрицать авторитет своего положения, власть и ответственность. Так же как они не могут отрицать политику продолжения и расширения потрясшей весь мир агрессивной войны...» [5].

Японские руководители не чувствовали своей ответственности потому, что Токийским трибуналом, включая Кинана, не был поставлен вопрос об ответственности императора, являвшегося по действовавшей тогда конституции единоличным Верховным правителем государства. Это произошло потому, что США стремились использовать насажденный в японском народе культ императора для облегчения осуществления оккупационной политики.

Историк Иноуэ Киёси в своей работе «Ответственность императора за войну» указывает, что император являлся высшим сувереном государства, главнокомандующим армией и главным религиозным авторитетом. Он обладал правом назначать премьер-министров и министров, утверждать в должности командующих армией и флотом, осуществлять руководство внутренней и внешней политикой. Эти функции император осуществлял и в годы Второй мировой войны. И во время войны, и по ее завершению эта ответственность императора широко осознавалась и признавалась правительствами и высшими сановниками двора. В ситуации, когда император про-

должал существовать, не взяв на себя никакой ответственности, не испытывали чувства ответственности и члены правительства, и командование вооруженных сил.

Император говорил в феврале 1946 г. своему камергеру Фудзита Сётоку, что по существовавшему порядку требовалось одобрение императором правительственных решений, и он был вынужден давать такое одобрение. Однако здесь налицо противоречие, когда император как личность предпринял шаги для окончания войны, но не мог-де воспрепятствовать решению правительства об ее начале. Иноуэ Киёси отмечает, что император «проявлял инициативу как при принятии решений о политике государства, так и в вопросах военного командования» [6].

Следует обратить внимание на то, что в настоящее время в пределах, которые допускает народ, возрождается авторитет нынешнего императора Акихито, что используется для попыток изменить действующую конституцию. По нынешней конституции прерогативы императора определены следующим образом. 4-я статья главы 1-й: «Император осуществляет только такие действия, относящиеся к делам государства, которые предусмотрены настоящей Конституцией, и не наделен полномочиями, связанными с осуществлением власти». 6-я статья: «Император назначает премьер-министра по представлению Парламента. Император назначает главного судью Верховного суда по представлению Кабинета». 7-я статья: «Император по совету и с одобрения Кабинета осуществляет от имени народа следующие действия, относящиеся к делам государства» (далее идет перечень). Однако в настоящее время «официальные дела» императора значительно расширены и высказывается справедливое мнение о необходимости ограничить «относящиеся к делам государства действия», сохранив их в том объеме, как это определено конституцией [7].

В странах «оси» культ личности японского императора, Гитлера, Муссолини оказывал большое воздействие на ход войны. В Японии после войны премьер-министр принц Хигасикуни Нарухико, заявляя о покаянии ста миллионов японцев, стремился придать неопределенность вопросу об ответственности за войну. В то же время в Германии вся ответственность за войну возложена на нацистов во главе с Гитлером. Хотя о Гитлере писали как о неинтеллигентном, неадекватном, жестоком человеке, были и такие исследователи, ко-

торые считали его достаточно разумным, способным к творческому мышлению и последовательности в действиях. Гитлер пользовался широкой поддержкой не только консервативных групп, но и народных масс. Что касается антисемитизма, то, как стало известно из публикаций профессора Гарвардского университета Голдхагена, и обычные немцы были причастны к убийствам евреев [8]. А разве не таким же преступлением является убийство в ходе атаки Израиля в секторе Газа при поддержке США мирных жителей арабских поселений? В условиях послевоенной оккупации Япония оказалась под сильным американским влиянием в образовании и книгоиздательстве. Это оказало воздействие на представление японцев о Гитлере и Сталине лишь как о жестоких людях, что, на наш взгляд, затрудняет объективную, справедливую оценку этих и других руководителей.

Эти мысли побудили меня начать статью именно с вопроса об ответственности за войну и особенностях лидеров японского фашизма.

II. Азиатско-Тихоокеанская война

1. Японо-китайская война

Японский историк Иэнага Сабуро назвал период, начиная с «маньчжурского инцидента» 1931 г. до окончания в 1945 г. агрессии в Китае, «пятнадцатилетней войной». Начавшаяся в 1937 г. японо-китайская война (в те годы она именовалась в Японии «китайский инцидент») отнесена им ко второму этапу этой войны, а третьим этапом явилась война, получившая название «Великая Восточноазиатская война» (или «Война в Великой Восточной Азии». — *Примеч. пер.*). Хотя современные японские историки называют третий этап «Азиатско-Тихоокеанской войной», в действительности это было продолжением экспансии в Китае.

В 1894—1895 гг. Япония развязала войну в Китае, в 1900 г. вместе с другими державами направила в Китай войска для подавления так называемого боксерского восстания, в 1904—1905 гг., в ходе Японско-русской войны установила сферу влияния в Маньчжурии, а в 1915 г., во время Первой мировой войны вынудила Китай принять «21 требование», имевшие откровенно империалистический характер.

В июне 1928 г. Квантунская армия (размещенные в северо-восточных провинциях Китая части и подразделения японских сухопутных сил), организовав диверсию, уничтожила тогдашнего правителя Маньчжурии Чжан Цзолиня. А в сентябре 1931 г. офицеры Квантунской армии произвели взрыв на Маньчжурской железной дороге (Мантэцу) и, возложив вину за диверсию на китайскую сторону, использовали эту провокацию для оккупации Маньчжурии. В июле 1937 г. после столкновения подразделений японской и китайской армий у моста Лугоуцяо в предместье Пекина начался «китайский инцидент». Даже если эти события произошли по инициативе местных командиров, действия японской армии были одобрены премьер-министром и императором.

Кабинет Коноэ попытался переориентировать военную политику с Китая непосредственно на Советский Союз, пойдя в июле-мае 1938 г. на конфликт в районе Тёкохо (бои у озера Хасан), а в мае-сентябре 1939 г. организовав инцидент в районе Номонхан (сражения на Халхин-Голе), но потерпел поражение. Фиаско дипломатии Угаки («группировка императорского пути» — «Кодоха») побудило правительство продолжать расширение агрессии в Китае. В обстановке поражения Японии в двух столкновениях с СССР, с одной стороны, и репрессии в отношении Тухачевского, ареста и расстрела Блюхера в Советском Союзе — с другой, можно полагать, в обеих странах стремились избежать в данный период совместного выяснения причин происходивших в японо-советских отношениях событий. В обоих случаях военных действий против Советского Союза имела место безответственность как при возникновении столкновений, так и в ходе боев. Это нашло свое проявление в своеволии местных командиров, отсутствии единства мнений среди членов Кабинета министров, неопределенности позиции императора.

2. Начало войны в Европе

Можно сказать, что война в Европе началась в 1936 г. с мятежа фалангистов Франко в Испании. Гитлер вмешался в эту гражданскую войну, затем в 1937 г. аннексировал Австрию и совершил агрессию в населенные немцами районы Чехии. В то время в Англии и во Франции, скорее, больше опасались Советского Союза, чем Германии.

В сентябре 1939 г. нападением германской армии на Польшу началась Вторая мировая война. Так как Англия и Франция не предприняли сразу же военных действий, Польша, не получив поддержки, была оккупирована. Наступил период «странной войны», когда военные действия между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, не велись.

Нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 г. значительно изменило ситуацию, ибо с этого момента Вторая мировая война приобрела определенно антифашистский характер.

3. Японо-американские переговоры

В разгар боев в районе Номонхан (Халхин-Гол), являясь участником Антикоминтерновского пакта, Германия тем не менее, заключила Пакт о ненападении с Советским Союзом. Ссылаясь на сложность ситуации в Европе, кабинет Хиранума Киитиро вышел в отставку, и его сменил кабинет во главе с Абэ Нобуюки, имевшим тесные связи с командованием японской армии. Однако из-за тупиковой ситуации, возникшей в экономике в условиях ужесточения государственного контроля, его скоро сменило правительство, возглавляемое адмиралом Ёнаи Мицумаса. В обстановке наступательных действий Германии в Европе усилились позиции сторонников «движения на юг», и в июле 1940 г. к власти пришел провозгласивший «новую структуру» второй кабинет Коноэ Фумимаро. Осуществляя переход к «новой структуре», Коноэ во внешней политике принял курс на урегулирование японо-советских отношений, проведение военных действий в южных районах. Однако при этом ставилась задача приложить максимум усилий для того, чтобы в случае войны иметь противником только Великобританию. В сентябре японская армия овладела северной частью Французского Индокитая.

Заключивший 27 сентября 1940 г. с Германией и Италией Тройственный пакт второй кабинет Коноэ 25 июня 1941 г. принял решение занять и южную часть Французского Индокитая, что и было осуществлено 28 июля. Через два дня после того, как корабли с войсками были отправлены для захвата этой территории, на встрече с премьер-министром Сидэхара Кидзюро высказал мнение, что предпринятые действия приведут к большой войне. Он говорил: «Если это еще возможно, надо остановить отправленные войска, задер-

жав их на Тайване или в каком-либо другом порту и тем временем продолжить японо-американские переговоры в Вашингтоне. Я бы хотел, чтобы с пониманием серьезности момента были приложены все силы для мирного разрешения проблем. Но, если наши войска уже высадились в Сайгоне или в каком-то другом порту, переговоры с Америкой теряют смысл и, видимо, их лучше прекратить» [9]. Это означало готовность к решительной схватке с США.

На проходившем 2 июля 1941 г. заседании координационного комитета правительства и императорской ставки был принят документ «Программа национальной политики в соответствии с изменениями обстановки». В нем было решено оккупировать южную часть Французского Индокитая и в соответствии с изменениями обстановки по мере продвижения на юг разрешить северную проблему. В соответствии с этим решением были проведены «специальные маневры Квантунской армии» — «Кантокуэн».

В основе противоречий с американцами лежало требование правительства США вывести японские войска из Китая. Зорге еще в ноябре 1940 г. следующим образом описывал перспективу столкновения Японии с США: «Падение в июле нынешнего года кабинета Ёнаи-Арита означало провал первоначальных попыток добиваться для Японии расширения “жизненного пространства” под лозунгом “традиционной японской внешней политики” и по согласованию с великими державами — Великобританией и США. Сейчас можно говорить о том, что конфликт с Китаем лишил проводимую десятилетиями традиционную дипломатию самих ее основ» [10].

25 июля американское правительство заморозило японские активы в США, а 1 августа объявило полный запрет на поставки нефти в Японию. Со своей стороны, японское правительство на императорском совещании 6 сентября 1941 г. определило следующий курс в отношении японо-американских переговоров: «В случае отсутствия перспектив принятия наших требований до первой декады октября примем решение о начале войны против США (и Великобритании, и Голландии)». Хотя Коноэ предложил организовать встречу в верхах с президентом США, американская сторона этой идеи не восприняла, считая, что сначала необходимо достичь взаимопонимания по принципиальным вопросам. Когда военный министр Тодзио Хидэки начал выступать с требованием начать войну против США, а военно-морской министр Оикава заявил о вы-

ходе из правительства, кабинет Коноэ 16 октября в полном составе подал в отставку и к власти пришел кабинет Тодзио.

Правительство США, подтвердив 2 октября 1941 г. четыре принципа госсекретаря Хэлла, отклонило предложенный Японией последний план и решило направить правительству Японии «Ноту Хэлла». Можно считать, что на принятие такого решения во многом повлияла начавшаяся 22 июня 1941 г. германо-советская война. Являвшийся в то время главным редактором японского телеграфного агентства «Домэй» Мацумото Сигэхару отмечал: «Сообщение о начале германо-советской войны вызвало (у Хэлла. — *Примеч. ред.*) необыкновенно радостное возбуждение. Хотя и не в такой степени, как Черчилль, американцы, вне всякого сомнения, внимательно следили за изменением обстановки в Японии». Далее он пишет, что посол Номура не сообщил в Токио о сделанном 24 июля Рузвельтом предложении объявить Французский Индокитай нейтральной территорией. Мацумото отмечал: «Так как это отвечало интересам Японии, она не обязательно должна была отвергнуть такое предложение... Хотя Номура и вправду был хорошим человеком, но у него не было никакого дипломатического опыта, что поистине стало несчастьем для Японии» [11].

Историк Ёсии Хироси выражает сомнение, можно ли считать подлинной причиной краха японо-американских отношений проблему вывода японских войск из Китая. Он подчеркивает: «Хотя важно принимать во внимание непреклонность госсекретаря Хэлла, однако не следует ли тщательнее изучить основополагающую причину ужесточения американской политики с точки зрения формирования отношения администрации США к изменению ситуации в мире, вызванного началом германо-советской войны. В связи с этим заслуживает особого внимания тот факт, что сразу после начала германо-советской войны президент Рузвельт пошел на сближение с СССР, взяв курс на оказание помощи Советскому Союзу в целях разгрома Германии» [12].

Действия сухопутных сил с началом японо-китайской войны, оценка ситуации в мире, жесткая оппозиция военного министра Тодзио требованиям вывода японских войск из Китая, приведшая к срыву японо-американских переговоров, — все это возлагает большую ответственность на армию. Но и роль военно-морского флота была немалой. Верно, что в 1939 г. военно-морской министр

Ёнаи Мицумаса, заместитель министра Ямамото Исороку, начальник управления военных дел министерства Иноуэ Сигэёси и другие выступали за то, чтобы избежать войны с США, но после заключения Тройственного союза и введения в 1941 г. эмбарго на поставки нефти в Японию отношение к США изменилось. Тогда начальник Главного морского штаба Нагано Осами стал требовать скорее всего начала войны. Участники императорского совещания 6 сентября 1941 г., посчитав, что как уступка американским требованиям, так и война с США чреваты гибелью государства, выразили решимость сражаться.

Профессиональный дипломат, министр иностранных дел Того Сигэнори, не считая, что выдвинутые причины войны действительно напрямую затрагивают интересы государства, в то же время проявил понимание необходимости защиты чести и достоинства государства и поддержал веру армии в свою непобедимость.

Исследователь Пол Джонсон отмечает: «По сути дела, какого-либо плана достижения стратегической победы не было. Существовали лишь оптимистические расчеты на то, что США (а за ними и Великобритания) ради сохранения мира, видимо, согласятся на дипломатическое урегулирование» [13]. Он использует такие выражения, как «рассчитанная истерия», «прыжок с высоты с закрытыми глазами» [14]. Со своей стороны, руководители США и Великобритании не верили, что Япония решится на обреченное на поражение выступление, недооценивали возможности и техническое оснащение японской армии, имели расовые предубеждения и предрассудки [15].

В 1941 г. валовой национальный доход США превосходил японский в 11,83 раза, являвшееся основой промышленной мощи производство стали — в 12,11 раз, численность населения — в 1,86 раза. Однако следует иметь в виду, что на поддержание японских вооруженных сил, кроме контролировавшихся парламентом и правительством ассигнований, использовались и огромные средства из специальных чрезвычайных фондов. Для сокрытия подготовки к войне против США средства на оснащение флота не выделялись отдельно, а шли в одной графе с ассигнованиями для армии, что затрудняло выступления против войны с США [16].

Министр иностранных дел Того, выступая на заседании Координационного комитета 23 октября, заявил: «Меня удивляет непол-

нота статистических данных, которыми мы располагаем. Так как и во время сегодняшнего обсуждения командование вооруженных сил не дало каких-либо разъяснений, было немало моментов, когда я почувствовал, что изучение проблем строится на предположениях» [17].

4. Японо-советские отношения

Хотя после завершения «экспедиции в Сибирь» в 1925 г. Япония признала Советский Союз, внутри страны коммунистические силы подвергались со стороны правительства жестоким репрессиям. В 1938 г. произошли события на Тёкохо (на озере Хасан), в 1939 г. Япония потерпела поражение в номонханских (халхин-гольских) событиях, после чего заключила с Советским Союзом Пакт о нейтралитете сроком на пять лет.

До начала Второй мировой войны организациями внутри Японии, имевшими контакты с СССР, были Коммунистическая партия Японии и японская автономная Православная церковь. В условиях разгрома Компартии в результате гонений и репрессий Православная церковь сохранила свое особое положение, позволявшее иметь право голоса.

Японская Православная церковь начала свою религиозную деятельность в Японии с прибытием в 1861 г. в город Хакодате священника Николая, который в 1874 г. основал в Токио первую православную общину, которая к 1880 г. насчитывала 6 тысяч прихожан. В 1890 г. завершилось строительство в Токио кафедрального Воскресенского собора, именуемого «Николайдо». В 1909 г. насчитывалось уже 31 175 прихожан Русской православной церкви. Кроме получившего чин архиепископа Николая и епископа Сергия, паству окормляли 33 священника-японца, 5 дьяконов и другие священнослужители. В то время в Японии насчитывалось 265 православных церковных общин. После революции в России Русская православная церковь в Японии стала автономной. Хотя после крупного землетрясения в районе Канто в 1929 г. собор был восстановлен, епископ Сергий закончил свое служение в нем.

Ёсимура Тюдзо, окончив в 1909 г. семинарию при Воскресенском соборе, в 1941 г. в возрасте 52 лет стал настоятелем собора. С 1937 г. он редактировал «Сборник статей из российских газет», который распространял среди правительственных чиновников и

военных. Издав в те годы брошюры «Правда о Советском Союзе», «Власть Сталина» и другие, Ёсимура стал штатным сотрудником русского отдела Генштаба армии, был привлечен к организации религиозной пропаганды в Сибири. Однако в конце войны он занял критическую позицию в отношении японских военных кругов и занялся написанием труда «Записки о годах, проведенных в Сибири». После войны командование оккупационной армии, вмешиваясь в церковные дела, направляло в Токио епископов из американской Православной церкви. Лишь в 1967 г. была восстановлена связь с Русской православной церковью, и в 1971 г. японская Православная церковь вернулась в лоно Московского патриархата.

Ёсимура писал: «Уступающая по качеству командного состава, моральному духу и вооружению германской армии Красная Армия непременно будет в кратчайший срок разгромлена, после чего сталинский режим падет, в России будет установлена антикоммунистическая власть и внутри страны произойдут огромные перемены» [18]. Так в Японии думали многие.

Когда 22 июня 1941 г. Германия силами 191 дивизии вторглась в СССР, так думали не только Гитлер, но и правительства, и военные специалисты западноевропейских стран. Да и сам Сталин имел достаточно оснований быть потрясенным. Черчилль сразу же объявил об оказании помощи Советскому Союзу. Со своей стороны, Сталин обратился с просьбой о помощи и открытии второго фронта. В сентябре 1941 г. немецкие войска окружили, а затем овладели Киевом, а 30 сентября началось наступление на Москву. Несмотря на подписание 13 апреля 1941 г. Пакта о нейтралитете с СССР, на императорском совещании 2 июля было решено «скрытно усиливать военную подготовку против Советского Союза», «если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей Империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ». Вскоре после начала германо-советской войны было объявлено о проведении «специальных маневров Квантунской армии», в результате чего произошло ее увеличение приблизительно на 500 тыс. человек. Всего же в готовность к началу войны против СССР была приведена крупная группировка, насчитывавшая 700 тыс. солдат и офицеров только сухопутных сил. Тогда, когда немецкая армия, сокрушая все на своем пути, рвалась в глубь советской территории,

опубликованное 20 июля 1941 г. мнение антивоенно настроенного японского журналиста Кирю Юю о том, что «победы в отдельных сражениях еще не означают победы в войне», можно считать редким исключением [19].

5. Начало японо-американской войны

6 декабря 1941 г., за два дня до объявления Японией войны США и Великобритании, советские войска вели успешные бои, перейдя на широком фронте в контрнаступление под Москвой.

Японская армия в декабре захватила остров Гуам и Гонконг, на Гавайях и у берегов Малайи были уничтожены военные корабли США и Великобритании. До марта следующего года были оккупированы Манила, Сингапур, Рангун, остров Ява и другие территории.

Премьер-министр Тодзио Хидэки, взяв на себя также функции военного министра и министра внутренних дел, сконцентрировал диктаторские полномочия. Часто докладывая на аудиенциях императору, он пользовался доверием монарха. Выступая по радио и в кинохронике, премьер демонстрировал народу свою деловитость и эффективность, что обеспечивало ему определенную популярность в начальный период войны. Однако ситуация менялась. В июне 1942 г. в сражении за остров Мидуэй японский флот потерял часть авианосцев, в феврале 1943 г., когда немецкие войска были разгромлены под Сталинградом, японские войска были вынуждены оставить остров Гуадалканал. С этого времени инициатива перешла к американцам. В Японии в отличие от США и Германии народ изначально испытывал жизненные трудности, и по мере нарастания ощущения поражения возникали недовольство и протестные настроения в отношении жандармской политики, народ охватывало чувство усталости от войны.

С другой стороны, оценивая обстановку на советско-германском фронте, посол Японии в СССР Татэкава Ёсицугу докладывал 12 мая 1942 г. в Токио: «Советский Союз не покорится Германии. Не оправдаются и надежды на какой-либо компромисс с Германией. Война, похоже, будет длительной» [20]. Поражение Германии в феврале 1943 г. в Сталинграде стало поворотным моментом мировой войны. Посетившая через Сибирь и Турцию в 1943 г. Германию японская делегация в составе посла Хидака и военного и военно-морского

атташе докладывала в августе этого года: «Государственная мощь Германии еще более низкая, чем наша делегация считала, покидая Японию. Если не будут преодолены многие трудности, с которыми столкнулась страна, Германии трудно будет победить» [21].

В отличие от коалиции союзников между странами «оси» не существовало отношений военного сотрудничества. Хотя Германия неоднократно побуждала Японию вступить в войну против Советского Союза, «японское правительство, заявляя о своей враждебности к СССР и ожидании удобного момента, в то же время каждый раз подчеркивало в качестве основы японо-советских отношений наличие Пакта о нейтралитете» [22]. Министр иностранных дел Сигэмицу, изложив на заседании Координационного комитета 19 июня 1943 г. содержание документа «О нынешней политике в отношении Советского Союза», считал целесообразным передать СССР на компенсационной основе нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине и предпринять активные шаги для разрешения других проблем японо-советских отношений. Кроме того, в сентябре 1943 г., а затем в апреле и сентябре 1944 г. японское правительство намеревалось выступить посредником в интересах достижения перемирия между СССР и Германией, но советское правительство отвергло это предложение. 7 ноября 1944 г. Сталин назвал Японию агрессивным государством, а 5 апреля 1945 г. министр иностранных дел Молотов сделал заявление японскому правительству о непродлении японо-советского Пакта о нейтралитете. В мае 1945 г. Германия капитулировала, и в июле японская сторона обратилась с предложением направить в Москву японскую миссию во главе со специальным посланником Коноэ Фумимаро для обсуждения вопроса об окончании войны. Советское правительство затягивало ответ на это предложение, а затем 8 августа объявило Японии войну.

Среди причин поражения Японии нельзя не назвать ее серьезное отставание от производственной базы США. Пик авиационного производства в Японии пришелся на июнь 1944 г., когда было выпущено 2857 самолетов. Затем после начала воздушных налетов авиации союзников положение стало ухудшаться. За весь период войны в Японии было произведено лишь 62 795 самолетов, из них 52 109 было потеряно в боях. В США же только за один 1943 г. было выпущено более 10 000 самолетов. Также обстоит дело с во-

енными кораблями. В годы войны в составе японского флота насчитывалось лишь 20 авианосцев, 16 из которых было потоплено. У американцев же летом 1944 г. на Тихом океане действовало около 100 крупных авианосцев [23].

После захвата острова Сайпан начались бомбардировки японских городов, в результате чего большая часть крупных населенных пунктов были превращены в пепелище. Наибольший ущерб принесли ковровые бомбардировки 10 марта 1945 года. В тот день с нуля часов 279 бомбардировщиков B29 сбросили на Токио бомбы общим весом 1665 тонн. Погибло 87 793 человека, число раненых составило 40 918, 1 008 005 человек лишились крова [24].

Хотя Советский Союз являлся членом коалиции и вместе с США, Великобританией и Францией боролся с государствами «оси», отношения между союзниками, как показали «странная война», проблема открытия второго фронта, секретная разработка атомной бомбы, были не настолько тесными и откровенными, что позволяло немецкому руководству рассчитывать на развал коалиции в ходе войны. Геббельс записал 21 марта 1945 г. в своем дневнике: «Сталин — хладнокровный реалист, его деятельность заслуживает большего внимания, чем поведение других руководителей» [25].

Потерпев зимой 1941 г. поражение в битве под Москвой, в условиях превращения нападения на СССР в затяжную войну в 1942 г. Германия перенесла свои военные усилия на Кавказ. Ощутивший на себе всю мощь германской армии Сталин в начале войны, а затем в сентябре обращался к Черчиллю по поводу открытия второго фронта. Великобритания традиционно в войнах за рубежами своей страны при защите раскинувшейся на весь мир британской империи преимущественно полагалась на блокаду противника силами флота и бомбардировки с воздуха.

Эта держава придавала большее значение «защите интересов своей страны, нежели победе на германском фронте» [26]. США после вступления в войну концентрировали внимание общественности своей страны на сражении за Филиппины. «Головной болью» для американцев были требования Советского Союза перенести после войны границы своего государства в западном направлении. В результате в 1942 г. проблема второго фронта не была решена, и он был открыт лишь в июне 1944 г., после того как Красная Армия освободила в мае Крым. Историк Анатолий Кошкин пишет: «По-

беда под Москвой могла стать началом полного разгрома Германии и ее сателлитов, если бы Великобритания и США решились уже в 1942 г. выступить против нее с запада» [27]. Далее этот исследователь приходит к выводу: «В условиях фактического отказа США и Великобритании от реальной помощи СССР военными действиями на западе у Сталина были все, в том числе и моральные, основания отклонить любые попытки США добиться открытия второго фронта на востоке против Японии» [28].

Начавшийся еще в ходе войны с утаивания от Советского Союза сведений о разработке атомной бомбы разлад между участниками союзной коалиции завершился началом в 1949 г. холодной войны.

Советский Союз за годы войны с Германией понес наибольший урон в сельском хозяйстве. Если к 1950 г. в промышленности был достигнут предвоенный уровень, то в сельском хозяйстве производство упало ниже уровня 1913 г., то есть кануна Первой мировой войны. В годы холодной войны трудности в сельском хозяйстве сохранялись, отмечался застой производства. Это определило пределы советского социализма, что и привело к развалу Советского Союза.

III. Борьба победивших империалистических стран с национально-освободительным движением колоний и социалистическими странами

Ни страны коалиции, ни страны «оси» не намеревались предоставлять колониальным народам независимость, в чем проявлялся империалистический характер войны. После войны народы этих стран были вынуждены самостоятельно вести борьбу за освобождение. Япония в ноябре 1943 г. организовала конференцию стран «Великой Восточной Азии» для демонстрации солидарности с народами Азии, но для реализации такой солидарности у Японии не было ни идей, ни сил. Япония стремилась использовать в своих интересах выступавших против колониального порабощения руководителей движений за независимость, однако это вело к расколам в руководстве национальных и религиозных объединений. Внутри движения за независимость вызревали группировки, объединявшие широкие народные слои, включая крестьянство, которые стреми-

лись к социальным преобразованиям. Однако это игнорировалось как тогдашними странами коалиции, так и Японией.

Хотя Черчилль и Рузвельт опубликовали в августе 1941 г. «Атлантическую хартию», в которой провозглашалось право наций на самоопределение, между этими двумя странами существовали разногласия в толковании этого положения. Черчилль, будучи хладнокровным реалистом, в то же время мыслил категориями авторитарной политики образца 19-го столетия. Рузвельт же, опираясь на уверенность в индустриальной мощи США, промышленность которых производила треть мирового продукта в 1937 г. и его половину в 1946 г., являлся сторонником либеральной капиталистической системы и политики «открытых дверей». При этом, выступая против распространения коммунизма, США после победы Вьетнама в борьбе с Францией ввязались в длительную вьетнамскую войну. Эта война завершилась обретением Вьетнамом независимости.

В работе проходившего в условиях власти в Японии Верховного главнокомандующего союзнических войск Токийского трибунала не только не принимали участие нейтральные государства, но и из 11 обвинителей были лишь три представителя азиатских стран. Это было «окончание этапа традиционного международного права в условиях колониальной системы» [29].

В годы японской агрессии Китай представляло гоминьдановское правительство. Теория народной войны Мао Цзэдуна предусматривала партизанскую войну против современной регулярной армии. Хотя Япония потерпела поражение, увязнув в трясине такой войны, страны коалиции этого не осознали. То, что американцы, завязнув в болоте войн во Вьетнаме, Ираке, Афганистане, терпят поражения, свидетельствует о том, что они не сделали должных выводов из поражения Японии в японо-китайской войне.

Японо-китайская война, по выражению исследователя Като Сюити, была «войной обладавшей подавляющей огневой мощью современной регулярной армии против партизан... которых поддерживала значительная часть народа» [30]. «С самого начала не было тщательно проработанного плана с определением конечных целей. По мере того, как ширились планы продвижения из одного района в другой, все более сужался выбор разрешения проблем дипломатическим путем... Военные планы ширились... но это в из-

вестном смысле было расширением, которое происходило вопреки намерениям Японии» [31].

После вступления в войну с Японией Советского Союза коммунистические партии метрополий перестали выступать против мобилизации на борьбу всех населявших колонии национальных сил. Более того, опыт, полученный на фронтах национальной борьбы, был положен в основу освободительного движения. В годы мировой войны по мере роста добычи сырья для производства стратегических товаров, развития промышленности увеличивалась и численность рабочего класса. Однако Советский Союз, стремясь к стабильности, в проведении политики в отношении Китая, Кореи и других стран шел на компромиссы с послевоенными империалистическими государствами. В августе 1949 г. обрела независимость Индия, в октябре 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика, до декабря 1949 г. Индонезия вела войну с Великобританией и Голландией. В это время обострились американо-советские отношения, началась холодная война.

В 1950—1953 гг. во время Корейской войны американская армия под флагом войск ООН воевала с китайскими добровольцами. Эта война считается неоконченной, продолжается лишь перемирие. Страны Азии через десять лет после поражения Японии приняли в апреле 1955 г. на конференции стран Азии и Африки в Индонезии Бандунгскую декларацию, провозгласив 10 принципов новых международных отношений.

Затем 1960 год был объявлен Годом Африки, когда большинство колониальных стран обрели политическую независимость. Однако ограбление ресурсов этих стран с использованием военной силы продолжается.

IV. Борьба за мир и разоружение

6 и 9 августа 1945 г. США, сбросив атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, уничтожили эти города. В промежуток между атомными бомбардировками 8 августа Советский Союз объявил Японии войну, что привело японские правящие круги в панику. 2 сентября подписанием Японией акта о капитуляции Вторая мировая война завершилась.

Страны союзнической коалиции с целью привлечь виновных к ответственности за развязывание войны провели с ноября 1945 г. по

октябрь 1946 г. Нюрнбергский процесс, а с января 1946 г. по ноябрь 1948 г. — Токийский трибунал.

Внутри консервативной группировки существовали группы политиков, которые расходились во взглядах с проводившей жесткую линию военщиной и, хотя и не выступали против войны, занимали по отношению к ней пассивную позицию. Были и такие группировки, которые на определенном этапе войны стали от нее отрешиваться. Они-то и составили так называемую фракцию умеренных, которые, стремясь сокрыть свою ответственность за действия на первом и втором этапах японо-китайской 15-летней войны, до высадки американских войск уничтожили большую часть компрометирующих документов и стали сотрудничать с Токийским трибуналом. Отвергая инициативу императора в вопросах ведения войны, они делали все, чтобы возложить всю полноту ответственности на военных, в первую очередь командование сухопутных сил, а сами стремились в качестве «умеренных» оказаться у власти в послевоенной Японии. При этом вопрос об ответственности за войну всячески затушевывался. В то время Коноэ Фумимаро «был совершенно безразличен к проблеме ответственности перед народами Азии» [32]. И это совпадало с намерениями США использовать императора для облегчения проведения оккупационной политики. Для получения документов о результатах исследований созданного в 1932 г. и использовавшего для опытов на живых людях 3 тыс. китайских политических заключенных центра разработки бактериологического оружия японской армии — «отряда № 731» — американцы не привлекли его командование к ответственности.

Отнюдь не безвинные деятели из «фракции умеренных», сотрудничая в годы холодной войны с американцами, заняли руководящие посты в политическом руководстве послевоенной Японии, препятствуя признанию полной вины за Азиатско-Тихоокеанскую войну.

Во время холодной войны продолжались испытания ядерного оружия, обладателями такого оружия стали СССР, Великобритания, Франция и Китай. В марте 1954 г. у атолла Бикини в Тихом океане жертвами американского ядерного испытания стала команда японской рыболовной шхуны. Это дало толчок началу в Японии массового движения против ядерных испытаний, и в августе 1955 г. в Хиросиме была проведена первая конференция за запрещение атомного и водородного оружия. В 1957 г. в канадском городе Па-

гоуш была принята резолюция об ответственности ученых перед обществом. «Кубинский кризис» 1962 г. поставил человечество на грань уничтожения.

Япония заключила в 1952 г. с США и другими странами Сан-Францисский мирный договор. Одновременно был подписан японо-американский Договор безопасности. В отличие от Италии, где сам народ сверг власть Муссолини, чем способствовал окончанию войны, в Японии подобных событий не было, а в 1957 г. премьер-министром Японии был избран политик, занимавший министерский пост во время войны. В 1960 г. был заключен новый Договор безопасности, закреплявший подчиненность Японии Соединенным Штатам. Вслед за Вьетнамом США совершают агрессии против Ирака и Афганистана, а правительство Японии до настоящего времени, следуя Договору безопасности, пособничает военным действиям американской армии.

Токийский трибунал добавил к прежнему перечню нарушений законов войны «преступления против мира», «преступления против человечности» и вскрыл многие военные преступления, что заслуживает соответствующей оценки. Однако он являлся частью оккупационной политики и из-за начавшейся холодной войны не был доведен до конца. Как указывалось выше, США сами нарушали принципы этого трибунала и дух международного сообщества, продолжая совершать агрессии и военные преступления. В связи с этим известен призыв Бертрана Рассела провести «Токийский трибунал» в отношении войны во Вьетнаме.

В Японии есть синтоистский храм Ясукуни, в котором канонизированы души военнослужащих армии и флота, отдавших жизнь, защищая страну. После войны храм потерял статус государственного и юридически стал объектом религиозного культа. Это соответствует 20-й статье Конституции Японии о свободе вероисповедания и отделении церкви от государства. Однако с одной стороны раздаются требования передать храм Ясукуни под охрану государства, а с другой — создать другой, нерелигиозный мемориал для поминовения душ погибших. Поскольку вопрос до сих пор не решен, можно сказать, что с этой точки зрения война еще не окончилась.

В 1955 г. в результате объединения Либеральной и Демократической партий была создана Либерально-демократическая партия Японии (ЛДП), первый кабинет которой возглавил Хатояма Итиро.

В 1956 г. премьер Хатояма восстановил дипломатические отношения с Советским Союзом, но из-за проблемы «северных территорий» заключить мирный договор не удастся. В 2009 г. после пятидесятилетнего, с небольшим перерывом, нахождения у власти правительство либерал-демократов пало и ему на смену пришел кабинет Демократической партии, возглавляемый внуком Хатояма Итиро — Хатояма Юкио, которому приходится работать в вызванной рецессией нестабильной обстановке в стране.

Япония может гордиться антивоенной 9-й статьей конституции и движением за запрещение атомного и водородного оружия. Выдвинув на первый план эти цели, японцы совместно с народами Азии, Африки, Латинской Америки активно участвуют в движении за мир и разоружение, что отвечает и задачам борьбы в «защиту окружающей среды», «обеспеченности сырьевыми ресурсами» и т.д. И еще. Япония до сих пор не имеет дипломатических отношений с Корейской Народно-Демократической Республикой, что через 55 лет после окончания войны нельзя признать нормальным.

Для того чтобы защитить мир, не достаточно лишь напоминать о бесчеловечности и страданиях в годы Второй мировой войны. Необходимо уделять большее внимание самому понятию неприятия войны и следовать ему. Призывая ликвидировать регулярные армии и утверждая несовместимость наращивания вооружений с правами человека и демократией, еще 200 лет назад Кант писал: «Нанимать людей, чтобы убивать или быть убитым, — это не что иное, как использовать (государством) человека в качестве машины или инструмента. Подобное в целом не может согласовываться с человеческими правами индивидуума» [33].

Примечания

1. Ториуми Сигэно. Гэкидоно накане Нихон (Япония в период потрясений). Токио, 1984. С. 304—307.

2. См. подробнее: Маруяма Масао. Гэндай сэйдзино сисо то кодо (Идеология и проявление современной политики). Токио, 1956.

3. Зорге Рихард. Футацуно кики то сэйдзи (Два кризиса и политика). Токио, 1994. С. 5.

4. Исидо Саётомо. Вага итанно Сёва си (Наша еретическая эпоха Сёва). Токио, 1986. С. 200—201.

5. Маруяма Масао. Указ. соч. С. 97.
6. Иноуэ Киёси. Тэнноно сэно сэкинин (Ответственность императора за войну). Токио, 1975. С. 225.
7. См. Ито Акира. Акихито тэнноно нидзюнэн то ва нани ка (Чем стали 20 лет нахождения на троне императора Акихито?). Журнал «Цубутэ», 2009-зима.
8. Нисикава Масао. Рэкисигакуно дайгоми (Прелесть исторической науки). Токио, 2010. С.268—269.
9. Сидэхара Кидзуро. Гайко 50 нэн (50 лет дипломатии). Токио, 1951. С. 203.
10. Зорге Рихард. Указ. соч. С. 113.
11. Мацумото Сигэхару. Коноэ дзидай-II (Годы Коноэ. Т. 2). Токио, 1987. С. 127, 138.
12. Ёси Хироси. Нитидокуи санкоку домэй то нитибэй канкэй (Тройственный союз Японии, Германии и Италии и японо-американские отношения). Токио, 1977. С. 4.
13. Пол Джонсон. Гэндай си (Современная история). Токио, 1992. С. 588.
14. Там же. С. 582, 586.
15. Торн Кристофер. Бэй-Эй ни тоттэ-но тайхэйё сэносо (Чем была для США и Великобритании война на Тихом океане). Токио, 1995. С.19.
16. Ёсида Хироси. Сёва тэнно-но сюсэн си (История окончания войны императора Сёва). Токио, 1992. С. 30, 43—44.
17. Того Сигэнори. Дзидайно итимэн (Страницы эпохи). Токио, 1959. С. 215.
18. Ёсимура Тюдзо. Сутарин сэйкэн (Власть Сталина). Токио, 1941. С. 186.
19. Ота Масао. Кирю Юю то хангун ронсю (Кирю Юю и сборник антивоенных статей). Токио, 1969. С. 460.
20. Мацутани Макото. Тайхэйё сэносо сюсюно синсо (Правда о ходе войны на Тихом океане). Токио, 1984. С. 23.
21. Юхаси Сигэто. Сэндзи ниссо косё сёси 1941—1945 нэн (Краткая история японо-советских переговоров в годы войны 1941—1945 гг.). Токио, 1974. С. 119.
22. Там же. С. 116.
23. Пол Джонсон. Указ. соч. С. 44.
24. Там же. С. 188.

25. Геббельс Йозеф. Дайхокай — Гэбэрусу сайгоно никки (Полный разгром — дневниковые записи Геббельса накануне конца). Токио, 1973. С. 260.
26. Араи Синъити. Дайнидзи сэкай тайсэн (Вторая мировая война). Токио, 1973. С. 58.
27. Кошкин Анатолий. Тайкоку-но кобо. Сэкай тайсэн-ни окэру ниссо сэн (Борьба великих держав. Японо-советская война во Второй мировой). Осака, 2005. С. 197.
28. Там же. С. 204.
29. Оонума Ясуаки. Токио сайбан — хо то сэйдзи тоно хадзама (Суд в Токио — промежуток между законом и политикой). Из книги «Токио сайбан тоу» (Вопросы к Токийскому трибуналу). Токио, 1989. С. 54.
30. Под редакцией Като Сюити. Дайнидзи сэкай тайсэн то гэндай (Вторая мировая война и современность). Токио, 1986. С. 259.
31. Там же. С. 257.
32. Ёсида Хироси. Адзиатайхэё сэнсо (Азиатско-Тихоокеанская война). Токио, 2007. С. 61.
33. Иммануил Кант. Эйэн хэйва-но тамэ-ни (За вечный мир). Токио, 1985. С. 17.

ЯПОНСКИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ: ВОЕННОПЛЕННЫЕ ИЛИ ИНТЕРНИРОВАННЫЕ?

Общеизвестно, что судьба японских военнопленных и интернированных, находившихся в СССР во время и после Второй мировой войны, занимает важное место в истории российско-японских отношений. Их трагедия остается застарелой раной в исторической памяти японского народа, почти каждой японской семьи.

Судя по публикациям в японской и российской прессе [1] и материалам дипломатических контактов между Россией и Японией, проблема японских военнопленных остается не полностью решенной, несмотря на имевшиеся положительные сдвиги в ней после подписания 18 апреля 1991 г. «Соглашения между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Японии о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных».

При рассмотрении современных японо-российских отношений, касающихся войны августа-сентября 1945 г., возникает ряд вопросов. Например, зачем современная Япония толкает Россию на односторонний пересмотр, нарушение подписанных союзными державами (США, СССР, Великобритания) соглашений, договоров, а также международных конвенций? Тех самых, в которых закреплены правила и обычаи войны, зафиксированы результаты разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии и т.д. Почему сама она игнорирует международное право?

Следует обратить внимание и на то, что проблему статуса бывших японских военнослужащих, содержавшихся в советском пле-

ну, решают не официальные административно-политические и дипломатические органы Японии, а всевозможные общественные организации, состоящие из лиц, побывавших в советском плену, открыто реваншистской ориентации. В то же время подобные претензии не предъявляют к США и другим странам, где содержались в плену японские военнослужащие. И, соответственно, стоит ли российской стороне вступать в полемику с представителями этих организаций?

Можно понять бывших японских военнопленных, которым сложно освободиться от чувства стыда за плен, поскольку, согласно японской национальной традиции, плен — это позор. На самоубийство (совершение харакири) пошли не более сотни человек из почти миллионной Квантунской армии, а все остальные предпочли советский плен, кстати, личное холодное оружие японских военнопленных было изъято лишь после водворения их в лагеря военнопленных на территории Советского Союза...

Возвращаясь к истории Второй мировой войны в этом регионе, стоит напомнить, что Советский Союз заключил с Японией Пакт о нейтралитете (13 апреля 1941 г.), однако он неоднократно нарушался японской стороной. Так, в период с 1941 г. по 1945 г. она систематически осуществляла нападения на советские суда и несколько потопила; нарушала территориальные воды и сухопутную границу в районе Забайкалья и Дальнего Востока; систематически передавала разведывательные сведения о состоянии советских Вооруженных сил фашистской Германии; оказывала экономическую и иную помощь Германии в период войны. Все это было документально подтверждено на Международном трибунале в Токио (1946—1948 гг.) [2]. С 1941-го по 1944 г. включительно японские военные корабли свыше 200 раз осуществили незаконный досмотр советских торговых и рыболовецких судов, нередко применялось оружие. Убытки от таких действий Японии в 1941—1944 гг. составили 637 млн рублей в ценах 1944 г.

Планом стратегического развертывания советских войск на Дальнем Востоке предусматривалось не только проведение ряда наступательных операций, но и развертывание фронтовой сети лагерей для военнопленных.

Согласно этому плану, ГУПВИ НКВД СССР развернуло к 12—14 августа 1945 г. 20 фронтовых лагерей для японских военно-

пленных. Основная масса пленных поступали во фронтовые лагеря НКВД СССР с 15 по 30 августа 1945 г.

По одним данным, в результате боевых действий и капитуляции в советском плену оказались 639 тыс. 635 японских военнослужащих. По другим, в плен были взяты 594 000 японских солдат и офицеров и 148 генералов, в том числе до 20 000 раненых (данные Совинформбюро от 12 сентября 1945 г.). Это же количество было сообщено генералом Деревянко в письме в штаб Макартура в сентябре 1946 г., на основе чего был составлен отчет штаба оккупационных войск об итогах демобилизации японских вооруженных сил. Однако сотрудник МИД СССР П. Ануров в октябре 1948 г. (документ № 228/ 2 ДВ) указывает, что по данным Генерального штаба Вооруженных сил СССР на 15 июля 1948 г., советскими войсками были взяты в плен 634 100 чел., из них 484 334 чел. были переданы в распоряжение МВД СССР; на территорию СССР были завезены 543 767 чел.

Многолетние исследования автора дают основание считать, что всего советскими войсками были пленены 640 105 военнослужащих японской армии, в их числе: 609 448 лиц японской национальности, 16 150 — китайцев, 10 312 — корейцев, 3633 — монгол, 486 — маньчжуров, 58 — русских, 11 — малайцев, 5 — бурятов и 2 тунгуса [3]. Из этого количества были репатрированы 578 035, а 62 070 человек умерли в плену по разным причинам [4]. В числе пленных оказались 170 генералов, 26 345 офицеров и 613 590 солдат и унтер-офицеров.

Официальное распоряжение о вывозе военнопленных японской армии на территорию СССР поступило 23 августа 1945 г. (Постановление Государственного комитета обороны № 9898 от 28 августа 1945 г.). Согласно ему, в СССР предписывалось завезти 500 000—520 000 военнопленных японцев из числа физически годных для работы в условиях Дальнего Востока и Сибири. Местами трудового использования были определены Приморский, Хабаровский и Красноярский края, Казахская и Узбекская союзные республики, Бурят-Монгольская автономная республика, Иркутская и Читинская области, а также БАМ (Байкало-Амурская магистраль). К этому времени во фронтовых тылах были сосредоточены свыше 578 360 японских военнопленных.

Все организационные и другие мероприятия по отправке военнопленных на территорию СССР согласовывались с бывшим командованием Квантунской армии. В этих целях с середины августа по середину сентября 1945 г. в Чанчуне и в других местах маршалы Василевский А.М. и Малиновский Р.Я. неоднократно встречались с генералами Ямада и Хата. По распоряжению Ямада и Хата офицеры штаба Квантунской армии активно участвовали в подготовке военнопленных к вывозу в СССР. Они формировались в батальоны по 1000 человек, командирами батальонов назначались офицеры японской армии.

На 30 октября 1945 г. в СССР были отправлены 420 тыс. плен-ных, из которых в пути умерли 32 722 человека. К концу ноября 1945 г. на территории СССР было уже свыше 570 тыс. пленных японцев.

Интернированных граждан Японии насчитывалось около 6,5 ты-сячи человек. На 1 марта 1949 г. в СССР их осталось 619 человек. 5934 человека к этому времени были репатриированы в Японию, 105 человек умерли по разным причинам.

В числе военнопленных и интернированных были не только мужчины, но и женщины, и дети. Всего в советском плену нахо-дились свыше 367 японских женщин, которые репатриировались в первую очередь. Как правило, это были жены военнопленных и ин-тернированных, добровольно проследовавшие вместе с мужьями в советский плен.

С правовой точки зрения содержание японских военнопленных в советском плену регулировалось: а) международно-правовыми нормами: Гаагской конвенцией 1907 г., Женевской конвенцией от 27 июня 1929 г. о содержании военнопленных, а также Женевской конвенцией от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленны-ми; б) советскими нормативно-правовыми нормами: «Положени-ем о военнопленных», утвержденным постановлением СНК СССР № 1798—800 с от 1 июля 1941 г. и другими нормативными актами советского правительства и ГУПВИ НКВД—МВД СССР, а так-же статьей 19, 320 Уголовного кодекса РСФСР от 1938 г. (с изм. на 01.12.1938 г.) и статьей 19, 329 Уголовного кодекса РСФСР от 1943 г. (с изм. на 01.09.1943 г.) — запрещение дурного обращения с плен-ными.

На территории СССР японские военнопленные были размещены в 56 лагерях НКВД СССР и в более чем 120 рабочих батальонах Министерства обороны СССР. Следует отметить, что в его распоряжении вне территории СССР находились более 38 427 пленных японцев, из них на Ляодунском полуострове (Китай) на 1 марта 1949 г. были 12 483 человека, в Северной Корее — 25 456 человека.

Содержание японских военнопленных осуществлялось на основании постановления СНК СССР № 1798—800 с от 1 июля 1941 г. («Положение о военнопленных»). В отношении питания и медицинского обеспечения японские военнопленные приравнивались к военнослужащим тыловых частей Красной Армии. Переписка с родственниками японским военнопленным была разрешена лишь в 1946 г. (приказ МВД СССР № 00939 от 28 октября 1946 г.).

Японские пленные трудились на лесоразработках Сибири и Дальнего Востока, в шахтах Приморья и Донбасса, на рудниках Урала и Алтая, на стройках Центральной России и Узбекистана, в металлургической промышленности Урала и т.д. В российских архивах не обнаружены данные о суммарном количестве произведенных ими материальных ценностей.

Военнопленными всех национальностей, в том числе и японцами, содержавшимися в лагерях НКВД, за весь период плена было произведено материальных ценностей на сумму более 50 миллиардов рублей (в ценах 1949 г.). Однако на их содержание было израсходовано примерно столько же. Так, на репатриацию 344 488 японских военнопленных только МВД СССР было израсходовано 171 258 800 рублей (данные на 5 февраля 1949 г.).

Ни одно решение, касающееся жизни и деятельности японских военнопленных, не принималось без участия Советского правительства или без согласования с ним. В частности, японский военнопленный генерал Ямада Отодзоо, осужденный как военный преступник, был досрочно освобожден от уголовного наказания и репатриирован по постановлению Президиума ЦК КПСС от 22 февраля 1956 г. и изданному на его основании Указу Президиума Верховного Совета СССР от 25 февраля 1956 г.

Среди японских военнопленных велась усиленная политико-воспитательная и культурно-массовая работа. Фактически при

каждом лагере, где содержались японские военнопленные, функционировали курсы и кружки демократического актива. В соответствии с требованиями международного права (Женевские конвенции об обращении с военнопленными 1929 и 1949 гг. и др.) японским военнопленным была предоставлена возможность отправления своих религиозных культов и организации досуга. Для японских военнопленных издавалась на японском языке газета «Ниппон симбун», корреспондентами которой были сами японские военнопленные. При каждом лагере были клуб, киноаппаратная, радиоузел и библиотека. Это позволяло японским военнопленным в свободное время ставить своими силами спектакли. Пьесы для таких спектаклей писались не только самими японскими военнопленными, но брались такие известные советские пьесы, как «Молодая гвардия» и др. При некоторых крупных лагерях были созданы музыкальные коллективы. Широкой популярностью среди японских военнопленных, содержащихся на территории Иркутской области, пользовался ансамбль японских военнопленных «Новый голос», созданный при лагере № 7 (город Тайшет).

Учитывая национально-психологические особенности японской нации и ее традиции, японским военнопленным разрешалось вывозить с собой во время репатриации, кроме личных вещей, художественную литературу, художественные и почтовые открытки, реликвии. В лагерях, где содержались японские военнопленные, широко практиковались самоуправление и самообслуживание, общение с советскими людьми не пресекалось. Питание японских военнопленных было организовано с учетом их национальных традиций. По сравнению с военнопленными западных армий (немцами, румынами, венграми, итальянцами и др.) в продовольственное снабжение японских военнопленных в больших объемах включались рис, рыба, овощи. Так, согласно нормам суточного довольствия для немецких и японских военнопленных, объявленным приказом МВД СССР № 450 от 15 ноября 1946 г., им было положено:

по норме № 6 (основная) суточного довольствия японским военнопленным рядового и унтер-офицерского состава на одного человека в день выдавалось (в граммах): хлеба из муки простого размола — 350, риса — 300, рыбы — 150 (для содержащихся в

районах Дальнего Востока и Сибири) и 100 (для содержащихся в других районах СССР), овощи свежие или соленые и картофель — 800 и т.д.;

по норме № 7 суточного довольствия для общегоспитальных больных японских военнопленных на одного человека в сутки было положено (в граммах): хлеба из муки простого размола — 200, риса — 400, рыбы — 100, молока свежего — 200, овощей свежих или соленых — 500 и т.д.;

по норме № 8 суточного довольствия для военнопленных японских генералов и по норме № 9 суточного довольствия для военнопленных японских офицеров в день на одного человека было положено (в граммах): хлеба из муки простого размола — 300, риса — 300, овощей свежих или соленых — 600 и т.д.

Для сравнения, согласно приказу НКО СССР № 312 за 1941 г., по норме № 3 суточного довольствия рядового и офицерского состава тылов Красной Армии выдавалось в день на человека (в граммах): хлеба ржаного — 750 зимой и 650 летом, рыбы — 120 и т.д. Как видим, нормы довольствия военнослужащих Красной Армии фактически не отличались от норм суточного довольствия японских и других военнопленных. Следует отметить, что эти нормы в жизни не всегда выдерживались как у военнопленных, так и у военнослужащих Красной Армии.

На 25 декабря 1956 г. на территории СССР не осталось ни одного японского военнопленного, за исключением тех, которые по разным мотивам отказались от репатриации в Японию и с разрешения Советского правительства остались на жительство в СССР.

В настоящее время претензии японской стороны к России сводятся, в основном, к следующему:

Советский Союз (Россия) нарушил Пакт о нейтралитете с Японией от 13 апреля 1941 г. и статью 9 Потсдамской декларации 1945 г.

СССР не представил при репатриации военнопленных документов с указанием остаточной суммы заработка в плену, игнорируя статью 66 Женевской конвенции 1949 г.;

СССР не предоставил японской стороне списков умерших и мест их захоронения, игнорируя статью 14 Гагской конвенции и Женевскую конвенцию 1949 г., в результате чего вплоть до 1991 г.

родственники умерших не имели сведений о своих близких и не могли посетить могилы родных;

военнопленным, осужденным в СССР, не предоставлялось право подавать апелляционную или кассационную жалобу на всякий вынесенный приговор или просить о пересмотре дела, в результате чего ошибочно осужденные в плену оказались лишенными прав военнопленных.

Кроме того, Всеяпонской ассоциацией бывших военнопленных в январе 1997 г. были распространены «Материалы, касающиеся правовой основы и международной практики выплаты компенсации за работу в плену» (распространены среди членов комитета Госдумы РФ), в которых были вновь поставлены перечисленные и новые вопросы:

официальные документы, выданные российскими правительственными организациями, справки о труде и справки о реабилитации не имеют юридической силы в Японии без официального представления их по дипломатическим каналам в установленной в международной практике форме; без этой процедуры вопрос о выплате компенсации со стороны японского правительства не может быть положительно решен;

ранее заключенное Соглашение о лицах, находившихся в плену от 18 апреля 1991 г., по ряду других вопросов нарушает права военнопленных и их родственников;

российской стороной не представлены списки примерно на 25 000 человек, умерших в плену;

несмотря на неоднократные обещания российской стороны, в том числе Президента РФ Б.Н. Ельцина на пресс-конференции в Японии по итогам заседания «большой семерки», вопрос о безвизовых поездках родственников умерших пока не решен;

неоднократные обращения Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных в МИД РФ по этим вопросам не получили ответа.

Нельзя не согласиться, что наличие неурегулированных вопросов о судьбе военнопленных породило в Японии чувство недоверия к советскому народу, что долгие годы это активно использовалось для разжигания антирусских настроений, однако изучение истории взаимоотношений между Японией и СССР в 1941—1956 гг., а так-

же международных правовых документов, определяющих порядок содержания военнопленных, показывает, что далеко не все претензии японской стороны обоснованы.

Согласно статье 66 Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г., «державая в плену держава должна выдать ему (военнопленному. — *В.Г.*) документ, подписанный уполномоченным на то офицером этой державы, в котором будет указано кредитовое сальдо, причитающееся ему в конце нахождения в плену». Да, советское правительство таких документов военнопленным вообще не выдавало. Однако является ли это основанием для правительства Японии отказать в материальной компенсации гражданам своей страны, которые по вине своего же правительства (!) находились в плену в СССР? Если правительству Японии необходимо официальное подтверждение о 547 593 военнопленных японской национальности (на сегодня их осталось около 200 тысяч), то нужные для этого документы оно найдет в собственных архивах.

Репатриированные военнопленные передавались персонально по спискам или актам, составлявшимся в двух экземплярах и скрепленным печатями и подписями принимающего и сдающего, уполномоченным представителям правительства Японии. Один экземпляр такого списка оставался у советской стороны, а второй передавался японской стороне. Правительство Японии давным-давно могло бы официально запросить правительство СССР о наличии кредитовых сальдо каждого из военнопленных.

Почему же этого не происходит? Определенные круги Японии весьма заинтересованы в том, чтобы 547 593 бывших военнопленных, прибывших живыми и здоровыми на родину, и их семьи оставались в худшем материальном положении, чем японские военнопленные, возвратившиеся из плена США, Великобритании и других стран. Это помогало поддерживать негативное отношение части японских граждан к СССР и советскому народу. И не случайно, что, по данным на 1990 г., 34,2 процента японцев прямо заявляли о своем недоброжелательном отношении к СССР и его населению (данные совместного опроса общественного мнения в Японии, проведенного информационными агентствами ТАСС и «Киодо Цусин»).

Для уточнения статуса японских военнослужащих, захваченных в плен советскими войсками в августе-сентябре 1945 г., необходимо прежде всего, дать ответ на вопрос, были они военнопленными или интернированными. Советский Союз находился в состоянии войны с Японией и соблюдал требования международного права, касающиеся правил и обычаев ведения как сухопутной, так и морской войны. Основными источниками международного права по проблеме военнопленных, действовавшими в то время, были Гагская конвенция 1907 г., Женевские конвенции о содержании военнопленных и об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 27 июля 1929 г. (ратифицирована советским правительством в 1931 г.), «Положение о военнопленных», утвержденное постановлением СНК СССР № 1798—800 с от 1 июля 1941 г., и другие нормативные акты советского правительства. Согласно им, военнослужащие японской армии, захваченные в плен советскими войсками в период войны с Японией, полностью подпадают под статус военнопленных [5]. Право интернировать военнопленных, то есть задержать, изолировать от окружающих, поместить в лагерь для военнопленных и содержать их в этих лагерях под охраной, всецело принадлежит державе, во власти которой находятся военнопленные [6]. Статус интернированного военнопленный получает тогда, когда он, сбежав из лагеря неприятеля, окажется на территории нейтрального государства. СССР не относился к категории нейтрального государства, он был воюющим государством. Статус «интернированного» получают лишь гражданские лица, являющиеся гражданами воюющих государств и оказавшиеся в момент начала войны или в ходе ее на территории военного противника [7].

Естественно, что если умножить 609 448 человек, оказавшихся в советском плену, минимум на три (среднее количество близких родственников бывших в плену), то получается, что почти два миллиона японцев находятся под грузом «стыда за плен». Однако правительство Японии еще в 1938 г. приняло решение о возможности не возвращать на родину тела погибших военнослужащих [8], чем грубейшим образом нарушило национальную традицию. Что же мешает японским властям подобным образом решить проблему национального «стыда за плен»?

Здесь есть и психологические [9], и политические аспекты. Причиной пленения военнослужащих Квантунской армии стал Указ о прекращении боевых действий, изданный самим императором Японии 14 августа 1945 г. Подавляющее большинство японских военнопленных в СССР даже в опросных листах в графе «когда и где был взят в плен» писали «по приказу императора», чем как бы снимали с себя «позор за плен». Многие отказывались писать письма домой на выдаваемых им стандартных почтовых карточках, на которых была надпись «военнопленный». Вероятно, сказывался и страх перед возможным наказанием за плен, примером чему послужила казнь вернувшихся на родину японских военнопленных после событий на Халхин-Голе в 1939 г.

В последнее время в японском обществе все чаще и чаще поднимается вопрос о том, что Россия обязана извиниться перед Японией за войну августа 1945 г. и за «издевательства» над японскими военнослужащими в советском плену.

Мы считаем более чем достаточными извинения бывшего президента России Б.Н. Ельцина во время его визита в Японию (1993 г.) [10]. Или японцы забыли об этом? Со своей стороны, мы вправе потребовать от японского премьера извинений по множеству пунктов: и за агрессивную политику японского правительства по отношению к России—СССР, развязанные им войны и конфликты; за реваншистские планы и территориальные претензии к России.

Япония никогда не извинялась перед Россией даже за те зверства и злодеяния, которые творили японские войска на территории советского Дальнего Востока во время их интервенции в 20-е гг. XX века.

Безусловно, достигнутые договоренности Б. Ельцина с японской стороной привели к тому, что мы стали выдавать бывшим японским военнопленным справки о пребывании в плену по их желанию, упростился доступ к могилам умерших в плену и т.д. Это положительный момент. Но, к сожалению, само японское правительство прекратило выполнения достигнутых договоренностей.

Российские исследователи немало сделали для ликвидации белых пятен в истории российско-японских отношений, однако японская сторона взаимностью не отвечает. Примером тому могут

служить интервью профессора Тадаэ Такубо и президента «Ассоциации интернированных» Сакакура Киёси телеканалу РЕН ТВ (REN TV) в августе 2005 г. Тадаэ Такубо заявил: «России, конечно, следовало бы признать свою вину за пленных и погибших в плену японцев, но в настоящее время такого признания нет, эти люди сейчас создают организации, пытаясь донести до общественности свои проблемы, но пока тщетно».

Мы считаем возможным напомнить профессору Тадаэ Такубо высказывание профессора Кошкина А.А. в его интервью «Российской газете» 2 сентября 2005 г.: «Абсурдными выглядят и требования “урегулировать проблемы японских военнопленных”, с которыми подчас выступают российские лоббисты интересов “Ассоциации интернированных”. Эти проблемы разрешены полвека назад — Совместной советско-японской декларацией 1956 года, восстановившей мирные отношения между нашими государствами. В 6-й статье декларации записано: “СССР и Япония взаимно отказываются от всех претензий, соответственно, со стороны своего государства, его организаций и граждан, возникших в результате войны с 9 августа 1945 года”. Стоит напомнить, что при заключении соглашения о прекращении состояния войны Советское правительство великодушно отказалось от всех репараций и материальных претензий к Японии. Все это лишает Японию и ее граждан юридических и моральных оснований требовать каких бы то ни было “компенсаций”» [11].

Было бы справедливым возвратиться к никем не отмененному Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г. «Об объявлении 3 сентября праздником победы над Японией» [12]: «В ознаменование победы над Японией установить, что 3 сентября является днем всенародного торжества — праздником победы над Японией. 3 сентября считать нерабочим днем». Возвращение этого праздника ни в коем случае не умалит праздника 9 Мая, поскольку он является Днем Победы над фашистской Германией и ее сателлитами, а 3 сентября — это не только день победы над Японией, но и день окончания Второй мировой войны.

Примечания

1. См.: Бобринёв В.А. Тайная история сибирского интернирования. На яп. языке. Цуруока: 1992; Маэда Токусио. Краткая история сибирского интернирования. На яп. языке. Токио: 1995; Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы. Военно-исторический журнал, № 4, 1991, с. 66—75; Галицкий В.П. Японские военнопленные и интернированные в СССР // Новая и новейшая история, 1999, № 3, с. 18—33; Галицкий В.П. Японские военнопленные: разменная карта японских антируссистов. — В кн.: Шестидесятилетие Победы над милитаристской Японией. Сборник статей. Ответственный редактор академик РАЕН А.М. Хазанов. М.: Институт востоковедения, 2006, с. 47—53; Галицкий В.П. Взаимоотношения фашистской Германии и милитаристской Японии в 30-е и 40-е годы. — В кн.: Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. Тезисы межвузовской конференции. — Екатеринбург: Уральский госуниверситет, 1992. с. 22—31; Галицкий В.П., Зимонин В.П. Десант на Хоккайдо — отменить! — Военно-исторический журнал, № 3. М.: Воениздат, 1994. с. 5—13; Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР. — Проблемы Дальнего Востока, № 6. М.: 1990, с. 115—123; Галицкий В.П. Взаимоотношения советских людей и японских военнопленных. — Азиатские известия № 5 (252). На яп. яз. — Токио: Майнити, 1991. с. 43—47; Галицкий В.П. Политика Танака Тодзио глазами соотечественников. — Проблемы Дальнего Востока, № 4. М.: 1991, с. 80—81; Галицкий В.П. Российско-японские отношения в свете проблемы «северных территорий». — В кн.: Россия и Япония. Сборник статей. Ответственный редактор академик РАЕН А.М. Хазанов и др. М.: Институт востоковедения, 2008, с. 151—162; Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. Монография. — М.: Институт востоковедения РАН — «Крафт+», 2003. 432 с.; Спиридонова М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945—1948 гг.). Дис. на соиск. уч. степени канд. истор. наук. Красноярск: 2001; Россия и Япония в начале XXI века. Сб-к статей. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. 245 с. и др.

2. См.: Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М.: 1980.

3. См.: Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы. Военно-исторический журнал, № 4, 1991 г., с. 66—75

4. См.: Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы. Военно-исторический журнал, № 4, 1991 г., с. 66—75.

5. См.: Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. — М.: МККК, 1994, с. 58—60 (статьи 4 и 5 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об обращении с военнопленными»).

6. См.: Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. — М.: МККК, 1994, с. 67—68 (статьи 21 и 22 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об обращении с военнопленными»).

7. См.: Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. — М.: МККК, 1994, с. 151—156 (статьи 35—45 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «О защите гражданского населения во время войны»).

8. В изданной в связи с этим решением в 1938 г. «Памятке...» указывалось: «..Смерть на фронте — это обязанность военного человека. Мы должны воевать до конца, не жалея своих сил и крови. Поэтому мы должны разъяснять своей семье, что труп каждого человека не обязательно возвращать домой и хоронить на родине. Мы должны предварительно оставить свои портреты или волосы на память...» — Памятка японскому солдату и младшему офицеру. — Токио: изд-во Военного министерства Японии, август 1938 г.

9. Более подробно об этом см.: Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях плена. — Социологические исследования, № 10. М.: 1991. С. 48—63.

10. Перед визитом в Японию в ноябре 1993 г. Президент РФ Б. Ельцин изрек: «Для нас, русских, преступления Сталина — это огромная черная яма, в которую была свалена вся история. Сибирские лагеря японцы переживают почти так же тяжело, как трагедию Хиросимы. Американцы давно принесли извинения японцам. Однако мы этого не сделали..» Цит. по: Александр Сабов. Тень Цусимы длиною в век. В истории Второй мировой войны точку пришлось ставить дважды. Интервью профессора Кошкина А.А. // Российская газета, № 195, 02.09.2005 г., с. 12. После этого Б. Ельцин, находясь с визитом в Японии, принес «официальные извинения» за содержание японских военнопленных в сибирских лагерях для военнопленных. Вместе с тем всем известно, что правительство США никогда не извинялось перед Японией ни за варварское истребление сотен тысяч

мирных граждан, жителей Хиросимы и Нагасаки, ни за интернирование японцев на территории США, ни за содержание японских военнопленных в своих лагерях. Американское понимание истории не изменилось: это были «издержки войны». — *Авт.*

11. Цит. по: Александр Сабов. Тень Цусимы длиною в век. В истории Второй мировой войны точку пришлось ставить дважды. Интервью профессора Кошкина А.А. // Российская газета, № 195, 02.09.2005. С. 12.

12. Ведомости Верховного Совета СССР, 1945, № 61.

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ЯПОНСКОЙ ФОРМУЛЫ «НИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ, НИ ПОБЕЖДЕННЫХ»

Формирование всеобъемлющей обстановки в Северо-Восточной Азии и в Восточной Азии в целом характеризуется в том числе односторонними и многосторонними усилиями противостояния региональных стран «новым и старым вызовам», которые не только дестабилизируют региональную обстановку, но и представляют прямую угрозу безопасности государств. Одними из таких «старых вызовов» продолжают оставаться территориальные проблемы — результат выдвижения территориальных претензий одних стран в отношении других. В 60—80-е годы прошлого столетия одним из источников таких претензий в регионе была КНР, которая выдвигала территориальные претензии практически ко всем странам по периметру ее границ. В большинстве случаев эти претензии носили форму острых конфликтов, вплоть до вооруженных столкновений и краткосрочных войн. К началу XXI столетия Китай смог решить и упорядочить практически все территориальные проблемы с соседними странами и перестал быть источником территориальной напряженности и угроз. Однако с исчезновением «китайской угрозы» на первый план в регионе в качестве основного источника территориальных претензий в Северо-Восточной Азии «выдвинулась» Япония.

На сегодняшний день по всем формальным показателям Япония является источником противоречий, которые создают **конфликтную ситуацию** (потенциальный конфликт) в ее отношениях с Россией и Республикой Корея (РК). Основное содержание проти-

воречий — оспаривание Японией результатов послевоенного территориального урегулирования в Восточной Азии на основе Сан-Францисского договора 1951 г. Выдвигая тезис об «исторических правах» и основываясь на собственном толковании статей и положений договора, а также событий, которые сыграли решающую роль в выработке мирного Сан-Францисского договора, Япония оспаривает у России ее право на осуществление суверенитета над южными Курильскими островами, которые японская сторона называет «северными территориями». Аналогичные претензии Япония выдвигает в отношении группы Токдо (*по-японски* — Такэсима), которая находится под административным контролем и суверенитетом Республики Корея. Помимо заявления официальных претензий, японская сторона вне зависимости от партийной принадлежности главы Кабинета министров осуществляла и продолжает осуществлять внутренние мероприятия по «закреплению» территориальных претензий: оформляет эти претензии внутренним законодательством, создает общественные организации, которые должны формировать общественное мнение в поддержку официальных претензий, ведет пропаганду по «сплачиванию народных масс, требующих возврата исконных территорий», и т.д. Таким образом, суть конфликтной ситуации — непризнание Японией де-факто границ с Россией и РК и оспаривание их суверенитета над пограничными территориями.

Несмотря на то что территориальные претензии японской стороны к России и РК не носят острых, насильственных форм, тем не менее, потенциал перерастания нынешней ситуации в открытый конфликт сохраняется по определению. Это обстоятельство обусловливает отсутствие подлинного доверия между Россией и РК с одной стороны и Японией — с другой, что является «ахиллесовой пятой» любой региональной структуры безопасности с участием указанных и других региональных стран.

Япония — Россия. Конфликтная ситуация между Японией и Россией носит простейшую форму международной конфликтной ситуации, поскольку в ней непосредственно участвуют только две стороны, что повышает потенциальную возможность урегулирования ситуации при соответствующих условиях в будущем (близком или отдаленном). Ни другие государства или коалиция государств, ни международные организации не принимают участия в данной конфликтной ситуации, что в целом упрощает проблему. Хотя, сле-

дует подчеркнуть, что японская сторона неоднократно предпринимала и продолжает предпринимать попытки интернационализировать свои претензии и «вывести проблему на международный уровень» [1].

С точки зрения средств и методов разрешения рассматриваемой конфликтной ситуации противоборство не носит насильственного характера и основными движущими силами с обеих сторон являются дипломатические, политические и общественные механизмы. Вооруженные силы, механизмы внешнеполитического и внешнеэкономического принуждения не используются. Это обстоятельство, пожалуй, является единственной «положительной характеристикой» в созданной японской стороной рассматриваемой конфликтной ситуации.

Таким образом, на первый взгляд территориальные претензии Японии к России лишь пополняют список из более чем 200 аналогичных конфликтных ситуаций низкой интенсивности по всему миру. Однако на самом деле в отличие от практически всех ситуаций упомянутого списка территориальные претензии Японии к России имеют опасный, глубинный характер — они есть не что иное, как долговременные настойчивые попытки «поставить точку в завершении Второй мировой войны» [2], пересмотреть территориальные итоги войны на Тихом океане, итоги войны в целом. Окончательная цель этой кампании, по мнению бывшего премьер-министра Японии Р. Хасимото, заключается в осуществлении принципа «взаимных интересов», суть которого состоит в ликвидации материальных и нематериальных символов поражения Японии во Второй мировой войне — «ни победителей, ни побежденных» [3]. Такими символами являются «потеря» Японией ряда территорий, размещение американских баз на японской территории, «историческая память», прежде всего азиатских стран, и др. Именно поэтому Япония вопреки своим международным обязательствам по Сан-Францисскому договору стремится «вернуть утраченные территории», оспаривая их у России и РК, вывести американские базы не только за пределы Окинавы, но и Японии, «переписать учебники истории» и методические разработки по преподаванию «правильной истории» и др. Многие региональные эксперты склонны рассматривать эти действия как возрождение реваншистских настроений, которые популяризируются как либерал-демократами, так и

впервые пришедшими к власти в Японии в 2009 г. демократами. В последнее время попытки японской стороны пересмотреть итоги Второй мировой войны, прежде всего территориальные итоги, приобрели особый смысл в свете активизировавшейся в Европе кампании с далеко идущими последствиями по уравниванию сталинизма и нацизма (резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ «Воссоединение разделенной Европы»).

Япония на официальном уровне настойчиво оспаривает законность российского суверенитета над южными Курильскими островами — Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа мелких островов, объединенных названием Плоские (Танфильева, Зеленый, Юри, Полонский) (по-японски — Хабомай); общая площадь — 5036 км²; морская акватория оспариваемого объекта — 200 тыс. км² российской исключительной экономической зоны. Ресурсный потенциал оспариваемых территорий оценивается в \$ 40—50 млрд (нефть, газ, титан, мировые запасы рения и др.); возобновляемые биоресурсы оспариваемой акватории оцениваются в \$ 1,5—2 млрд ежегодной добычи [4].

В 2009 г. стало очевидным, что японская сторона сохраняет, но не афиширует ее претензий и на Сахалин. В связи визитом в феврале 2009 г. тогдашнего премьер-министра Т. Асо на Сахалин для открытия завода по сжижению газа в парламенте Японии был сделан запрос, не означает ли визит японского лидера на Сахалин «признание Японией российского суверенитета» над островом. В официальном ответе правительства было подчеркнуто, что «нет, не означает», поскольку «вопрос о принадлежности этой территории окончательно не определен».

И для полноты оценки всего объема претензий — явных и потенциальных — следует подчеркнуть, что, например, Компартия Японии (КПЯ) в своей «территориальной платформе» в список оспариваемых у России территорий, помимо южных Курил и Сахалина, включает и «северные Курилы», т.е., по сути, настаивает на возвращении к итогам японо-русского Портсмутского мирного договора 1905 г. [5]. Характерно, что ни одна из политических партий никогда не критиковала КПЯ за эту часть ее политической платформы.

Подписав 8 сентября 1951 г. Сан-Францисский мирный договор, Япония в соответствии со ст. 2 отказалась «...от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть Сахалина и прилегающих к нему островов, суверенитет над ко-

торыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.» [6]. Японские представители в период подготовки текста договора неоднократно обращались к американской стороне с просьбой изъять территориальные статьи из текста договора. Однако, несмотря на усложнение советско-американских отношений после смерти Ф. Рузвельта, США и Великобритания сохранили «наказательный характер» договора, обязав Японию отказаться от конкретных территорий. Этот характер был определен на Ялтинской конференции, которая была не конференцией держав по «решению японского вопроса», а конференцией послевоенного устройства мира. Решения, принятые на конференции, стали результатом взаимных компромиссов держав: США и Великобритания в новых геостратегических условиях 1945 г. пересмотрели положения Атлантической хартии (1941 г.) и решения Каирской конференции (1943 г.) в отношении принципов решения территориальных вопросов, СССР, в свою очередь, учел интересы партнеров по таким вопросам, как формула голосования в ООН, членство Франции в Контрольной комиссии по Германии, поправки Великобритании по Югославии, содержание «Декларации по освобожденной Европе», послевоенное положение Польши [7].

Такова была **real politic**, которую хорошо понимали японские представители. Премьер-министр С. Ёсида в своем выступлении в Сан-Франциско заявил, что «японская делегация с радостью принимает этот справедливый и великодушный договор» [8]. Позже, при обсуждении текста договора в парламенте Японии перед его ратификацией, он же заявил: «Согласно положению, содержащемуся в Сан-Францисском договоре, Япония отказалась от суверенитета и оснований на Курильские острова, Сахалин и другие. Следовательно, я думаю, что в отношении того, как с ними поступать, Япония не имеет теперь права вмешиваться» [9]. Несколько ранее на этих же слушаниях заведующий договорным департаментом МИД Японии К. Нисимура дал официальное разъяснение о том, что, поскольку Япония в соответствии с договором отказалась от суверенитета над указанными территориями, «данный вопрос в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является разрешенным» [10].

Более того, с подписанием 19 октября 1956 г. советско-японской Совместной декларации и ратификацией ее японским парламентом,

создалась качественно новая ситуация, которая на тот период, казалось, отражала достижение окончательного компромисса между СССР и Японией: в соответствии со ст. 9 Совместной декларации Япония **де-факто** и **де-юре** признавала право СССР на осуществление суверенитета над южными Курилами в соответствии со ст. 2 Сан-Францисского договора. В свою очередь, СССР, всегда отвергавший территориальные претензии Японии, нашел формулу «закрытия территориального вопроса» навсегда путем «передачи по доброй воле Японии островов Шикотан и группы «Хабомай» **после подписания мирного договора**» [11].

Однако вскоре после обмена ратификационными грамотами Совместной декларации правительство И. Хатояма ушло в отставку и ситуация стала развиваться по худшему сценарию — новое правительство Японии отказалось от обязательств по Совместной декларации и со всей определенностью заявило о претензиях на южные Курилы. Японская сторона не только отказалась от Декларации 1956 г., но и стала открыто оспаривать смысловое содержание ст. 2 Договора 1951 г. и сопутствующих событий и решений. Так, СССР было отказано в праве ссылаться на Сан-Францисский договор, поскольку он не являлся его подписантом [12], открыто не признавались решения Ялтинской конференции, поскольку «Япония не была участницей на ней», и др.

Выдвижение территориальных претензий побежденной в войне Японией к одному из победителей было обусловлено наличием неформальной поддержки со стороны США, которые к этому периоду уже вступили в холодную войну с СССР и которые рассматривали этот «территориальный вопрос» в двух плоскостях: не дать развиваться процессу послевоенной нормализации советско-японских отношений и использовать «территориальный вопрос» как один из опосредованных инструментов борьбы с СССР. Активирующая роль США стала совершенно очевидной после подписания в 1956 г. советско-японской Совместной декларации, когда американская администрация официально уведомила Токио о том, что если Япония ограничит свои территориальные претензии Малой Курильской грядой (Шикотан и группа Плоские), возможность чего возникала по условиям Совместной декларации, то США не передадут оккупированную Окинаву под административный контроль японского правительства. Такая позиция отражала **real politic** нового этапа

развития послевоенной обстановки — территориальные претензии Японии к СССР/России во многом стали одним из результатов борьбы сверхдержав периода холодной войны.

Соединенные Штаты до сегодняшнего дня на полуофициальном и даже периодически на официальном уровне продолжают поддерживать территориальные претензии Японии на российские южные Курильские острова — практически на всех американских картах и атласах российские южные Курилы обозначаются как «оккупированные СССР в 1945 г.».

С середины 60-х до середины 80-х годов японские территориальные претензии к СССР на полуофициальном и официальном уровне поддерживались и КНР. В настоящее время такой поддержки нет, однако продолжают отмечаться случаи, когда на современных картах, изданных в Китае, оспариваемые Японией российские территории закрашиваются в цвет национальной территории Японии. Вместе с тем обстоятельный анализ картографических материалов большей части государств мира, прежде всего ведущих, дает основание утверждать, что в целом международное сообщество признает и однозначно трактует как итоги Сан-Францисского договора, так и нынешний территориальный статус-кво в российско-японских отношениях.

С точки зрения международного права и существующих реалий с 1951 г. до 1991 г. официальная позиция Японии в отношении законности суверенитета СССР над южными Курильскими островами квалифицировалась как **территориальные претензии**. После признания в апреле 1991 г. первым президентом СССР М. Горбачевым наличия «территориального вопроса» в двусторонних отношениях и согласия персонифицировать оспариваемый объект появилась возможность квалифицировать территориальные претензии, как «территориальную проблему», чем сразу воспользовалась японская сторона. Российская Федерация, как правопреемница СССР, соответственно, унаследовала «территориальную проблему» в отношениях с Японией. Согласие администрации Б. Ельцина заключить «мирный договор» с Японией «путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и группы “Хабомай”», сформулированное в Токийской декларации 1993 г., по сути, означало признание уже Россией трансформации прежних территориальных претензий Японии в «двустороннюю проблему» [13].

Рассматриваемая конфликтная ситуация не носит антагонистического характера, несмотря на то что в течение длительного времени обе стороны занимали и продолжают занимать бескомпромиссные позиции. После восстановления дипломатических отношений в 1956 г. двусторонние отношения последовательно развивались в области дипломатии, экономики, культуры. С образованием Российской Федерации значительно активизировались политические связи, в том числе на высшем уровне, впервые за послевоенный период стали развиваться контакты по линии военных ведомств. Качественно изменилась позиция Японии времен холодной войны, когда СССР рассматривался как «угроза с севера» — с 1995 г. Россия, по официальной версии, не представляет угрозы для безопасности Японии. Проблема суверенитета над южными Курильскими островами ни разу не становилась поводом для обострения двусторонних политических или дипломатических отношений, для введения экономического эмбарго и других силовых действий.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что проблема «северных территорий» была превращена в важный инструмент во внутренней политике Японии, который с разной интенсивностью использовался всеми послевоенными правительствами страны и продолжает использоваться до сих пор.

Во-первых, требование о возвращении «северных территорий» являлось и продолжает оставаться неизменным пунктом платформ всех партий — правящих и оппозиционных. Наиболее радикальные позиции занимает КПЯ; ни одна партия не могла и до сих пор не может выступить с каким-либо компромиссным предложением по разрешению проблемы «северных территорий», поскольку такой шаг неизбежно приведет к политическому поражению во внутриполитической борьбе.

Во-вторых, территориальные претензии к СССР были возведены в ранг национальной политики, активная фаза которой приходится на середину 60—80-х годов XX и начало XXI столетия. С одной стороны, правящим кругам было необходимо демонстрировать «поддержку широких народных масс» политике возвращения «северных территорий». С другой — расширяя внутринациональные масштабы и активизируя территориальную кампанию «на российском направлении», политическое руководство страны стремилось продемонстрировать США союзническую лояльность, неизмен-

ность антисоветской позиции в целом, с тем чтобы США «безбоязненно» вернули Японии право суверенитета над Окинавой.

В 60—80-е годы политическое руководство страны предприняло значительные усилия для мобилизации населения страны на поддержку политики, нацеленной на «возвращение северных территорий». Особую активность на этом направлении проявляла правящая Либерально-демократическая партия (ЛДП). В стране были созданы правительственные и общественные организации, занимающиеся расширением числа участников кампании за «возвращение северных территорий». Среди них: Лига бывших жителей Курил и Хабомай (1955 г.), Ассоциация по северным районам (1961—1969 гг.), Лига борьбы за возвращение северных территорий (1965 г.), Комитет содействия префектуры Хоккайдо (1968 г.), правительственная Ассоциация по северным территориям (1969 г.), Координационный совет по проблеме северных территорий (1971 г.), Комитет по мобилизации мирового мнения в поддержку требований о возвращении северных территорий (1978 г.). Все эти и другие организации объединяли и продолжают искусственно объединять в своих рядах граждан Японии. В марте 2003 г. после визита премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Россию впервые была создана парламентская Лига за возвращение северных территорий, в состав которой вошли 83 японских парламентария. Правительство Японии оказывает большую финансовую поддержку не только проправительственным организациям, но и общественным организациям и группам, инициируя их создание по всей стране.

Предпринимаются практические шаги и на административном и законодательном уровнях. В структуре правительства имеется Управление по делам Окинавы и северных территорий, которое по ряду аспектов отвечает за политику по «возвращению северных территорий»; в 1968 г. в парламенте созданы специальные комитеты по делам Окинавы и северных территорий, такие же комитеты созданы во многих префектуральных собраниях. В августе 1982 г. был принят Закон о специальных мерах по решению проблем «северных территорий», который, в частности, позволяет любому гражданину Японии объявить местом своего постоянного проживания Кунашир, Итуруп и Шикотан. В 1980 г. установлена новая государственная дата — День возвращения северных территорий (8 февраля).

Таким образом, в Японии на национальном уровне создан механизм «всенародной поддержки», который в случае перехода нынешней конфликтной ситуации в состояние конфликта может быть успешно использован как минимум для морально-психологической поддержки действий правительства. В России механизм всенародного отстаивания южных Курил не носит организованного характера в национальном масштабе, что является слабой стороной российской позиции.

Вместе с тем анализ современной военно-политической обстановки в регионе и тенденций ее развития дает основание утверждать, что в настоящее время и в близкой перспективе **Япония не будет инициировать трансформацию нынешней конфликтной ситуации в конфликт с использованием силовых элементов в силу ряда объективных причин:**

— современный потенциал сил самообороны Японии не позволяет проводить самостоятельно крупные наступательные операции по захвату оспариваемой у России территории;

— пока отсутствуют предпосылки для задействования механизма японо-американского военно-политического союза с целью нанесения ущерба дальневосточным районам России; Россия исключена из «района, прилегающего к Японии», который японо-американские коалиционные силы должны защищать в соответствии с Руководящими принципами японо-американского партнерства от 1999 г.;

— геополитическая и геоэкономическая реальность объективно не позволяют Японии предпринять в отношении России какие-либо агрессивные действия без ущерба для собственной безопасности, в том числе и неприемлемого;

— в настоящее время и в близкой перспективе Япония не сможет предпринять в отношении России действий силового характера в силу реальных опасений вызвать острую негативную реакцию всего Азиатско-Тихоокеанского региона в отношении «реанимации японского милитаризма». Силовые действия Японии в отношении разрешения территориальной проблемы с Россией подорвут стремление Японии стать членом региональной системы безопасности и играть более значимую политическую роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом, что является приоритетным направлением внешнеполитической стратегии Токио.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что на современном этапе Япония достаточно успешно использует вполне мирные формы разрешения территориальной проблемы в свою пользу. Жесткий политико-дипломатический прессинг в сочетании с обещаниями «небывалого подъема в экономическом сотрудничестве» и активизацией «культурного наступления» на фоне проведения российской стороной «неконфликтной дипломатии» принес Японии ряд позитивных результатов и укрепил ее позиции, прежде всего внутривластные, в «территориальном споре» с Россией. Одна из особенностей переговорной тактики японской дипломатии состоит в том, чтобы своими требованиями, нередко откровенно абсурдными, завести партнера в тупик и ждать принятия им решения, которое, как правило, в таких ситуациях бывает ошибочным. Такой итог и есть искомая японской стороной величина, которую она использует в своих интересах для дальнейшего укрепления собственных позиций. Такая тактика реализуется и на российском направлении. Фальсификация итогов Второй мировой войны есть проявление такой тактики.

Разрешение территориальной проблемы на условиях Японии представляет собой многоплановую угрозу интересам и безопасности России:

- окончательную ликвидацию основополагающих принципов послевоенного урегулирования и легитимизацию территориальных претензий к России со стороны других государств по всему периметру ее границ;

- пересмотр российской Конституции в отношении территориальной целостности РФ;

- потерю стратегически необходимых позиций для обеспечения военной безопасности страны на ее восточных рубежах, включая проблему оттока населения и др.;

- потерю богатейшей базы биоресурсов и перспективной базы энергоресурсов, наносящую невосполнимый урон экономической безопасности страны;

- ослабление военно-политических позиций России как одного из лидеров в формировании региональной системы безопасности и др.

Несмотря на то что нынешняя конфликтная ситуация по «территориальному вопросу» в отношениях Японии с Россией имеет

низкий уровень интенсивности, тем не менее отсутствие инструментов по ее разрешению может способствовать перерастанию этой ситуации в конфликт в будущем. Поэтому разрешение конфликтной ситуации с Японией в отношении «территориальной проблемы» необходимо рассматривать не только как фактор развития двусторонних связей, но, прежде всего, как фактор обеспечения безопасности России в целом.

Нынешняя конфликтная ситуация в российско-японских отношениях по вопросу о территориальном размежевании не представляет непосредственной угрозы безопасности России на дальневосточных рубежах и не ослабляет ее позиций как одного из инициаторов создания региональной системы безопасности. Кроме того, ситуация не имеет международного звучания и носит локальный характер. Вместе с тем территориальная проблема в российско-японских отношениях имеет опасный конфликтный потенциал, что обуславливает необходимость разрешения проблемы на условиях, отвечающих национальным интересам России, или по крайней мере сохранения конфликтной ситуации на безопасном уровне.

Япония оспаривает право на административный контроль над островом Токдо [14] площадью около 0,2 км². На острове расположен полицейский пост Министерства внутренних дел Республики Корея, с февраля 2003 г. остров Токдо включен в почтовый реестр Министерства связи РК и ему присвоен индекс 799—805 [15].

КНДР не выдвигает территориальных претензий к РК, рассматривает острова как «корейскую территорию» и, соответственно, оценивает претензии Японии как относящиеся и к Пхеньяну. Поэтому потенциально территориальные претензии выдвигаются Японией к двум корейским государствам.

Противоречия Японии и РК имеют форму конфликтной ситуации и не носят антагонистического характера. С точки зрения средств и методов разрешения рассматриваемой конфликтной ситуации противоборство не носит насильственного характера и основными движущими силами с обеих сторон являются дипломатические, политические и общественные механизмы. Вооруженные силы, механизмы внешнеполитического и внешнеэкономического принуждения не используются.

После установления японского протектората над Кореей в 1905 г. японские власти включили остров Токдо в состав японской префек-

туры Симанэ, ссылаясь при этом на «исторические права». После заключения Сан-Францисского договора 1951 г. в Японии стали разрабатывать план восстановления контроля над островами, а с 1953 г. власти Симанэ стали выдавать лицензии японским рыбакам на вылов рыбы в районе Токдо.

Южнокорейская сторона с самого начала 50-х годов XX в. стала оспаривать принадлежность Токдо, ссылаясь на «исторические права» и документы послевоенного устройства: Потсдамскую декларацию 1945 г., меморандум № 677 Д. Макартура от 26 января 1946 г., Сан-Францисский договор 1951 г. В разгар корейской войны в январе 1952 г. Президент Кореи объявил об установлении юрисдикции Сеула в пределах «линии Ли Сын Мана» (60 морских миль от береговой полосы), в результате чего остров Токдо и богатые рыболовные промыслы оказались внутри территории Кореи, в 1954 г. на острове был установлен постоянный полицейский пост «для защиты от японской агрессии». Протесты японской стороны и ее предложение в сентябре 1954 г. передать решение вопроса в Международный суд были отвергнуты Сеулом.

С момента установления дипломатических отношений в 1965 г. двусторонний спор протекал вяло и неконфликтно, а его «оживление» обуславливалось исключительно особенностями развития внутривнутриполитической ситуации в обеих странах.

Во второй половине 70-х годов спорная проблема приобрела определенную остроту в связи с введением Японией в 1977 г. 200-мильной исключительной экономической зоны и Южной Кореей в 1978 г. 12-мильной зоны территориальных вод. Однако спор протекал в рамках дипломатических и политических протестов с обеих сторон.

После принятия Конвенции ООН по морскому праву в 1982 г. и особенно после ее ратификации Японией в 1994 г. спор неоднократно приобретал острые, но не силовые формы. В этих спорах японская сторона ограничивалась декларативными заявлениями о своих правах на оспариваемый остров, а Сеул, как владелец территории, демонстрировал его «неоспоримый суверенитет» путем проведения военных маневров в акватории острова Токдо и намерения восстановить «линию Ли Сын Мана».

На сегодняшний день высокий уровень политических взаимоотношений между Японией и РК обуславливается, прежде всего, новой военно-политической ситуацией на Корейском полуострове и в

регионе в целом. Приоритетный характер проблемы безопасности, связанный с «ядерной проблемой Ким Чен Ира», отодвинул в сторону территориальные разногласия между Токио и Сеулом. Однако вопрос об острове Токдо продолжает сохранять в себе опасный конфликтный потенциал, поскольку обе стороны за весь послевоенный период так и не создали фундамента для «цивилизованного разрешения» проблемы.

Во-первых, акватория Токдо и прилегающей зоны, богатые рыбными ресурсами, играет немаловажную роль с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности РК и Японии, и это обстоятельство будет поддерживать «тлеющий» характер спора. «Перехлест» 200-мильных исключительных экономических зон, установленных Японией и РК в соответствии с Морской конвенцией 1982 г., осложняет определение критериев демаркации границы, поскольку Конвенция не определяет порядка разрешения, а лишь «рекомендует» сопредельным странам решать проблему «путем переговоров». Не исключен вариант, что к «рыбной составляющей» в перспективе может добавиться и «энергетическая составляющая», поскольку в прилегающих зонах уже велись геологоразведочные работы по обнаружению шельфовой нефти [16].

Во-вторых, вариант передачи вопроса об острове Токдо в Международный суд не имеет перспектив. В практике Международного суда все чаще обращается внимание не на «историческую аргументацию», а на сроки владения тем или иным субъектом оспариваемых территорий. Кроме того, учитывая исключительную важность принятых решений с точки зрения сохранения стабильной ситуации на региональном и глобальном уровне, Международный суд все чаще выносит решение: «Каждый владеет тем, чем он владеет». Это обстоятельство хорошо понимают в Японии, и поэтому предложение 50-летней давности о передаче дела в Международный суд, отвергнутое Сеулом с самого начала, больше не выдвигается японской стороной.

В-третьих, результат окончательного разрешения проблемы имеет характер прецедента для обеих сторон: для РК решение в пользу Японии вызовет резкую реакцию КНДР, для Японии — активизацию территориальных претензий со стороны КНР в отношении островов Сэнкаку.

В-четвертых, политическое руководство ни одной из сторон не может «поступиться национальными интересами» из-за опасений

быть обвиненным оппозиционными силами в «национальном предательстве», что ведет к отставке глав государств и Кабинета министров, ответственных за принятое решение.

В-пятых, территориальный вопрос вплетается корейской стороной в общую канву «колониальной истории двусторонних отношений», что с пониманием воспринимается на национальном уровне и обеспечивает абсолютную «народную поддержку» руководству страны «в отстаивании национального суверенитета» [17]. В этом смысле позиции японской стороны значительно слабее.

В близкой и среднесрочной перспективе проблема острова Токдо не выйдет за **рамки конфликтной ситуации низкой интенсивности**. Сохранятся и формы «территориальной дискуссии»: декларации, заявления, дипломатические протесты. Вместе с тем очевидным фактом является и то, что на сегодня «проблема Токдо» значительно меньше, чем прежде, влияет на общее состояние двусторонних отношений, поскольку политические и экономические приоритеты отодвинули проблему на задний план [18].

Конфликтная ситуация по вопросу о принадлежности острова Токдо практически по всем параметрам идентична проблеме «северных территорий» в японо-российских отношениях. В этой связи следует обратить внимание, что в позициях России и РК в отношении японских претензий есть два основополагающих момента: 1) Россия и РК владеют территориями, которые у них оспаривает Япония; 2) Россия и РК владеют оспариваемыми островами на основании международно признанного Сан-Францисского договора, определившего послевоенное устройство. И поскольку постановления Сан-Францисского договора имеют для Японии абсолютный характер, любые попытки их трактовать в выгодном для себя смысле представляют собой нечто иное, как попытки фальсифицировать не только сами итоги войны на Тихом океане, но и итоги Второй мировой войны в целом.

Особенность ситуации с попытками Японии пересмотреть, в частности, территориальные итоги войны на Тихом океане состоит в том, что не только Япония стремится, на ее взгляд, «восстановить историческую справедливость», но и другие страны региона принимают небезосновательные попытки «восстановить» такую справедливость, но уже в отношении самой Японии. Таким ярким примером является **ситуация в японо-китайских отношениях**.

Китай и его неотъемлемая и самостоятельная часть — Тайвань оспаривают суверенитет Японии над островами Сэнкаку (Дяоюй — *kit.*). Общая площадь островов — 6,3 км², располагаются в 320 км к западу от Окинавы, в 320 км к востоку от порта Фучжоу (КНР) и в 160 км к северо-востоку от порта Цзилун (Тайвань). Крупнейший из островов — Утцури, площадью 3,6 км². Акватория островов богата биологическими ресурсами, на шельфе островов, предположительно, размещены крупные запасы углеводородного сырья.

Противоречия сторон в вопросе о принадлежности Сэнкаку, возникшие в послевоенный период, по своей форме прошли через несколько стадий: конфликтная ситуация — конфликт — конфликтная ситуация. В последние годы противоречия носят форму конфликтной ситуации и характеризуются как «скрытый антагонизм».

В отличие от территориальных претензий к России и РК в японо-китайском случае наряду с дипломатическими и политическими средствами в 70—90-е годы использовались и силовые методы, включая попытки силового захвата территории и демонстрационные маневры регулярной армии КНР. Это обстоятельство дает основание квалифицировать китайско-японские противоречия в вопросе о суверенитете над Сэнкаку как **вялотекущий конфликт**.

Ситуация вокруг Сэнкаку относится к числу локальных. Третьи страны в нее не втянуты. Несмотря на то что США под давлением японской стороны были вынуждены заявить, что острова Сэнкаку являются «объектом американо-японского договора о безопасности» [19], тем не менее США всегда оставались и продолжают оставаться «над спором» между КНР и Японией. Вместе с тем статус спорящих сторон и их роль в формировании региональной и глобальной ситуаций автоматически придадут конфликту международное звучание в случае попыток его разрешения силовыми способами.

Факт освоения и закрепления суверенитета над островами Сэнкаку японскими или китайскими властями во многом носит расплывчатый характер. Каждая из сторон оперирует собственной системой исторических и правовых доказательств ее суверенитета над островами, однако с точки зрения «истории цифр» китайские версии являются более ранними.

В соответствии со статьей 3 Сан-Францисского договора 1951 г. острова Сэнкаку в составе Окинавы были переданы под админи-

стративный контроль США, которые фактически осуществляли его с 7 сентября 1945 г. вплоть до передачи под административный контроль Японии в июне 1971 г. Положения Сан-Францисского договора были резко осуждены Пекином, однако в отношении Сэнкаку не последовало никаких заявлений.

Противоречия по вопросу о принадлежности Сэнкаку публично возникли в конце 60-х — начале 70-х годов XX в. в связи с результатами международных океанографических экспедиций в Восточно-Китайском море, которые свидетельствовали о наличии богатых запасов нефти и газа на шельфе данного района [20]. По различным оценкам, нефтяные запасы Восточно-Китайского шельфа оценивались от 1,5 млрд тонн (11,2 млрд баррелей) до 6 млрд тонн (45 млрд баррелей) [21].

«Нефтяные новости» в конечном итоге привели к тому, что Япония, Южная Корея и Тайвань выдвинули односторонние претензии на 17 из 21 обследованных участков шельфа [22]. В декабре 1970 г. практически впервые за весь послевоенный период Пекин «прервал свое длительное молчание» и заявил о том, что Сэнкаку, равно как и Тайвань в целом, и шельфовые запасы нефти принадлежат КНР. Данное заявление изменило сложившуюся «вялотекущую» ситуацию вокруг Сэнкаку и положило начало «территориальной перепалке» между Японией, КНР и Тайбэем, которая с разным уровнем интенсивности продолжается по нынешний день.

Восстановление дипломатических отношений в сентябре 1972 г. между Японией и КНР отодвинуло «на задний план» проблему Сэнкаку, а в процессе последовавшей подготовки к подписанию Договора о мире и дружбе Пекин выступил с предложением не касаться при заключении договора территориальной проблемы и решить ее в рамках специального соглашения после подписания Договора о мире и дружбе. Японская сторона приняла это предложение. Что же касается официального Пекина, то он не изменял своей принципиальной позиции по Сэнкаку в течение всего хода подготовки к заключению Договора о мире и дружбе. Более того, в апреле 1978 г. в воды Сэнкаку вторглась флотилия (около 140 единиц) китайских рыболовных судов, на которых были выставлены транспаранты «Дяоюйдао — часть территориальных вод Китая», «Сэнкаку — территория Китая» и др. Часть судов была вооружена крупнокалиберными пулеметами, оружие на китайских судах направлялось в

сторону японских судов. Это была первая насильственная попытка заявить о претензиях Китая на Сэнкаку.

Японское правительство не стало обострять ситуацию, и при подписании в августе 1978 г. Договора о мире и дружбе обе стороны достигли устной договоренности о передаче вопроса для решения «будущим поколениям».

После завершения процесса подготовки и подписания японо-китайского договора Япония активизировала шаги в отношении закрепления ее суверенитета над Сэнкаку: получил развитие процесс документального оформления включения Сэнкаку в национальный земельный реестр, началось строительство на острове Уотцури вертолетной площадки, укрытия для рыболовных судов и др. Китайская сторона опротестовала эти действия Японии, однако протест носил достаточно сдержанную форму, не сопровождался широкой кампанией в прессе и был осуществлен на фоне официальных предложений о сотрудничестве в районе спорных островов, хотя одновременно были предприняты отдельные шаги и насильственного характера. Японское правительство, в свою очередь, постаралось минимизировать значимость событий.

Не отказываясь от обсуждения и разработки планов по совместному с Китаем освоению шельфа Сэнкаку, японская сторона на практике не предпринимала инициативных шагов в данном направлении. Вместе с тем официальный Токио всячески поощрял практические действия японских бизнесменов по освоению ресурсов Сэнкаку, однако на практике официальный Токио, как правило, никогда не использовал проблемы Сэнкаку в своих политических целях, тем более для оказания какого-либо давления на Пекин.

Анализ эволюции китайско-японского спора вокруг Сэнкаку свидетельствует, что периодическое обострение проблемы, как правило, инициировалось китайской стороной, которая использовала «проблему Сэнкаку» в качестве инструмента давления на Токио для разрешения как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических проблем. Такие обострения отмечались накануне заключения двустороннего Договора о мире и дружбе, после подавления выступлений на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., в связи с ратификацией Японией Конвенции по морскому праву в 1996 г. и др.

Характерная особенность китайско-японского противостояния состоит в том, что основными движущими силами данного спора с

обеих сторон стали националистические организации, которые исполняют роль «активного звена» в демонстрации намерений официальных властей в Пекине и в Токио. В частности, официальные власти Китая в этом вопросе опираются на «патриотические организации» Тайваня, Гонконга, Макао, китайской общины в США.

Спор за Сэнкаку во многом связан и с экономическими интересами сторон — разработкой шельфа, потенциально богатого нефтяными запасами и рыболовством. Рыболовная проблема по сравнению с шельфовой нефтью является вполне реальной, поскольку в пределах 200-мильной экономической зоны вокруг Сэнкаку сосредоточены богатые рыбные запасы. После введения Японией 200-мильной исключительной экономической зоны рыбные богатства субрегиона стали недостижимыми для Китая. Это обстоятельство обусловило резкую реакцию Пекина на действия Токио. Политические расчеты японской стороны, которая с завидным постоянством во время всех предшествующих инцидентов вокруг Сэнкаку демонстрировала нежелание обострения японо-китайских отношений, обусловили готовность японской стороны подписать осенью 1997 г. Соглашения об установлении совместной временно контролируемой морской зоны в Восточно-Китайском море. Одновременно была достигнута договоренность о продолжении переговоров об установлении 200-мильной исключительной экономической зоны между двумя странами.

Позиция Пекина в споре вокруг Сэнкаку по своей сути аналогична позиции Японии, оспаривающей суверенитет России и РК, соответственно, над южными Курилами и Токдо. Вместе с тем она имеет отличия: китайское руководство на протяжении всего периода с момента объявления своих претензий на Сэнкаку постоянно и жестко на официальном уровне протестует против любых суверенных действий японской стороны в отношении Сэнкаку. Токио, со своей стороны, с таким же постоянством пытается нивелировать противоречия и демонстрировать приоритет двусторонних отношений перед «отложенными проблемами», аналогично тому, как это делает российская сторона в отношении японских претензий на южные Курилы.

Таким образом, анализ «проблемы Сэнкаку» дает основание сделать следующие выводы.

Во-первых, позиция Японии с точки зрения объективистского подхода является более прочной, поскольку именно Япония осу-

шестввляет административный контроль и суверенитет над Сэнкаку, а Китай выступает в качестве оспаривающей стороны. Это положение Пекина сильно ослабляет его статус в этом споре. Аналогичная ситуация характеризует позицию Японии в ее споре с Россией и РК.

Во-вторых, поведение официального Токио в споре с китайской стороной по Сэнкаку на протяжении всей истории отличается крайней осторожностью, что свидетельствует о нежелании Японии обострять отношения с соседней державой. Несмотря на наличие влиятельных национал-патриотических сил в Японии, выступающих за более жесткий подход Токио в споре с Пекином, японские правительства на протяжении всей эволюции спора даже под угрозой своей отставки не ужесточали своей позиции. Придавая большое значение взаимоотношениям с Китаем с точки зрения реализации внешнеполитических устремлений Токио в Азиатско-Тихоокеанском регионе, японский Кабинет министров предпринимает конкретные усилия для минимизации значимости данной проблемы в двусторонних отношениях. В частности, специальным распоряжением Кабинета министров были ограничены силовые действия Управления безопасности на море в отношении лиц китайской национальности, предпринимающих попытку нарушить суверенитет Японии и высадиться на группу Сэнкаку или нарушить японские территориальные воды вокруг островов.

В-третьих, нельзя считать, что такая ситуация будет продолжаться и далее. В Японии существуют политические силы, которые выступают против решения проблемы Сэнкаку путем взаимных уступок на переговорах с Китаем. Эти силы отрицают наличие проблемы в силу «беспорных историко-юридических прав Японии на группу Сэнкаку» и в силу осуществления реального суверенитета над островами в настоящее время. Положение о том, что острова Сэнкаку являются «территорией Японии», было включено в 1996 г. в предвыборную платформу правящей до 2009 г. ЛДП.

В-четвертых, Китай, как показывает практика, использует проблему Сэнкаку не столько для «восстановления китайского суверенитета» самого по себе, сколько для решения внешнеполитических и внутривнутриполитических проблем, стоящих перед руководством страны. Все «знаковые» обострения спора были связаны с проблемами, которые китайское руководство стремилось решить с макси-

мальной для себя выгодой. Так было при восстановлении японо-китайских дипломатических отношений в 1972 г., при заключении японо-китайского Договора о мире и дружбе в 1978 г., при выходе из кризиса и частичной международной изоляции после событий на площади Тяньаньмэнь и т.д. Вместе с тем в силу глубокой объективной заинтересованности в развитии экономических отношений с Японией китайская сторона также стремится контролировать состояние и остроту данной проблемы.

В-пятых, в силу того, что Конвенция ООН по морскому праву не является совершенным сводом международных правил, которые могли бы регулировать все акваториальные проблемы и споры во всех регионах, проблема Сэнкаку будет периодически «всплывать» в связи с законным стремлением Японии и Китая определить их 200-мильные экономические зоны на взаимоприемлемых условиях и в согласованных границах.

В-шестых, исторически традиционная практика и тактика ведения Пекином пограничных переговоров дает основание прогнозировать, что в близкой перспективе китайское руководство не будет обострять китайско-японские отношения, используя «проблему Сэнкаку». Напротив, возможны определенное оживление и углубление двустороннего сотрудничества с целью формирования новой ситуации в АТР и в СВА, в частности. Вместе с тем очевидным является и то, что оспаривание Китаем принадлежности островов Сэнкаку будет оставаться главным раздражителем в японо-китайских отношениях в близкой и среднесрочной перспективе. С определенной долей уверенности можно предположить, что основная нагрузка по демонстрации «прав Китая» на Сэнкаку будет лежать на националистических организациях Тайваня, Гонконга, Макао и других организациях, подобных Организации демократически настроенных китайцев в США. Однако, как представляется, в близкой перспективе Пекин периодически будет использовать «проблему Сэнкаку» в своих интересах для получения определенных политических и экономических преимуществ в отношениях с Японией. В этой связи нельзя исключать, что в этом смысле данная проблема будет использована и в вопросе о приеме Японии в постоянные члены Совета Безопасности ООН, одним из условий которого является отсутствие территориальных споров между членами СБ.

Таким образом, на основании обширного фактического исторического и современного материала совершенно обоснованно напрашивается вывод о том, что современные попытки японской стороны выстроить ее всеобъемлющие отношения с региональными странами, прежде всего с Россией, по формуле «ни победителей, ни побежденных» представляют собой не только попытки «территориального передела» в регионе, но и далекоидущую цель — пересмотреть итоги войны на Тихом океане, итоги Второй мировой войны, историю международных отношений на Дальнем Востоке в целом. Несмотря на то что эти попытки в своем подавляющем большинстве пока не носят острых форм, тем не менее сама интенсивность и напористость таких попыток, предпринимаемых вне зависимости от смены правящих партий в Японии, заставляют Россию и РК прежде всего предпринимать адекватные меры по обеспечению собственных интересов и безопасности перед лицом японских территориальных претензий. Более того, поскольку одним из приоритетов стран Азиатско-Тихоокеанского региона на современном этапе является создание системы всеобъемлющей безопасности, то подобные действия японской стороны уже в близкой перспективе могут стать предметом озабоченности всех потенциальных участников этой системы. И эта озабоченность может стать составной частью уже современной *real politic*.

Примечания

1. Такие попытки, как правило, не получали международного звучания и были реализованы только дважды: в итоговом коммюнике на встрече G-7 в Мюнхене в 1992 г. (Political Declaration: Shaping the New Partnership, G-7 Summit, Munich, July 6—8, 1992) и в одной из резолюций ОБСЕ в 2005 г.

2. Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией (*пер. с яп.*). М., 2000. С. 97.

3. Это — один из трех принципов построения новых взаимоотношений с Россией, изложенных в своего рода концепции внешней политики Японии в отношении России, Китая и стран региона «Шелкового пути», представленной в выступлении тогдашнего премьер-министра Р. Хасимото на встрече с представителями крупного японского бизнеса в июле 1997 г.

4. Советско-японская Декларация 1956 года и проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Сахалинская областная дума, г. Южно-Сахалинск, 2001. С. 84—87.

5. Japan-Russia Territorial Question and Peace Treaty Negotiation, April 21, 2001.

6. См. Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., Алгоритм, 2002. С. 112

7. Stettinius Edward R. Jr., Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference (ed. By Walter Johnson) // Doubleday and Company, Inc., 1949, Garden City, N.Y. P. 309—312. Стеттиниус даже отмечал, что после Ялтинской конференции у И. Сталина возникла напряженность в отношениях с членами Политбюро, которые считали, что глава советской делегации «сделал слишком много уступок капиталистам». – Ibidem.

8. Русские Курилы. История и современность. С. 110

9. Хоппо рёдо мондай сирёсю (Сборник документов по проблеме северных территорий) // Общество помощи соотечественникам на юге Токё. 1968. С. 68.

10. Черевко К.Е. Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XVII—XX вв.). М., 1997. С. 97

11. Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии, 19 октября 1956 г. // Декларации, заявления и коммюнике советского правительства с правительствами иностранных государств 1954—1957. М., 1957. С. 313—316.

12. Hasegawa T., The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations, volume 1, 1998, Berkeley, pp. 74—105.

13. См. Токийская декларация, октябрь 1993 г. Московская декларация, ноябрь 1998 г. Заявление Президента Российской Федерации и премьер-министра Японии, сентябрь 2000 г. Японо-российский план действий, январь 2003 г.

14. Остров Токдо – объединительное название группы, включающее в себя два маленьких островка Тонгдо и Судо и 34 выступающих из моря скалы. Доступ к двум островкам возможен лишь при наличии штиля на море.

15. Санкей симбун, 17.02.03.

16. Daily Yomiuri 30.06.1988; Young-Kwan Yoon, The South Korea-Japan Relationship in Transition, «Korea & World Affairs», vol. XIX, # 4, Winter 1995, pp. 589—611.

17. Launius M.A. The Politics of Competing Territorial Claims to Tokdo, Paper prepared for delivery at the First World Congress of Korean Studies, July 18—20, 2002, Academy of Korean Studies, Seoul.

18. Youngshik Bong. Flashpoint at Sea? The Tokto/Takeshima Dispute in the 1990's, Paper presented at the American Political Science Association Annual Conference, August 29 – September 2 2001, San Francisco, CA.

19. Ёмиури симбун, 16.07.1997.

20. CCOP/ECAFE, Geological Structure and Some Water Characteristics of the East China Sea and Yellow Sea, 2 Tech. Bull., Technical Advisory Group Report, 1969, pp. 39—40; Harrison Selig S., China, Oil, and Asia: Conflict Ahead? Columbia University Press, 1977, P. 174.

21. CCOP/ECAFE, P.275. Согласно более оптимистическим прогнозам запасы нефти на шельфе Сэнкаку достигают до 100 млрд баррелей // Valencia Mark J. Offshore North-East Asia: Oil, Gas and International Relations, Economist Intelligence Unit, London, 1988 – in. Downs Erica S., Saunders Philip C., Legitimacy and the Limits of Nationalism, “International Security”, vol.23, # 3, Winter 1998/1999, p. 124.

22. Hearing before the Subcommittee on Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives, 93d Congress, 1st and 2d Session, 12/09/1973, 30/01/1974, 06/02/1974, 06/03/1974.

РОССИЯ И ПРОБЛЕМА КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ. ИСТОРИЯ НА СЛУЖБЕ ПОЛИТИКИ

Вторая мировая война в Азии, ее завершение, судьба соглашений между союзниками о послевоенном устройстве все еще нуждаются в обобщающем, свободном от табу историческом и юридическом анализе. Одна из проблем, унаследованных от периода формирования сложнейшего узла противоречий и противостояния в Азиатско-Тихоокеанском регионе — непризнание Японией итогов Второй мировой войны и претензии на Курильские острова. Пласт истории подвергается и фальсификации, и замалчиванию, и противоречивой интерпретации, становясь инструментом современной политики. В преддверии каждой очередной встречи на высшем уровне между Россией и Японией российское общество с напряженным вниманием следит за каждым словом из уст руководства страны по поводу так называемой территориальной проблемы в отношениях с дальневосточным соседом.

СМИ гадают и ищут комментарии у дипломатов и политиков, депутатов из Комитета по международным делам и лидеров политических партий, выясняя, является ли очередное признание верности декларации 1956 г. свидетельством готовности «передать» или «вернуть» южные Курильские острова Японии.

Относясь сугубо отрицательно к любой форме передачи каких-либо российских островов Японии, все же следует справедливости ради разъяснить официальную тактику России последних лет, которая понятна профессиональным дипломатам, разбирающимся в тонкости формулировок, но непонятна российскому обществу.

Можно понять, что российская дипломатия стремится снизить максимально актуальность темы и косвенно дать понять японским властям, что никакой передачи островов не будет. При этом тактика заключается в том, чтобы не отрицать наотмашь обещанное предыдущими властями, но говорить только о верности Декларации 1956 года, то есть только о Хабомаи и Шикотане, исключая тем самым из проблематики Кунашир и Итуруп, которые появились под нажимом Японии в переговорах в середине 90-х годов. Следует также осознавать, что постоянный акцент в российских высказываниях на обязательном соблюдении сторонами всей совокупности положений декларации, обесценивает на деле ссылки на нее, ибо на сегодняшний день сама Япония не может выполнить все статьи этой декларации.

Если бы общество не было научено горьким опытом козыревской внешней политики, то такую тактику оно бы приняло как уместную в период, когда у России нет достаточных ресурсов и нет союзников на мировой арене для радикального пересмотра внешнеполитических авансов 90-х годов. Однако тревога вполне объяснима.

Декларация 1956 года, опрометчиво ратифицированная СССР, предполагала сначала заключение мирного договора и лишь потом «передачу» двух, а не четырех островов. Мотивы советского партийного руководства, стоявшего за согласием «умиротворить» Японию, были, в основном, идеологического характера. Японская коммунистическая партия в те годы была одной из самых многочисленных в мире, и Н. Хрущев, возможно, рассчитывал на ее активизацию в противодействии американскому военному присутствию в регионе и на территории Японии. Однако термин «передача» из текста декларации означает акт доброй воли, готовность распорядиться собственной территорией, «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства».

Сегодняшняя Япония постоянно внедряет термин «возвращение» и настаивает на том, чтобы «возвращение» предшествовало мирному договору. Этот термин давно подхвачен СМИ, его бездумно употребляют и российские издания. Но понятие «возвращение» — это признание незаконности их принадлежности к СССР,

что и является ревизией не только самих итогов Второй мировой войны, но и принципа незыблемости этих итогов.

Полезно вновь и вновь напоминать исторические и юридические параметры проблемы, которая фактически создана нигилизмом и безволием первого десятилетия перестройки, все последствия которых еще предстоит оценить и прочувствовать.

Надежды Японии получить Курильские острова были порождены самой российской политикой начала 90-х годов, когда М. Горбачев впервые вдруг заявил, что «территориальная проблема» существует. Последующие встречи президента Б. Ельцина с японским руководством повторяли признания «территориальной» проблемы, хотя проблема была в попытке Японии пересмотреть итоги Второй мировой войны в Азии и отказаться от собственных ратифицированных обязательств следовать Сан-Францисскому мирному договору. Уступка Курил, помимо резкого ослабления стратегических позиций России, стала бы прецедентом чрезвычайного значения для территориального статус-кво в Европе.

Активная сбалансированная политика, которая так нужна России на Дальнем Востоке и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), затруднена из-за двусмысленности отношений с Японией. В годы эйфории «нового мышления» были посеяны надежды у японского правительства в отношении пересмотра итогов Второй мировой войны. Япония уже провела один беспрецедентный натиск, который чуть было не увенчался успехом. Хотя Токио сегодня проявляет тонкое дипломатическое чутье, надежды получить Курильские острова, порожденные самой российской политикой, сохраняются и сейчас. Они лелеются при более или менее открытой поддержке США, имеющих самые серьезные интересы на Тихом океане.

Вопреки распространившемуся мнению, что итоги Второй мировой войны в Европе так или иначе уже не существуют, следует отметить совершенно различные последствия, в зависимости от того, каким образом происходят фактические территориальные изменения.

Происшедшее в Европе значительное разрушение ялтинско-потсдамского территориального статус-кво и появление новых государств при всей серьезности для интересов России не было юри-

дическим пересмотром итогов Второй мировой войны, в результате которой появились новые границы: линия Одер—Нейссе, граница между Францией и Германией и многое другое, поэтому эти изменения не влекут автоматически подрыва легитимности оставшихся территориальных результатов победы СССР и держав антигитлеровской коалиции.

Иные следствия имело бы удовлетворение японских претензий на «возвращение» островов, которое означало бы прямой подрыв принципа неоспариваемости итогов Второй мировой войны и открыло бы возможность ставить под сомнение и другие аспекты территориального статус-кво. Это особенно опасно сейчас, когда после бомбардировок США и НАТО суверенной Югославии начался ползучий передел европейских границ. После одностороннего и противоправного провозглашения независимости Косово карта Европы стала опять зыбкой, а фактор силы вновь чрезвычайно возрос вопреки псевдогуманистической риторике.

Забвение **принципа незыблемости итогов Второй мировой войны** — фундамента всех послевоенных международных отношений — в годы постперестройки почти завело в тупик отношения России с Японией. Но именно этот принцип должен быть положен в основу и нового этапа русско-японских отношений.

Каким бы архаичным ни казался такой подход сторонникам «глобализации» и замены прав народов и национальных интересов на «права человека» и «интересы вселенской демократии», принцип незыблемости итогов Второй мировой войны — фундамент всех послевоенных международных отношений, сохраняет основополагающее значение, а **термин «возвращение» в отношении предмета территориальных претензий послевоенного японского государства навсегда изъят из официального языка российских должностных лиц.** Ибо сам термин является концептуальной ревизией итогов войны, означая косвенное признание новой Японии в качестве продолжателя личности (континуитет) того японского государства, которое развязало и проиграло войну.

Даже не все профессиональные историки международных отношений и дипломаты, тем более журналисты задумываются над тем, что ни ФРГ и ГДР, ни Япония, ни объединенная Германия не

являются продолжателями субъектности довоенных государств, не обладают по отношению к ним континуитетом. Они являются новыми субъектами международных отношений и международного права. Их правопреемство по отношению к прежним государствам ограничено решениями держав, обладавших четырехсторонней ответственностью. **Это вытекает из юридического толкования принципа полной и безоговорочной капитуляции, заложенного в послевоенное устройство.**

Полная и безоговорочная капитуляция принципиально отличается от простой капитуляции по своим правовым, политическим и историческим следствиям. Простая капитуляция означает признание поражения в военных действиях и не затрагивает международной правосубъектности побежденной державы, какие бы серьезные потери она ни понесла. Такое государство сохраняет свой суверенитет и правосубъектность и само в качестве юридической стороны ведет переговоры об условиях мира.

Полная и безоговорочная капитуляция означает прекращение существования субъекта международных отношений, демонтаж прежнего государства как политического института, потерю им суверенитета и всех властных полномочий, которые переходят к державам-победительницам. Именно державы-победительницы сами определяют условия мира, послевоенного устройства и урегулирования. На месте прежнего государства возникает новый субъект международного права, который может обладать правопреемством в том или ином объеме (это решают победители в мирном договоре или иных юридических документах) по отношению к прежнему. Но это разные субъекты международного права.

Таковыми и стали ФРГ, ГДР и Япония. Новые государства были созданы на условиях союзников, в новых границах, с новыми конституциями и новыми органами государственной власти. Особенно наглядно это в случае с Германией, которая даже получила новое официальное название государства. Не случайно ни ФРГ, ни ГДР не обладали полным суверенитетом даже через 40 лет. Их суверенитет с точки зрения международного права имел так называемый производный характер — производный от полномочий союзников, сохранявших часть полномочий в виде четырехсторонней ответственности.

Можно привести пример — юридический прецедент использования США своих полномочий носителя четырехсторонней ответственности в отношении ФРГ через четверть века после образования ФРГ и ГДР. В 1973 г. во время арабо-израильской войны правительство ФРГ официально выступило против отправки с ее территории американского оружия в Израиль и использования ее портов и аэродромов, опубликовав по этому вопросу официальное заявление. Министр иностранных дел ФРГ Вальтер Шеель заявил, что ФРГ не желает ухудшения отношений с арабским миром и выбирает роль нейтрального государства. Это вызвало немедленную отповедь со стороны Вашингтона. Государственный департамент в официальной ноте в резких тонах заявил, **что ФРГ не имеет полного суверенитета** и США, исходя из своих прав, вытекающих из принципов послевоенного урегулирования и соглашений, заключенных в их рамках, имеют право без уведомления совершать с территории ФРГ любые действия, которые сочтут необходимыми для своих интересов.

Отсутствие полного суверенитета и континуитета по отношению к довоенному рейху было продемонстрировано и в момент объединения Германии. Этому процессу вряд ли кто-либо мог помешать, тем не менее для того, чтобы новое государство обладало полным суверенитетом, четыре державы должны были дать согласие на объединение, формально сложить с себя полномочия.

Концепция японского правительства исходит из непризнания именно этой основы послевоенного урегулирования. В случае с Японией внешние проявления утраты суверенитета и прерывания международной правосубъектности менее наглядны. Япония сохранила прежнего императора. Этот факт используется для утверждения, что правосубъектность Японии не прерывалась, что сохранение прежней императорской верховной власти означает континуитет государства. Однако на деле континуитета не было, а состоялось признание правопреемства императорской власти. Однако источник сохранения императорской династии иной — это воля и решение победителей, а не континуитет. Япония могла ожидать любого исхода и поэтому запрашивала союзников по этому вопросу 10 августа 1945 г., и ей был дан положительный ответ. На это государственный секретарь США Дж. Бирнс указал В. Молотову

в одной из бесед в ходе I сессии СМВД 22 сентября 1945 г., посвященной спорам по совершенно иному вопросу — по вопросу о Контрольном совете для Японии [1].

Также не выдерживает критики позиция Японии в том, что она не может считать себя связанной ялтинскими соглашениями, так как не являлась их участником. Ни до, ни после объединения ФРГ не пыталась никогда ревизовать таким образом важнейшие принципы послевоенного порядка. Если признать право послевоенной Японии оспаривать территориальные решения победителей, можно ли гарантировать, что не будет подвергнута сомнению и линия Одер—Нейссе, начертанная не немцами, а державами-победительницами, не испрашивавшими на это согласия фельдмаршала Кейтеля? В будущем можно ожидать и такого поворота событий, чему будут способствовать недалководидная двусмысленность и поощрение иллюзий Японии.

Нынешняя Япония — это послевоенное государство, и урегулирование может исходить единственно из послевоенной международно-правовой основы, тем более что только эта основа имеет юридическую силу.

Все исторические договоры прошлого, на которые ссылаются японские политики, вообще утратили силу, причем не в 1945 г., а еще в 1904 г. — с началом Русско-японской войны, ибо международное право гласит: состояние войны между государствами прекращает действие всех и всяческих договоров между ними. Уже по одному этому весь «исторический» пласт аргументации японской стороны не имеет отношения к правам сегодняшнего японского государства, хотя, безусловно, имеет отношение к истории Японии, а не Франции или Индии.

В этой аргументации особое место занимают ссылки на договоры XIX века — Симодский торговый договор 1855 года, по которому граница была проведена между островами Уруп и Итуруп, а Сахалин остался неразграниченным, а также на Санкт-Петербургский договор 1875 года, по которому в обмен на признание Японией всего Сахалина российской территорией все Курильские острова были переданы Японии.

Само по себе упоминание исторических периодов, когда часть территории какого-либо государства принадлежала другому, также давно сложившемуся государству, не является юридическим

основанием для претензий, кроме случаев, когда территориальные изменения происходили вне юридических норм своей эпохи и на протяжении всей истории последовательно не признавались. В ходе формирования географико-политического облика мира немало территорий сегодняшних государств входили в другие. В результате победы над странами «оси» Курилы были определены как территория СССР, Эльзас и Лотарингия стали Францией, хотя в течение столетия иногда входили в Германию, Силезия передана Польше, хотя четыреста лет была Пруссией — знаменитая граница по Одеру—Нейссе, Додеканезские острова переданы Греции, хотя с Версаля принадлежали Италии, а до этого — Оттоманской империи. Все решения Ялты и Потсдама увязаны в один пакет.

В современной японской литературе приводятся только те официозные исторические исследования и карты, где Курилы так или иначе обозначены как владения Японии. Но излагать историю таким образом японская наука начала лишь в XX веке, особенно после Второй мировой войны. Крупнейшие японские историки прошлого отдавали России бесспорный приоритет в открытии и освоении островов и недвусмысленно указывали, что вплоть до середины XIX века Япония не считала своими владениями не только Курилы, но и даже остров Хоккайдо, который не был заселен еще во второй половине XIX века. Сахалин же долгое время еще в XIX веке считался в Японии полуостровом, тогда как он уже был полностью исследован русскими, начавшими его освоение.

В отечественной литературе на основе архивных материалов, исторических свидетельств, с использованием зарубежных источников и данных картографии дан убедительный ответ на все необоснованные попытки Японии исказить историю, особенно что касается первооткрывателей и первых исследователей Курильских островов [2]. Часть этих трудов была подготовлена в 60—70-е годы, как правило, для служебного пользования из-за табу, наложенного на эту тему. Они скрупулезно документированы и свободны от пропагандистской идеологической заостренности, которая у современного читателя обычно вызывает подозрение в тенденциозности и недостаточной научности.

Конец XIX в. демонстрирует нарастающие попытки развивающегося японского государства вытеснить с Курильских островов русских поселенцев, уничтожить их посты, выселить оттуда ко-

ренных жителей — айну, которые до появления русских первопродцев никому ясака не платили. Эти попытки получают дополнительный стимул и поддержку с началом экспансии США на Тихом океане.

Японские дипломаты в последние годы полагают, что получили неопровержимое доказательство «изначальной» принадлежности ряда оспариваемых сегодня островов. Речь идет об инструкции адмиралу Путятину, с которой он отправился на переговоры с Японией в 1853 г. для заключения Симодского трактата. Этот архивный документ был в первую половину 1990-х годов «любезно» предоставлен Японии из архивов российского МИД сотрудниками школы «Нового мышления» — действие, во все времена считавшееся несовместимым со служебной и ведомственной этикой дипломата. Этот документ как центральный материал был немедленно напечатан в пропагандистском официальном издании посольства Японии в России.

В инструкции к переговорам 1854 г. Министерство иностранных дел Николая I полагало возможным при определенных условиях согласиться на настояния Японии и признать, что «из островов Курильских южнейший, России принадлежащий есть остров Уруп» так, чтобы «от нашей стороны южная оконечность сего острова была *(как и ныне она в сущности есть)* границей с Японией»... [3]

Японская сторона и в середине 1990-х годов российские дипломаты из числа сторонников уступки российской территории трактовали эти слова как доказательство того, что спорные острова и до 1855 г. не принадлежали России и что само русское правительство это знало и якобы вовсе не считало Курилы южнее Урупа российской территорией. Однако совершенно очевидно, что эти слова означают лишь то, что русское правительство исходило из общепризнанности принадлежности к России островов к северу от Урупа и отдавало себе отчет в том, что Япония оспаривает принадлежность островов южнее Урупа.

Граница между Россией и Японией к этому моменту еще не была формально закреплена в международном двустороннем договоре, что и предстояло сделать. Это обычные стадии на пути территориального размежевания, через который проходили все страны в процессе формирования географико-политического облика мира.

Иногда веками и десятилетиями граница соблюдалась, отодвигалась, менялась, возвращалась, существуя политически, в реальной жизни, а лишь затем получала договорное оформление. Такой завершающий акт скорее отражал реальное соотношение сил в тот момент, нежели полностью воплощал историческую судьбу территории.

Слова «как и ныне она **в сущности** есть», само построение фразы как раз говорят о том, что, по мнению царя, имелось расхождение между исторически корректной границей в силу принадлежности островов России и той линией, которую «**в сущности**», то есть в реальных обстоятельствах, на практике, вынужденно приходилось соблюдать, чтобы избежать острых столкновений с Японией, претендующей на территории. У России не хватало физических сил (достаточного и способного к самозащите населения, хозяйственной инфраструктуры и вооруженных постов) на Дальнем Востоке, то есть не было военно-политических возможностей реально осуществлять свой территориальный суверенитет над этими островами в условиях постоянного посягательства на него японцев. Международная обстановка накануне Крымской войны вынуждала не активизировать остроту взаимоотношений, то есть «в сущности» отступать от своих исторических прав.

Упомянутый русско-японский договор был заключен в определенной обстановке и, как любые территориальные размежевания, является отражением определенного соотношения сил и международной обстановки. Симодский трактат был заключен в тяжелых обстоятельствах, в разгар Крымской войны, когда английские и французские эскадры хозяйничали в Охотском море. Петропавловск-Камчатский был осажден, и, хотя нападение английского десанта было отбито, порт вынужденно был эвакуирован в Николаевск-на-Амуре. Существовала обоснованная тревога по поводу возможной высадки англичан на Курилах, которые не были формально разграничены в международном договоре. Для России было безопаснее допустить переход части островов под юрисдикцию слабой в военно-морском отношении Японии, чем перспективу оккупации сильнейшей военно-морской державой — Великобританией [4].

Большим успехом считалось согласие Японии, ранее строго придерживавшейся изоляции и отказывавшейся продавать даже

соль и муку, торговать продовольствием с Россией, которая не могла расширять и содержать существующие военные посты на Сахалине и Курилах из-за неразвитости там сельского хозяйства и хронической нехватки продовольствия. Как подчеркивает академик В.С. Мясников, Россия отступила на тысячи километров «от ранее занимаемых рубежей... без войны, лишь в связи с нехваткой сил и средств на поддержание своего суверенитета на дальних окраинах империи». Мясников убедительно показывает, что Россия на том этапе видела Японию как своего партнера в балансе сил и даже рассчитывала «на убежище в ее портах в случае серьезных замешательств на Крайнем Востоке», где главной угрозой представлялось «усиление позиций “третьей державы” (имелась в виду Великобритания)».

Такая же обстановка сохранялась и во время заключения Санкт-Петербургского договора 1875 г. об обмене территориями. Важнее было международно-правовым образом закрепить принадлежность всего Сахалина России и обезопасить его от военной и беззастенчивой экспансии западноевропейских держав, к которым уже тогда прибавилась и Германия. После заключения договоров, где были сделаны уступки Японии, Япония все равно и дальше практически никогда не соблюдала этих договоров, нарушая территориальные воды и высаживаясь на принадлежащих России территориях. Аппетиты Японии не были удовлетворены, а лишь, как это бывает в истории, разожжены.

Но даже доказательства российского статуса этих островов и Сахалина до Симодского трактата 1855 г. или до Санкт-Петербургского договора 1875 г. не имеют значения для сегодняшних прав обоих государств. На сами эти договоры можно ссылаться только в качестве исторических примеров, причем неудачных. Эти договоры потеряли силу в момент нападения Японии на Россию, которым началась Русско-японская война 1904—1905 гг., ибо в соответствии с международным правом состояние войны между Японией и Россией прекратило действие всех и всяческих договоров между ними. Следовало бы указать на это сегодняшней Японии, напомнив ей, кстати, что именно это было указано японской стороной графу С.Ю. Витте, который пытался на Портсмутских переговорах в 1905 г. сохранить Южный Сахалин, ссылаясь на договор 1875 г. По

Портсмутскому миру Россия уступала победившей Японии и все Курилы, и Южный Сахалин, что рассматривалось всегда русской дипломатией как большое поражение.

Интересно заметить ту роль, которую играли уже тогда быстро развивавшиеся Североамериканские Штаты в поощрении японских appetites против России. Вторая половина XIX века отмечена быстрым торгово-экономическим и политическим проникновением США в Тихоокеанский регион. Крупные экономические интересы в лице многочисленных пушных и иных компаний начали расхищать богатства Аляски, Курильских островов, отличаясь особым даже для того времени пренебрежением к соблюдению таможенных, пограничных, территориальных и других ограничений. Одним из главных препятствий на пути самой широкой экспансии США считали Россию, а главным инструментом против России — Японию.

Американские миссии и военные, посещавшие Японию, не жалели дипломатических усилий, чтобы убедить Японию не соглашаться на признание Южного Сахалина российским, и постоянно убеждали японскую сторону в мнимых завоевательных планах России в отношении острова Эдзо (Хоккайдо). Русским дипломатам приходилось нередко дезавуировать эти демарши, и США приносили официальные извинения за подобные инсинуации. Вашингтон пытался добиться роли посредника во всех русско-японских переговорах о разграничении спорных территорий, а сами вопросы перенести на «арбитраж международных дипломатических совещаний». Американская печать в 70-х годах XIX в. («Нью-Йорк Херальд») открыто выражала надежду на то, что в результате «сотрудничества Соединенных Штатов и Японии будет достигнуто «уменьшение владений России в восточной части Азии». Именно США неоднократно подавали Японии мысль купить у России Южный Сахалин подобно тому, как США купили Аляску [5].

США, разумеется, «принимали дело всеобщего мира близко к сердцу», особенно если этот мир вел к столь желанному «уменьшению владений России в южной части Азии». Американский президент Теодор Рузвельт проводил политику, которая стала воплощением безудержной и беззастенчивой экспансии с кальвинистским мессианизмом и идеологией «божественного предназначения»

(«Manifest Destiny») США управлять миром. Т. Рузвельт считал, что Тихий океан представляет для США большую важность, чем Атлантический. 17 июня 1905 г. он писал, что «..наша будущая история больше будет определяться нашей позицией на Тихом океане в отношении Китая, чем нашей позицией на Атлантическом океане в отношении Европы». США не считали Японию своим серьезным соперником, но всячески стремились воспрепятствовать укреплению российских позиций на Дальнем Востоке. Блестящий знаток этой темы А.А.Трояновский, выдающийся советский дипломат того периода, с полным на то основанием считал, что «можно категорически утверждать, что с самого начала Русско-японской войны симпатии Теодора Рузвельта были на стороне Японии».

Рузвельт еще до начала мирных переговоров в Портсмуте договорился с японским правительством относительно важнейших международных проблем, интересовавших США и Японию. 31 июля 1905 г. состоялось секретное соглашение путем обмена телеграммами между Рузвельтом и Кацурой — японским премьер-министром, где Япония отказывалась от каких-либо агрессивных намерений в отношении Филиппин, оставляя их на волю США, а США соглашались на право Японии посредством военной оккупации установить контроль над Кореей. (Пакт Молотова—Риббентропа меркнет, поскольку речь шла о территориях, никогда вообще не бывших в составе США или Японии.) Это соглашение называли «японо-американским союзом». Имея за спиной такие «союзнические» отношения, Т. Рузвельт, взявший на себя роль «честного маклера», не мог быть беспристрастным посредником на Портсмутских переговорах. США «принимали дело всеобщего мира близко к сердцу», особенно если этот мир вел к столь желанному «уменьшению владений России».

Роль США в ходе русско-японских переговоров в Портсмуте по итогам Русско-японской войны является буквально детективной историей. Она описана в мемуарах крупнейшего японского дипломата XX века Кикудзиро Исии, живого участника событий. Эти мемуары — библиографическая редкость, были изданы МИД СССР малым специальным тиражом с аналитическим предисловием А.А.Трояновского-старшего в блестящем переводе О.А.Трояновского). Исии, блестяще образованный дипломат,

тонко чувствующий европейские традиции, стал потом министром иностранных дел Японии и автором известного соглашения о специальных правах в Китае «Соглашения Лансинг—Исии» 1917 года.

На Портсмутской конференции японская делегация требовала не только все Курилы, но и весь Сахалин, а также денежную контрибуцию. Россия в лице графа С.Ю. Витте возражала, проявляя, по выражению Исии, «истерическое упрямство», и отказывалась вообще от всякой контрибуции. Из мемуаров теперь ясно, что на самом деле Япония настолько была истощена войной и желала скорейшего заключения мира, что к концу переговоров готова была согласиться на принадлежность всего Сахалина России без всякой денежной компенсации. Такое реальное положение дел и настроение в Японии было не известно ни Петербургу, ни российской делегации. Но именно такое решение было принято японским правительством. В Портсмут были отправлены соответствующие инструкции, предписывавшие японской делегации в случае дальнейшего упорства русской делегации согласиться на сохранение всего Сахалина за Россией.

В момент, когда японское правительство приняло решение отступить от своих первоначальных требований в отношении Сахалина, Россия пребывала в полном неведении, США же были немедленно кем-то осведомлены об этой не устраивающей их перспективе. Когда конференция зашла в тупик, США взялись «помочь». Посредничество и «миротворчество» — эвфемизм вмешательства и проникновения в новые зоны потенциального влияния и контроля — стали инструментом политики вездесущих США в Азии еще в начале века, до Первой мировой войны, задолго до вовлеченности Вашингтона в европейские дела.

Насколько США хотели бы «уменьшить владения России», явствует из телеграммы Т. Рузвельта, которую он направил Николаю II. Американский миротворец в этой телеграмме выражал уверенность в непреодолимости претензий Японии, советовал уступить, пугая перспективой, что продолжение войны может привести к потере всей русской территории восточнее озера Байкал, то есть прекратить существование России как тихоокеанской державы.

Вслед за этой телеграммой американский посол в России Майер в те дни испросил в Петербурге аудиенцию у царя. В ходе своей бе-

седы он стал уговаривать Николая II пойти на уступки, обещая посредничество президента Теодора Рузвельта в задаче «уговорить» Японию отказаться от контрибуции. Не искушенный в коварстве Николай II в целом «упорствовал», не желая никаких уступок, но потом «мимоходом, как бы про себя заметил, что можно было бы рассмотреть возможность передачи южной части Сахалина Японии...» Немедленно информация о внутренней готовности согласиться на передачу южного Сахалина была передана президенту Т. Рузвельту и меньше чем за сутки стала известна японской стороне. Хотя Исии в своих мемуарах всячески отрицает предположение (естественно возникающее у читателя) о том, что американский президент мог совершить столь сомнительный поступок и передать эти сведения в Токио, тем не менее эта важнейшая информация оказалась именно там, и первым обладателем ее стал именно Исии.

Счастливым обстоятельством для Японии была и 14-часовая разница во времени между Токио и Портсмутом. Исии успел встретиться с премьер-министром, который сначала усомнился в достоверности сведений. Военный министр предупредил Исии, что тому придется сделать харакири, если информация окажется ложной. Но Исии был уверен в достоверности полученных данных. Повидимому он знал, что канал связи был весьма надежным. Можно предположить, что это был тот самый канал, что уже рекомендовал себя, осведомив Рузвельта о решении японцев смириться с условиями русских. Разумеется, Исии описывает в мемуарах получение этой информации как чистую «случайность» в ходе беседы с «одним другом» «в одной из иностранных миссий в Токио», в которой он «узнал о том, что произошло во время царской аудиенции».

Исии настоял, чтобы в течение часов были отозваны старые и посланы новые инструкции. Японская делегация отложила очередное заседание, затем, следуя новой инструкции, сделала следующее заявление: «Императорское правительство решило в знак своего миролюбия отказаться от требований на весь Сахалин и делает последнюю уступку, удовлетворяясь южной половиной острова» [6]. Из всего видно, что дипломатия Витте, получившего прозвище «графа Полусахалинского», не была удачной. При некоторой твердости Россия не потеряла бы южной части Сахалина. И Витте, и Розен — посол России в Вашингтоне, неслучайно в своих воспоми-

нениях замалчивают вопрос о Сахалине и переговоры о нем.

В советской доктрине долгое время считалось, что США сыграли положительную, благоприятную роль для интересов России в период Русско-японской войны и заключения Портсмутского мира. В НКВД СССР во времена М. Литвинова отношение к стратегическим целям политики США было достаточно лояльным и, как теперь представляется, намеренно некритическим. Неслучайно Литвинова считали в кругах западных дипломатов «англосаксонским лобби». Уже через три года после выхода в свет мемуаров Исии, в недрах ведомства подготовлена аналитическая записка М. Литвинова с панорамным обзором внешней политики и интересов США и русско-американских отношений за три века с оценкой перспектив послевоенного сотрудничества.

М. Литвинов не мог не знать новых данных, о чем даже свидетельствовала фраза его записки, точно совпадающая с предисловием А. Трояновского: «Во время Русско-японской войны симпатии США были, несомненно, на стороне Японии», — тем не менее утверждал, что «размеры неудач России, грозившие нарушить равновесие на Дальнем Востоке, встревожили правительство США и побудили его придать посредничеству через Т. Рузвельта при заключении мира между Россией и Японией благожелательную для России окраску». Далее М. Литвинов уже, похоже, совсем лукавил, говоря, что «Рузвельту удалось добиться от Японии отказа от требований чрезмерных территориальных уступок и контрибуций... Условия Портсмутского мира, по которому Россия удержала Северный Сахалин и не платила никакой контрибуции, вызвали разочарование в Японии, недовольство ролью Соединенных Штатов Америки и, наоборот, некоторое чувство признательности со стороны России» [7].

Однако и эти занимательные и поучительные истории ничего не добавляют к юридическим правам и правооснованиям в нынешней ситуации, как не добавляют к ним ничего экскурсы в историю открытия и освоения Курильских островов. Единственные действующие и юридически обязывающие международно-правовые документы, которые относятся к этой теме и должны быть основой нынешнего подхода, это решения держав в Ялте, Потсдаме и Сан-Францисский мирный договор с Японией, подписанный в 1951 г. 49 государствами во главе с Соединенными Штатами.

В соответствии с решениями Ялтинской конференции все Курилы и остров Сахалин возвращались «навечно» Советскому Союзу. Это же подтвердила «Потсдамская декларация» США, Великобритании и Китая, к которой позднее присоединился СССР. Декларация, носившая ультимативный характер, была предъявлена Японии 26 июля 1945 г. СССР не подписывал в тот период этой декларации, поскольку не находился в состоянии войны с Японией. Государственный секретарь Дж. Бирнс направил ее копию правительству СССР «для сведения» в день ее подписания. Было отклонено пожелание советской делегации в Потсдаме отложить опубликование документа на три дня.

В этом, разумеется, отражалось стремление США отстранить СССР от решения проблем Дальнего Востока и Японии. Но, несмотря на то что текст был подготовлен даже без непосредственного участия СССР, в нем говорилось, что «после полной и безоговорочной капитуляции суверенитет Японии будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, **которые мы укажем**». Эти последние слова иллюстрируют международно-правовые следствия принципа полной и безоговорочной капитуляции, то есть **утрату Японией международной правосубъектности и права обсуждать условия послевоенного урегулирования**. На основании этих документов военная администрация США в Японии направила директиву № 677 от 29 января 1946 г. с указанием, что из-под японской юрисдикции исключаются все Курильские острова, включая Шикотан — самый крупный остров Малой Курильской гряды и Хабомаи.

Что касается мирного договора с Японией, то его судьба связана с совершенно новым соотношением сил на Дальнем Востоке и радикальным изменением геополитической обстановки, которая побудила США пойти на войну в Корею. После поражения Гоминьдана и обретения коммунистическим континентальным Китаем совершенно новой роли в АТР «для США неизмеримо возросло военно-стратегическое значение японского плацдарма, которому они ранее, — пишет академик С.Л. Тихвинский, — при условии главной ставки на гоминьдановский Китай придавали вспомогательное значение». С.Л. Тихвинский, принимавший непосредственное участие в событиях, наиострейшего периода внешнепо-

литической работы по созданию необходимого баланса интересов на Дальнем Востоке, приводит впечатляющие заявления в японской печати командующего оккупационными войсками США в Японии генерала Макартура о новой американской концепции 4 мая 1950 г.: «Тихий океан превратился в англосаксонское озеро, и наша линия обороны проходит через цепь островов, окаймляющих берега Азии. Эта цепь берет свое начало с Филиппинских островов, продолжается архипелагом Рюкю, в который входит главный остров Окинава, затем она поворачивает назад, проходит через Японию, Алеутские острова, Аляску» [8].

В результате Второй мировой войны американские обретения зон влияния на самом деле значительно превышали советские, а контроль США над целыми регионами мира и возможности по его структуризации в систему имели несравненные глобальные параметры. «Хотя Советский Союз вышел из войны с повсеместно возросшим престижем, обрел значительное расположение к себе даже в США вкупе с максимально послушными и влиятельными коммунистическими партиями, игравшими ключевые роли в таких странах, как Франция и Италия», — Зб. Бжезинский признает, что «советские позиции в мире все еще значительно уступали Соединенным Штатам. Западное полушарие прочно находилось в американских руках; Африка и Ближний Восток были под политическим контролем американских союзников (при том, что американские экономические владения расширялись особенно быстро на Ближнем Востоке); южноазиатская дуга все еще была частью Британской империи, одновременно Иран уже с 1946 г. искал американской поддержки против Советского Союза; националистический Китай (гоминьдановский. — *Н.Н.*) стремился к консолидации своей власти; наконец, Япония была зоной исключительно американской оккупации» [9].

Закрытая секретная аналитическая записка о мировой геополитической ситуации, подготовленная С. Кавтарадзе в МИД СССР, полностью совпадала с этой оценкой. Характеризуя общие тенденции политики США в мире, анализ обращал внимание на структурность закрепления американских позиций «через военные или экономические сферы по геополитическим кругам вокруг Евразии: по малому — Саудовская Аравия, Иран, Африка и по большому — Южная Америка, Тихий океан, Япония» [10].

Оправдались предсказания выдающегося русского политического географа В. Семенова-Тян-Шанского относительно неизбежного возрастания роли «средиземных» морей — Средиземного Японского, а также Карибского моря и Мексиканского залива, предупредившего, что «в недалеком будущем испытанную европейцами кольцеобразную систему владения... попытаются осуществить по отношению к Мексиканскому и Китайскому морям американцы и японцы» [11], что и воплотилось в японских попытках завладеть Кореей, экспансии США в Карибском бассейне и окончательном превращении Тихого океана в зону их контроля.

Холодная война в Азии началась практически сразу. США, бывшие столь заинтересованными во вступлении СССР в войну против Японии и давшие за это определенные обязательства, после разгрома Японии в одночасье приняли стратегию вытеснения СССР из региона и поспешили оккупировать Японию для полного ее контроля.

К моменту подготовки мирного договора с Японией международные отношения на Дальнем Востоке и в Азии уже были чрезвычайно напряжены. СССР не подписал Сан-Францисский мирный договор с Японией. Геополитическая ситуация в Азии после войны была сложна и из-за совершенно новой роли коммунистического Китая, отношения с которым были для СССР чрезвычайно важны. Запад же, наоборот, признал тайваньское гоминьдановское правительство. В результате в этом договоре США удалось навязать многие положения, противоречившие интересам Советского Союза.

Сан-Францисский договор 1951 г., подписанный 8 сентября на конференции в Сан-Франциско, фактически был сепаратным мирным договором 48 государств с Японией, текст которого был подготовлен Соединенными Штатами вопреки Потсдамской декларации 1945 г. и ряду союзнических соглашений. Так, этот договор не содержит указания на то, что рассматриваемые территории передаются СССР.

Но это не меняет того неопровержимого факта, что в статье 2 Сан-Францисского договора Япония **«отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору**

от 5 сентября 1905 г.». Под этим Договором и этим его пунктом стоит подпись США. Однако резолюция о ратификации Договора в конгрессе США гласила: «Ничто, содержащееся в договоре... не подтверждает признания со стороны США никаких условий в отношении Советского Союза, содержащихся в так называемом Ялтинском соглашении по Японии от 11 февраля 1945 года» [12]. Это фиксирует полный поворот от союзнических обязательств и соглашений между членами Антигитлеровской коалиции.

Поскольку обойти положения Сан-Францисского договора представляется невозможным, а их прямой подрыв означал бы подрыв всей территориальной стабильности в Азии — статус Внешней Монголии, независимость Кореи и многие другие проблемы, Япония и США изобрели в середине 50-х годов новую аргументацию. Она усиленно навязывается международному сообществу с согласия США, заинтересованных в сохранении Сан-Францисского договора, с одной стороны, но и в использовании Японии против России — с другой. Теперь острова Шикотан и Хабомаи якобы относятся к системе острова Хоккайдо, а понятие «Курильские острова» якобы никогда не охватывало «особой географической единицы» «Южные Курилы» (с заглавной буквы как географическое название!), Кунашир и Итуруп.

Это, безусловно, географическая «новация», ибо даже Британская энциклопедия недвусмысленно указывает на Кунашир и Итуруп как на «крупнейшие из Курильских островов». Любой доверенный географический атлас или труд рассматривает Курилы как единое географическое понятие, поскольку Курильские острова имеют все признаки для такой классификации.

Мнимость подобных новаций очевидна, как и полная ясность у США и Японии в отношении того, что в Сан-Францисском договоре Япония отказалась от всех Курильских островов. Это продемонстрировано в серьезной работе по истории послевоенного урегулирования отношений с Японией американского автора Дэвида Риза (отнюдь не относящегося с симпатией к восстановлению Россией—СССР суверенитета над Курилами, книга называется «Захват Советами Курильских островов»).

В книге, которая в японских библиотеках содержится в спецхране, имеется приложение — выдержка из справочника военно-

морского флота США, выпущенного в 1943 г. на случай военных операций в районе Курил. В справочнике перечислены все Курильские острова с подробным описанием с точки зрения военного мореплавания. Разумеется, в их числе и те самые острова, которые теперь с согласия США Япония объявляет не принадлежащими к Курильской гряде.

В этой работе приводится запись беседы А. Даллеса с Иосидой — тогдашним министром иностранных дел Японии. Иосида спрашивал, нельзя ли представить дело так, чтобы Ялтинско-Потсдамское решение не распространялось на южные острова Курильской гряды. Даллес дал недвусмысленный ответ, что такое кардинальное изменение предшествующих согласований потребовало бы многолетних споров, что задержит получение Японией полного суверенитета на неопределенное время. США и японская сторона при ратификации Сан-Францисского договора полностью осознавали, от каких островов Япония отказывается [13].

Высокопоставленный японский чиновник Нисимура — директор «Отдела мирного договора» в Министерстве иностранных дел Японии, представляя условия договора в японском парламенте на утверждение, разъяснял, что «понятие “Курильские острова”, фигурирующее в договоре, включает все острова, как северные, так и южные». В ответ на упреки отдельных депутатов Нисимура недвусмысленно заявил в парламенте, что **«отказ от суверенитета влечет за собой для Японии и потерю права высказываться по поводу конечной принадлежности территории»** [14].

Произвольно интерпретируется также и Советско-японская декларация от 19 октября 1956 г., в которой были урегулированы ряд проблем из наследия войны, а также было заявлено о согласии СССР передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, но только после заключения мирного договора. Декларация тем и отличается от договора, что является, скорее, протоколом о намерениях и не обязывает стороны неукоснительно следовать заявленному, тем более по истечении более 30 лет.

В книге С.Л. Тихвинского, крупнейшего специалиста по японской проблематике в международных отношениях на Дальнем Востоке и дипломата высокого уровня, наконец, приоткрыта истинная картина действительной роли США в ходе советско-японских переговоров 1956 г. США оказывали уже прямое, ничем

не замаскированное давление на японскую политическую элиту и не остановились перед ультиматумом. Когда во время обсуждения декларации с СССР в Лондоне министр иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу информировал в посольстве США находящегося там государственного секретаря США Дж.Ф. Даллеса о ходе переговоров, тот от имени правительства США объявил японскому министру буквальный ультиматум. Даллес заявил, что в случае подписания Японией мирного договора с СССР, в котором Япония согласится признать Южный Сахалин и Курильские острова частью территории СССР, США навечно сохраняют в своем владении острова Рюкю (Окинава уже превращен в ключевую американскую военную базу).

Государственный департамент сделал такое же заявление японскому посольству в Вашингтоне, а также пригласил японского посланника для обсуждения статьи 26 Сан-Францисского договора, якобы препятствовавшей Японии самостоятельно договариваться с другими странами, и прежде всего с СССР, о мирном урегулировании. Это означает, что Даллес, убеждая Иосиду скорее подписать этот договор, дабы «не откладывать обретение полного суверенитета», на самом деле вводил его в заблуждение относительно цены японской «суверенности» в глазах США, что вызвало бурю возмущения либералов и «националистов» в Японии.

Поскольку по Сан-Францисскому договору Япония «отказалась от всех прав и правооснований» на Курилы, США нацелили Японию выдвинуть требование поставить вопрос о вынесении территориальных притязаний к СССР на рассмотрение специальной международной конференции стран — участниц Сан-Францисского договора (СССР не был ее участником!) — то есть вынести территориальные проблемы «на арбитраж международных дипломатических совещаний».

Недвусмысленное изложение позиции США было объявлено в Памятной записке Государственного департамента США, врученной министру иностранных дел М. Сигэмицу и затем распространенной агентством «Ассошиэйтед пресс»: «...По обдуманному мнению Соединенных Штатов, Япония не имеет права передавать суверенитет на территории, от которых она отказалась по мирному договору, а Сан-Францисский договор (который не предоставляет прав Советскому Союзу, поскольку он отказался его подписать) не

определил суверенитета над территориями, от которых отказалась Япония, оставив этот вопрос, как было заявлено делегатом Соединенных Штатов в Сан-Франциско, на другое международное разрешение, помимо этого договора».

В записке США фактически объявили о полной ревизии своей позиции по Ялтинским решениям, указав, что «рассматривают так называемое Ялтинское соглашение просто как изложение общих целей тогдашними главами участвующих держав, а не как окончательное решение этих держав или какой-либо юридический результат в вопросе о передаче территорий». Далее было изложено, что, по мнению США, «острова Эторофу и Кунасири (вместе с островами Хабомаи и Сикотан, которые являются частью Хоккайдо) всегда являлись частью собственно Японии и... должны быть признаны как находящиеся под японским суверенитетом» [15].

Может возникнуть вопрос, правильным ли было решение руководства СССР избрать солидарность с континентальным Китаем, что логически повлекло всю стратегию на Дальнем Востоке и неучастие в конференции в Сан-Франциско. Этот вопрос до сих пор не мог быть научно проанализирован из-за табу на многие реалии того времени и истинные мотивации. Нет сомнений, однако, что избранная стратегическая линия — ставка на Китай в тогдашнем геополитическом противоборстве на Дальнем Востоке — была продиктована отнюдь не идеологическим родством с коммунистическим Китаем, который сам всегда проводил сугубо прагматическую политику. Очевидна жесткая необходимость отвести колоссальный воинствующий импульс динамичного революционного и тотально мобилизованного Китая от Советского Союза и протяженной советско-китайской границы и исключить возможность для США попробовать курс на втягивание континентального гиганта в свою орбиту, чтобы, как рассуждал американский Совет по внешним сношениям, «подготовить на Дальнем Востоке противников советского режима (Китай, Япония)».

При том что Япония уже была в тесных объятиях американской оккупации, что уничтожило возможности СССР как державы-победительницы, можно только представить себе геополитическое и военно-стратегическое положение СССР на Тихом океане при гипотетическом американо-китайском сотрудничестве. Не лишено оснований размышление Зб. Бжезинского, что корейская война

была просчитанным шагом советского руководства, осведомленно-го о серьезных поисках США взаимопонимания с континентальным Китаем, вплоть до корейской войны.

Последующее размежевание сформировало и закрепило на будущее устойчивое американско-китайское противостояние, оставив Соединенным Штатам лишь некую малую точку опоры — Тайвань, что Бжезинский оценил как «чистый выигрыш СССР на несколько десятилетий вперед» [16]. К тому же одной из геополитических констант на Дальнем Востоке можно считать нежелательность для России «ни укрепления зависимости Корейского полуострова от Китая, ни подчинения его Японии» [17], на что указывает В.С. Мясников применительно к концу XIX века.

Подписание Советско-японской декларации вопреки иллюзиям Н. Хрущева не удержало Японию от заключения договора о военном сотрудничестве с США, по которому закреплено бессрочное пребывание американских вооруженных сил на японской территории. Расширение японской территории в случае гипотетической передачи островов увеличит и территорию, на которой не преминут появиться войска третьей стороны — Соединенных Штатов. При всей недалёковидности советского руководства того времени в Советско-японской декларации 1956 г. речь идет не о «возвращении», а о «передаче», то есть о готовности распорядиться в качестве акта доброй воли своей территорией, что не создает прецедента ревизии итогов войны. Когда приводятся аргументы, что «следует выполнять декларацию», почему-то забывают вспомнить, что все пункты декларации являются фактически протоколом о намерениях, выполнение которых зависит от определенных условий, и более всего это относится к статье 9 о передаче двух островов, которая увязана со всеми остальными по принципу *rebus sic stantibus* — «пока сохраняются те же обстоятельства».

Нелишне напомнить, что уже 27 января 1960 г. советское правительство в направленном Японии Меморандуме объявило об изменении обстоятельств и предупредило, что «только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Шикотан будут переданы Японии». В этом и нескольких

последующих меморандумах было заявлено, что вся ответственность возлагается на Японию, которая полностью изменила обстоятельства подписания декларации, заключив договор с США о военном сотрудничестве.

После того как на рубеже XXI века Япония была вдохновлена неустойчивостью позиции несостоятельного «нового мышления», постоянно тиражируется на наш взгляд ложный тезис, будто бы для нормальных взаимоотношений совершенно необходим мирный договор. Но более обосновано мнение, что **никакой необходимости в мирном договоре вообще нет**, тем более что США не преминут вмешаться в процесс и заявить о своем непризнании права Японии обсуждать принадлежность островов, от которых она сама отказалась в договоре Сан-Франциско.

В международном праве немало случаев, когда послевоенное урегулирование обходилось без мирного договора. **Нет и не будет мирного договора с Германией, состояние войны с которой прекращено односторонне Указом Президиума Верховного Совета СССР и соответствующими юридическими актами союзных держав.**

Принцип незыблемости итогов Второй мировой войны должен быть положен в основу нового этапа русско-японских отношений, а термин «возвращение» навеки забыт. Однако эта тема связана со всей картиной международных отношений в мире после расчленения СССР и утраты Россией ощущения своей географической миссии.

Хотелось бы надеяться, что слова из уст российского руководства о «полном объеме всех обязательств для обеих сторон» означают намек на изменившиеся обстоятельства и нарушение Японией ряда статей декларации. Участие Японии в оккупационных силах в Ираке ведь тоже можно рассматривать как нарушение **статьи 3.6** декларации, обязывающей «воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости любого государства».

В отличие от других партнеров Японии Россия независимо от веса и политики других участников геополитического пасьянса Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона заинтересована в мирных добрососедских отношениях и стабильном партнерстве с ней, устремленном в будущее. У России нет «доктри-

ны Монро» для Тихого океана, и любое усиление и возрастание международной роли Японии объективно не затрагивает интересов России, но, наоборот, повышает значение доброго сотрудничества с ней. Лучшее всего этому может послужить принцип неизбежности итогов Второй мировой войны, который и должен быть положен в основу русско-японских отношений.

Примечания

1. АВПР. Фонд 0431 (I), опись 1, № 18а, папка № 4, лист 64.
2. См.: Файнберг Э.Я. Исторические права советского народа на Курильские острова. МГИМО. Ученые записки. М., 1970; Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и русской Америки до конца XIX века. М., 1982; Алексеев А.И., Морозов Б.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока с конца XIX века до 1917 года. М., 1987; Алексеев А.И. Курилы: рубеж между Россией и Японией. Южно-Сахалинск, 1986; Черевко К.Е. Свидетельства Японских историков о принадлежности Сахалина и Курильских островов (XVIII — первая половина XX вв): Внешняя политика России. Источники и историография. М., 1991 и др.
3. АВПРИ, ГА, 1-9, оп. 8, д. № 17, ч.1, лл. 214—216.
4. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М., 1996. С. 295, 296.
5. См.: Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М., 1956.
6. См.: Исии Кикудзиро. Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 55—57.
7. АВП РФ. Ф. 0512, опись № 4, № 209, папка № 25, лист 15—16.
8. Тихвинский С.Л. Россия — Япония. Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 1996. С. 41.
9. Brzezinski Zb. How the Cold War Was Played. Foreign Affairs. Oct., 1972. P. 182—183.
10. АВП РФ. Фонд 0431 (II), оп. № 2, док. № 48, папка № 11, листы 73—74.
11. Семенов-Тянь-Шаньский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии (доложен Отделению Физической географии в 1915 году). СПб. 1915. С. 13—14.
12. Цит. по: Славинский Б.Н. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». М., 1996. С. 181.

13. Rees David. The Soviet Seizure of the Kuriles. Praeger, 1985, p. 94—95.

14. Документы и дебаты в парламенте Японии. — Цит. по: Файнберг Э.Я. Исторические права советского народа на Курильские острова. МГИМО, Ученые записки, для служебного пользования. М., 1970. С. 291.

15. *Тихвинский С.Л.* Указ. соч. С. 104—107.

16. Brzezinski Zb. How the Cold War Was Played. Foreign Affairs. October, 1972.

17. *Мясников В.С.* Указ соч. С. 297.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ. Документы из фондов РГАСПИ

Куда идет фашистский фронт [1]

«3»

14011/4/ОФ/ас/

с английского

15.XI—1936 г.

«Родо Дзеси» — октябрь 1936 г.

I.

«Движение сиси» (самоопределившиеся патриоты) и «движение контролистов» — два главных течения фашистского движения

После событий 26 февраля в Токио в лагере японского фашизма произошло много перемен...

При взгляде на лагерь фашизма первым встает вопрос о людях. Движение развивается вокруг людей, а не вокруг теории. Это характерная черта фашистских движений. Важнейшим вопросом в фашистском лагере Японии в настоящее время является несомненно тот факт, что многочисленные маленькие организации стремятся теперь к «объединению» в одной крупной организации.

Другая диаметрально противоположная тенденция стремится придать исключительное значение «движению сиси», этому проявлению несистематического террористического образа мышления.

Первое течение возглавляется теми военными деятелями, которые были уволены с действительной службы в результате авгу-

стовских перемен в армии, в то время как второе течение является по-видимому попыткой так называемых «сисистов» всех мастей установить связи с целью проведения нелегальных террористических актов. Оба эти движения преследуют одну экономическую цель — защиту капитализма, но в идеологическом отношении они носят совершенно различный характер.

«Движение сиси» является, несомненно, подражанием, хотя бы только по названию, «сисистам» революции Мейдзи. Они считают, что не смогут достигнуть своей цели путем открытых действий. Они намерены установить фашистскую диктатуру путем насилия, что может быть достигнуто через «духовный союз». Они хотят установить связи (с молодыми офицерами армии), как это было, например, с Сибукава во время токийских событий.

Этим группам оказывают поддержку многие распыленные полуфашистские, полубандитские предприниматели. Они дают финансовые средства, и из людей, которых они поддерживают, выходят так называемые «сисисты».

Таким образом та часть фашистской деятельности не проводится открыто. Кроме того, после событий 26 февраля наблюдалось временное отступление этих элементов... В этой статье мы коснемся только деятельности «контролистов».

II.

Возможности кабинета Угаки

Как мы уже говорили в наших прежних статьях, фашистский лагерь охватывает много организаций, начиная от «Метринкай» генерала К. Танака, «Кодокай Хирано», «Санрокукурабу» контр-адмирала в отставке Дж. Кобаяси до Сейсанта, Синниппон Кокумин Домей, Кокумин Кийокай и т.д.

В настоящее время среди всех этих многочисленных организаций наблюдается тенденция к объединению в едином боевом фронте. Однако легко говорить о едином фронте фашистских организаций, зависящих от слишком большого количества предпринимателей, но трудно его осуществить. Они нуждаются в действительно сильном человеке.

Мы имеем здесь генерала Угаки. Десятки раз в прошлом на него смотрели как на будущего премьер-министра, хотя эти предположе-

ния так и не осуществились. В бытность свою военным министром он уменьшил количество дивизий, вызвав тем самым недоверие среди молодых офицеров. Говорят, что это и было причиной неназначения его премьер-министром. Надежды генерала Угаки занять пост премьер-министра стали еще более проблематичными в особенности после назначения генерала Араки военным министром. С другой стороны, именно благодаря этому к нему благоволили важные лица, старые государственные деятели и капиталисты...

После этого он занимал пост генерал-губернатора Кореи, живя далеко от центра политических бурь. Внезапно, в середине октября прошлого года, снова начали циркулировать слухи о кабинете Угаки. Трудно предположить, чтобы Угаки, не пользующийся доверием в армии, стал премьер-министром. Но все же этот слух имеет, по-видимому, кое-какие основания.

Как это случилось? После Хайяси армия пыталась внести порядок в свои ряды. Чтобы установить и осуществить этот «контроль» над офицерами, кабинет должен своими действиями доказать, что он способен на что-то.

Этого вы не могли ожидать от кабинета Окада. Единственный человек, который может сделать что-то, — это Угаки. Его работа в Корее далеко превзошла работу его предшественника адмирала Свито...

Не передать ли власть в руки Угаки? Такие настроения начали проявляться сначала среди высшего офицерства, которое стало оказывать влияние на молодых офицеров.

III.

Позиция флота

Перехожу к позиции флота. Угаки ненавидели во флоте, потому что он в бытность свою военным министром был на стороне тех адмиралов, которые подписали лондонский морской договор. Но адмирал Кобаяси, пользующийся из высшего офицерства самым большим доверием со стороны молодых офицеров, готов теперь поддержать Угаки.

Кобаяси теперь в отставке, но во время событий 15 мая, когда он был командующим Касумигаурским флотом, среди его подчиненных было много людей, имевших связи с заговорщиками. После этого Кобаяси отправился в Корею в качестве начальника морского

форта Дзинкай, где и имел возможность установить персональный контакт с Угаки...

В результате этого снова возобновились слухи о кабинете Угаки.

После событий 26 февраля положение несколько изменилось, но в лучшую сторону для Угаки...

IV.

«Процесс чистки армии» и изменения в гражданском фашистском лагере

В результате августовских перемен в армии генерал-лейтенант Татекава, большой друг Угаки, ушел с действительной службы. В то же время полковник К. Хасимото... вышел в отставку.

Имя полковника Хасимото часто упоминалось в 1931 г. как вероятная кандидатура на пост министра внутренних дел в предполагавшемся тогда кабинете Угаки. Татекаву считали в то время возможным кандидатом на пост военного министра. Оба они, конечно, «фашисты».

Однако мы должны признать, что всегда была разница во взглядах по многим пунктам между этими двумя людьми и молодыми офицерами.

Эти молодые офицеры во время августовских перемен были то же зачислены в резерв, а гражданские фашистские организации стараются теперь вовлечь в свой лагерь Татекаву, Хасимото, а также отставного генерал-лейтенанта Обата.

Заговорщики крупного и мелкого калибра из фашистского лагеря мечтают о создании кабинета Угаки вместо бессильного кабинета Хирота. В то же время они маневрируют, чтобы создать единую крупную правую партию вокруг генерал-лейтенанта Татекава, полковника Хасимото, который открыл теперь контору в Токио, и вице-адмирала Кобаяси.

Говорят, что как только полковник Хасимото получил отставку, некоторые фашистские элементы в рядах Сякай Тайсюто передали по радио, что «Хасимото намерен вступить в Сякай Тайсюто». Во всяком случае крайних правых в настоящее время больше все-го занимают эти три лица, а также возможность создания единого кабинета. С. Накано и его «Тобокэй» заигрывают с этими людьми.

Будет ли такое движение успешным? Это нельзя сказать с уверенностью. Что касается меня, то я считаю это невозможным.

Говорят, что правые хотят создать «национальный фронт» или «Комин Сенсен» (Фронт сторонников / народа / микадо) в противовес народному фронту. Конечно, не следует недооценивать силу правых, но не следует также и переоценивать ее.

В случае достижения единства в фашистском лагере присоединятся ли фашистские элементы в рядах Сякай Тайсюто к этой единой организации? Я сомневаюсь. Возможность вступления Хасимото в Сякай Тайсюто совершенно исключена.

V.

Будет ли создан национальный фронт?

Прежде всего надо знать следующее: Татекава и Хасимото пользовались такой большой популярностью в прошлом, потому что они не были штатскими. Теперь они переведены в резерв, и, кроме того, у них нет массовой базы.

В то же время молодые офицеры, состоящие на действительной службе, расходятся во взглядах с этими людьми... Поэтому неправильно было бы переоценивать их силу.

Предположим, что будет создана единая партия правых во главе с этими тремя лицами; наступит временный расцвет движения, но он не будет продолжительным. Более того, в настоящее время ни Татекава, ни Хасимото не принимают активных мер в этом направлении. (После этого Хасимото организовал партию молодежи.) Ходят слухи, что они будут назначены высшими военными советниками при правительстве Кисатсу в Северном Китае. <...>

Опасность фашизма в Японии [2]

VII конгресс Коминтерна
16-й день, 30-е заседание (веч.)
ЕИ. маш. сп. 10 экз.
10.VII.1936 г.
ТАНАКА — № 142
Страна: Япония.
Язык: японский.
Начало: 18 ч. 35 м.
Конец: ч. м.

ТОРЕЗ (*председательствующий*): Слово имеет тов. ТАНАКА — Япония. (Шумные аплодисменты, делегаты встают, возгласы приветствий со стороны делегаций.)

ТАНАКА: Товарищи! Я целиком и полностью присоединяюсь к докладу тов. Димитрова и я уверен, что все члены нашей партии встретят этот доклад с огромным энтузиазмом, ибо он откроет глаза тем еще многочисленным коммунистам, у которых политические воззрения засорены сектантскими предрассудками, ибо он указывает всей нашей партии дорогу к массам, к развертыванию массовой борьбы за дело рабочего класса, за его окончательную победу.

После мировой войны, когда начался подъем рабочего и общедемократического движения в нашей стране, правящие классы пытались подкрепить монархическую диктатуру парламентскими иллюзиями.

За последние годы, годы кризиса, падает сила парламентских иллюзий в народе, и монархическое правительство все более усиливает полицейский террор и фашистские методы подавления трудящихся.

Военно-монархический фашизм считает недостаточными и те методы подавления, которые применяла до сих пор военно-полицейская монархия. Японская монархия старается ввести в Японии наиболее грязные, варварские, кроваво-террористические гитлеровские методы и хочет отнять у рабочих и крестьян и те ничтожные возможности бороться за свою жизнь, которые они имеют сейчас, и превратить их в послушное орудие войны против китайского народа и против СССР за интересы Мицуи и Мицуоци. Фашизм — злейший враг рабочего класса и всего трудового народа Японии.

Японский военный фашизм, усиливая внутри страны угнетение народа, в своей внешней политике готовит грабительскую войну против СССР, ведет войну против китайского народа ради грабежа китайской территории, продвигаясь вперед для нападения на советские районы Китая.

Эта агрессивная политика является политикой небольшой кучки: императора, военщины, крупной буржуазии, крупных помещиков. Но весь японский народ против этой политики. Как уже сказал тов. Ван Мин, рабочие и крестьяне Японии под руководством компартии на протяжении четырех лет войны на деле боролись и борются внутри страны и на фронте против этой захватнической войны, против убийства и ограбления китайского народа.

С этой высокой трибуны исторического конгресса Коминтерна я заявляю от имени КП Японии, что мы будем до конца продолжать эту борьбу против войны, за свержение японского империализма. Мы вместе с компартией Китая, с китайским народом будем бок о бок бороться против нашего общего врага, грабительского японского империализма.

Опасность фашизма в настоящее время особенно велика, потому что он умело прикрывает свою антинародную политику разнузданной социальной демагогией и с ее помощью завоевывает на свою сторону широкие массы мелкой буржуазии и даже проникает в рабочий класс. Для этого японские фашисты разыгрывают роль защитников рабочих, крестьян, городской мелкой буржуазии. Они говорят об «установлении системы твердого рабочего дня», «государственном обеспечении жизни безработных», «равной плате за равный труд», о «завоевании права объединения и права на стачку». Фашистская демагогия гораздо левее, чем лозунги социал-

демократов. Сегодня, когда недовольство растет среди рабочих, эта демагогия фашистов рассчитана на привлечение рабочих. Фашисты, таким образом, стараются использовать недовольство рабочих и мобилизовать их на свою сторону. Иногда они идут даже на проведение стачек на мелких фабриках и предприятиях.

Фашистская демагогия в Японии развивается безудержно. В то же время они заявляют: «...мы не военная клика, не бюрократы, не пролетариат, мы подлинный народ... Мы считаем своими братьями и крупных капиталистов и крупных помещиков». И вот они, с одной стороны, ведут демагогию насчет завоеваний права стачки, с другой — заявляют, что и крупные капиталисты и крупные помещики — их братья. Фашистская партия Сейканто в последнее время организовала союз квартиросъемщиков (Никон Сякканин Кумиан) и выдвинула следующие лозунги: «Снижение квартплаты на 50 %, государство должно гарантировать квартплату семьям призванных в армию; государство должно гарантировать жилище для безработных и бедняцких трудящихся масс; мораторий и списание долгов; установление права на объединение и коллективные переговоры». Сейканто опубликовала тоже «линию» о помощи промышленникам и торговцам (в 1925 г.). В ней говорится: «Ясно, что помощь деревне и мелким и средним промышленникам и торговцам при теперешнем политическом строе — невозможна. Поэтому, право контроля над финансами должно быть возвращено императору, и финансы должны быть поставлены под контроль государства. Мы против Имисейто, Сейюкай, Сякай, Тайсюто, Кокка Сякайто в компартии». «Усиление организационной работы среди мелкобуржуазных городских слоев», «Усиление гособоронны» и т.д.

Другие фашистские организации тоже выставляют аналогичные лозунги социальной демагогии. А во время стачек рабочих они обязательно выступают как штрейкбрехеры. В этот период 18 тыс. рабочих токийского трамвая, союз молодежи, союз резервистов и отряды противовоздушной обороны, мобилизовав 7 тыс. человек, выступили как штрейкбрехеры стачки. В момент стачки на заводе Осака Кикай Косакусио фашисты организовали «лигу против стачки». Фашисты раскалывают профсоюзы. Например, Акамацу и К^о раскололи Садомей и Дзенро, среди рабочих токийского трамвая создан патриотический рабочий союз. Фашисты организовали

также японистический профсоюз (3 тыс. человек) на железнодорожных заводах Явата. В настоящее время японский союз моряков доведен фашистами до раскола и т.д. Японские фашисты активно подавляют массовые действия рабочих, трудящихся крестьян и мелких горожан. Чтобы обмануть массы, они проводят петиционные движения со сбором подписей. Среди этих движений обращает на себя внимание одно: это — петиционное движение, адресованное непосредственно к императору, ходатайствующее «о решительном проведении реконструкции государственной политики». Это движение начато Сиова Синсейкай. Оно взывает не к партии и не к правительству — собираются подписи, чтобы обратиться прямо к императору.

Непосредственный «руководитель» этого движения — поп Де-гуци из секты Омотокио. Это было новой формой петиционного движения. Однако монархическое правительство его запретило.

Недовольство и возмущение среди рабочих растет. Выступая против раскольнической политики правящих классов и фашистов в рабочем лагере, члены лево-легальных и реформистских профсоюзов требуют слияния их. Рабочие токийского трамвая, рабочие Осака Кикай Косакусио, Осака Никай Сейсакусио и др. (1934 г.), рабочие завода Эбара Сейсамусио, типографии Токио Инсацу, фабрики К° — Токио Муслин в Канамацци проводили стачки. Особенно обращает на себя внимание стачка работниц фабрики Токио Муслин. Эта стачка вспыхнула в связи с тем, что работницы протестовали против создания на фабрике реакционно-патриотических организаций «Хокоу Домей». Этот факт свидетельствует о том, что среди рабочих растет протест против фашизма. Рабочие токийского трамвая боролись против фашистских лидеров Никон Коцу, предавших стачку трамвайщиков. Во время первомайских речей в Осака представитель союза Соренго (руководимого фашистами) в своей речи заявил: «Сейчас особенно такое время, когда рабочие должны подняться на защиту дорогой родины». После него выступил представитель реформистской федерации профсоюзов Дзенро и заявил: «Именно демагогией о защите родины капиталисты пользуются для ухудшения положения рабочих и против этого надо бороться». Эта речь была антифашистской речью во время первомайской демонстрации 15 тыс. рабочих. Союзы, входящие в Содомей, Дзенро и др., а также низовые организации выносят антифашистские ре-

золюции. Рабочие, входящие в низовые организации этих союзов, прорывая помехи со стороны фашистов, стремятся к слиянию союзов под лозунгом «Концентрация сил рабочих» для борьбы с ростом реакции. Слияние 4 тыс. рабочих-металлистов в Осаке, в районе Кансай (членов Содомей и Дзенро), является примером этого. Таким образом, антифашистские силы растут. Рабочие борются за повышение зарплаты. 30 % всех трудовых конфликтов — являются конфликтами за подъем зарплаты. Бастующие рабочие становятся все более боевыми. Бастующие работники типографии Токио Инепху (300 чел.) организовали массовый пикетаж, охраняли стачку. Борьба крестьянства все более ширится и обостряется. Конфликты арендаторов за снижение арендной платы, против отобрания земли в 1933 г. исчислялись в 3384 случаях, в 1934 г. — 4458 случаях. Такое большое число крестьянских конфликтов имеется сейчас, когда идет война.

С другой стороны, если обратить взор на фашистский лагерь, видно, что они переживают период реорганизации старых патриотических организаций в фашистские организации. Кокка Сякайто, имеющая базу в рабочей среде, в прошлом году раскололась на 4 следующие организации: Айкоку Сейдзи, Сейнен Нихон Домей, Кинро Нихонтон, Кокка Сякайто. Подобное положение привело к тому, что повлекло раскол в находящихся под ее влиянием профсоюзов. Тейсии Дзюмоин (Союз почтово-телеграфных служащих) раскололся на 4 части. В декабре прошлого года раскололась Нихон Родо Домей и часть ее слилась с реформистскими союзами. Таким образом раскалываются профсоюзы, находящиеся под руководством фашистов, и это не только свидетельствует о том, что фашисты дерутся из-за дележки субсидий, выделяемых им капиталистами, но и о том, что изо всех своих обещаний рабочим — фашисты не выполнили ни одного потому, что, какую бы обманную демагогию фашисты не разводили, голодное положение рабочих нисколько не улучшается и недовольство рабочих растет.

Это обстоятельство показывает тенденцию рабочих уходить из-под руководства фашистов. Однако это обстоятельство отнюдь не дает оснований считать, что фашизм прекратил свое проникновение в рабочую среду.

Когда мы ведем антифашистскую борьбу, мы должны выдвигать конкретные требования рабочих, крестьян и мелких горожан и про-

чих трудящихся, добиваться этих требований путем единого фронта. Особенно необходимо вести эту антифашистскую работу среди масс на предприятиях и в деревне.

Наша партия должна изучать свой успешный прежний опыт из области борьбы против войны и борьбы против фашистской военщины. Хорошо известно, что в 1933 г. партия, совместно с профсоюзами, социал-демократами и либералами создала антифашистскую лигу, Общество друзей мира на Дальнем Востоке (в Токио, Осака и др.). Объединяя рабочих, крестьян и мелких горожан, партия должна начать борьбу против народного бесправия и втянуть в нее широкие массы трудящегося народа. Полицейские чиновники микадо без всяких оснований арестовывают и пытаются безвинных, честных людей, избивают даже тех, кто им не противится. Когда в Осака шофер такси был избит полицейскими, несколько сот шоферов такси окружили полицейского, протестуя. В Киото был арестован и умер от избиения один наборщик только за то, что он являлся якобы активистом профсоюзов. Народ питает ненависть к бесчинствам полиции. Мы должны использовать это недовольство народа против полиции, ухватываться за такие случаи и организовывать массовое движение против полицейского произвола.

С тех пор как началась война в Маньчжурии, бесправие народа стало еще более невыносимо тяжелым. Даже такие столпы монархии, как член верхней палаты проф. Минобе лишаются свободы слова. Наша партия особенно теперь должна требовать свободы слова, печати, собраний и политических организаций для защиты культурного движения всего трудящегося народа и бороться за это. Борьба против бесправия должна вестись в тесной увязке с антифашистской борьбой.

Наша партия стремится создать единый народный фронт всех слоев населения, страдающих от бесправия, от всевластия и произвола полиции. Наша партия предлагает совместную борьбу тем партиям, группам и общественным деятелям, которые готовы участвовать в народном движении против фашизма, за демократические права и защиту прав человека, за свободу организаций, слова, собраний и печати, за свободу борьбы против эксплуатации.

Мы предлагаем единый фронт всем, кто хочет бороться против разоряющего народ бремени милитаризма, за сокращение военного бюджета, за передачу этих средств на помощь голодающим кре-

стьянам, безработным и на помощь разорившимся ремесленникам, кустарям и мелким торговцам.

На борьбу за требования народного антифашистского фронта мы должны прежде всего сплотить все рабочие и крестьянские организации. Это тем более необходимо, что силы рабочего и крестьянского движения — это главное, что может вовлечь в народный фронт и другие демократические слои населения и их организации.

Единый фронт рабочих и крестьян в Японии развивается. Идея компартии о едином фронте рабочего класса воспринимается широкими рабочими массами. Хотя и можно сказать, что в Японии единый фронт идет по успешному пути, но, с другой стороны, имеется и опасный уклон. В чем он заключается? «Тактика единого фронта снизу понимается механически. Отрицается предложение единого фронта сверху и единый фронт в местном масштабе. Благодаря этому не применялась искусная тактика единого фронта сверху и снизу. Сектантство еще не преодолено. Левое крыло замыкается только в себе и изолируется от масс. В то время, когда массы в низовых организациях реформистских профсоюзов ставят вопрос о слиянии всех профсоюзов, Куродзаки Васуке, который недавно выявился как «теоретик» классового профдвижения, заявляет о своей поддержке компартии, говорит революционным рабочим вещи, совершенно противоположные линии партии.

«Коммунисты и члены классового профсоюза Дзенкио (нелегального), идите в лево-легальные и реформистские профсоюзы: боритесь за единство всех профсоюзов» — вот линия КПЯ.

Но Куросаки против этого. «Прежде всего — перестройка классового профсоюза», — говорит Куросаки. Он говорит еще: «После того как в реформистских профсоюзах будет создана рев. профопозиция, нужно создавать единый фронт». Ну и долгая же у него «подготовка к единому фронту». Совсем наоборот. Мы должны прежде всего заниматься единым фронтом. Через единый фронт, через совместную борьбу в стачках и за повседневные интересы, через борьбу за объединение профсоюзов — мы должны расширять наше влияние в массах. Японские коммунисты, их сторонники стоят перед решающим периодом большого поворота и завоевания большинства на свою сторону. Для того чтобы на практике преодолеть сектантство внутри лагеря коммунистического движения, коммунисты и их сторонники должны немедленно встать во главе

борьбы за единство профсоюзов и за единство действий рабочего класса. <...>

Фашистская военщина и ее сторонники кричат о том, что нужно немедленно начинать выступление на СССР. Наша компартия должна вести решительную борьбу против грабительской войны с Китаем, за защиту Советского Союза. Наша партия беззаветно борется за освобождение японского трудового народа от полицейско-монархического ига, от помещичьей кабалы и капиталистической эксплуатации, за счастливую жизнь всех трудящихся Японии. Для этого наша партия самоотверженно борется против войны и военно-монархического фашизма. Война с китайским народом позорит наш японский народ и ведет к бесконечным новым войнам, а борьба японского пролетариата против войны закладывает фундамент братства азиатских народов и рождает любовь угнетенных масс колониальных стран к японскому народу. Чем больше растет число колониальных рабов японского империализма, тем большую силу получают японские монархические бюрократы, генералы и финансовые магнаты для угнетения и грабежа трудящихся самой Японии. Те же японские монархические и финансовые клики, которые насилуют и грабят китайский, корейский и формозский народы, — худшие враги японского трудового народа. Окончательное освобождение нашего народа невозможно без освобождения народов, угнетаемых японским империализмом. Я не сомневаюсь в том, что наша партия сумеет поднять широкую массовую борьбу, на основе единого фронта, за повседневные экономические и правовые интересы рабочих, крестьян, мелких горожан и др. трудящихся. Наша партия, решительно произведя поворот в своей работе, должна всеми силами бороться за единство действий рабочего класса, за единый народный фронт против войны и фашизма. (Аплодисменты.)

713/5/МК.
17/1—37 г.
«3»

Секретно

Докладная записка по Японии [3]

I. Наступление фашистской военщины и буржуазная оппозиция

Неудавшийся военно-фашистский мятеж в феврале 1936 г., по признанию самого военного министра Терауци, усилил общественное недоверие к военщине. Тот факт, что военное положение, объявленное в феврале, было продлено до середины июля, также свидетельствует о силе общественного недовольства в то время.

Однако военщине с помощью правительства Хирота удалось несколько успокоить буржуазное общественное мнение и отчасти реабилитировать себя в его глазах. Для этого была развернута широкая пропаганда вокруг так называемого «очищения армии».

В то же время под флагом очищения армии из ее состава были удалены не только те офицеры и генералы, которые были явно скомпрометированы поддержкой мятежа, но и лидеры другой, относительно умеренной группы. В результате этого и некоторых других мероприятий Терауци удалось в известной мере консолидировать силы военщины и укрепить свои собственные позиции, как ее руководителя.

С осени 1936 г. фашистская военщина перешла в открытое наступление и выдвинула следующий план фашистского переустройства государственной власти:

1. Концентрация государственной власти в руках 9 министров, по существу, в руках военных министров и их ближайших сторонников. Иными словами, они требуют создания диктатуры под руководством военщины.

2. Лишение парламента права участвовать или влиять на направление государственной политики и на деятельность правительства вообще.

3. Коренное изменение избирательного закона и предоставление избирательных прав только главам семейств, отбывшим воинскую повинность и платящим прямые налоги.

4. Лишение политических партий права формировать правительство или участвовать в нем и отведение политическим партиям ничтожного места в политической жизни страны.

В своей пропагандистской брошюре, опубликованной в октябре 1936 г., военное министерство открыто требует тоталитарного военного (или, как они пишут, «оборонного») государства.

Когда требования военщины стали достоянием печати, они встретили исключительно широкую оппозицию не только со стороны трудящихся, но и буржуазных партий.

Все партии, представленные в парламенте, кроме фашистов, выступили с протестом против проекта военщины, причем обе крупные буржуазные партии — и Сейюкай, и Минсейто — заняли одну и ту же позицию в этом вопросе. Обе партии выступили «в защиту конституционного правления», против «фашистской идеологии военных».

В таком же духе высказались все крупные газеты, причем провинциальные гораздо резче, чем столичные.

Лидеры Сейюкай и Минсейто потребовали объяснения у военного министра и у премьеря. В ответ на это военный министр Терауци пытался было ограничиться оглашением заявления, в котором требования военщины излагаются в крайне туманной форме и во всяком случае не снимаются. Но под напором министров — членов Минсейто и Сейюкай — Терауци добавил, что «армия не имеет намерений уменьшить права парламента и ничего общего не имеет с теми слухами, которые распространяются о ее взглядах». Однако после того, как это добавление Терауци было опубликовано в печати, оно было дезавуировано военным

министерством, как неправильно изложенное и не соответствующее «мнению армии».

Встретив чрезвычайно широкую оппозицию, военщина отодвинула на второй план свое требование «реформы» парламента и избирательной системы и сосредоточила свой напор на требовании реформы кабинета, т.е. на усилении диктаторского характера правительства. Премьер Хирота посредничает между военщиной и буржуазными партиями, но при этом поддерживает военщину. В последнее время заметна тенденция крупнейших концернов «Мицуи» и «Мицубиси» к сближению с военщиной. Крупные капиталисты, целиком работающие на войну, активно поддерживают военщину. На это, очевидно, опирается Хирота в своей политике.

Заключение японо-германского договора не оставляет сомнений в том, что Хирота и руководящая группка нынешнего правительства поддерживают фашистские планы военщины не только во внешней политике, но и во внутренней. Этот договор укрепляет позиции военщины и во внутренней политике, являясь орудием военщины в борьбе за осуществление фашистского режима внутри страны. Договор с Германией дело не всего правительства, а лишь части его, в лице военных министров и Хирота. В стране союз с Германией крайне непопулярен, и заключение японо-германского договора вызвало большую тревогу в широких слоях не только трудящихся, но и имущих классов. Однако руководства буржуазных партий, хотя и критикуют внешнюю политику правительства, как неудачную, не ставят вопроса о ликвидации соглашения с Германией.

После «разъяснения» Терауци Минсейто и Сейюкай ослабили свои нападки на военщину и заняли выжидательную позицию с тем, чтобы очевидно вновь выступить против внутривластных планов военщины. Пока что руководства Минсейто и Сейюкай не выходят за рамки обороны. Они даже не упоминают об отставке правительства или о выходе их представителей из кабинета.

Однако выжидательная и соглашательская позиция руководства Минсейто и Сейюкай, которая стала проявляться уже с самого начала конфликта, вызвала большое недовольство внутри этих партий и, в частности, со стороны так называемой «группы молодых депутатов».

В первые же дни после оглашения требований военщины (5 ноября) состоялось совещание «группы молодых» в Минсейто, созванное по инициативе 22 членов Минсейто, пригласивших 72 членов парламента. На этом совещании была принята следующая резолюция:

«...1) выше поднять осуществление конституционной политики и решительно искоренить фашистские идеи;

2) решительно выступать против вмешательства военных, состоящих на действительной службе, в политику;

3) осуществляя на деле права и функции парламента, поднять выше роль политических партий».

В резолюции второго совещания этой «группы молодых» говорится: «Мы никак не можем удовлетвориться разъяснением Терауци (содержание этого «разъяснения» мы привели выше) ... Очень жаль, что руководители партии стали на такую позицию, которая признает, что военмин достаточно разъяснил вопрос». Далее сообщается, что совещание предложило следующий конкретный метод борьбы:

«1. распространяя воззвания к членам партии по всей стране, поднять их на борьбу;

2. подхлестывать руководство, чтобы оно не делало ошибок;

3. поскольку данный вопрос затрагивает основы конституционного правления, необходимо организовать народное движение, поэтому, призвав другие группы, нужно предложить им организовать совместный фронт (Токио Асахи, 10 ноября 1936 г.).»

Внутри Сейюкай также имеются либерально настроенные «молодые». Так, «Джепен Кроникль» сообщает: «“Молодые” депутаты Сейюкай, особенно остро настроенные против правительства, даже предлагают быструю отставку правительства, как единственно оставшийся выход».

Об удельном весе «молодых», а также об их политических настроениях можно судить по тому, что на сессии парламента в мае 1936 г. 150 депутатов воздержались при голосовании реакционного закона «о контроле над печатью», причем, как сообщалось в японской печати, они выступили бы против реакционных законопроектов, если бы не были связаны партийной дисциплиной.

Организации Сейюкай и Минсейто в Осака (крупнейший промышленный центр Японии) создали блок для совместной борьбы против требований военщины, причем в своей совместной декла-

рации они идут дальше и выдвигают требование восстановить систему партийных правительств, как это было до начала войны в Маньчжурии. В этом заявлении говорится:

«Если смотреть сквозь пальцы на наступление военщины и бюрократии, то партии все более и более будут терять доверие народа и в конце концов сами себя похоронят. Благодаря диктаторским тенденциям в политике, жизнь народа находится под угрозой. Сейчас представился удобный случай для того, чтобы отбросить старую неприязнь и, объединившись, стремиться к восстановлению конституционного правления. Мы решили положить начало этому и не сомневаемся, что наш план будет распространен на всю Японию. Объединившись, будем до конца бороться за защиту принципов парламентского строя».

Следует отметить, что это выступление осакских организаций Сейюкай и Минсей-то произошло 19 ноября, т.е. уже после того, как лидеры этих партий заявили, что они удовлетворены разъяснениями военмина.

Всеобщее недовольство в стране вызвало также и проектируемое правительством повышение налогов. Против правительственного проекта высказались все политические партии. Многие префектурные собрания (муниципалитеты) резко протестуют против проектируемой правительством передачи министерству финансов ряда местных налогов.

В общем, можно констатировать, что даже буржуазное общественное мнение почти целиком настроено оппозиционно к фашистским требованиям военщины. Это заставило военщину пойти на некоторые маневры, но она продолжает наступать. Сила военщины в ее твердости активности; в том, что буржуазная оппозиция не имеет твердой линии и ее руководство боится массового движения.

Новым является то, что в последнее время военщина пытается сама создать массовую базу фашизма, а именно: 1) союз резервистов (три миллиона членов) подчинен непосредственно военному министерству; 2) уволенные из армии за поддержку февральского мятежа ген. Татэкава и полк. Хасимота начали организовывать новую фашистскую партию и пытаются объединить все гражданские фашистские организации под флагом «национального фронта». <...>

О работе компартии у нас имеются крайне скудные данные, взятые из легальной печати. Недавно закрытая еженедельная газета «Дзикиоку Симбун» находилась под сильным влиянием коммунистов. Эта газета за редким исключением писала в духе решений VII конгресса, в частности осуждала сектантство руководства лево-легальных. Коммунистические публицисты широко участвуют в ряде левых легальных изданий (некоторые из них также закрыты). Коммунисты несомненно имеют влияние внутри лево-легальных профсоюзов. Все эти профсоюзы стоят на позиции антифашистского народного фронта. За этот год произошло объединение крестьянского союза Дзенкай (примыкающего к компартии) и Дзенно-Сохомбу (примыкает к Сякай Тайсюто). В статье о съезде объединенного союза автор (очевидно, коммунист) отмечает «продвижение и укрепление силы “ортодоксальных левых”» (коммунистов) внутри этого союза. Известно, что некоторыми префектурными организациями Дзенно руководят люди, близкие к компартии. На совещании начальников охраны было констатировано: «Коммунистическое движение, находившееся в сильном упадке до последних лет, в настоящее время под внешним влиянием и под влиянием внутренних изменений, вновь поднялось. Тактика их по сравнению с прошлым стала более искусной. Они выступают под маской легального движения».

Указывалось также на то, что коммунисты стараются войти в легальные массовые организации, в том числе и в правые.

Нами получен «Секки» (Красное знамя) от 1 августа 1936 г. Он издан в Осака от имени «Подготовительного комитета по восстановлению ЦК КПЯ». Передовица «События 26 февраля и современное политическое положение» в форме длинных тезисов излагает основные установки газеты. Являясь шагом вперед по сравнению со старой сектантской линией, она, однако, не конкретизирует линию VII конгресса применительно к японским условиям. Более того, в ряде вопросов она еще не свободна от сектантства. В частности о едином и народном фронте нет ничего, кроме абстрактных призывов, а по отношению к Сякай Тайсюто, во-первых, говорится, что она «находится под руководством групп, открыто поддерживающих военный фашизм», во-вторых,

ставится задача «помогать революционизированию масс внутри Сякай Тайсюто, форсировать совместную борьбу снизу во всех организациях», но и это оговаривается тем, что главное состоит в том, чтобы «отбросить предательскую политику руководства при помощи давления масс». Общий тон газеты все еще является несколько враждебным Сякай Тайсюто. Статья, поддерживая движение за единство профсоюзов, в то же время выступает против объединения лево-легальных с Сякай Тайсюто. Руководителей лево-легальных она рассматривает как опасных противников КПЯ и т.д. <...>

ПРИЛОЖЕНИЕ

к п.61(о.п.) пр.ПВ № 57.

ВОПРОС НКВД ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ. [4]

Постановление Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных
Комиссаров Союза ССР.

1. О запретной пограничной зоне и пограничном режиме.

В целях усиления охраны государственной границы СССР с Японией, Кореей, Манчурией и Монгольской Народной Республикой, а также установления строгого режима на территории СССР, прилегающей к указанной границе, ЦК ВКП(б) и СНК СССР ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1) Установить на территориях Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурято-Монгольской АССР запретную пограничную зону, включив в нее: железную дорогу от гор. Иркутска до ст. Хабаровска, все районы к югу от этого участка железной дороги, территории к востоку от рек Уссури и Амур и всю территорию Камчатской, Нижне-Амурской и Сахалинской областей Дальне-Восточного края.

2) Распространить на указанную запретную пограничную зону постановление ЦИК СССР от 17 июля 1937 года "О в"езде и проживании в пограничной полосе".

3) Поручить НКВД СССР представить в ЦК ВКП(б) и СНК СССР план выселения антисоветского и неблагонадежного элемента из запретной пограничной зоны Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурято-Монгольской АССР.

4) Обязать Дальне-Восточный и Читинский краевой и областной исполкомы, ЦИК и СНК Бурято-Монгольской АССР в двух декадный срок издать постановление о пограничном режиме: о порядке передвижения в запретной пограничной полосе, закрытии дорог в пределах 500 метр. пограничной полосы, порядке производства охоты, рыбной ловли, выноса и перевозов скота.

5) Поручить НКВД СССР иностранцев, не имеющих ни советских ни иностранных паспортов из пределов Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурято-Монгольской АССР выселить, а всех подозреваемых в шпионской, диверсионной или другой антисоветской деятельности арестовать и дела их рассмотреть в существующем вне-судебном порядке на тройках, независимо от заявленного репрезентированным подданства.

6) В"езд иностранцев в запретную пограничную полосу Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурято-Монгольской АССР запретить, за исключением иностранных подданных - транзитных пассажиров, или иностранных подданных приглашенных советскими и государственными организациями, и иностранных подданных состоящих на постоянной, или временной службе на иностранных концессиях.

Обязать НКВД СССР в двух-декадный срок внести в ЦК ВКП(б) и СНК СССР предложения о порядке в"езда и проживания в Дальне-Восточном крае, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР иностранных подданных и провоза через указанные территории иностранных подданных - транзитных пассажиров.

7) Обязать НКПС по согласованию с НКВД СССР установить порядок продажи железно-дорожных билетов на все станции, расположенные к востоку от ст. Иркутск, только по предъявлении пассажирами установленных документов на право в"езда в запретную пограничную зону Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР.

II. Мероприятия по усилению охраны общественного порядка.

8) Увеличить с 1 января 1938 года численность рабоче-крестьянской милиции: по Дальне-Восточному краю на 1800 чел., по Читинской области на 600 чел., Бурят-Монгольской АССР на 300 чел., а всего по Сову на 2700 чел.

9) Обязать НКВД СССР укомплектовать органы рабоче-крестьянской милиции по Дальне-Восточному краю, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР лучшими кадрами рядового, командного и начальствующего состава путем переброски его из других областей, краев и республик.

В последующем обязать крайкомы указанных областей, командование ОКДВА и пограничной охраны на Дальнем Востоке при увольнении в долгосрочный отпуск рядового и младшего начальствующего состава проводить среди них вербовочную работу для укомплектования рабоче-крестьянской милиции на Дальнем Востоке.

10) С 1 января 1938 года увеличить ставки заработной платы личному составу милиции Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР: рядовому составу до 280 рублей, участковым инспекторам до 350 рублей, уполномоченным и инспекторам до 400 рублей, начальникам районных отделений милиции до 520 рублей, и соответственно всему остальному начальствующему составу.

11) Обязать:

а) Наркомфин СССР обеспечить увеличение численности рабоче-крестьянской милиции и повышение ставок заработной платы ассигнованиями кредитов по государственному бюджету на 1938 год.

б) Наркомвнутриорг СССР выдать необходимые фонды вещевого имущества.

12) Обязать краевой и областной исполкомы Дальне-Восточного края и Читинской области и СНК Бурят-Монгольской АССР издать обязательные постановления об установлении строжайшего общественного порядка в городах и селах.

III. Мероприятия по усилению органов государственной безопасности.

13) Обязать НКВД СССР в 3-месячный срок развернуть особые отделы ГУГБ НКВД Забайкальского Военного Округа, Особой Краснознаменной Дальневосточной армии и Тихоокеанского флота до штатов военного времени, увеличив численность указанных особых отделов на 1600 единиц.

14) Предложить НКВД СССР в 3-месячный срок организовать управления НКВД по Камчатской и Сахалинской областям, выделив эти управления из пограничной охраны.

15) Укрепить органы УГВ НКВД Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР, а также дорожно-транспортные отделы ГУГБ Дальне-Восточной, Амурской, им. Молотова и Восточно-Сибирской железных дорог, увеличив их численность на 1058 чел.

16) Органы государственной безопасности Дальне-Восточного края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР укомплектовать лучшим оперативным составом работников ГУГБ из других краев и областей.

Разрешить НКВД призвать из запаса 1000 чекистов запаса первой очереди, поручив их отбор НКВД СССР совместно с т.Маленковым.

17)Обязать СНК СССР в кредитах 1938 года предусмотреть от-пуск денежных средств и материальных фондов на содержание дополни-тельной численности органов государственной безопасности НКВД СССР по Дальне-Восточному краю, Читинской области и Бурят-Мон-гольской АССР.

1У.Мероприятия по очистке Дальне-Восточных лагерей.

18)Принять предложение НКВД СССР об утверждении дополни-тельно намеченных к репрессированию по Дальне-Восточным лагерям 12 тысяч заключенных, осужденных за шпионаж, террор, диверсии, измену родине, повстанчество, бандитизм, а также уголовников-профессионалов. Дела на эти категории заключенных рассмотреть до 1 апреля 1938 года на тройках по рассмотрению дел бывших ку-лаков, уголовников и антисоветских элементов. Все 12 тысяч чело-век репрессировать по первой категории.

19)Впредь обязать НКВД СССР в Дальне-Восточные лагеря осужденных за шпионаж, террор, диверсии, измену родине, повстан-чество и бандитизм, а также уголовников-профессионалов не направ-лять. Также не направлять в эти лагеря и лиц японской, китайской, корейской, немецкой, польской, латышской, эстонской и финской национальностей и харбинцев независимо от характера преступления, за которое они были осуждени.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
В.МОЛОТОВ.

СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВКП(б)
И.СТАЛИН.

1 февраля 1938 года.

В е р н о: *Молотов*

ПРОТОКОЛ № 8 [5]

(Особый № 8)

РЕШЕНИЯ ПОЛИТВБЮРО ЦК ВКП(б) ЗА 4 ОКТЯБРЯ - 9 НОЯБРЯ 1939 г.

37. - О составе и работе комиссии по уточнению границы между Манчжоу-Го и МНР.

1. Согласиться в основном с предложением японского правительства о составе и работе комиссии по уточнению границы между Манчжоу-Го и Монгольской Народной Республикой (см. приложение).

2. Считать необходимым внести следующие добавления и изменения в предложенный японским послом проект:

а) В конце последней фразы первого параграфа добавить слова "и будет считаться установленной окончательно".

б) Во всех пунктах проекта слова "Внешняя Монголия" заменить словами "Монгольская Народная Республика".

в) В пункте пятом выкинуть слова "и другие данные".

г) В пункте 12 после слов "настоящая комиссия завершит уточнение на карте в течение" вставить "возможно более короткого срока, но не более, чем в течение".

д) Вместо пункта 13 принять следующий пункт:

"Настоящая комиссия начнет свое заседание возможно скорее. Комиссия начнет свою работу в гор. Чите и закончит свою работу в гор. Харбине".

3. Утвердить советско-монгольскую часть комиссии по уточнению границы между Манчжоу-Го и Монгольской Народной Республикой в следующем составе:

а) Комбриг Богданов М.А. - начальник Штаба 1-й армейской группы - Уполномоченный Советского правительства.

б) Джамсарон - зам. премьер-министра Монгольской Народной Республики - Уполномоченный правительства Монгольской Народной Республики.

в) Капитан Лукьянченко (военный эксперт).

г) Канатьев В.Т. - майор государственной безопасности (военный эксперт).

д) Моисеев - военный инженер 2-го ранга, начальник Топографического отдела Штаба 1-й армейской группы (эксперт).

е) Серетор - директор партшколы в Улан-Баторе (эксперт).

ж) Серков В.И. - географ, старший референт Секретариата т. Лозовского (эксперт).

з) Прошин П.О. (шифровальщик).

4. По согласованию с правительством МНР утвердить руководителем всего дела переговоров т. Богданова М.А.

5. Предложить советско-монгольской комиссии уточнить границу только лишь в районе военных действий, т.е. в Номоньханском районе. Все остальные вопросы, которые будут вносить японские представители, предложить рассматривать в общей комиссии по уточнению границ между Манчжоу-Го и Монгольской Народной Республикой, которая будет создана в дальнейшем.

6. Поручить т. т. Молотову, Ворошилову и Лозовскому утвердить инструкцию для советско-монгольской части смешанной комиссии по уточнению границы между Манчжоу-Го и Монгольской Народной Республикой в районе недавних военных столкновений.

Выписки посланы:

т. т. Молотову, Ворошилову, Берия.

Д

лг. 5

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

31 сентября 1940
350078
М. МОСКВА

СНХ СССР

~~Секретариат МО Д В Т С В У~~

НКВД СССР сообщает данные о предполагаемого кандидата
японского посла в Москве - ТАТЖАВА Иосицугу, составлен-
ные по материалам японских справочников и периодической
прессе.

ТАТЖАВА Иосицугу - отставной генерал-лейтенант,
один из лидеров военно-фашистского движения в Японии.

Родился в 1880 году в г. Ниягаа. Участвовал в русско-
японской войне. Окончил академию генерального штаба в
1909 году. Стажировался в Англии. Был военным атташе в
Индии, адъютантом военного министра, начальником отдела-
ния в генштабе, военным атташе при японской миссии в Пе-
тее. Командовал 14-й дивизией. После этого был начальни-
ком японской разведки (начальником 2 отдела генштаба), а
в период оккупации Манчжурии - начальником 1-го (опера-
тивного) отдела генштаба. Работал в качестве эксперта при
военном министре. Летом 1934 года был назначен команди-
ром 10-й дивизии, а затем командиром 4-й дивизии. Это
был его последний строевой пост.

ТАТЖАВА получил известность еще в чине поручика во
время русско-японской войны. Он провел единолично крупную
диверсию в тылу войск генерала МИТЯКО и за этот боевой

Письмо Л.П. Берии в СНК СССР В.М. Молотову [6]

подвиг был награжден высшим военным орденом "Золотого коршуна" и получил личную благодарность маршала ОЯМА.

На политическую арену ТАТЭКАВА выдвинулся накануне оккупации Манчжурии в качестве лидера офицерской молодежи, требующей решительных действий на континенте. Незадолго до выступления японских войск под Мукденом, ТАТЭКАВА, несмотря на запрещение военным выступать с политическими декларациями, произнес речь в гор. Таката (откуда он родом), в которой обсуждал проблему Манчжурии и Монголии с точки зрения задач Японии в Восточной Азии и подверг резкой критике политику Японии.

Эта речь вызвала большой отклик в политическом мире. С тех пор он стал считаться наряду с генералом ИСАХАРА и генералом ИТАГАКИ одним из трех ближайших соратников генерала АРАКИ. — Когда японская военщина добилась от правительства решения осуществить выход из Лиги наций — в Женеву на пленум Лиги были посланы делегатами от японского правительства МАЦУОКА (внешний министр) и, в качестве главы военной делегации, генерал ТАТЭКАВА.

Будучи скомпрометирован своими связями с фашистским "молодым офицерством", ТАТЭКАВА ушел в отставку с действительной военной службы в результате "окончательной" ликвидации последствий военно-фашистского путча 26 февраля 1936 года.

После этого ТАТЭКАВА стал принимать еще более актив-

ное участие в военно-фашистском движении, пытаюсь сыграть роль об'единителя разобщенных мелких реакционных организаций.

В бытность военным министром генерала АРАКИ, ТАТЖАВА вместе с генерал-лейтенантом КОИСО составили неоформленную группу условных сторонников АРАКИ, пытавшурся "умерить" крайности демагогии аракистов.

Не ограничиваясь этим расхождением с ортодоксальными сторонниками АРАКИ, ТАТЖАВА-КОИСО стали расходиться с АРАКИ и по организационным вопросам. Они возражали, в частности, против узко-фракционного подхода при осуществлении персональных назначений и перемещений в армии. Они находили возможным сотрудничество с частью "старого генералитета". Будучи связаны с определенными кругами буржуазии, КОИСО и ТАТЖАВА считали возможным и целесообразным установление определенного политического контакта военными с некоторыми парламентскими деятелями. Основное содержание их программы сводилось к тому, что фашистские реформы должны проводиться лишь постольку, поскольку они абсолютно необходимы для более совершенной подготовки Японии к "большой войне". Так как интересы этой военной подготовки требуют напряжения всех сил страны, то опасно отказываться от сотрудничества с опытными военными специалистами (даже если они принадлежат к числу противников АРАКИ) и с определенной частью "дельцов" из промышленно-финансового мира.

После падения популярности АРАКИ и его ближайших еди-

командиров: генерала МАДЗАКИ, ХАТА, ЯНАГАВА (1934 - 1935 г.г.) - КОИСО и ТАТЭКАВА стали об'единять вокруг себя значительное большинство "молодого офицерства" за исключе- нием крайнего авантюристического крыла, ставшего на путь организации террористических заговоров. Оба они рассматри- вались как подходящие кандидаты на занятие руководящих военных постов. Более ловкий и приспособившийся к обстоя- тельствам КОИСО сумел добиться назначения и удержаться на весьма ответственном посту командующего корейской армией, даже после "чистки армии".

ТАТЭКАВА, по мнению некоторых японских военных обоз- ревателей, был теснее связан с "молодым офицерством", чем КОИСО и должен был уйти в отставку.

Характерно, что в момент ликвидации военно-фашистско- го путча среди части военщины господствовало мнение, что именно ТАТЭКАВА будет назначен новым военным министром и сумеет, введя требования фашистских офицеров в легальное русло, осуществить необходимые "реформы".

Чисто военные способности ТАТЭКАВА оценивались япон- скими военными обозревателями чрезвычайно высоко. Его на- зывали "восходящей звездой" японской армии. ТАТЭКАВА поль- зовался репутацией большого знатока Китая.

В апреле 1937 года японский премьер ХАЯСИ вел перего- воры с ТАТЭКАВА о вхождении его в состав правительства (предположительно в качестве министра просвещения).

94

5.

В мае 1937 года ТАТЭКАВА в ряде статей, опубликованных в японской печати, настаивал на необходимости создания новой политической партии, поддерживающей военную и планы фашистских реформ. ТАТЭКАВА советовал правительству ХАЯСИ проявить большую настойчивость в проведении своей политической линии. В одной из своих статей (газета "Асахи") ТАТЭКАВА писал следующее:

"Япония должна быть ежeminутно готова к войне. Поэтому она должна в срочном порядке покончить с внутренними дрязгами, так как, если они будут продолжаться, Япония окажется в весьма затруднительном положении в международной борьбе. Ум не нужен для того, чтобы преодолеть внешние трудности. Нужны только действия и действия".

В последнее время ТАТЭКАВА (вместе с отставным полковником ХАСИМОТО, отставным полковником КОБАЯСИ) возглавляет большую часть реакционных организаций, входящих в федерацию "Движению Книжкай" и не прекращает агитации за образование реакционной политической партии.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Союза ССР

Л. Берия
(Л. БЕРИЯ)

Разослано:
т. Сталину
т. Молотову

НКО СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ
КРАСНОЙ АРМИИ
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ОТДЕЛ _____
№ декабря 1941 г.
№ 71сс
г. Москва

Сов. секретно.
Экз. № 1

101.
131

СОВНАРКОМ С.С.С.Р.

тов. МОЛОТОВУ.-

Представляю справку о запасах и степени обеспеченности Япония важнейшими видами стратегического сырья.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое.

И. О. НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТАНКОВЫХ ВОЙСК

ВОЕННЫЙ КОМИССАР РУ
ГЕНШТАБА КР. АРМИИ
БРИТАНСКИЙ КОМИССАР

Павфилов
Павфилов

Ильичев
Ильичев

Отп. 2 экз. Б1.
№ 1 - в архив
№ 2 - в дело
24.12.41.

*Письмо и справка Разведывательного управления
Генерального штаба Красной Армии [7]*

ПОТРЕБНОСТЬ, ЗАПАСЫ И СТЕПЕНЬ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ
ЯПОНИИ ВАЖНЕЙШИМИ ВИДАМИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
СЫРЬЯ НА КОНЕЦ 1941 ГОДА.

(в тыс. тонн).

Наименование видов сырья	Наличные запасы	Годовая потребность	Обеспеченность в месяцах
Железная руда.....	16-17.000	13.000	15
Нефть.....	12.500	12.500	12
Медь.....	550	350	17
Алюминий.....	100	85	14
Цинк.....	125	127	12
Свинец.....	247	300	10
Олово.....	86	98	11
Никель.....	26	24	13
Магnezиум.....	1,44	1	18

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Годовая потребность и сроки обеспеченности важнейшими видами стратегического сырья исчислены из расчета ведения Японией войны с участием всех вооруженных сил страны.

2. Обеспеченность Японии каучуком, шерстью и хлопком не превышает годовой потребности.

Примечания

1. Заметки «Куда идет фашистский фронт [в Японии]», пер. с англ., датированы 15 ноября 1936 г., машинопись, с пометами, сделанными черным карандашом (РГАСПИ, ф. 495, оп. 127, д. 489, лл. 191—196).

2. Часть стенограммы (начиная со с. 3391 единого текста стенограммы) 7-го конгресса Коминтерна: выступление японского делегата Танака, посвященное росту опасности миру со стороны «военно-монархического фашизма Токио». Машинописная копия на 17 л. На л. 37 (нумерация дела) стоит гриф «Unkorr.» (Unkorrigierte — неисправленный нем.). Прим.: Танака (он же — Ямамото Кендзо) (1894—1939), японец, член компартии Японии, представитель компартии Японии в исполкоме Коминтерна. Репрессирован: 10 марта 1939 г. Военной коллегией Верховного суда «за шпионаж и диверсионно-вредительскую деятельность» осужден к расстрелу. Реабилитирован: протокол № 9 от 03.08.1989 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х гг., с приложениями (РГАСПИ, ф. 494, оп. 1, д. 319, л. 37—53)

3. Докладная записка по Японии «Наступление фашистской военщины и буржуазная оппозиция». Датирована 17 января 1937 г. Документ имеет гриф «Секретно» и подготовлен для секретаря исполкома Коминтерна О. Куусинена. Прим.: Куусинен Отто Вильгельмович (Отто Вилле), (1881—1964), политический и государственный деятель, академик Академии наук СССР (1958). Герой Социалистического Труда (1961). С 1904 г. возглавлял левое крыло Финляндской социал-демократической партии, в 1911—1917 председатель исполкома партии. С 1921 член Президиума и секретарь исполкома Коминтерна. В 1940—1956 председатель президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. В 1952—1953 и с 1957 г. член Президиума ЦК, с 1957 г. секретарь ЦК КПСС (РГАСПИ, ф. 495, оп. 20, д. 672, л. 2—12).

4. Постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР (за подписями И.В. Сталина и В.М. Молотова) по Дальнему Востоку (приложение к протоколу Политбюро ЦК ВКП(б) № 57, п. 61 («Особая папка»), датирован 1 февраля 1938 г., заверенная копия (РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 22, л. 121—123).

5. Протокол № 8 (особый № 8) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) («Особая папка», решения Политбюро за 4 октября — 9 ноября 1939 года) «О составе и работе комиссии по уточнению границы между Маньчжоу-Го и МНР». Отметка: «Выписки посланы т.т. Молотову, Ворошилову, Берии».

Прим.: Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) — в 1934—1940 г. народный комиссар обороны СССР, Маршал Советского Союза (1935) (РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 26, л. 69—70).

6. Письмо народного комиссара внутренних дел Союза ССР Л.П. Берии в Совет народных комиссаров СССР (В.М. Молотову) датировано 3 сентября 1940 г. Письмо на 5 листах, имеет гриф «Совершенно секретно». На документе резолюция В.М. Молотова: «т. Лозовскому. Справка лучше нашей (НКВД). Видите, опять НКВД оказался выше НКВД в информационном (плане) по вопросу работы НКВД. Подтяните аппарат НКВД. В. Молотов». Помета рассылки: «т. Сталину, т. Молотову». На документе синим и красным карандашами сделаны пометы, относящиеся к вопросам внутривластной борьбы в Японии и подготовки Японии к «большой войне». Отметка секретариата Лозовского о получении письма (вх. 3968 от 5 сентября 1940 г.). Прим.: Лозовский (Дридзо) Соломон Абрамович (1878—1952), заместитель народного комиссара иностранных дел Союза ССР, член РСДРП с 1901 года (РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1383, л. 90—94).

7. Письмо и справка Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии о запасах и степени обеспеченности Японии важнейшими видами стратегического сырья, датировано 25 декабря 1941 г. в Совнарком СССР т. Молотову. Документ имеет гриф «Совершенно секретно». Содержит резолюцию В.М. Молотова «С т. Деканозовым» (РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1383, л. 131—132).

Приложение 2

ДОКУМЕНТЫ 1941—1945 гг.

Коммюнике совещания (Каирская декларация) от 3 декабря 1943 г.

Представители США, Китая и Великобритании вместе со своими соответствующими военными и дипломатическими советниками закончили конференцию в Северной Африке. Опубликовано следующее общее заявление:

«Несколько военных миссий договорились о будущих военных операциях против Японии. Три великих союзника выразили свою решимость оказывать неослабевающее давление на своих жестоких врагов на море, на суше и в воздухе. Это давление уже усиливается. Три великих союзника ведут эту войну, чтобы остановить и покарать агрессию Японии. Они не стремятся ни к каким завоеваниям для самих себя и не имеют никаких помыслов о территориальной экспансии. Их цель заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны 1914 года, и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например, Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской Республике. Япония будет также изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности. Вышеуказанные три великие державы, помня о пораженном народе Кореи, решили, чтобы в должное время Корея стала свободной и независимой. Имея в виду эти цели, три союзника в согласии с теми из Объединенных Наций, которые находятся

в состоянии войны с Японией, будут продолжать вести серьезные и длительные операции, необходимые для того, чтобы обеспечить безоговорочную капитуляцию Японии».

Источник: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, выпуск XI, М., 1955, с. 105—106.

Ялтинское соглашение трех Великих держав по вопросам Дальнего Востока (Текст выработан на Ялтинской конференции в феврале 1945 Г.).

Руководители трех Великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1. Сохранения status quo (статус-кво.— *Примеч. ред.*) Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И.В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза *будут безусловно удовлетворены* после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

1945 года, 11 февраля

И. Сталин
Франклин Рузвельт
Уинстон Черчилль

*Источник: Внешняя политика Советского Союза в период
Отечественной войны, т. 3. М., 1947, с. 111—112.*

Доклад премьер-министра принца Коноэ (Доклад императору, представленный на аудиенции 14 февраля 1945 года)

Мне кажется, наше поражение в войне, к сожалению, уже является неизбежным.

Исходя из этого, почтительнейше докладываю Вашему Величеству следующее:

Хотя поражение, безусловно, нанесет ущерб нашему национальному государственному строю, однако общественное мнение Англии и Америки еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя. (Разумеется, в какой-то части и там наблюдаются крайние взгляды, и к тому же трудно определить, как изменится общественное мнение в будущем.) Следовательно, одно только военное поражение не вызывает особой тревоги за суще-

ствование нашего национального государственного строя. С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением.

Если же взять наше внутреннее положение, то также нельзя не видеть, что с каждым днем созревает все больше условий, способствующих возникновению коммунистической революции. Таковыми являются нищета населения, увеличение количества выступлений рабочих, просоветские настроения, развивающиеся вместе с ростом враждебности по отношению к Англии и Америке, движение в военных кругах сторонников обновления и связанное с ним так называемое движение «новой бюрократии», а также плетущиеся за их спиной тайные интриги левых элементов. Из вышеуказанных фактов особое беспокойство вызывает движение сторонников обновления, которое наблюдается в военных кругах.

В последнее время все более усиливаются голоса, бьющие тревогу по поводу положения на фронте и вместе с тем призывающие к почетной гибели всей нации.

Хотя подобные призывы исходят от так называемых правых, я считаю, что поощряют их к этому коммунистические элементы, которые стремятся таким путем ввергнуть страну в хаос и достичь в конце концов своих революционных целей.

С другой стороны, в противовес решительным призывам уничтожать американцев и англичан постепенно усиливаются просоветские настроения. Часть военных обсуждают даже вопрос о том, что необходимо ценою любых жертв наладить дружеские отношения с Советским Союзом, и кое-кто помышляет об установлении контакта с Яньанью.

Если существовала хотя бы малейшая надежда на перелом в положении на фронтах, все обстояло бы иначе. Теперь же, исходя из неизбежности нашего поражения в войне, я позволю себе выразить твердое убеждение в том, что продолжать войну, в которой у нас нет перспектив на победу, значит, полностью играть на руку коммунистической партии. Следовательно, с точки зрения сохранения нашего национального государственного строя необходимо как можно скорее закончить войну.

Источник: История войны на Тихом океане, т. 4. С. 252—258.

Заявление правительства СССР о денонсации Пакта о нейтралитете с Японией от 5 апреля 1945 г.

Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен 13 апреля 1941 года, т.е. до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки, с другой.

С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным.

В силу сказанного выше и в соответствии со статьей 3 упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское правительство настоящим заявляет правительству Японии о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года.

Источник: «Известия» от 6 апреля 1945 г.

Заявление глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая (Потсдамская декларация) от 26 июля 1945 г.

1. Мы, президент Соединенных Штатов, президент Национального правительства Республики Китай и премьер-министр Великобритании, представляющие сотни миллионов наших соотечественников, совещались и согласились в том, что Японии следует дать возможность окончить эту войну.

2. Огромные наземные, морские и воздушные силы Соединенных Штатов, Британской империи и Китая, усиленные во много раз их войсками и воздушными флотами с Запада, изготовились для нанесения окончательных ударов по Японии. Эта военная мощь поддерживается и вдохновляется решимостью всех союзных наций

вести войну против Японии до тех пор, пока она не прекратит свое сопротивление.

3. Результат бесплодного и бессмысленного сопротивления Германии мощи поднявшихся свободных народов мира с ужасной отчетливостью предстает как пример перед народом Японии. Мощные силы, которые теперь приближаются к Японии, неизмеримо больше тех, которые, будучи применены к сопротивляющимся нацистам, естественно, опустошили земли, разрушили промышленность и нарушили образ жизни всего германского народа. Полное применение нашей военной силы, подкрепленной нашей решимостью, будет означать неизбежное и окончательное уничтожение японских вооруженных сил, столь же неизбежное полное опустошение японской метрополии.

4. Пришло время для Японии решить, будет ли она по-прежнему находиться под властью тех упорных милитаристических советников, неразумные расчеты которых привели японскую империю на порог уничтожения, или пойдет она по пути, указываемому разумом.

5. Ниже следуют наши условия. Мы не отступим от них. Выбора никакого нет. Мы не потерпим никакой затяжки.

6. Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний, ибо мы твердо считаем, что новый порядок мира, безопасности и справедливости будет невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изгнан из мира.

7. До тех пор, пока такой новый порядок не будет установлен, и до тех пор, пока не будет существовать убедительное доказательство, что способность Японии вести войну уничтожена, пункты на японской территории, которые будут указаны союзниками, будут оккупированы для того, чтобы обеспечить осуществление основных целей, которые мы здесь излагаем.

8. Условия Каирской декларации будут выполнены, и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем.

9. Японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную и трудовую жизнь.

10. Мы не стремимся к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над нашими пленными, должны понести суровое наказание. Японское правительство должно устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа. Будут установлены свобода слова, религии и мышления, а также уважение к основным человеческим правам.

11. Японии будет разрешено иметь такую промышленность, которая позволит поддержать ее хозяйство и взыскать справедливые репарации натурой, но не те отрасли промышленности, которые позволят ей снова вооружиться для ведения войны. В этих целях будет разрешен доступ к сырьевым ресурсам в отличие от контроля над ними. В конечном счете Японии будет разрешено принять участие в мировых торговых отношениях.

12. Оккупационные войска союзников будут отведены из Японии, как только будут достигнуты эти цели и как только будет учреждено мирно настроенное и ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа.

13. Мы призываем правительство Японии провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил и дать надлежащие и достаточные заверения в своих добрых намерениях в этом деле. Иначе Японию ждет быстрый и полный разгром.

Источник: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными державами. Выпуск XI. М., 1955, с. 104—106.

Заявление советского правительства правительству Японии от 8 августа 1945 г.

После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Япони-

ей. Тем самым предложение японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву.

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией.

Источник: «Правда» от 9 августа 1945 г.

Заявление правительства Японии послу СССР в Токио от 10 августа 1945 г.

Повинуясь милостивому повелению Его Высочества императора, который в своем постоянном стремлении к укреплению дела мира во всем мире искренне желает добиться скорейшего окончания военных действий с целью избавления человечества от бедствий, налагаемых на него дальнейшим продолжением войны, японское правительство несколько недель тому назад обратилось к Советскому правительству, с которым в то время поддерживались нейтральные отношения, с просьбой оказать добрую помощь в восстановлении мира между вражескими державами.

К сожалению, эти усилия в интересах мира оказались безуспешными, и японское правительство в соответствии с августейшей волей Его Величества восстановить всеобщий мир, стремясь как

можно быстрее положить конец неопишваемым страданиям, вызываемым войной, пришло к нижеследующему решению:

Японское правительство готово принять условия, перечисленные в Совместной декларации, которая была опубликована в Потсдаме 26 июля 1945 г. главами правительств Соединенных Штатов, Великобритании и Китая и к которой позднее присоединилось Советское правительство, на том условии, что упомянутая декларация не будет содержать в себе каких-либо требований, ущемляющих прерогативы Его Величества как суверенного правителя.

Японское правительство искренне надеется, что эта оговорка будет принята, и страстно желает, чтобы ясное разъяснение по этому вопросу последовало бы как можно скорее.

Источник: Сборник документов (Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии) 1943—1946 гг. М., 2-й ДВО МИД СССР, 1947. С. 29.

Заявление японского правительства о принятии условий Потсдамской декларации от 14 августа 1945 г.

14 августа Правительство Соединенных Штатов получило через Швейцарское Правительство следующее сообщение от Японского Правительства:

По вопросу о ноте Японского Правительства от 10 августа относительно принятия условий Потсдамской Декларации и ответа Правительств Соединенных Штатов, Великобритании, Советского Союза и Китая, посланного Государственным Секретарем Америки Бирнсом и датированного 11 августа, Японское Правительство имеет честь сообщить Правительствам четырех держав следующее:

1) Его Величество Император издал Императорский рескрипт о признании Японией условий Потсдамской Декларации.

2) Его Величество Император готов санкционировать и обеспечить подписание его Правительством и Императорской Генеральной штаб-квартирой необходимых условий для выполнения положений Потсдамской Декларации. Его Величество также

готово дать от себя приказы всем военным, военно-морским и авиационным властям Японии и всем находящимся в их подчинении вооруженным силам, где бы они ни находились, прекратить боевые действия и сдать оружие, а также дать другие приказы, которые может потребовать Верховный Командующий Союзных Вооруженных Сил в целях осуществления вышеуказанных условий.

Источник: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 3, с. 380.

Разъяснение Генерального штаба Красной Армии по поводу заявления Японии о капитуляции от 14 августа 1945 г.

Ввиду поступающих запросов по поводу капитуляции Японии начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Антонов разъясняет:

1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции.

Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы продолжают сопротивление.

Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться.

3. В виду изложенного вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии.

16 августа 1945 г.

Источник: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. III, с. 384.

Переписка И.В. Сталина и Г. Трумэна

Лично и секретно от премьера И.В. Сталина президенту Г. Трумэну

Ваше послание с «Общим приказом № 1» получил. В основном, не возражаю против содержания приказа. При этом имеется в виду, что Ляодунский полуостров является составной частью Маньчжурии. Однако предлагаю внести в «Общий приказ № 1» следующие поправки:

1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые, согласно решению трех держав в Крыму, должны перейти во владение Советского Союза.

2. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафуто и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половинами острова Хоккайдо провести по линии, идущей от гор. Кусиро на восточном берегу острова до города Румоэ на западном берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова.

Это последнее предложение имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919—1921 годах держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории.

Я бы очень хотел, чтобы изложенные выше мои скромные пожелания не встретили возражений.

16 августа 1945 года.

Для Генералиссимуса Сталина от президента Трумэна

Получено 18 августа 1945 года.

Строго секретно.

Отвечая на Ваше послание от 16 августа, я выражаю согласие с Вашей просьбой изменить «Общий приказ № 1» с тем, чтобы

включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке. Однако мне хотелось бы пояснить, что Правительство Соединенных Штатов желает располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе, для военных и коммерческих целей. Я был бы рад, если бы Вы сообщили мне, что Вы согласны на такое мероприятие, причем месторасположение и другие детали будут согласованы путем назначения для этой цели специальных представителей наших обоих правительств.

Что касается Вашего предложения в отношении капитуляции японских вооруженных сил на острове Хоккайдо перед советскими вооруженными силами, то я имею в виду — и в связи с этим были проведены мероприятия, — что генералу Макартуру сдаются японские вооруженные силы на всех островах собственно Японии: Хоккайдо, Хонсю, Сикоку и Кюсю.

Генерал Макартур будет использовать символические союзные вооруженные силы, которые, конечно, будут включать и советские вооруженные силы, для временной оккупации такой части собственно Японии, какую он сочтет необходимым оккупировать в целях осуществления наших союзных условий капитуляции.

Лично и секретно

От премьеры И.В. Сталина президенту г-ну Г. Трумэну

Получил Ваше послание от 18 августа.

1. Я понимаю содержание Вашего послания в том смысле, что Вы отказываетесь удовлетворить просьбу Советского Союза о включении северной половины о. Хоккайдо в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам. Должен сказать, что я и мои коллеги не ожидали от Вас такого ответа.

2. Что касается Вашего требования иметь постоянную авиационную базу на одном из Курильских островов, которые, согласно Крымскому решению трех держав, должны перейти во владение Советского Союза, то я считаю своей обязанностью сказать по этому поводу следующее. Во-первых, должен напомнить, что такое

мероприятие не было предусмотрено решением трех держав ни в Крыму, ни в Берлине и ни в какой мере не вытекает из принятых там решений. Во-вторых, требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории и выражает готовность ввиду этого предоставить своему союзнику соответствующую базу. Я не думаю, чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств. В-третьих, так как в Вашем послании не излагается никаких мотивов требования о предоставлении постоянной базы, должен Вам сказать чистосердечно, что ни я, ни мои коллеги не понимаем, ввиду каких обстоятельств могло возникнуть подобное требование к Советскому Союзу.

22 августа 1945 года.

Лично и строго секретно

Для Генералиссимуса Сталина от президента Трумэна

Получено 27 августа 1945 года.

В ответ на Ваше послание от 22 августа 1945 г. сообщаю, поскольку речь идет о базе на Курильских островах, что моя мысль заключалась в том, что пользование правами посадки на центральной группе Курильских островов во время оккупации Японии было бы существенным вкладом в те совместные действия, которые мы будем предпринимать в связи с осуществлением условий капитуляции Японии, так как это обеспечило бы еще один путь авиационной связи с Соединенными Штатами для использования в чрезвычайных случаях в период оккупации Японии.

Я также не испытывал никаких колебаний, ставя вопрос о предоставлении возможностей для посадки коммерческих самолетов. Вы, очевидно, неправильно поняли мое послание, так как Вы говорите о нем, как о требовании, обычно предъявляемом побежденному государству или союзному государству, которое не в состоянии защищать части своей территории. Я не говорил о какой-либо территории Советской Республики. Я говорил о Курильских островах, о японской территории, вопрос о которой должен быть решен при мирном урегулировании. Мне было известно, что мой предшественник согласился поддержать при мирном урегу-

лировании приобретение этих островов советской стороной. Я не считал оскорбительной Вашу просьбу о том, чтобы я подтвердил это соглашение. Если Вы рассчитываете на нашу поддержку Вашего желания получить в постоянное владение все Курильские острова, я не могу понять, почему Вы считаете оскорбительным, если я прошу Вас рассмотреть просьбу о предоставлении прав для посадки самолетов только на одном из этих островов. Я считаю просьбу об обсуждении этого вопроса тем более уместной, что между нашими обоими правительствами и между нами лично существуют тесные и искренние отношения. Хотя я полагаю, что было бы целесообразно обсудить в ближайшее время эти вопросы, я не буду настаивать на этом, если Вы не желаете обсуждать их теперь.

Лично и секретно

От премьер-министра И.В. Сталина президенту г-ну Трумэну

Ваше послание от 27 августа получил. Я рад, что недоразумения, вкравшиеся в нашу переписку, рассеялись. Я не был несколько оскорблен Вашим предложением, но переживал состояние недоумения, поскольку я, как это видно теперь, неправильно понял Вас.

Я, конечно, согласен с Вашим предложением обеспечить для Соединенных Штатов право посадки на наших аэродромах на одном из Курильских островов в чрезвычайных случаях в период оккупации Японии.

Я согласен также с тем, чтобы на советском аэродроме на одном из Курильских островов предоставить возможность посадки коммерческим самолетам. При этом Советское правительство рассчитывает на взаимность со стороны Соединенных Штатов в отношении права посадки советских коммерческих самолетов на американском аэродроме на одном из Алеутских островов. Дело в том, что нынешняя авиационная трасса из Сибири через Канаду в Соединенные Штаты Америки нас не удовлетворяет ввиду ее большой протяженности. Мы предпочитаем более короткую трассу от Курильских островов через Алеутские острова как промежуточный пункт на Ситл.

30 августа 1945 года.

Общий военный и военно-морской приказ № 1 от 14.08.1945 г.

1. Имперский Генеральный штаб, по приказу императора и во исполнение сдачи императором всех японских вооруженных сил Верховному главнокомандующему союзных держав, настоящим повелевает всем своим командующим в Японии и за ее пределами дать приказ находящимся под их командованием японским вооруженным силам и контролируемым японцами войскам прекратить военные действия немедленно, сложить свое оружие, остаться на своих настоящих позициях и безоговорочно капитулировать перед командующими, действующими от имени Соединенных Штатов, Китайской Республики, Соединенного Королевства и Британской империи и Союза Советских Социалистических Республик, как указано ниже или как может быть дополнительно приказано Верховным главнокомандующим союзных держав.

а) Старшие японские командиры и все наземные, морские, воздушные и вспомогательные силы внутри Китая (исключая Маньчжурию), Формозы и Французского Индокитая — севернее 16° северной широты — должны сдать Генералиссимусу Чан-Кайши.

б) Старшие японские командиры и все наземные, морские, воздушные и вспомогательные силы внутри Маньчжурии, Кореи — севернее 38° северной широты, Карафуто (Сахалин. — *Примеч. ред.*) и на Курильских островах должны сдать Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке.

в) Старшие японские командиры и все наземные, морские, воздушные и вспомогательные силы на Андаманских и Никобарских островах, в Бирме, Сиаме, Французском Индокитае — южнее 16° северной широты, — в Малайе, на Суматре, Яве, Малых Зондских (включая Бали, Бомбок и Тимор), Боеро, Серам, Амбон, Кай, Ароз, Танимбар и на островах в море Арафура, на острове Целебес, Галамахера и в Голландской Новой Гвинее должны сдать союзному главнокомандующему района Юго-Восточной Азии.

Источник: Сборник документов (Каирская декларация, Крымское соглашение...). С. 30—39.

Из Инструкции правительства США Верховному главнокомандующему союзных держав в Японии от 29 августа 1945 г.

(доведена до сведения японской стороны 2 сентября 1945 г.)

Настоящий документ представляет собой выражение генеральной линии политики США в отношении Японии в начальный период после ее капитуляции. Документ одобрен президентом и направлен Верховному главнокомандующему союзных держав, а также соответствующим государственным структурам (министерствам и ведомствам) США для руководства.

Суверенитет Японии будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и также другими, менее крупными, лежащими вне ее пределов островами, которые могут быть указаны в соответствии с Каирской декларацией и другими соглашениями, участниками которых являются или могут являться, Соединенные Штаты.

*Источник: The Conference of Berlin. Washington, 1961, p. 933;
цит. по: Русская тихоокеанская эпопея, с. 584.*

Приложение 3

Материалы из газеты "Правда" от 3 сентября 1945 г.

Правда
Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).
№ 22 (252) Ленинград, 3 сентября 1945 г. ЦМН 20 стр.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжёлые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну, избованной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

И. СТАЛИН.

Обращение тов. И. В. Сталина к народу

Товарищи!

Сотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции. Разбитая полностью на море и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Штатов, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Для начала мировой фашистской и империалистической агрессии образовалась коалиция империалистической Японии — на западе и Япония — на востоке. Это она развязала вторую мировую войну. Это она поставила человечество и его цивилизацию на край гибели. Отчет мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован отчет империалистической агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции.

Эти события, что наступили в конце второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезный ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет и Япония.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, внезапными и вероломными, без объявления войны, — напала на нашу страну и атаковала русский флот в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать, тем самым, выходящее в море для своего флота. И она действительно вывела из строя три переименованных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония и точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пёрл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потеряла тогда поражение. Япония не воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отказаться от России восточной Сакхалин, уступившись на Нурьские острова и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы и порты советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачей отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но эти не исчерпываются захватчиками действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской России Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и открыла на них, — вновь напала на нашу страну, оккупировав Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабитель советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1939 году Япония вновь напала на нашу страну в районе полуострова Халхин-Гол, чтобы захватить Владивосток, а в следующий год Япония оторвала свое марионетное государство, в районе Манчжурской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Североуральскую железную дорогу и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атака Японии в районе Халхин-Гола была ликвидирована советскими войсками с большим трудом для японцев. Таким образом была успешно ликвидирована японская интервенция 1918—22 годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашей Дальнего Востока. Но persistent русский войск в 1904 году в период русско-японской войны оставался в состоянии вынужденной капитуляции. Она легла на нашу страну черным пятном. Наш народ горю и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и никто будет ликвидирован. Сорон не ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что японцы Сакхалин и Нурьские острова отдают и Советскому Союзу и отныне они будут служить на средствам страны Советского Союза и отдала и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжёлые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну, избованной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Первый заместитель Председателя Государственного Совета И. В. Сталин.

считать нашу отчизну, избованной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Подразумевая нас, все добрые соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Славь вооруженная сила Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшая победу над Японией!

Славь наших дальневосточных воинов и японскому японско-русскому флоту, отстоявшим честь и достоинство нашей Родины!

Славь нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и свободу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

У. К. А. З.

Президиума Верховного Совета СССР
Об объявлении 3 сентября ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией

В ознаменование победы над Японией устанавливается, что 3 сентября является днем всенародного торжества — ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией. 3 сентября считать нерабочим днем.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 2 сентября 1945 г.

В СОВНАРКОМЕ СССР

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 3 сентября ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией Советскому Союзу устанавливается, что 3 сентября 1945 года является днем торжества.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Специальный выпуск газеты «Правда» от 3 сентября 1945 г.

Обращение тов. И.В. Сталина к народу

Товарищи!

Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт о безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали Вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт о капитуляции.

Это означает, что наступил конец Второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезный ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 г. во время Русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 г., когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать тем самым выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точно-

сти повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 г. напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пёрл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и таким образом закрыть на замок для нашей страны на востоке все выходы в океан, следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 г., после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 г. Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918—1922 гг., и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 г., в период Русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старшего поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, и средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава вооруженным силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам, Тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстоявшим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

Подписание акта о капитуляции Японии

Токио. 2 сентября. (ТАСС). Сегодня в 10 час. 30 мин. по токийскому времени на борту американского линкора «Миссури», находящегося в водах Токийского залива, состоялось подписание акта о капитуляции Японии.

В начале церемонии подписания акта выступил генерал Макартур с заявлением, в котором говорится: «Я заявляю о своем твердом намерении, согласно традиции стран, которые я представляю, проявлять при выполнении моих обязанностей справедливость и терпимость, принимая в то же время все необходимые меры для обеспечения полного, быстрого и точного выполнения условий ка-

питуляции. Мы собрались здесь как представители главных воюющих держав для того, чтобы заключить торжественное соглашение, посредством которого можно будет восстановить мир. Проблемы, связанные с различными идеалами и идеологиями, были разрешены на полях сражений всего мира, а потому не подлежат дискуссии или дебатам».

Затем генерал Макартур предложил японским представителям подписать акт капитуляции.

Акт о капитуляции Японии гласит:

«1. Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского Генерального штаба, настоящим принимаем условия декларации, опубликованной 25 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться союзными державами.

2. Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского Генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

3. Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и военного и гражданского имущества, а также вы-полнять все требования, которые могут быть предъявлены верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

4. Настоящим мы приказываем японскому императорскому Генеральному штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех войск, находящихся под их командованием.

5. Все гражданские, военные и морские официальные лица должны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые Верховный командующий союзных держав сочтет необходимыми для осуществления данной капитуляции и которые будут изданы им самим или же по его уполномочению; мы предпи-

сываем всем этим официальным лицам оставаться на своих постах и по-прежнему выполнять свои небоевые обязанности, за исключением тех случаев, когда они будут освобождены от них особым указом, изданным Верховным командующим союзных держав или по его уполномочению.

6. Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которых в целях осуществления этой декларации потребует Верховный командующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель.

7. Настоящим мы предписываем японскому императорскому правительству и японскому императорскому Генеральному штабу немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц, находящихся сейчас под контролем японцев, и обеспечить их защиту, содержание и уход за ними, а также немедленную доставку их в указанные места.

8. Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена Верховному командующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимым для осуществления этих условий капитуляции».

Первым подходит к столу Мамору Сигемицу — министр иностранных дел нынешнего японского правительства. Он подписывает акт о капитуляции от имени императора, японского правительства и японской императорской ставки. Вслед за ним ставит свою подпись начальник японского Генерального штаба генерал Умэдзу. Оба японских делегата отходят в сторону. Затем начинается церемония подписания документа представителями союзных наций, назначенными их правительствами присутствовать при подписании Японией акта о ее капитуляции. Генерал Макартур говорит: «Верховный главнокомандующий союзных держав подписывает теперь документ от имени союзных наций. Я приглашаю генерала Уэйнрайта и генерала Персиваля подойти со мной к столу для подписания документа». Генерал Макартур подходит к столу, на котором находится акт, за ним идут генералы Уэйнрайт и Персиваль. Генерал Макартур и вслед за ним Уэйнрайт и Персиваль подписывают документ. Затем от имени США документ подписывает адмирал Нимиц.

Далее к столу подходит представитель Китайской республики генерал Су Юн-чан, начальник оперативного отдела китайского совета национальной обороны. Генерал Су Юн-чан подписывает документ от имени Китая.

Генерал Макартур приглашает представителя Англии. Адмирал Фрезер подписывает акт.

Генерал Макартур говорит: «Сейчас акт подпишет представитель Союза Советских Социалистических Республик». К столу приближается генерал-лейтенант Кузьма Николаевич Деревянко. Вместе с ним — двое военных: один — представитель флота и другой — от авиации. Генерал Деревянко подписывает документ.

Затем акт подписывают представитель Австралии генерал Томас Блэми, главнокомандующий австралийскими войсками, представители Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии.

После подписания акта о капитуляции Японии по радио передается из Вашингтона речь президента Трумэна.

Церемония подписания капитуляции, продолжавшаяся 45 минут, закончилась выступлениями генерала Макарура и адмирала Нимица.

Генерал Макартур в своей заключительной речи заявил, что все предыдущие попытки воспрепятствовать международным конфликтам и разрешить их не имели успеха, что привело к тяжелому испытанию войной. «В настоящее время предельная разрушительность войны исключает подобную альтернативу. Нам представилась последняя возможность. Если мы в настоящее время не создадим лучшую и более справедливую систему, то мы будем обречены.

Потсдамская декларация обязывает нас обеспечить освобождение японского народа от рабства. Моя цель заключается в том, чтобы осуществить это обязательство, как только вооруженные силы будут демобилизованы. Будут предприняты другие важные меры для того, чтобы нейтрализовать военный потенциал и энергию японской расы.

Свобода перешла в наступление. На Филиппинах американцы показали, что народы Востока и Запада могут шагать бок о бок при взаимном уважении и во имя всеобщего благополучия».

Адмирал Нимиц в своей речи сказал, что «свободолюбивые народы всего мира радуются победе и гордятся достижениями наших объединенных сил. Необходимо, чтобы Объединенные Нации

неуклонно проводили в жизнь мирные условия, которые навязаны Японией. Необходимо будет также поддерживать силы нашей страны на таком уровне, который не допустит в будущем актов агрессии, направленных на уничтожение нашего образа жизни. Теперь мы обращаемся к великой задаче реконструкции и восстановления. Я уверен, что при разрешении этих проблем мы будем действовать с таким же искусством, находчивостью и проницательностью, как и при разрешении проблем, связанных с достижением победы».

На борту линкора «Миссури»

Медленно рассеивается туман над Токийской бухтой в этот исторический день. Постепенно вырисовываются силуэты многочисленных кораблей союзников, грозно выстроившихся напротив столицы Японии.

Миноносец мчит нас к линкору, на котором должна произойти церемония подписания акта о капитуляции Японии. Этот миноносец — маленький, но лихой корабль. Торпедной атакой он утопил крейсер «Джемсу», две неприятельские подводные лодки, сбил на своем веку 9 японских самолетов. Теперь он везет к своему флагману представителей прессы всех свободолюбивых наций.

Перед нами — один из самых больших военных кораблей мира — «Миссури». Справа и слева от него боевые соратники — американские линкоры «Айова», «Южная Дакота», за ними — лучшие английские линкоры «Георг», «Герцог Йоркский». Дальше на рейде австралийские, голландские, канадские, новозеландские крейсера, миноносцы. Кораблей всех классов не счесть.

Линкору «Миссури», на котором произойдет подписание акта, недаром выпала такая честь. Во главе эскадры он 24 марта подошел к берегам Японии и обстрелял из своих гигантских орудий район севернее Токио. За этим линкором много других боевых дел. Он заслужил ненависть врагов. 11 апреля его атаковал японский летчик-смертник и, разбившись, нанес кораблю лишь незначительные повреждения.

К правому борту линкора пришвартовался миноносец «Будкнан», на котором прибыл генерал Макартур. Вслед за ним подни-

маются на линкор делегации союзных стран и гости. Делегации занимают свои места позади стола. Справа налево — представители Китая, Великобритании, СССР, Австралии, Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии. Гости, свыше 230 корреспондентов, размещаются в носовой части линкора, заполняя капитанский мостик, все орудийные площадки башни.

Заканчивается подготовка к церемонии. Зеленым сукном накрывается небольшой стол, ставятся две чернильницы, промокательная бумага. Затем появляются два стула, один против другого. Устанавливается микрофон. Все делается неторопливо.

По трапу поднимается японская делегация в составе одиннадцати человек, привезенных на катере после подготовки всей церемонии. При общем молчании присутствующих подходят к столу представители японской заносчивой дипломатии и оголтелой военщины. Впереди, весь в черном, глава японской делегации министр иностранных дел Японии Мамору Сигемицу. За ним — толстенький приземистый начальник армейского Генерального штаба Японии генерал Умэдзу. С ними — японские дипломатические и военные чины в разношерстных мундирах и костюмах.

Жалкий вид являет вся эта группа!

В течение пяти минут японская делегация стоит под суровыми взглядами всех присутствующих на корабле представителей свободлюбивых наций.

Японцам приходится стоять как раз напротив китайской делегации.

На палубе корабля появляется генерал Макартур.

При общей тишине Макартур обращается с речью к делегатам и гостям.

Закончив свою речь, Макартур скупым жестом предлагает японским делегатам подойти к столу.

Медленно подходит Сигемицу. Неловко выполнив свою тяжелую обязанность, Сигемицу отходит от стола, ни на кого не глядя. Старательно ставит свою подпись генерал Умэдзу.

Японцы удаляются на свои места.

К разложенным на столе папкам подходит Макартур и приглашает с собой двух американских генералов Уэйнрайта и Персиваля — героев Коррегидора. Только недавно они вырваны из япон-

ского плена — несколько дней назад Уэйнрайт был освобожден Красной Армией в Маньчжурии.

После Макартура подписывают акт китайские делегаты.

За китайцами к столу подходит английский адмирал Фрезер.

Треск и щелканье многочисленных фото- и киноаппаратов увеличивается, когда Макартур приглашает к столу советскую делегацию. Она здесь в центре внимания. Присутствующие видят в ней представителей могущественной советской державы, которая, разгромив фашистскую Германию, ускорила затем капитуляцию Японии.

Подписывающего акт по уполномочию Верховного Главнокомандующего советскими вооруженными силами генерал-лейтенанта Деревянко сопровождают генерал-майор авиации Воронов и контр-адмирал Стеценко.

За генералом Деревянко следуют австралийский генерал Блэми, представитель Канады генерал Грейв, французский делегат генерал Леклерк, представители Голландии и Новой Зеландии.

Акт подписан.

Высказав убеждение, что отныне прочный мир установится во всем мире, Макартур с улыбкой заканчивает процедуру и просит делегации, подписавшие акт, проследовать за ним в салон адмирала Нимица на «Миссури».

Некоторое время японские делегаты стоят одни. Затем Сигемичу вручают черную папку с экземпляром подписанного акта. Японцы спускаются вниз по трапу, где их ждет катер.

Над линкором «Миссури» величественным парадом проплывают «Летающие крепости», на бреющем проносятся истребители...

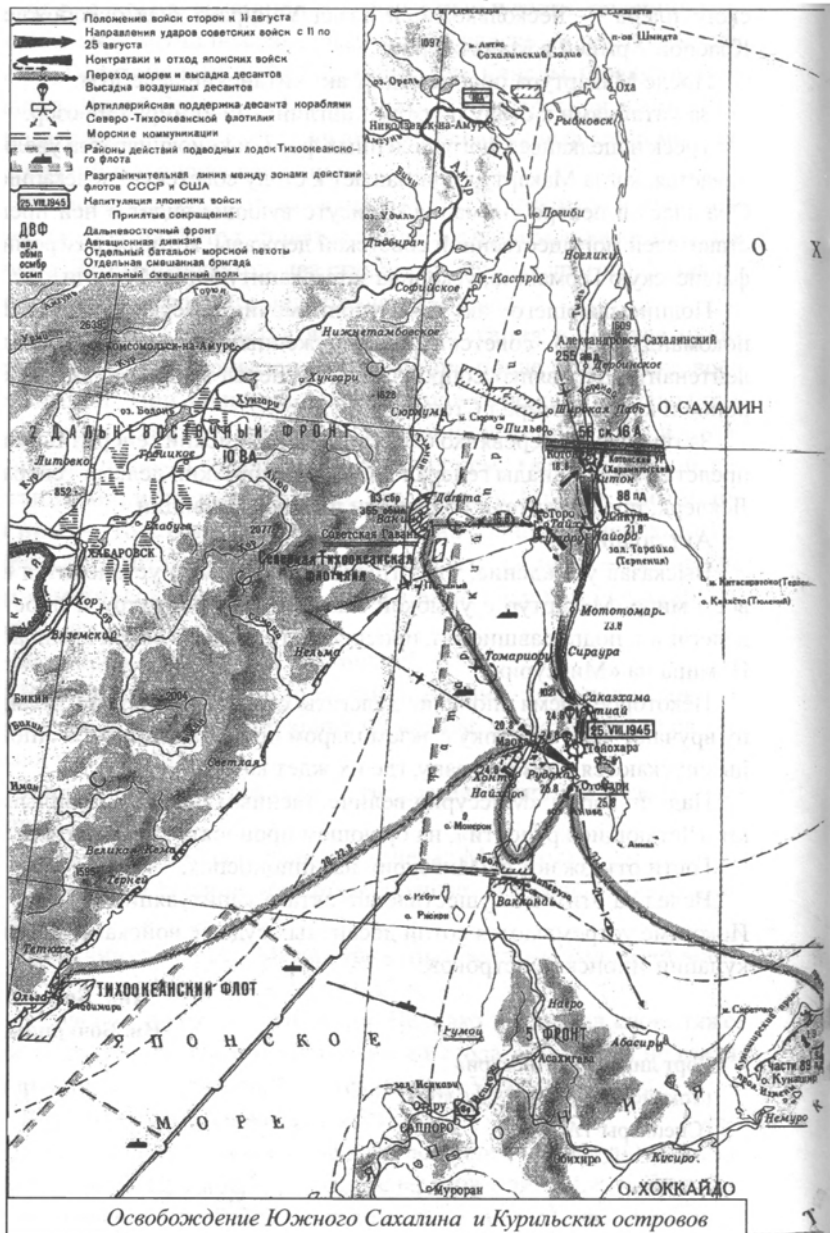
Гости отъезжают с «Миссури» на миноносцах.

Вслед за этим в осуществление акта о капитуляции к Токио и Июкогаме устремляются сотни десантных судов с войсками для оккупации Японских островов.

**Ник. Богданов,
Ив. Бочарников**

Борт линкора «Миссури»
(Токийская бухта), 2 сентября
(Спецкоры ТАСС).

Приложение 4. Карты

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Галицкий Владимир Прохорович — доктор юридических наук, профессор, капитан 1-го ранга.

Грайворонский Владимир Викторович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, заведующий сектором Монголии.

Зимонин Вячеслав Петрович — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, академический советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук.

Кимура Хидэсукэ (Япония) — почетный профессор Университета Иокогамы.

Кошкин Анатолий Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Восточного университета, академик РАЕН, член исполнительного совета Российской ассоциации историков Второй мировой войны.

Луань Цзинхэ (КНР) — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра внешней политики Китая Института новой истории Китая Академии общественных наук КНР.

Мясников Владимир Степанович — академик РАН, советник РАН, руководитель Центра Института Дальнего Востока РАН.

Нарочницкая Наталия Алексеевна — доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы, руководитель Института демократии и сотрудничества в Париже.

Павлятенко Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН.

Парилло Марк (США) — профессор, директор Института военной истории Канзасского университета, президент Американской ассоциации историков Второй мировой войны.

Сафронов Вячеслав Петрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Сюй Чжиминь (КНР) — доктор исторических наук, заместитель директора Института изучения современного Тибета Академии общественных наук Тибетской автономии КНР, главный редактор журнала «Исследования антияпонской войны» Института новой истории Китая Академии общественных наук КНР.

Тихвинский Сергей Леонидович — академик РАН, советник Президиума РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол, лауреат Государственной премии СССР и лауреат Государственной премии РФ.

Томита Такэси (Япония) — профессор Университета Сэйкэй.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Нейтралитет по-японски. <i>А.А. Кошкин</i>	6
Японские планы войны.....	7
Халхин-Гол — политический аспект.....	16
Дипломатический маневр Токио.....	24
День X — 29 августа 1941 года.....	30
Участь Японии решилась в Крыму.....	36
Война и геополитика	45
Примечания.....	48
Советско-японский Пакт о нейтралитете 1941 г.: от предыстории заключения до последствий денонсации. <i>С.Л. Тихвинский</i>	52
Примечания.....	71
Вторая мировая война: трагедия от пролога на Дальнем Востоке до эпилога на Дальнем Востоке. <i>В.С. Мясников</i>	75
Пролог	79
Трагедия, унесшая свыше 60 миллионов жизней	92
Эпилог	111
Примечания.....	122
Важный фронт всемирной антифашистской войны — война китайского народа против японских захватчиков. <i>Луань Цзинхэ, Сюй Чжунминь</i>	129
Введение.....	129
1. Прелюдия войны сопротивления Японии.....	130
2. Полномасштабное развертывание войны китайского народа против японских захватчиков	137
3. Ход китайско-японской войны и победа Китая после начала военных действий в Тихоокеанском регионе	147
4. Некоторые соображения	152
Примечания.....	155
Монголия: Халхин-Гол и Вторая мировая война (Взгляды современных монгольских историков). <i>В.В. Грайворонский</i>	158
Примечания.....	178

Старые союзники и новые враги: японский взгляд на поражение стран «оси» в Европе. <i>М. Парилло</i>	183
Примечания.....	193
Между «Барбароссой» и Пёрл-Харбором: советско-американское измерение. <i>В.П. Сафронов</i>	195
Примечания.....	232
Вторая мировая война и Япония. Путь к Азиатско-Тихоокеанской войне и ее завершающий этап. <i>Томиита Такэси</i>	237
Введение.....	237
I. Путь к Азиатско-Тихоокеанской войне.....	238
II. Причины поражения Японии и обстоятельства окончания войны	252
Примечания.....	264
Принуждение Японии к миру (Советско-японская война 1945 г.: происхождение, ход, уроки). <i>В.П. Зимонин</i>	269
Объективная необходимость	269
Образец военного искусства	274
Западная историография войны против Японии: «битвы» периода и после холодной войны.....	285
О вкладе стран и народов в обеспечение победы над Японией и причинах вступления СССР в войну на Дальнем Востоке	287
Принуждение дальневосточного агрессора к миру	295
Примечания.....	302
Вторая мировая война и война на Тихом океане. <i>Кимура Хидэсукэ</i>	306
I. Япония и германский фашизм	307
II. Азиатско-Тихоокеанская война	310
III. Борьба победивших империалистических стран с национально-освободительным движением колоний и социалистическими странами.....	321
IV. Борьба за мир и разоружение	323
Примечания.....	326
Японские военнослужащие в советском плену: военнопленные или интернированные? <i>В.П. Галицкий</i>	329
Примечания.....	341

Некоторые размышления по поводу японской формулы «ни победителей, ни побежденных». <i>В.Н. Павлятенко</i>	344
Примечания.....	365
Россия и проблема Курильских островов. История на службе политики. <i>Н.А. Нарочницкая</i>	368
Примечания.....	393

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Накануне войны. Документы из фондов РГАСПИ	397
Куда идет фашистский фронт	397
I. «Движение сиси» (самоопределившиеся патриоты) и «движение контролистов» — два главных течения фашистского движения	397
II. Возможности кабинета Угаки.....	398
III. Позиция флота	399
IV. «Процесс чистки армии» и изменения в гражданском фашистском лагере.....	400
V. Будет ли создан национальный фронт?	401
Опасность фашизма в Японии	402
Докладная записка по Японии	410
I. Наступление фашистской военщины и буржуазная оппозиция.....	410
Примечания.....	428

Приложение 2

Документы 1941—1945 г.	430
Коммюнике совещания (Каирская декларация) от 3 декабря 1943 г.	430
Ялтинское соглашение трех Великих держав по вопросам Дальнего Востока (Текст выработан на Ялтинской конференции в феврале 1945 г.).	431
Доклад премьер-министра принца Коноэ (Доклад императору, представленный на аудиенции 14 февраля 1945 года).....	432
Заявление правительства СССР о денонсации Пакта о нейтралитете с Японией от 5 апреля 1945 г.....	434

Содержание

Заявление глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая (Потсдамская декларация) от 26 июля 1945 г.....	434
Заявление советского правительства правительству Японии от 8 августа 1945 г.....	436
Заявление правительства Японии послу СССР в Токио от 10 августа 1945 г.....	437
Заявление японского правительства о принятии условий Потсдамской декларации от 14 августа 1945 г.....	438
Разъяснение Генерального штаба Красной Армии по поводу заявления Японии о капитуляции от 14 августа 1945 г.....	439
Переписка И.В. Сталина и Г. Трумэна	440
Лично и секретно от премьера И.В. Сталина президенту Г. Трумэну	440
Для Генералиссимуса Сталина от президента Трумэна	440
От премьера И.В. Сталина президенту г-ну Г. Трумэну.....	441
Для Генералиссимуса Сталина от президента Трумэна	442
От премьера И.В. Сталина президенту г-ну Трумэну.....	443
Общий военный и военно-морской приказ № 1 от 14.08.1945 г.....	444
Из Инструкции правительства США Верховному главнокомандующему союзных держав в Японии от 29 августа 1945 г.....	445
<i>Приложение 3</i>	
Материалы из газеты «Правда» от 3 сентября 1945 г.....	446
Обращение тов. И.В. Сталина к народу.....	447
Подписание акта о капитуляции Японии.....	449
На борту линкора «Миссури»	453
<i>Приложение 4</i>	
Карты.....	456
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	459

Актуальная история

ПАРТИТУРА ВТОРОЙ МИРОВОЙ. ГРОЗА НА ВОСТОКЕ

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Выпускающий редактор *М.К. Залеская*
Корректор *С.В. Цыганова*
Верстка *И.В. Хренов*
Дизайн обложки *Е.А. Забелина*
В оформлении переплета книги
использованы фотографии *Е.А. Халдея*
www.archives.ru

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 09.08.2010. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «Times». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 14,5. Тираж 5000 экз. Заказ О-1149.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

актуальная история

По установившимся в исторической науке представлениям Вторая мировая война началась в Европе с нападения 1 сентября 1939 года гитлеровской Германии на Польшу. Однако этому событию предшествовали масштабные военные столкновения в других частях мира, которые необоснованно рассматриваются как второстепенные. Осмыслению европейских событий 30 — 40-х годов XX века была посвящена книга «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?». Настоящее издание освещает военные действия, цели и задачи, территориальные итоги Второй мировой войны на Тихоокеанском театре. Читатель получает возможность сопоставить точки зрения на эти события и их отражение в современной политике историков разных стран, вовлеченных в мировой конфликт: России, Японии, Китая, Монголии, США.

ISBN 978-5-9533-5125-6

Вече